

Министерство науки и высшего образования РФ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

**НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО**

**Серия
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ**

№ 4 (60)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2020

ББК С
УДК 5+3
В 38

В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.**
№ 4 (60). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. – 172 с.
Информационная продукция для детей старше 16 лет

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

А.О. Грудзинский – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:

Б.И. Бедный (*зам. главного редактора*) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва);
П.Б. Болдыревский – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Х.В. Боссонг –
PhD, Prof., Dr. (Университет Дуйсбург-Эссен, Германия); М.А. Вахрушина – д.э.н., проф.
(Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации); Ю.Р. Вишневецкий –
д.филол.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина); М.Л. Горбунова – д.э.н., проф. (ННГУ
им. Н.И. Лобачевского); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПБУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab., Associate Prof.
(Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф. (ННГУ им.
Н.И. Лобачевского); А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
Р.Г. Каспина – д.э.н., проф. (Казанский федеральный университет); А.В. Кузнецов –
д.э.н., чл.-корр. РАН (Институт мировой экономики и международных отношений
РАН); Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Д.Н. Лапаев –
д.э.н., проф. (ННГУ им. Р.Е. Алексеева); С.В. Ледеява – PhD, Assistant Prof. (Университет
Аалто, Финляндия); А.С. Макаров – д.э.н., проф. (ВШЭ, г. Нижний Новгород);
Н.В. Малиновская – д.э.н., доц. (РУДН); М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ им.
Н.И. Лобачевского); И.Е. Мизиковский – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
М. Помпелла – PhD, Prof. (Университет г. Сиена, Италия); В.В. Николина – д.пед.н.,
проф. (НИРО); Г.И. Осадчая – д.соц.н., проф. (Институт социально-политических
исследований РАН); Л.М. Попов – д.психол.н., проф. (КФУ); Н.С. Пурышева – д.пед.н.,
проф. (МПГУ); З.Х. Саралиева – д.и.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Г. Стартиене –
к.э.н., проф. (Каунасский технологический университет, Литва); Ю.В. Трифонов – д.э.н.,
проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); О.В. Трофимов – д.э.н., проф. (ННГУ
им. Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н., проф. (НИУ ВШЭ, г. Москва);
С.Н. Яшин – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:
<http://www.vestnik-soc.unn.ru/>

© Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, 2020

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

VESTNIK
OF
LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY
OF NIZHNY NOVGOROD
SOCIAL SCIENCES

No. 4 (60)

Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod University Press
2020

Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Social Sciences. No. 4 (60). – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod University Press, 2020. – 172 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief

A.O. Grudzinskiy – D.Sc.(Sociology), Prof.

Editorial Board:

B.I. Bednyi (*Deputy Editor-in-Chief*) – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; P.B. Boldyrevskii – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; V.N. Bobkov – D.Sc. (Economics), Prof.; H.W. Bossong – PhD, Prof. Dr.; M.A. Vakhrushina – D.Sc. (Economics), Prof.; Yu.R. Vishnevsky – D.Sc. (Philosophy), Prof.; M.L. Gorbunova – D.Sc. (Economics), Prof.; I.V. Grebenev – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; I.A. Grigorieva – D.Sc. (Sociology), Prof.; T. Zarycki – Dr. Hab., Associate Prof.; L.N. Zakharova – D.Sc. (Psychology), Prof.; A.V. Zolotov – D.Sc. (Economics), Prof.; R.G. Kaspina – D.Sc. (Economics), Prof.; A.V. Kuznetsov – D.Sc. (Economics), Corresponding Member of the RAS; Yu.A. Kuznetsov – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; D.N. Lapaev – D.Sc. (Economics), Prof.; S.V. Ledyeva – PhD, Assistant Prof.; A.S. Makarov – D.Sc. (Economics), Prof.; N.V. Malinovskaya – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof.; M.Yu. Malkina – D.Sc. (Economics), Prof.; I.E. Mizikovskiy – D.Sc. (Economics), Prof.; M. Pompella – PhD, Prof.; V.V. Nikolina – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; G.I. Osadchaya – D.Sc. (Sociology), Prof.; N.S. Puryшева – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; Z.H. Saralievа – D.Sc. (History), Prof.; G. Startienė – Prof., Dr. of Social Sciences (Economics); Yu. V. Trifonov – D.Sc. (Economics), Prof.; O.V. Trofimov – D.Sc. (Economics), Prof.; A.Yu. Chepurenskiy – D.Sc. (Economics), Prof.; S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Electronic version of the journal can be found at:

<http://www.vestnik-soc.unn.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

<i>Корнилов Д.А., Корнилова Е.В.</i> Как меняются цели компаний: от прибыли к росту капитализации через buyback и «дешевые» займы?.....	7
<i>Коробейникова О.М., Морозова И.А., Козенко З.Н., Дугина Т.А.</i> Трансформация розничных финансовых услуг в условиях рыночных шоков.....	15
<i>Оборин М.С.</i> Роль регионов с «умной специализацией» в социально-экономическом развитии России.....	23
<i>Трофимов О.В., Фролов В.Г., Павлова А.А.</i> Интегрированная модель согласованных действий участников инновационно-инвестиционной деятельности сложных экономических систем в условиях «Индустрии 4.0».....	31

Социологические науки

<i>Шетулова Е.Д.</i> Отчуждение как проблема современной социологии.....	41
<i>Костина Н.Б., Берзин А.Б.</i> Профессиональная идентичность общности «учительство»: факторы становления и развития в мегаполисе.....	47
<i>Казаков М.А.</i> Региональное лидерство в процессах развития: к проблеме стратегической культуры во внутривластной сфере.....	54
<i>Иудин А.А., Ситникова И.В., Тюнтяев А.С.</i> Влияние ценностных ориентаций на профессиональный выбор абитуриентов (Часть 3).....	61
<i>Ермилова А.В., Кутявина Е.Е.</i> Специфика профессионального возраста и процесс профессионального старения представителей физической культуры и спорта в зеркале теории символического интеракционизма.....	71
<i>Тихомиров С.М.</i> Социальное сопровождение реабилитации лиц с наркотической зависимостью.....	78
<i>Исакова И.А., Рушева А.В., [Амбарцумян Р.М.]</i> Детство и образование в эпоху гаджетизации.....	85
<i>Липатова Т.Н.</i> Критический реализм как методологическая основа миграционных исследований (на материалах зарубежных исследований).....	93
<i>Уваров И.А.</i> Трансформация идентичности пенитенциарного сообщества в новых социально-экономических отношениях: социологический аспект.....	99
<i>Сердюков Б.В.</i> Роль учебных заведений в формировании гражданской солидарности у подростков из группы повышенного социального риска.....	104
<i>Гильдебрант Г.В.</i> Исследование доступности публичных библиотек: зарубежный опыт.....	112
<i>Нечаева А.А.</i> Становление metagogy studies как отдельной области знания: социологические основания: основные вопросы и понятия.....	121
<i>Данилова Л.С.</i> Трактовка социальной ответственности бизнеса и смежных понятий в российских научных исследованиях.....	130
<i>Воскресенская Н.Г., Рыхтик М.И., Баранова Т.В.</i> Цифровизация в восприятии студентов поколений Y и Z.....	137

Педагогические науки

<i>Зворыкин И.Ю., Каткова М.Р.</i> Мотивирующая экспериментальная задача для работы физического практикума.....	149
<i>Казарин П.В., Менсов С.Н., Услугин Н.Ф.</i> Демонстрация процесса формирования диаграммы направленности антенных решёток муаровыми структурами.....	155
<i>Пэн Л., Рулиене Л.Н.</i> Влияние пандемии-2020 на развитие образовательного процесса и образовательного менеджмента в университетах.....	161
<i>Фаддеев М.А., Лебедева О.В.</i> Основные принципы организации учебно-исследовательской работы учащихся по физике.....	168

CONTENTS

Economic sciences

<i>Kornilov D.A., Kornilova E.V.</i> How goals of companies change: from profit to capitalization growth through buyback and «cheap» loans?	7
<i>Korobeynikova O.M., Morozova I.A., Kozenko Z.N., Dugina T.A.</i> Transformation of retail financial services in the conditions of market shocks	15
<i>Oborin M.S.</i> The role of regions with «smart specialization» in the socio-economic development of Russia	23
<i>Trofimov O.V., Frolov V.G., Pavlova A.A.</i> Integrated and coordinating participants' actions' model implemented in innovative and investment aspects in complex economic systems in accordance with the Industry 4.0 concept	31

Sociological sciences

<i>Shetulova E.D.</i> Alienation as a problem of modern sociology.....	41
<i>Kostina N.B., Berzin A.B.</i> Professional identity of the teaching community: factors of formation and development in the megalopolis	47
<i>Kazakov M.A.</i> Regional leadership in the process of development: to the problem of strategic culture in the internal political sphere	54
<i>Iudin A.A., Sitnikova I.V., Tyuntyaev A.S.</i> Influence of value orientations on professional selection of applicants (part 3).....	61
<i>Ermilova A.V., Kutavina E.E.</i> The specifics of professional age and the process of professional aging of representatives of physical culture and sport in the mirror of the symbolic interventionism theory.....	71
<i>Tikhomirov S.M.</i> Social support for rehabilitation of persons with drug addiction	78
<i>Isakova I.A., Rusheva A.V., <u>Ambartsumyan R.M.</u></i> Childhood and education in the age of gadgetization.....	85
<i>Lipatova T.N.</i> Critical realism as methodological concept of immigration research (on the materials of international studies)	93
<i>Uvarov I.A.</i> Transforming the identity of the prison community in new social and economic relations: sociological aspect.....	99
<i>Serdyukov B.V.</i> Role of educational institutions in strengthening civic solidarity of high social risk teenagers.....	104
<i>Gildebrant G.V.</i> The study of access to public libraries: experience abroad.....	112
<i>Nechaeva A.A.</i> Formation of memory studies as a separate field of knowledge: key research topics and concepts	121
<i>Danilova L.S.</i> Interpretation of social responsibility of business and related concepts in Russian scientific researches	130
<i>Voskresenskaya N.G., Rykhtik M.I., Baranova T.V.</i> Digitalization in the perception of generations Y and Z students	137

Pedagogical sciences

<i>Zvorykin I.Yu., Katkova M.R.</i> A motivating experimental problem for work of the physics practicum.....	149
<i>Kazarin P.V., Mensov S.N., Uslugin N.F.</i> Demonstration of the shaping the radiation pattern of antenna arrays using moiré structures	155
<i>Peng L., Ruliene L.N.</i> Impact of the 2020 pandemic on educational process development and educational management in universities	161
<i>Faddeev M.A., Lebedeva O.V.</i> Basic principles for organizing educational and research work for school students in physics.....	168

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 336.7

КАК МЕНЯЮТСЯ ЦЕЛИ КОМПАНИЙ: ОТ ПРИБЫЛИ К РОСТУ КАПИТАЛИЗАЦИИ ЧЕРЕЗ BUYBACK И «ДЕШЕВЫЕ» ЗАЙМЫ?

© 2020 г.

Д.А. Корнилов, Е.В. Корнилова

Корнилов Дмитрий Анатольевич, д.э.н.; доц.; профессор кафедры управления инновационной деятельностью

Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева
kornilov-d@yandex.ru

Корнилова Елена Валерьевна, к.э.н.; доц.; доцент кафедры экономики предприятий и организаций Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ekornilova89@mail.ru

Статья поступила в редакцию 14.10.2020

Статья принята к публикации 06.11.2020

Мировой фондовый рынок стал основным инструментом переливания и перераспределения капиталов. Грамотная государственная и корпоративная политика определяет приток капитала в экономику и корпорации через фондовый рынок. За прошедшие 10 лет фондовый рынок США вырос примерно в 4 раза благодаря бай-бэку американских компаний и программам количественного смягчения, которые реализует ФРС. Вследствие развития цифровых технологий и онлайн-сервисов инвестиции на фондовом рынке становятся все более доступными, а низкие и отрицательные ставки по вкладам «толкают» все больше людей к портфельному инвестированию. Авторы проанализировали факторы, влияющие на фондовый рынок США, для подтверждения причин роста за счет бай-бэка и программ QE ФРС. Проведена параллель между жизненным циклом компании и сформировавшимися тенденциями фондового рынка, когда корпоративные деньги идут не на погашение долга, а на выкуп собственных акций, в том числе за счет увеличения долговой нагрузки корпораций.

Цель исследования состоит в изучении современных инструментов обеспечения роста капитализации акций и фондовых индексов посредством анализа процессов управления акционерным капиталом через активное принятие решений по выпуску новых акций и корпоративных облигаций, бай-бэку, выплате дивидендов, реинвестированию прибыли и кредитованию бизнеса с учетом жизненного цикла компании.

Методы исследования: контент-анализ процессов управления акционерным капиталом, сортировка и фильтрация данных фондовых рынков; применение методов сравнения, обобщения, анализа, синтеза и структурирования при выявлении ключевых целей компаний на различных этапах жизненного цикла.

Результаты: обозначены цели компаний с точки зрения оценки бизнеса в краткосрочном и долгосрочном периодах с учетом этапов их жизненного цикла. На основе фильтров сформирован набор акций «роста» (25 крупнейших компаний с высоким ростом объемов продаж за 5 лет) и «дивидендных» акций (27 компаний с большой капитализацией и относительно высоким EPS за 5 лет) для фондового рынка США. Проведена сравнительная оценка эффективности «дивидендного» портфеля и портфеля «роста». По результатам проведенного анализа становится очевидно, что большинство компаний США из индекса S&P 500 предпочитают направлять свободный денежный поток на выкуп собственных акций, а не на выплату дивидендов. Стратегия инвестирования в акции перспективных компаний, находящихся на стадии роста, является более агрессивной и рискованной, но при этом она может обеспечить более высокую доходность по сравнению с дивидендной стратегией.

Ключевые слова: акции «роста», «дивидендные» акции, инвестиционный портфель, дивиденды, капитализация, бай-бэк, цели компании, жизненный цикл.

Введение

В 2020 году мы наблюдаем бум открытия брокерских счетов в России. Соответственно многие частные инвесторы задаются вопросом: какую выбрать стратегию и какие акции лучше покупать? Например, ряд долгосрочных инвесторов предпочитает покупать акции с высокими

дивидендами (стратегия «дивидендной зарплаты»), другие придерживаются стратегии покупки акций «роста», а кто-то считает, что главное – диверсификация.

Рассмотрим цели компании с точки зрения оценки бизнеса в *краткосрочном* и *долгосрочном* периодах, а также процесс распределения прибыли на дивиденды и в производство.

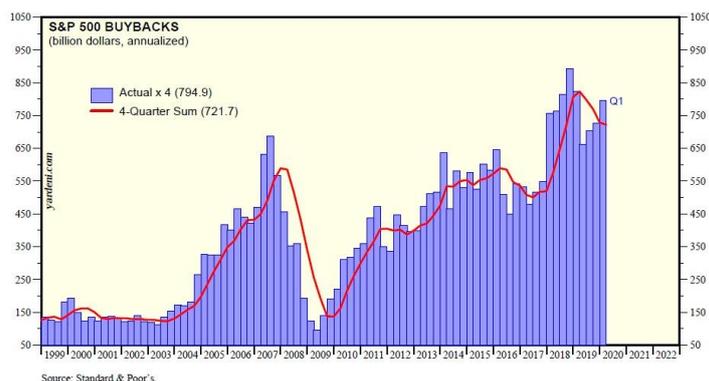

Рис. 1. Объемы программ обратного выкупа американских компаний из индекса S&P 500 [3]

Показателем, характеризующим эффективность бизнеса, традиционно считается прибыль. Основная краткосрочная цель – это получение прибыли. В соответствии со статьей 50 «Коммерческие и некоммерческие организации» Гражданского кодекса РФ, юридическими лицами могут быть организации, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности (коммерческие организации) либо не имеющие извлечение прибыли в качестве такой цели и не распределяющие полученную прибыль между участниками (некоммерческие организации) [1].

Однако согласно современным подходам к оценке бизнеса в качестве основного критерия его эффективности следует рассматривать стоимость компании. Поэтому в качестве основной долгосрочной цели мы обозначим рост стоимости компании или повышение благосостояния её собственников.

Если в отчетном периоде компания получила прибыль, то возникает вопрос: как ею распорядиться? Есть два крайних варианта: полностью реинвестировать в производство или выдать акционерам в виде дивидендов.

Если будет принят первый вариант использования прибыли, то часть акционеров (чаще всего «спекулянты» и миноритарии) будет разочарованы упущенной выгодой в краткосрочном периоде, т.к. они не получают дивиденды.

Если будет принят вариант с выплатой дивидендов, то у компании уменьшатся инвестиционные возможности для проведения исследований и разработок (research and development), расширения производства, освоения новых видов продукции и рынков.

Однако с каждым годом всё интенсивнее развивается еще один вариант использования прибыли и свободного денежного потока (Free Cash Flow) – это бай-бэк (buyback), т.е. обратный выкуп компаниями своих акций с фондового рынка.

Buyback может осуществляться как за счет собственных средств компании, так и за счет

заемных. А так как с 2009 года ставка Федеральной резервной системы США (ФРС) изменялась в диапазоне 0.25–2.5%, то многие компании используют для этих целей в том числе «дешевые» заемные средства. С 16.03.2020 г. ставка была снижена до 0.25% и на данный момент находится на уровне 0–0.25%.

Еще в сентябре 2019 года президент Дональд Трамп в Twitter написал, что Федеральная резервная система должна снизить процентные ставки до нуля или ниже, а затем следует начать рефинансировать долг.

Поэтому именно buyback американских компаний и программы количественного смягчения (англ. Quantitative Easing, QE), реализуемые ФРС, обеспечили значительный вклад в практически 4-кратный рост американского фондового рынка за прошедшие 10 лет. В частности, с начала 2009 года по конец августа 2020 года индекс S&P 500 вырос с 900 до 3390 пунктов.

Рассмотрим 10-летний период до пандемии. С I квартала 2009 по I квартал 2019 года кумулятивный денежный поток в buyback компаний из списка S&P 500 составил 4.9 трлн долл., а программы QE ФРС обеспечили приток дополнительных средств на рынки около 3 трлн долларов [2].

Однако в первой половине 2020 года экономика США практически «залилась» ликвидностью для преодоления последствий коронавируса. Подписанный пакет мер поддержки составил практически 3 триллиона долларов, что соответствует объемам программы QE ФРС за 10 лет или 30% ВВП страны за аналогичный период 2019 года. На сентябрь конгресс США обсуждает уже новый пакет поддержки экономики объемом не менее 1 триллиона долларов.

По данным РБК, объемы программ обратного выкупа американских компаний составили \$519.4 млрд в 2017-м, \$806.4 млрд в 2018-м. На 2019 год был прогноз от Goldman Sachs в размере \$940 млрд, но по факту объемы оказались ниже, чем в 2018 году. На рис. 1 представлены данные Yardeni Research, Inc. [3] о размерах

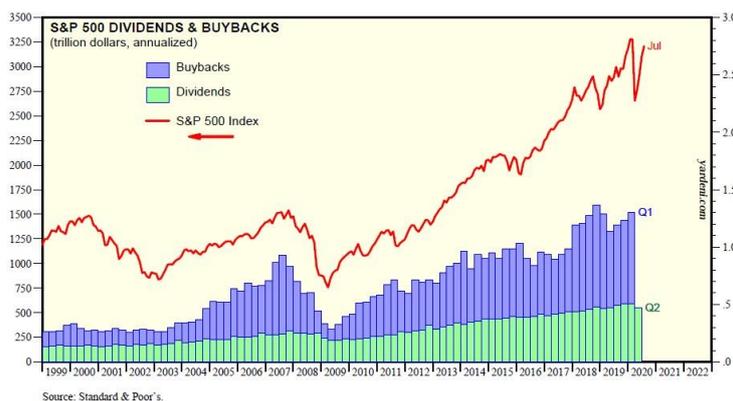

Рис. 2. Рост индекса S&P 500, buyback и выплаты дивидендов [3]

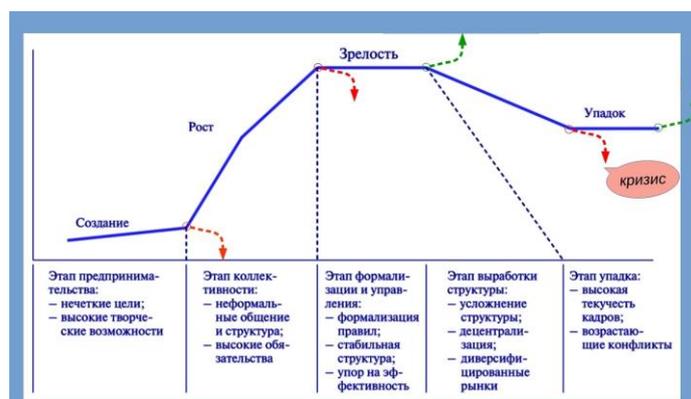

Рис. 3. Жизненный цикл (ЖЦ) компании. Составлено авторами на основе данных [5–7]

бай-бэка компаний из индекса S&P 500 с 1999 года, в том числе за прошедшие 4 квартала – \$721.7 млрд.

В итоге корпоративные деньги идут не на погашение долга, а на выкуп собственных акций, в том числе за счет увеличения долговой нагрузки корпораций.

Financial Times сообщила, что в феврале 2017 года совокупная рыночная капитализация компаний, входящих в американский фондовый индекс S&P 500, превысила \$20 трлн. Если сегодня сложить стоимость всех компаний из индекса, то их капитализация уже превысит \$30 трлн (по расчетам авторов, порядка \$31 трлн на 18.08.2020).

На рис. 2 представлены данные из исследования Yardeni Research, Inc. о росте индекса S&P 500, buyback и дивидендов [3].

Современная модель управления акционерным капиталом предполагает активное принятие решений по выпуску новых акций и бай-бэку, выплате дивидендов и реинвестированию прибыли, а также учет возможностей кредитования и выпуска корпоративных облигаций. И как мы видим, американские компании агрессивно используют все современные инструменты для обеспечения роста капитализации акций и фондовых индексов.

Соответственно, есть множество мнений и теорий о том, как buyback влияет на курс акций и размер дивидендов. Точка зрения одного из известнейших специалистов по оценке стоимости бизнеса Дамодарана (Aswath Damodaran) представлена в его блоге «Buybacks and Stock Prices: Good or badnews?».

Теоретико-методологические подходы

Перейдем к жизненному циклу (ЖЦ) компании и дивидендной стратегии [4, 5]. На рис. 3 представлена, пожалуй, самая простая и понятная модель жизненного цикла с этапами: создание, рост, зрелость, стагнация (упадок) и кризис [6, 7]. Особенности этапов частично обозначены на рисунке, также следует понимать, что это лишь общая схема и возможны скачки роста и кризис в любой момент из-за рыночной конъюнктуры, состояния отрасли и экономики в целом.

Есть и более «продвинутое» модели жизненного цикла компании. Для примера приведем две наиболее известные модели от гуру жизненных циклов Ицхака Адизеса (рис. 4) и Ларри Грейнера (рис. 5).

Оригинальность модели жизненного цикла компании И. Адизеса обусловлена введением PAEI-кода. На каждом из десяти этапов

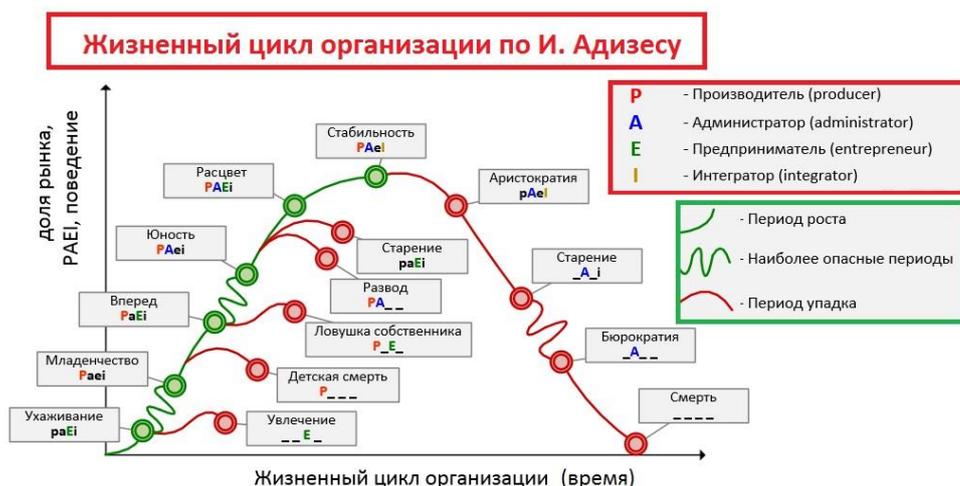

Рис. 4. Жизненный цикл компании по Ицхаку Адизесу [8]

Рис. 5. Жизненный цикл компании по Ларри Грейнеру [9]

Таблица 1

Приоритетные цели компаний для каждого из этапов ЖЦ

Этап ЖЦ компании	Приоритетная цель	Обоснование
Создание	Выживание	Нет четкой бизнес-модели, опыта, постоянных поставщиков и покупателей. Барьеры входа на рынок. В итоге порядка 50% компаний банкротятся в первые 3 года
Рост	Мах объемов производства и реализации продукции	Рост производства позволяет максимально использовать «эффект масштаба», загрузить производственные мощности и снизить себестоимость продукции, тем самым повысив конкурентоспособность и долю на рынке
Зрелость	Лидерство	Формируются ключевые факторы успеха: инновации, низкая цена, известность бренда и т.д.
Стагнация (упадок)	Min расходов	Период бурного роста и неэффективного распределения средств сменяется периодом экономии и избавления от неэффективных активов. Проводится модернизация и оптимизация бизнес-процессов
Кризис	Избежание банкротства	Минимизация рисков, конфликтов, затрат

Составлено авторами на основе данных [5–7].

жизненного цикла автор обозначает приоритетность таких функций организации или свойств управления, как production (P) – производство результатов; administration (A) – администрирование; entrepreneurship (E) – предпринимательство; integration (I) – интеграция.

Модель Л. Грейнера проще и состоит из 5 стадий, каждая из которых представляет со-

бой последовательность роста (эволюции) и системных переворотов (революция). Кризис роста обуславливает переход на следующую стадию через революцию.

Основной задачей менеджмента компании является поиск новых организационных методов и подходов, которые станут основой управления в очередном эволюционном периоде.

Таблица 2

«Дивидендные» акции (по состоянию на 20.08.2020 г.)

No.	Ticker	Company	Market Cap	EPS past 5Y	Dividend	Quick Ratio	P/E
1	VZ	Verizon Communications Inc.	252.25B	14.00%	4.17%	0.90	12.77
2	PFE	Pfizer Inc.	213.22B	14.70%	3.97%	1.20	15.57
3	T	AT&T Inc.	211.12B	8.90%	7.00%	0.80	18.15
4	KO	The Coca-Cola Company	203.18B	5.30%	3.46%	1.00	22.28
5	CSCO	Cisco Systems, Inc.	177.70B	13.50%	3.44%	1.50	15.89
6	ABBV	AbbVie Inc.	168.90B	36.80%	4.91%	0.70	21.14
7	AVGO	Broadcom Inc.	133.05B	41.00%	3.95%	2.00	58.91
8	CVS	CVS Health Corporation	84.17B	5.10%	3.06%	0.70	10.36
9	SO	The Southern Company	57.70B	15.60%	4.81%	0.70	17.45
10	KHC	The Kraft Heinz Company	43.29B	99.90%	4.52%	0.70	–
11	COP	ConocoPhillips	42.33B	6.80%	4.24%	2.50	19.46
12	GIS	General Mills, Inc.	39.19B	12.50%	3.04%	0.50	18.12
13	SRE	Sempra Energy	37.87B	5.30%	3.26%	0.80	18.52
14	EXC	Exelon Corporation	36.09B	9.90%	4.13%	1.00	13.65
15	SYU	Sysco Corporation	29.05B	15.40%	3.10%	0.90	21.94
16	PAYX	Paychex, Inc.	26.66B	10.40%	3.35%	1.20	24.37
17	HPQ	HP Inc.	26.22B	5.70%	3.86%	0.50	9.07
18	K	Kellogg Company	23.58B	9.80%	3.31%	0.60	21.68
19	VIAC	ViacomCBS Inc.	16.49B	16.70%	3.51%	1.30	6.99
20	FE	FirstEnergy Corp.	15.66B	26.80%	5.45%	0.50	28.67
21	IP	International Paper Company	13.93B	18.40%	5.66%	0.60	22.54
22	NUE	Nucor Corporation	13.60B	14.40%	3.52%	2.70	27.35
23	SJM	The J. M. Smucker Company	12.78B	15.50%	3.23%	0.70	16.30
24	RCL	Royal Caribbean Group	12.68B	21.20%	5.11%	1.00	–
25	OKE	ONEOK, Inc.	12.09B	15.10%	13.42%	1.30	18.71
26	HPE	Hewlett Packard Enterprise Company	12.03B	5.10%	5.10%	0.70	149.52
27	OMC	Omnicom Group Inc.	11.43B	7.00%	4.84%	1.00	12.52

Рис. 6. Акции «роста» или «дивидендные» акции. Составлено авторами на основе данных [5–7]

Переходы и длительность этапов зависят от темпов роста отрасли, в которой работает организация. Пятая стадия не обязательно является последней [10, 11].

Для целей нашего исследования мы воспользуемся классической моделью жизненного цикла и сформулируем приоритетные цели для каждого из этапов ЖЦ [12, 13].

Результаты и обсуждение

Становится очевидно, что компании на ранних этапах ЖЦ – это компании «роста». Их акции покупаются «авансом» с перспективой на будущее. Поэтому на начальных этапах ЖЦ

приоритет распределения прибыли происходит в сторону реинвестирования [14, 15]. А акционерам остается лишь надеяться на рост объемов производства, продаж, финансовых показателей и прибыли компании в будущем, т.к. именно эти показатели обеспечат рост курса акций. Акции таких компаний ценятся за перспективу бизнеса (акции компаний «роста», рис. 6).

На этапе «зрелости» и последующих этапах ЖЦ от компании уже ждут более высоких дивидендов, т.к. перспективы роста бизнеса замедляются, а у компании появляется возможность большую часть прибыли выплачивать своим акционерам (акции «дивидендных» компаний, рис. 6).

Таблица 3

Акции «роста» (по состоянию на 20.08.2020 г.)

No.	Ticker	Company	Market Cap	Sales past 5Y	EPS past 5Y	Quick Ratio	Dividend	P/E	ROI
1	AMZN	Amazon.com, Inc.	1639.89B	25.80%	115.10%	1.00	–	125.33	11.70%
2	FB	Facebook, Inc.	748.24B	41.50%	42.20%	6.00	–	33.50	17.40%
3	NVDA	NVIDIA Corporation	295.48B	18.50%	32.20%	9.70	0.13%	90.65	18.80%
4	PYPL	PayPal Holdings, Inc.	227.82B	17.20%	43.20%	1.40	–	88.32	10.00%
5	ADBE	Adobe Inc.	222.81B	21.90%	62.70%	1.30	–	60.87	20.60%
6	NFLX	Netflix, Inc.	213.09B	29.60%	44.20%	1.10	–	85.83	10.20%
7	CRM	salesforce.com, Inc.	186.41B	26.00%	18.80%	1.10	–	–	–0.70%
8	AVGO	Broadcom Inc.	133.05B	39.60%	41.00%	2.00	3.95%	58.91	6.80%
9	CHTR	Charter Communications, Inc.	125.17B	38.10%	43.10%	0.50	–	58.30	5.50%
10	NOW	ServiceNow, Inc.	84.36B	38.40%	35.50%	1.20	–	119.37	21.30%
11	VRTX	Vertex Pharmaceuticals Incorporated	70.31B	48.30%	28.00%	3.60	–	34.13	14.70%
12	EQIX	Equinix, Inc. (REIT)	69.69B	17.90%	26.50%	1.60	1.37%	135.19	4.50%
13	REGN	Regeneron Pharmaceuticals, Inc.	66.80B	22.80%	44.00%	1.80	–	24.38	16.10%
14	LRCX	Lam Research Corporation	54.52B	15.90%	30.50%	3.70	1.24%	24.61	24.00%
15	KHC	The Kraft Heinz Company	43.29B	18.00%	99.90%	0.70	4.52%	–	2.90%
16	DXCM	DexCom, Inc.	42.43B	41.60%	41.50%	7.20	–	198.11	7.10%
17	LHX	L3Harris Technologies, Inc.	38.83B	19.00%	6.60%	1.30	1.88%	30.45	2.70%
18	CNC	Centene Corporation	36.80B	35.10%	23.10%	1.20	–	22.22	4.90%
19	KLAC	KLA Corporation	32.49B	15.60%	28.10%	2.00	1.71%	27.36	22.50%
20	WLTW	Willis Towers Watson Public Limited Company	25.84B	18.90%	8.70%	1.00	1.34%	25.96	6.80%
21	ALXN	Alexion Pharmaceuticals, Inc.	22.06B	17.40%	26.80%	4.30	–	27.24	16.90%
22	INCY	Incyte Corporation	21.21B	33.40%	55.60%	3.70	–	–	13.70%
23	FTNT	Fortinet, Inc.	20.93B	22.90%	65.40%	1.30	–	54.44	21.60%
24	TTWO	Take-Two Interactive Software, Inc.	19.50B	23.30%	24.70%	1.70	–	44.23	14.60%
25	LDOS	Leidos Holdings, Inc.	13.12B	17.00%	24.80%	0.80	1.47%	21.74	11.20%

Составлено авторами на основе данных [20].

Не стоит ждать от компаний «роста» больших дивидендов, а от компании, прошедшей этап зрелости, больших темпов роста объемов продаж [5, 16].

Примеры компаний с высокими темпами роста курса акций и высокими дивидендами приведены в таблицах.

Фильтры для отбора компаний с высокими дивидендами (табл. 2):

- входит в индекс S&P;
- рыночная капитализация (Market Cap) более \$10 млрд;
- ежегодный рост прибыли на акцию (англ. Earnings per share, EPS) за прошедшие 5 лет (EPS past 5Y) более 5%;
- размер дивидендов за год (Dividend) более 3%;
- коэффициент срочной ликвидности (Quick Ratio), характеризующий способность компании

расплатиться по краткосрочным обязательствам за счет наиболее ликвидных активов, более 0.5.

Дополнительно к фильтрам в таблице 2 приведен мультипликатор P/E, характеризующий срок окупаемости, т.е. отношение рыночной капитализации к прибыли [17].

В таблице 2 выделены зеленым наиболее интересные для инвесторов значения показателей: EPS past 5Y, Dividend, P/E.

Фильтры для отбора акций роста (табл. 3):

- входит в индекс S&P;
- рыночная капитализация (Market Cap) более \$10 млрд;
- ежегодный рост объемов продаж за прошедшие 5 лет (Sales past 5Y) более 15%;
- объем продаж за последний квартал более 0% (показатель, связанный с COVID-19);
- ежегодный рост EPS за прошедшие 5 лет (EPS past 5Y) более 0%;
- Quick Ratio более 0.5.

Таблица 4

Два портфеля — дивидендный и роста				
Дивидендный портфель			Портфель роста	
No.	Ticker	Company	Ticker	Company
1	VZ	Verizon Communications Inc.	AMZN	Amazon.com, Inc.
2	PFE	Pfizer Inc.	FB	Facebook, Inc.
3	T	AT&T Inc.	NVDA	NVIDIA Corporation
4	KO	The Coca-Cola Company	PYPL	PayPal Holdings, Inc.
5	CSCO	Cisco Systems, Inc.	ADBE	Adobe Inc.

Составлено авторами на основе данных [20].

Таблица 5

**Изменение курсов акций в портфелях с начала года (YTD),
за 1 и 3 года (по состоянию на 4.09.2020 года)**

Дивидендный портфель					Портфель роста			
No.	Ticker	YTD	1 год	3 года	Название	YTD	1 год	3 года
1	VZ	-1.5%	2.4%	28.9%	AMZN	78.3%	79.7%	240.4%
2	PFE	-7.2%	-0.4%	7.0%	FB	37.8%	50.8%	64.3%
3	T	-24.7%	-18.8%	-19.6%	NVDA	114.6%	182.6%	204.5%
4	KO	-7.8%	-7.6%	11.1%	PYPL	49.2%	72.7%	219.9%
5	CSCO	-14.9%	-16.4%	28.1%	ADBE	77.4%	74.3%	213.3%
	Среднее	-11.2%	-8.2%	11.1%	Среднее	71.4%	92.0%	188.5%

Составлено авторами на основе данных [20].

Дополнительно [18] к фильтрам в таблице 3 приведены: размер дивиденда по акциям (Dividend), мультипликатор P/E и рентабельность инвестиций (ROI).

В таблице 3 выделены зеленым наиболее интересные для инвесторов значения показателей: Sale spast 5Y, EPS past 5Y, Dividend, P/E и ROI.

Заключение

Как же инвестору выбрать стратегию по формированию своего портфеля? Для снижения рисков и волатильности инвестиционного портфеля следует применять стратегию диверсификации не только по видам активов (акции, облигации, ETF, фьючерсы, сырьевые товары, драгоценные металлы и т.д.), по валютам, отраслям, странам, но и по видам акций [19].

В зависимости от целей и сроков инвестирования инвестору следует определиться со структурой формирования портфеля: портфель роста или дивидендный портфель, степень диверсификации и частота ребалансировки портфеля.

Приведем для сравнения два портфеля – дивидендный и роста (табл. 4). В первый включим пять крупнейших компаний из табл. 2, а во второй – пять крупнейших компаний из табл. 3.

Из таблицы 5 видно, что при условии вложения равных денежных сумм в каждую из акций средняя доходность дивидендного портфеля за 3 года составит всего 11.1%, а портфеля роста – 188.5%. К доходности первого портфеля следует добавить дивидендную доходность, которая в среднем составляет порядка 4.42% в год или 13.85% за три года с учетом сложного процента. За этот же трехлетний период индекс

S&P в целом вырос на 28.2%, или на 965 пунктов – с 2460 до 3425.

В итоге если бы вы вложили по \$2000 в каждую акцию (табл. 4), то за три года «дивидендный» портфель из \$10000 принес бы в долларах без учета налогов порядка 24.95%, или \$2495 (\$1110 – рост курса акций и \$1385 – дивиденды), а портфель роста обеспечил бы 188.5%, или \$18850 дополнительного дохода. Если бы \$10000 были вложены в американский индекс S&P 500 через покупку ETF, то без учета комиссий и налогов доход составил бы 28.2%, или \$2820.

На первый взгляд становится очевидно, что следует инвестировать в растущие компании. Но по факту стратегия инвестирования в растущие компании более рискованная, так как многие из них могут не оправдать ожидания. В итоге инвестор не только не получит дивидендов, но может и не увидеть роста курса акций этих компаний.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части 1, 2, 3 и 4. М.: Эксмо, 2019. 68 с.
2. Цегоев В. Вирусный обвал: экономика США сократилась почти на треть в II квартале 2020 года // Сайт RT. URL: <https://russian.rt.com/business/article/769187-ekonomika-ssha-padenie-rekord> (дата обращения: 05.09.2020).
3. Corporate Finance Briefing: S&P 500 Buybacks & Dividends, September 4, 2020 // Сайт Yardeni Research, Inc. URL: <https://www.yardeni.com/pub/buybackdiv.pdf> (дата обращения: 05.09.2020).
4. Ованесова Ю.С. Финансовые показатели определения стадий жизненного цикла организаций: исторический аспект // Аудит и финансовый анализ. 2013. № 5. С. 387–391.

5. Любушин Н.П., Бабичева Н.Э. Концепция жизненного цикла: от качественного описания – к количественной оценке // *Экономический анализ: теория и практика*. 2010. № 23 (188). С. 2–9.
6. Незнахина Е.Л., Ратафьев С.В., Юрлов Ф.Ф. Управление развитием предприятия на основе модели жизненных циклов: Монография. Н. Новгород: НГТУ, 2009. 142 с.
7. Горшкова Л.А., Поплавская В.А. Методика развития системы управления организацией на разных стадиях ее жизненного цикла // *Экономический анализ: теория и практика*. 2010. № 34. С. 2–7.
8. Adizes I. *Corporate lifecycles: How and why corporations grow and die and what to do about it*. Englewood Cliffs, N.J., Prentice Hall, 1988.
9. Greiner L.E. Evolution and revolution as organizations grow // In: *Readings in Strategic Management* / Ed. by David Asch, Cliff Bowman. Macmillan Education UK, 1989. P. 373–387.
10. Miller D., Friesen P.H. A longitudinal study of the corporate life cycle // *Management Science*. 1984. Vol. 30. Iss. 10. P. 1161–1183.
11. Anthony J., Ramesh K. Association between accounting performance measures and stock prices. A test of the life cycle hypothesis // *Journal of Accounting and Economics*. 1992. Vol. 15. № 2–3. P. 203–227.
12. Чулков В.О., Газарян Р.К. Взаимодействие моделей жизненного цикла промышленного предприятия и его реорганизации с базовой моделью цикла реорганизации // *Мир науки*. 2013. № 2. С. 13.
13. Корнилов Д.А., Юрлов Ф.Ф. Адаптационное стратегическое планирование и прогнозирование: Монография. Нижний Новгород, 2007. 189 с.
14. Валишевская Л.Г., Мусатова А.И. Принятие финансовых решений в зависимости от жизненного цикла предприятия // *Вестник Сибирского государственного индустриального университета*. 2014. № 1 (7). С. 49–52.
15. Бобков А.Л. Экономико-технологическое моделирование жизненного цикла организации // *Международная торговля и торговая политика*. 2014. № 2 (82). С. 85–93.
16. Dickinson V. Cash flow patterns as a proxy for firm life cycle // *The Accounting Review*. 2011. Vol. 86. № 6. P. 1969–1994.
17. Bruwer W.S., Hamman W. How can cash-flow patterns assist analysts in investigating a company's financial health? // *Corporate Culture*. 2008. February. P. 21–24.
18. Ивашковская И.В., Янгель Д.О. Жизненный цикл организации – агрегированный показатель роста // *Корпоративные финансы*. 2007. № 4. Т. 1. С. 97–110.
19. Корнилов Д.А., Яшин С.Н. Использование методов и подходов к оценке стоимости объектов обмена и определение на их основе эффективности принимаемых стратегий при реструктуризации компаний // *Финансы и кредит*. 2004. № 27 (165). С. 14–21.
20. Finviz Screener // Сайт Finviz.com. URL: <https://finviz.com/screener.ashx> (дата обращения: 05.09.2020).

HOW GOALS OF COMPANIES CHANGE: FROM PROFIT TO CAPITALIZATION GROWTH THROUGH BUYBACK AND «CHEAP» LOANS?

D.A. Kornilov,¹ E.V. Kornilova²

¹Nizhny Novgorod State Technical University
²Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The global stock market has become the main instrument for the transfer and redistribution of capital. Competent state and corporate policy determines the inflow of capital into the economy and corporations through the stock market. Over the past 10 years, the US stock market has grown about 4 times thanks to the buyback of American companies and the quantitative easing programs implemented by the Fed. As a result of the development of digital technologies and online services, investments in the stock market are becoming more and more affordable, and low and negative deposit rates «push» more and more people to portfolio investment.

The purpose of the study is to study modern tools for ensuring the growth of capitalization of stocks and stock indices by analyzing the processes of managing equity capital through active decision-making on the issue of new shares and corporate bonds, buy-back, payment of dividends, reinvestment of profits and business lending, taking into account the company's life cycle. The authors analyzed the factors affecting the US stock market to confirm the reasons for its growth due to the buyback and the Fed's QE programs. A parallel is drawn between the life cycle of a company and the emerging trends in the stock market, when corporate money is used not to pay off debt, but to buy back its own shares, including by increasing the debt burden of corporations.

Research methods: content analysis of equity capital management processes, sorting and filtering stock market data. Application of methods of comparison, generalization, analysis, synthesis and structuring in identifying the key goals of companies at various stages of the life cycle.

Results: the goals of the companies in terms of business assessment in the short and long term, taking into account the stages of their life cycle, are indicated. A set of «growth» stocks (25 largest companies with high sales growth over 5 years) and «dividend» stocks (27 companies with large capitalization and relatively high EPS over 5 years) for the US stock market was formed on the basis of filters. A comparative assessment of the effectiveness of the «dividend» portfolio and the «Growth» portfolio was carried out. Based on the results of the analysis, it becomes obvious that most US companies from the S&P 500 index prefer to direct free cash flow to buy back their own shares, rather than to pay dividends. The strategy of investing in stocks of promising companies in the growth stage is more aggressive and risky, but at the same time it can provide a higher yield compared to a dividend strategy.

Keywords: «growth» shares, «dividend» shares, investment portfolio, dividends, capitalization, buy-back, company goals, life cycle.

УДК 336.741.225 (470)

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЗНИЧНЫХ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНЫХ ШОКОВ

© 2020 г. *О.М. Коробейникова, И.А. Морозова, З.Н. Козенко, Т.А. Дугина*

Коробейникова Ольга Михайловна, к.э.н.; доц.; доцент кафедры экономики и предпринимательства
Волгоградского государственного технического университета
korobeinikov77@yandex.ru

Морозова Ирина Анатольевна, д.э.н.; проф.; заведующий кафедры экономики и предпринимательства
Волгоградского государственного технического университета
morozovaira@list.ru

Козенко Зинаида Николаевна, д.э.н.; проф.; профессор кафедры экономической безопасности
Волгоградского государственного аграрного университета
kozenko_zn@mail.ru

Дугина Татьяна Александровна, к.э.н.; доц.; заведующий кафедры экономической безопасности
Волгоградского государственного аграрного университета
deisi79@mail.ru

Статья поступила в редакцию 21.10.2020

Статья принята к публикации 06.11.2020

Цель статьи – выявление и обоснование тенденций и закономерностей трансформации розничных финансовых услуг на российском рынке в условиях рыночных шоков. В задачи исследования входят выявление динамики и оценка тенденций трансформаций на рынке розничных финансовых услуг; установление причин и закономерностей трансформации розничных финансовых услуг в условиях рыночных шоков. В исследовании использованы теоретические методы обобщения, сравнения данных, формализации, а также эмпирические методы наблюдения и описания предметной области. Выявлено, что участникам финансового рынка присущи активная трансформация бизнес-процессов, развитие омниканальности и мобильных финансовых приложений, интегрированных в сегменты нефинансовых услуг на основе открытых интерфейсов, создание и вывод на рынок новых эффективных технологий блокчейна, искусственного интеллекта, биометрической идентификации, машинного обучения. Для удержания рыночных позиций традиционные финансовые посредники начали конкурировать за клиента как внутри своих финансовых сегментов, так и за их пределами с помощью цифровых технологий. В результате происходит трансформация рынка розничных финансовых услуг, что подтверждается результатами анализа институциональной обеспеченности платежными услугами, показателями операций, совершаемых в розничном сегменте финансового рынка РФ. Выявлены закономерности, формирующиеся в устойчивые тренды, влияние которых усилилось под воздействием рыночных шоков (прежде всего пандемических): нарастание темпов цифровизации на всех уровнях финансового рынка; структурные трансформации рынка с усилением значения финтех-компаний и крупных финансовых платформ; размывание граней между банковскими продуктами и финтех-сервисами при остром обострении конкуренции; возникновение внутренних платежных сервисов ретейлеров на базе локальных платформ розничных структур; растущий спрос на электронную коммерцию, онлайн-операции и бесконтактную оплату услуг; рост финансовой доступности традиционных и инновационных розничных финансовых услуг; формирование экосистемного подхода и др. Сделан вывод, что происходящие изменения оказывают позитивное влияние на трансформацию рыночного предложения розничных финансовых услуг.

Ключевые слова: финансовый рынок, розничные финансовые услуги, платежные услуги, платежные системы, финансовые инновации, цифровая экономика.

Введение

Трансформация сектора розничных финансовых услуг происходит на быстро меняющемся и слабо предсказуемом даже в ближайшей перспективе фоне эпидемических, технологических, социокультурных и иных вызовов. Вызовы и спровоцированные ими шоки внесли заметные изменения не только в экосистемный ландшафт, структуру рынка финансовых услуг, продуктовые предложения, но и в динамику

происходящих трансформаций, существенно ускорив ее. Характерным свойством финансового сектора является способность к интенсивной диффузии инноваций во внутреннюю среду, вызывающих трансформации продуктовых предложений, технологий внешних коммуникаций и внутреннего обобщения, обработки, передачи и хранения данных, организационной структуры и проч. В результате финансовые организации становятся способными к передаче и акселерации финансовых инноваций во внеш-

нюю среду – к розничным потребителям финансовых услуг, формируя у последних особую, инновационно ориентированную, цифровую потребительскую культуру.

По данным участников форума «Банковское самообслуживание, ретейл и НДО 2020 ЧС», в период пандемических и спровоцированных ими экономических шоков произошел взрывной рост количества и объема финансовых операций, совершаемых дистанционно, а одной из главных тенденций 2020 года, драйвером которой стала пандемия, явилось нарастание темпов цифровизации в финансовом и других посреднических секторах [1]. Цифровизация проявляется на всех уровнях – начиная с организации бизнеса на финансовом рынке и у его участников и заканчивая разработкой новых цифровых продуктов, которые отвечали бы меняющимся запросам потребителей. Прогрессивные изменения стали возможны во многом благодаря сложившимся в последние годы предпосылкам: в России отмечается достаточно высокий уровень финансовой доступности – по данным Банка России, банковские карты есть у 81.7% взрослых россиян, произведено оздоровление институциональной финансовой инфраструктуры, создана системы быстрых платежей, за последние пять лет доля безналичных платежей в розничном платежном обороте увеличилась более чем в 2.5 раза и за первое полугодие 2020 г. достигла 69% [2]. Но если в допандемический период многие розничные потребители (так называемые *underbanked*) не пользовались доступными цифровыми сервисами (например, получали зарплату на карту, но снимали все деньги, чтобы расплачиваться наличными, или открывали вклад в банке лично, хотя могли сделать это в приложении, и т.п.), то при ограничении физической доступности и перемещений доля тех, кто начал широко использовать доступные онлайн-сервисы, существенно выросла. Так, по данным исследования российского рынка безналичных платежей во втором квартале 2020 года, проведенного компанией QIWI, платежный оборот по виртуальным картам вырос на 44% в сравнении с докризисными показателями первого квартала 2020 года, а средняя сумма транзакции по виртуальным картам – на 12% (до 10500 руб.). Если во втором квартале 2019 г. пользователи в среднем совершали 11 операций с использованием цифровой карты, то в 2020 году за аналогичный период – уже 19 операций [3].

Нам представляется, что подобные результаты вполне закономерны, примеры аналогичной динамики показывали и другие рынки. Например, в Китае в 2003 году эпидемия SARS стала главным катализатором развития цифровых

платежей и электронной коммерции через системы мобильных платежей (WeChat Pay и др.), в то время как у большинства граждан не было доступа даже к банковскому счету. Поэтому вполне справедливо Джозеф Стиглиц называет коронавирус «налогом на деятельность людей, связанную с тесным человеческим контактом» [4]; причем несоразмерность «налога» сделала любой офлайн-сервис невыгодным или невозможным и вынудила государство и финансовый рынок инвестировать в цифровизацию («...пандемия будет по-прежнему стимулировать значительные изменения в структуре потребления и производства, что, в свою очередь, приведет к более широкому структурным преобразованиям...» [4]).

Приведенные данные указывают на то, что финансовый сектор стал одним из тех, кто пострадал в меньшей степени и даже получил шанс реализовать возможности роста благодаря имманентно присущей способности трансформироваться, генерировать инновационные технологии и ускоренно продвигать их в клиентской среде.

Цель исследования – выявление и обоснование тенденций и закономерностей трансформации розничных финансовых услуг на российском рынке в условиях рыночных шоков.

Задачи исследования: 1) выявить динамику и провести оценку тенденций трансформаций на рынке розничных финансовых услуг на примере розничных платежных операций; 2) установить причины и закономерности трансформации розничных финансовых услуг на российском рынке в условиях рыночных шоков.

Анализ существующей теоретико-методологической базы данной проблематики, проведенный авторами статьи, показал, что вопросы теории и методологии финансовых рынков, финансовых сервисов рассматривались в работах российских и зарубежных ученых и практиков (Ю.И. Коробов [5], О.Г. Семенюта, А.Л. Амичба [6], Д.А. Степанов [7], Ж.Е. Stiglitz [8] и др.). Инновации и инновационные технологии в финансовом секторе исследовались О.Е. Акимовой, С.К. Волковым [9], О. Панкратовой [10], А.В. Бабкиным с соавт. [11] и др. Концептуальным вопросам трансформации розничных потребительских рынков и социальной значимости сферы розничных финансовых услуг посвящены труды В. Подвальской [12], С. Кройтор [13], А.Л. Сулеймановой, О.Г. Блажевич [14] и др. Анализ трудов современных ученых показал, что финансовым инновациям на розничном рынке посвящены преимущественно зарубежные исследования (А. Gawer, М. Cusumano [15], М. Idris [16], S. Muegge [17], Piotr Masiukiewicz, Paweł Dec [18]).

Обоснование актуальности темы. Фактически сложилась ситуация, при которой теория функционирования финансовых рынков отстает от практики организации финансовых коммуникаций, создания и продвижения финансовых сервисов, развития форм и методов симбиоза финансового, торгового и промышленного капитала, методов самоорганизации и саморегулирования и проч. Если традиционно на рынке розничных финансовых услуг как монополист позиционировался банковский сектор, то в последние годы мы наблюдаем структурную трансформацию предложения услуг: на рынке появляются новые ниши с новыми (нео) участниками. В данный период трансформации становятся еще более заметными, поскольку внешние непрогнозируемые шоки изменяют рыночный ландшафт и ломают привычные стереотипы в характере потребительского поведения, потребительских предпочтениях, на рынке трудовых ресурсов и др.

Теоретико-методологические подходы

В ходе проведенного исследования авторами использованы теоретические методы обобщения и сравнения данных, формализации (структурированного описания) характеристик объекта исследования, а также эмпирические методы наблюдения и описания предметной области. Исследование трансформационных явлений на рынке розничных финансовых услуг базируется на следующих общеметодологических научных принципах, обеспечивающих его комплексность и системность.

Применяемый в исследовании принцип единства теории и практики предполагает исследование современного состояния розничных финансовых услуг, дополняющих традиционные теоретические воззрения, с учетом ситуационных особенностей развития российского и глобального финансового рынка. Принцип конкретно-исторического подхода исследования розничного финансового рынка реализован не только с учетом традиционных факторов социально-экономического развития России, но и в контексте новых угроз, обусловленных пандемическими и другими слабоуправляемыми рыночными шоками, а также возможностей, открываемых технологическими достижениями в области цифровой инноватизации. Принцип объективности обеспечен привлечением широкого круга информационно-эмпирических источников, собранными и обобщенными авторами данными, статистическими и аналитическими материалами Банка России, результатами экспертных исследований, разработками рос-

сийских и зарубежных ученых, изложенными в фундаментальных научных трудах и публикациях в периодических изданиях. Принцип комплексности в исследовании проявился во всестороннем, взаимосвязанном и взаимообусловленном изучении механизмов трансформации на российском рынке розничных финансовых услуг. Использование принципа системности позволило выявить тенденции и закономерности происходящих трансформаций под влиянием рыночных шоков на розничном рынке финансовых услуг, рассматриваемом в исследовании в качестве сложной, многоуровневой экономической системы открытого типа.

Результаты

Современным участникам финансового рынка и в России, и в развитых странах присущи активная трансформация бизнес-процессов, развитие омниканальности и мобильных финансовых приложений, интегрированных в сегменты нефинансовых услуг (например, ретейла) на основе открытых интерфейсов (API), создание и вывод на рынок новых эффективных технологий блокчейна [19, 20], искусственного интеллекта, биометрической идентификации, машинного обучения. Как самостоятельно, так и с привлечением финтех-компаний традиционные финансовые посредники начали конкурировать за клиента как внутри своих финансовых сегментов, так и за их пределами с помощью бесшовных технологий привлечения и обслуживания, межсегментной интеграции [21]. Кризис, спровоцированный пандемическими шоками, а также «просадка» деловой активности в экономике во втором и последующих кварталах 2020 года значительно ускорили этот процесс.

Обозначенные тенденции подтверждаются данными Банка России о динамике институциональной обеспеченности платежными услугами и объемах операций в розничном сегменте (для иллюстрации взяты показатели банковской системы как традиционного и массового финансового посредника; платежные операции опосредуют экономические отношения для розничных потребителей финансовых услуг, в связи с чем могут являться общим (интегральным) индикатором деловой активности). На рисунках 1 и 2 показано, что происходит не только оптимизация числа субъектов банковской системы за счет сокращения количества кредитных организаций и учреждений по стране, но и снижение количества банков в расчете на 1 млн жителей. За 2010 год – 3-й квартал 2020 года наблюдается общее сокращение учреждений банковской системы на 13689 ед., или 31.91%, и снижение

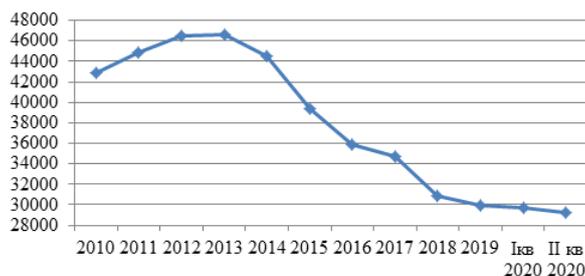

Рис. 1. Динамика институциональной обеспеченности платежными услугами в России (общее количество учреждений банковской системы)

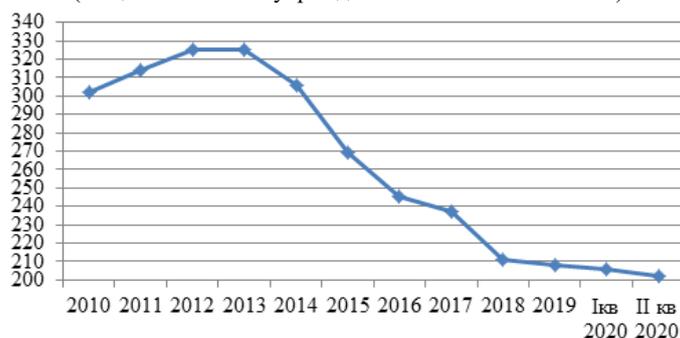

Рис. 2. Динамика институциональной обеспеченности платежными услугами населения России (количество учреждений банковской системы в расчете на 1 млн человек)

обеспеченности на 100 банков, приходящихся на 1 млн жителей страны, или 33.11%.

Физическое присутствие традиционных финансовых посредников в регионах России замещается расширением омниканальности обслуживания за счет онлайн-обслуживания. Успешные примеры онлайн-обслуживания показывают как банки-корпорации («Сбер», ВТБ и др.), создающие собственные цифровые экосистемы и открытые платформы, так и так называемые небанки (цифровые банки) – «Тинькофф», «Точка банк», «МТС банк» и др., изначально ориентированные на минимальное или нулевое физическое присутствие. Например, за период изоляции в 2-м квартале 2020 года доля дистанционных расчетных операций розничных клиентов в приложении «ВТБ-онлайн» приблизилась к 100%, более 99% операций по брокерскому бизнесу совершается также в онлайн-каналах, а стратегической задачей для банка является перевод 100% продуктов для физических лиц в онлайн-каналы к 2022 году [22].

Понижительная динамика показателей на рисунках 1 и 2 объясняется тем, что Банк России, реформируя рынок, параллельно следит за поддержанием конкурентной среды – именно этим обусловлены реализованные регуляторные инициативы по open banking, например, Вторая Европейская директива PSD2. Кроме того, традиционные офлайновые банки столкнулись с рисками потери клиентов в пользу экспансии потребительских экосистем. Среди новых игроков – крупные розничные компании, которые выстраивают масштабные экосистемы потреб-

ления (например, в сфере продаж и кредитования бытовой техники, электроники и др.), тогда как традиционные банки оказались в значительной степени вытеснены от владения клиентом, оставив за собой лишь роль производителя кредитного продукта.

Суммарные объемы и количество операций в розничном сегменте имеют схожую динамику с институциональной обеспеченностью розничного рынка платежными услугами и подтверждают вывод о замещении традиционных услуг банковских посредников иными формами (табл. 1).

Поручения на перевод денежных средств без открытия банковского счета относятся к традиционным кредитным переводам, совершаемым банками для плательщиков – физических лиц при физическом (как правило) обращении в офисы банков. По данной группе с 2010 г. происходит последовательное сокращение как количества переводов (более чем в два раза за 2019 г. по отношению к 2010 г.), так и их суммарного объема (на 18.84% за 2019 г. по отношению к 2010 г.). В указанной динамике четко прослеживается воздействие пандемических шоков на платежную активность в данном инструментальном сегменте: если во II квартале 2019 года совершалось 158.9 млн ед. переводов на сумму 611.7 млрд руб., то во II квартале 2020 г. – лишь 106.2 млн ед. на сумму 362.4 млрд руб. (снижение на 33.17% и 40.76% соответственно).

Операции по снятию наличных с использованием платежных карт российских кредитных организаций – индикатор пользовательской зрелости – демонстрируют понижающиеся темпы роста при сохранении значительных сум-

Таблица 1

Показатели платежных операций, совершаемых в розничном сегменте финансового рынка РФ

Период	Поручения на перевод денежных средств без открытия банковского счета плательщика – физического лица		Операции по снятию наличных с использованием платежных карт российских кредитных организаций		Безналичные операции, совершенные с использованием платежных карт российских кредитных организаций	
	количество, млн ед.	объем, млрд руб.	количество, млн ед.	объем, млрд руб.	количество, млн ед.	объем, млрд руб.
2010 г.	1336.5	3174.6	2068.3	10958.8	1039.0	1674.7
2011 г.	1279.5	3674.0	2448.6	14029.8	1677.5	3177.6
2012 г.	1235.9	4093.0	2845.8	18033.8	2930.7	5048.2
2013 г.	1301.1	4268.1	3132.5	21241.0	4355.1	7380.8
2014 г.	1257.9	4352.8	3275.4	23826.1	6487.6	11173.4
2015 г.	1141.8	4100.0	3298.7	24917.2	9525.2	15596.9
2016 г.	1034.8	3613.4	3443.5	27167.3	14040.9	22961.5
2017 г.	900.7	3371.8	3309.9	27044.6	20141.7	34940.3
2018 г.	773.6	3043.6	3176.4	27859.2	28556.8	48387.8
2019 г.:	652.7	2576.6	3067.0	28574.5	38610.7	62357.8
I квартал	160.6	613.9	707.8	6168.1	8067.1	12777.9
II квартал	158.9	611.7	797.5	7119.7	9478.9	14857.1
III квартал	160.7	704.9	776.9	7466.3	10099.7	16250.5
IV квартал	172.4	646.2	784.8	7820.5	10965.0	18472.3
2020 г.:						
I квартал	134.3	525.8	680.6	6737.3	10869.9	16834.7
II квартал	106.2	362.4	555.4	6177.1	10385.5	16545.2

марных объемов, что указывает, с одной стороны, на стабильность предпочтений наличной ликвидности [23], с другой стороны, на недоиспользование потенциала безналичных финансовых операций в силу разных причин [24]. Показательным на этом фоне является ускоряющееся снижение наличных изъятий в первой половине 2020 года (по сравнению с сопоставимыми данными 2019 г. снижение в первом квартале 2020 г. составило 27.2 млн ед. (3.84%), или 569.2 млрд руб. (9.23%), во втором квартале 2020 г. – уже 242.1 млн ед. (30.36%), или 942.6 млрд руб. (13.24%)), что является отражением пандемических шоков и сокращения доходов держателей платежных карт.

За счет безналичных операций, совершенных с использованием платежных карт российских кредитных организаций, происходит рыночная реструктуризация спроса на способы платежа и платежных предпочтений потребителей. В отличие от предыдущих показателей мы наблюдаем ежегодные приросты использования платежных карт (контактных, бесконтактных, виртуальных и проч.): с 2010 года произошел 37-кратный рост количества и объема карточных операций.

Наиболее явный относительный рост операций в розничном сегменте демонстрирует система быстрых платежей (СБП) Банка России. Функционируя с начала 2019 г. на основе международного стандарта обмена электронными сообщениями между финансовыми организациями (ISO 20022), она обеспечивает мгновенные

переводы денежных средств на счета розничных клиентов разных банков по упрощенному идентификатору – номеру телефона, а также выход в виртуальное пространство в онлайн- и офлайн-режимах. Инновационность системы быстрых платежей состоит в универсальности инструментов и счетов для проведения транзакций независимо от вида платежной системы. Система быстрых платежей является универсальным платформенным инфраструктурным решением, в силу чего ее можно назвать драйвером не только платежного, но и всего финансового рынка, что подтверждается достигнутыми количественными показателями (табл. 2).

По данным за первые полтора года функционирования СБП показала высокие темпы роста операций, нарастив количество платежей по итогам второго квартала 2020 г. до величин 8.3 млн ед. и 71.5 млрд руб. Показательно, что в кризисном втором квартале темпы прироста увеличились до 62.75% по количеству операций и 79.65% по объемам операций (для сравнения: в первом квартале 2020 г. по сравнению с четвертым кварталом 2019 г. темпы прироста составляли 34.21% и 18.45% соответственно). Достигнутая динамика обусловлена в том числе влиянием внешних изоляционных шоков.

Помимо Банка России и Ассоциации финтех, технологию быстрых платежей используют глобальные платежные системы (такие как Mastercard), крупные и средние банки. В СБП по состоянию на начало 3-го квартала 2020 года состояло 183 банка, около 9 млн частных

Таблица 2

Показатели переводов денежных средств через сервис системы быстрых платежей (СБП)

Показатели	2019 г.				2020 г.	
	I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал	I квартал	II квартал
Количество, млн ед.	0.1	0.9	1.9	3.8	5.1	8.3
Объем, млрд руб.	0.4	8.3	17.2	33.6	39.8	71.5

пользователей, около 41 тыс. торговых сервисных предприятий и индивидуальных предпринимателей, а в перспективе на ее основе планируется создание децентрализованной системы платежей, охватывающей весь финансовый рынок.

Трансформацию розничных финансовых услуг мы связываем также с промышленным запуском Банком России платформы-маркетплейса для удаленного получения финансовых услуг и сравнения их стоимости (планируется до конца 2020 г.), которая позволит для финансовых организаций расширить круг новых клиентов и повысить конкуренцию на финансовом рынке. Для потребителей услуг появится возможность оформлять финансовые продукты онлайн через витрины – агрегаторы уже существующих порталов (например, «Банки.ру», «Сравни.ру» и подобные), минуя сайт первичного производителя данных услуг и устраняя территориальное неравенство в доступности финансовых услуг. Взаимодействие между клиентом и продавцом финансовых услуг обеспечивают специальные платформы [25]. Так, в реестр операторов финансовых платформ включены Мосбиржа и «ВТБ Регистратор», на базе которых предлагаются вклады и облигации; планируется продажа паев ПИФ через спецдепозитарий «Инфинитум» и т.д. Для потребителя сервис маркетплейса будет бесплатным, расходы на IT-инфраструктуру и дистанционную идентификацию клиентов возлагаются на финансовые организации, что, однако, может отразиться на стоимости продуктов.

Таким образом, выявление динамики и тенденций трансформаций на рынке розничных финансовых (платежных) услуг и установление причин трансформации розничных финансовых услуг на российском рынке позволяет выявить ряд нижеперечисленных закономерностей, формирующихся в устойчивые тренды, влияние которых усилилось под воздействием рыночных шоков (прежде всего пандемических).

1. Цифровизация и нарастание ее темпов, проявляющаяся на всех уровнях финансового рынка – начиная с организации бизнеса и заканчивая разработкой инновационных продуктов, отвечающих комплексным запросам потребителей финансовых услуг (трансформация предложения происходит периодически, можно ее представить в последовательности: физиче-

ские отделения → контактные центры → мобильные приложения → интернет-банки → голосовые помощники → ...).

2. Структурные трансформации рынка, проявляющиеся в выходе на рынок и усилении конкурентных позиций финтех-компаний. Финтех-компании являются легкоадаптивными к новым условиям, потому что они работают по модели digital-first и не имеют багажа legacy (старых технологий), который накопили традиционные банковские посредники. Но у банков и крупных финансовых платформ есть другое преимущество – диверсификация, они предлагают большой набор комплексных услуг. Небольшие традиционные банки, которые предлагают нишевые услуги, являются менее сбалансированными и более уязвимыми.

3. Размывание граней между банковскими продуктами и финтех-сервисами при остром обострении конкуренции. Банки трансформируются в IT-компании и создают свои технологические платформы, неолбанки превратились в полноценных игроков рынка, которых стали воспринимать как реальных конкурентоспособных участников.

4. Возникновение внутренних платежных сервисов крупнейших ретейлеров на базе локальных платформ конкретных розничных структур.

5. Растущий спрос на электронную коммерцию, онлайн-операции и бесконтактную оплату услуг с соответствующим сокращением офлайн-операций среди розничных пользователей, многие из которых в условиях изоляции впервые стали совершать покупки в Интернете, оплачивать услуги онлайн и удаленно получать услуги банков.

6. Рост финансовой доступности не только традиционных розничных финансовых услуг, но и новых сервисов и услуг в розничном сегменте, где катализатором стали пространственные ограничения изоляции. Имея потенциал достаточно высокой финансовой грамотности, розничные потребители вынужденно практиковали отказ от наличности и использовали цифровые услуги (мобильный банкинг, СБП, онлайн-услуги и проч.).

7. Растущая популярность онлайн-платежей закономерно провоцирует бум вспомогательных услуг. Банки и финтех-компании стали акцентировать внимание на развитие продуктов в области комплаенса, цифровой идентификации,

информационной безопасности, антифрода и риск-менеджмента; все большую популярность стали набирать системы KYC в широком смысле, особенно продукты для удаленной проверки контрагентов.

8. Нарастание скорости проникновения розничных инноваций в потребительский сегмент: быстрые (мгновенные) платежи, включая QR-технологии, open banking и др.

9. Создание финансовых экосистем на основе цифровых инноваций и традиционных моделей банковского бизнеса крупных участников финансового рынка.

10. Беспшовность (так называемая в среде практиков) процесса оплаты для потребителя и ретейлера, гиперлокализация и гиперкастомизация платежей, что актуализируется под требования определенного странового или регионального рынка и местной аудитории.

Наряду с общерыночными закономерностями и трендами можно выявить тенденции, характеризующие ключевые изменения в тактике субъектов банковского сектора:

– формирование устойчивой продуктовой стратегии с фокусировкой на цифровое расчетное обслуживание и снижение зависимости от кредитных продуктов;

– ориентация на содействие первоначальному продуктивному клиентскому опыту работы в дистанционных каналах, мобильных приложениях;

– концентрация на устойчивом развитии клиентов: их финансовом консультировании, вовлечении в экосистему банка, совместном управлении рисками клиентов.

Заключение

Трансформация рынка розничных финансовых услуг происходит динамично на быстромеменяющемся и слабопредсказуемом фоне технологических, социокультурных и иных вызовов, что нашло отражение как в количественных показателях, так и качественных параметрах. Динамику происходящих трансформаций существенно ускорили пандемические шоки, внесшие заметные изменения в экосистемный ландшафт, структуру рынка финансовых услуг, продуктовые предложения. Выявлено, что участникам финансового рынка присущи активная трансформация бизнес-процессов, развитие омниканальности и мобильных финансовых приложений, интегрированных в сегменты нефинансовых услуг на основе открытых интерфейсов, создание и вывод на рынок новых эффективных технологий блокчейна, искусственного интеллекта, биометрической идентификации, машинного обучения. Для удержания рыночных позиций традиционные финансовые посредники начали конкурировать за клиента как внутри своих финансовых сегментов, так и

за их пределами с помощью цифровых технологий. В результате происходит трансформация рынка розничных финансовых услуг, что подтверждается результатами анализа институциональной обеспеченности платежными услугами, показателями операций, совершаемых в розничном сегменте финансового рынка РФ. Выявленные закономерности трансформации на рынке розничных финансовых услуг: нарастание темпов цифровизации, структурные трансформации рынка с усилением значения финтех-компаний и крупных финансовых платформ, размывание граней между банковскими продуктами и финтех-сервисами при остром обострении конкуренции, возникновение внутренних платежных сервисов ретейлеров на базе локальных платформ розничных структур, растущий спрос на электронную коммерцию, онлайн-операции и бесконтактную оплату услуг, рост финансовой доступности, экосистемный подход и др. – формируют устойчивые тренды, позитивное влияние которых на рынок только усилилось под воздействием рыночных шоков.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ по проекту «Формирование креативных центров пространственного развития как механизм повышения качества жизни населения сельских территорий» № 20-010-00072.

Список литературы

1. Июльские тезисы. От госрегулирования к госкомпенсациям и обратно? URL: https://plusworld.ru/daily/platezhnyj-biznes/iyulskie-tezisy-ot-gosregulirovaniya-k-goskompensatsiyam-i-obratno/?utm_source=senpulse&utm_medium=email&utm_campaign=anons-zhurnal-plas-062020 (дата обращения: 01.10.2020).
2. ЦБ: по итогам 2020 года объем безналичных платежей превысит 70%. URL: <https://plusworld.ru/daily/platezhnyj-biznes/tsb-po-itogam-2020-goda-kolichestvo-beznalichnyh-platezhej-prevysit-70/> (дата обращения: 01.10.2020).
3. QIWI: как пандемия повлияла на российский рынок безналичных платежей. URL: <https://plusworld.ru/daily/platezhnyj-biznes/qiwi-kak-pandemiya-povliyala-na-rossijskij-rynok-beznalichnyh-platezhej/> (дата обращения: 01.10.2020).
4. Stiglitz J.E. Priorities for the COVID-19 economy. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/covid-2020-recession-how-to-respond-by-joseph-e-stiglitz-20-06> (accessed: 13.09.2020).
5. Коробов Ю.И. Развитие банковской системы: модернизация или трансформация? // Наука и общество. 2015. № 3 (22). С. 39–41.
6. Семенюта О.Г., Амичба А.Л. Теоретические основы исследования инфраструктуры рынка банковских услуг // Финансовые исследования. 2011. № 2 (31). С. 34–40.
7. Степанов Д.А. Новые и традиционные банковские и финансовые услуги, предоставляемые ИТ-компаниями // Финансовая жизнь. 2018. № 1. С. 46–50.

8. Stiglitz J.E. Key challenges facing modern finance: Making the financial sector serve society // Finance: Theory and Practice. 2020. № 24 (2). P. 6–21.
9. Акимова О.Е., Волков С.К. Исследование современного состояния инновационного предпринимательства в России // Региональная экономика: теория и практика. 2019. Т. 17. № 4 (463). С. 733–748.
10. Панкратова О. Мобильные финансовые услуги в России и за рубежом // Банковское дело. 2017. № 10. С. 38–41.
11. Babkin A.V., Burkaltseva D.D., Pshenichnicov V.V., Tyulin A.C. Cryptocurrency and technology in digital economy: development genesis // Journal of Economics. 2017. V. 10. № 5. P. 9.
12. Подвальская В. Особенности спроса на финансовые услуги со стороны различных социально-демографических групп населения (социологический анализ) // Банковский вестник. 2017. № 3 (644). С. 64–71.
13. Кройтор С. Спрос на финансовые услуги со стороны населения Республики Беларусь: результаты национального исследования // Банковский вестник. 2017. № 2 (643). С. 57–66.
14. Сулейманова А.Л., Блажевич О.Г. Предпринимательский климат для субъектов малого и среднего бизнеса в Республике Крым // Бюллетень науки и практики. 2016. № 11 (12). С. 215–224.
15. Gawer A., Cusumano M. Industry platforms and ecosystem innovation // J. Prod. Innov. Management. 2014. № 31 (3). P. 417–433.
16. Idris M. What's the difference between platform strategy vs. business strategy vs. product strategy? [Electronic resource]. Available at: <http://www.idr.is>. (accessed: 13.09.2020).
17. Muegge S. Platforms, communities and business ecosystems: Lessons learned about technology entrepreneurship in an interconnected world // Technology Innovation Management Review. 2013. № 3 (2). P. 5–15.
18. Masiukiewicz P., Dec P. Financial services on informal economy // Economics. Law. State. 2019. № 2 (4). P. 18–31.
19. Коробейникова О.М., Коробейников Д.А., Стефанович Л.И. Перспективы цифровых банковских блокчейн-гарантий // Экономика. Информатика. 2020. Т. 47. № 1. С. 110–116.
20. Коханова В.С., Бохон К.С. Влияние технологии блокчейн на финансовый сектор: современное состояние и сферы применения // Научный вестник Южного института менеджмента. 2019. № 4. С. 84–90.
21. Аверченко О.Д. Финансовые услуги в контексте интеграции банков и страховых компаний // Экономика. Бизнес. Банки. 2018. № 5 (26). С. 87–96.
22. Пандемия как драйвер для ускоренной digital-трансформации банковского бизнеса. URL: <https://plus.world.ru/professionals/pandemiya-kak-drajver-dlya-uskorenoy-digital-transformatsii-bankovskogo-biznesa/> (дата обращения: 25.08.2020).
23. Швандар К.В., Черкасов В.Ю. Наличные или платежная карта? Розничные платежи в Армении // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2018. № 6 (46). С. 109–119.
24. Коробейникова О.М. Трансформация локальных платежных инструментов для использования в национальной платежной системе // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. Т. 9. № 2 (191). С. 58–64.
25. Бабкин А.В., Буркальцева Д.Д., Тюлин А.С., Азимов П.Х., Блажевич О.Г. Initial Coin Offering (ICO) как трансформация финансового института коллективного инвестирования // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2020. № 1. С. 81–103.

TRANSFORMATION OF RETAIL FINANCIAL SERVICES IN THE CONDITIONS OF MARKET SHOCKS

O.M. Korobeynikova,¹ I.A. Morozova,¹ Z.N. Kozenko,² T.A. Dugina²

¹Volgograd State Technical University

²Volgograd State Agrarian University

The purpose of the article is to identify and substantiate the trends and patterns of transformation of retail financial services in the Russian market in the context of market shocks. The objectives of the study include identifying the dynamics and assessing transformation trends in the retail financial services market; establishing the causes and patterns of transformation of retail financial services in the context of market shocks. The study used theoretical methods of generalization, data comparison, formalization, as well as empirical methods of observation and description of the subject area. It was revealed that participants in the financial market are characterized by an active transformation of business processes, the development of omnichannel and mobile financial applications integrated into segments of non-financial services based on open interfaces, the creation and launch of new effective blockchain technologies, artificial intelligence, biometric identification, and machine learning. To maintain market positions, traditional financial intermediaries began to compete for customers both within their financial segments and beyond them using digital technologies. As a result, there is a transformation of the retail financial services market, which is confirmed by the results of the analysis of the institutional provision of payment services, indicators of transactions performed in the retail segment of the financial market of the Russian Federation. Regularities have been identified that are forming in stable trends, the influence of which has increased under the influence of market shocks (primarily pandemic): an increase in the rate of digitalization at all levels of the financial market; structural transformations of the market with the increasing importance of fintech companies and large financial platforms; blurring the lines between banking products and fintech services amid an acute aggravation of competition; the emergence of internal payment services for retailers based on local platforms of retail structures; growing demand for e-commerce, online transactions and contactless payment for services; increasing financial inclusion of traditional and innovative retail financial services; formation of an ecosystem approach, etc. It is concluded that the ongoing changes have a positive impact on the transformation of the market supply of retail financial services.

Keywords: financial market, retail financial services, payment services, payment systems, financial innovation, digital economy.

УДК 338

РОЛЬ РЕГИОНОВ С «УМНОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИЕЙ» В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИИ

© 2020 г.

М.С. Оборин

Оборин Матвей Сергеевич, д.э.н.; профессор кафедры экономического анализа и статистики
Пермского института (филиала) Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова;
профессор кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории
Пермского государственного национального исследовательского университета;
профессор кафедры менеджмента
Пермского государственного аграрно-технологического университета им. ак. Д.Н. Прянишникова;
профессор кафедры управления и технологий в туризме и сервисе
Сочинского государственного университета
resreachin@rambler.ru

*Статья поступила в редакцию 28.09.2020**Статья принята к публикации 19.10.2020*

В сложившихся макроэкономических условиях в Российской Федерации на уровне системы государственного управления сформировался стратегический курс социально-экономического развития страны, основанный на территориальном потенциале и диверсифицированной специализации субъектов. Динамика и темпы трансформации производственных процессов в регионах под влиянием научно-технического прогресса ориентируют различные виды деятельности на оптимизацию определенных элементов внутреннего потенциала, которые могут определить высокие конкурентные характеристики товаров, услуг и технологий. При экономическом росте в России достаточно проводить выравнивающую региональную политику, но при снижении доходов бюджета необходимо использовать методы, приводящие к эффективности и концентрации расходов на определенных наукоемких областях экономики. При этом рекомендуется сохранять социальную стабильность в регионах, а упор сделать на дифференциацию инновационной политики, соответствующей возможностям и результативности системы формирования новых знаний и технологий в регионах и городах России. В данной статье предложена научно-теоретическая модель формирования и управления развитием «умной специализации» регионов, которая построена на основе процессного и ситуационного подходов менеджмента. Обоснована целесообразность реализации стратегических направлений регионального развития, основанных на принципах «умной специализации»; дана оценка готовности России к практической реализации данной концепции. При использовании концепции «умной специализации» стратегическими направлениями являются: создание и развитие технологически современных регионов; формирование сети цифровых государственных услуг; содействие в развитии инфраструктуры инновационной экосистемы; стимулирование участия малых и средних предприятий в глобальной структуре создания стоимости. Развитие политики «умной специализации» регионов способствует совершенствованию и трансформации национальной экономики, а также развитию региональных инновационных стратегий, обеспечивающих стратегические рамки инновационной трансформации региональной экономики и определяющих основные инвестиционные приоритеты.

Ключевые слова: «умная специализация», региональное развитие, модель управления «умной специализацией», цифровые технологии, инновации, инновационная экономика.

Введение

Концепция стратегического развития субъектов страны, основанная на «умной специализации», внедряется с учетом передовых достижений научно-технического прогресса, способствующих решению ключевых проблем в различных видах социально-экономической деятельности. Ценность данного направления заключается в активном использовании рыночных возможностей интеграции для роста конкурентоспособности территориальных экономических систем и выбора оптимальных траекторий инновационного развития приоритетных отраслей промышленности и сферы услуг. Экономи-

ка знаний и трансформация систем управления различных уровней должны оцениваться с точки зрения синергетического эффекта: ресурсосбережение, экологическое производство, формирование новых рабочих мест в условиях проектной интеграции экономических агентов различной специализации.

По результатам проведенного исследования установлено, что применение концептуальной модели дифференцированной социально-экономической политики «умной специализации» регионов повысит эффективность экономики, задаст вектор развития межрегионального и международного взаимодействия в целях повышения инвестиционной привлекательности

регионов. Теоретическое значение работы заключается в систематизации теоретических подходов и положений по совершенствованию и трансформации региональных инновационных стратегий «умной специализации».

Одним из основополагающих аспектов концепции «умной специализации» является концентрация ресурсов, знаний и их связь с некоторыми приоритетными видами экономической деятельности, которые могут способствовать развитию конкурентоспособности экономики многих стран и регионов.

Процесс развития интеллектуальной специализации включает определение и выбор целевых сфер экономической деятельности и технологий, которые будут способствовать инновационному развитию регионов.

При этом большое значение придается вовлечению региональных и местных органов власти, а также негосударственных организаций в процесс выбора целевых вспомогательных объектов, а также обеспечению государственно-частной координации реализации разработанных проектов, стратегий, мониторинга и оценки ее эффективности.

Сущность разработки стратегических направлений территориального развития заключается в преобразовании уникальных возможностей и потенциала в реальные цели, задачи и результаты, описанные системой показателей. Основная составляющая концепции «умной специализации» отличается от традиционных инноваций и отраслевой политики. Одной из ключевых ее задач является раскрытие предпринимательского потенциала, с помощью которого можно внедрять региональные инновации, которых нет в других регионах и которые могут быть реализованы на более выгодных условиях. Целевые действия должны быть результатом бизнес-процесса, процессов принятия решений, в котором предприниматели открывают для себя новые целевые современные отрасли развития [1].

Разработка стратегии интеллектуальной специализации предполагает отказ от устаревшей промышленной политики, основанной на традиционной политике развития и региональной стратегии экономического развития, применимой к регионам-лидерам. Этот подход также отличается от концепции инновационного развития региона, недостатком которой является отсутствие единой концептуальной основы и положительного опыта применения [2].

«Умная специализация» – это скорее механизм для создания новых возможностей с дополнительной государственной поддержкой для реальной предпринимательской деятельности, с учетом потребностей в установлении связей и

достижении синергетического эффекта при взаимодействии всех заинтересованных сторон. «Умная специализация» – это не только поддержка существующих сильных сторон региона, но и поиск новых возможностей для их развития. Каждый регион может найти новые направления развития на основе местных знаний, разнообразия имеющихся специализаций и поиска взаимозависимости между ними [3].

Таким образом, регионы с интеллектуальной специализацией смогут определить отрасли, технологические области или их основные конкурентные преимущества, а затем сосредоточить свою региональную политику на продвижении инноваций в этих областях.

При этом важную роль играет государственная поддержка. Государство должно создавать информационную среду и соответствующие условия для эффективного взаимодействия с предпринимателями, участвовать в согласовании стратегических проектов [4].

Теоретико-методологические подходы

Наше исследование имеет следующие цели:

- обосновать целесообразность реализации стратегических направлений регионального развития, основанных на принципах «умной специализации»;
- дать оценку готовности России к практической реализации данной концепции;
- определить необходимость и целесообразность структурных преобразований экономики региона.

Достижения в области информационно-коммуникационных технологий, развитие человеческого капитала, совершенствование государственных институтов, эффективное взаимодействие промышленности и государства способствуют развитию стратегической политики. Концепция «умной специализации» обеспечивает возможности в этом отношении для национальных, региональных и местных органов власти, в том числе использование ранее недоступной для обработки предоставленной информации [5].

Современные тенденции территориального развития в мире характеризуются глобальной синхронизацией, конвергенцией различных областей науки и технологий, транснационализацией экономики, переходом от индивидуального к сетевому типу развития, сменой типов регионального и городского развития, появлением компактных «умных» городов.

Целью стратегии региональной специализации является трансформация отраслевой структуры региона. Политика «умной специализации»

ции» направлена на развитие существующих отраслей, модернизацию, диверсификацию и появление новых отраслей, а также формирование новых инновационных форм, благодаря позиционированию региона по отношению к ключевым технологическим возможностям, определению уникальных компетенций [6].

Скорость освоения новых технологий является фундаментальным фактором для реализации инновационной стратегии «умной специализации». Для преобразования траектории регионального развития требуются высокие ресурсные затраты, что объясняется необходимостью изменения парадигмы политики территориального развития, ориентированной на инновации, независимо от возможностей и приоритетов развития, в политику дифференцированной «умной специализации». Самый эффективный метод – использовать имеющийся потенциал регионов – лидеров развития [7].

Регионы с высоким инновационным потенциалом не получают необходимого финансирования научной и инновационной деятельности, не уделяется внимания образованию и стимулированию молодых ученых, и не обеспечивается количество необходимого персонала, занятого исследованиями и разработками.

Для обеспечения комплексной модернизации социально-экономического развития регионов необходимо разработать меры по усилению государственного регулирования инновационной экономической деятельности, благодаря которым можно ожидать повышения эффективности хозяйствующих субъектов. На государственном уровне в России такие проблемы решить сложно, поэтому решением может стать активизация межрегиональных связей, взаимодействие и активизация регионального управления, внедрение «умной специализации» в различных регионах [8].

Результаты и обсуждение

Процесс совершенствования политики территориальной специализации предполагает решение ряда задач [9]:

- определение необходимости и целесообразности структурных преобразований экономики региона;
- определение возможностей государственной или межрегиональной поддержки развития отстающих регионов страны на основе инструментов налогово-бюджетного льготирования или субсидирования;
- определение форм привлечения и основ распределения финансовых, трудовых, природ-

ных и иных отраслевых и территориальных ресурсов;

- обеспечение эффективного регулирования научно-технических достижений;
- обеспечение интеграции производства в регионах с необходимыми ресурсами и производительностью;
- обеспечение устойчивых межрегиональных экономических связей и взаимодействия;
- обеспечение эффективного функционирования промышленных, научных и коммерческих региональных систем, что позволит увеличить их финансовую стабильность на рынке;
- обеспечение стабильности единого национального экономического пространства через формирование устойчивых межрегиональных связей.

Можно представить процесс формирования «умной специализации» регионов в виде модели (рис. 1).

Первым этапом модернизации инновационной политики региона должна стать разработка модели социально-экономического развития страны, экономической политики, основанной на принципах «умной специализации», с целью устранения неравенства в территориальном развитии [10].

Принципы «умной специализации» в контексте создания региональных инновационных стратегий рассмотрены на рисунке 2.

Концепция «умной специализации» представляет собой многоуровневый подход к управлению, способствуя тем самым развитию регионов в инновационном направлении [6]. Стратегии «умной специализации» должны рассматриваться для каждого региона в отдельности, с учетом нововведений, потенциала, преимуществ и характерных региональных особенностей (рис. 3).

Каждый регион принимает решение развивать свои традиционные отрасли или менять направление развития и модернизировать новые высокотехнологичные отрасли экономики. Межрегиональное взаимодействие также имеет большое значение при введении новаторских стратегий развития. Необходимо заметить, что значимым инструментом обеспечения инновационного развития является карта уникальных компетенций регионов [7].

Специалисты считают, что на лучших позициях в рейтинге инновационных регионов России находятся те субъекты Федерации, у которых существует своя концепция формирования региональной политики инвестиционного развития и индивидуальная программа, к которым федеральный проект является лишь дополнением. К таким регионам принадлежит, в частно-

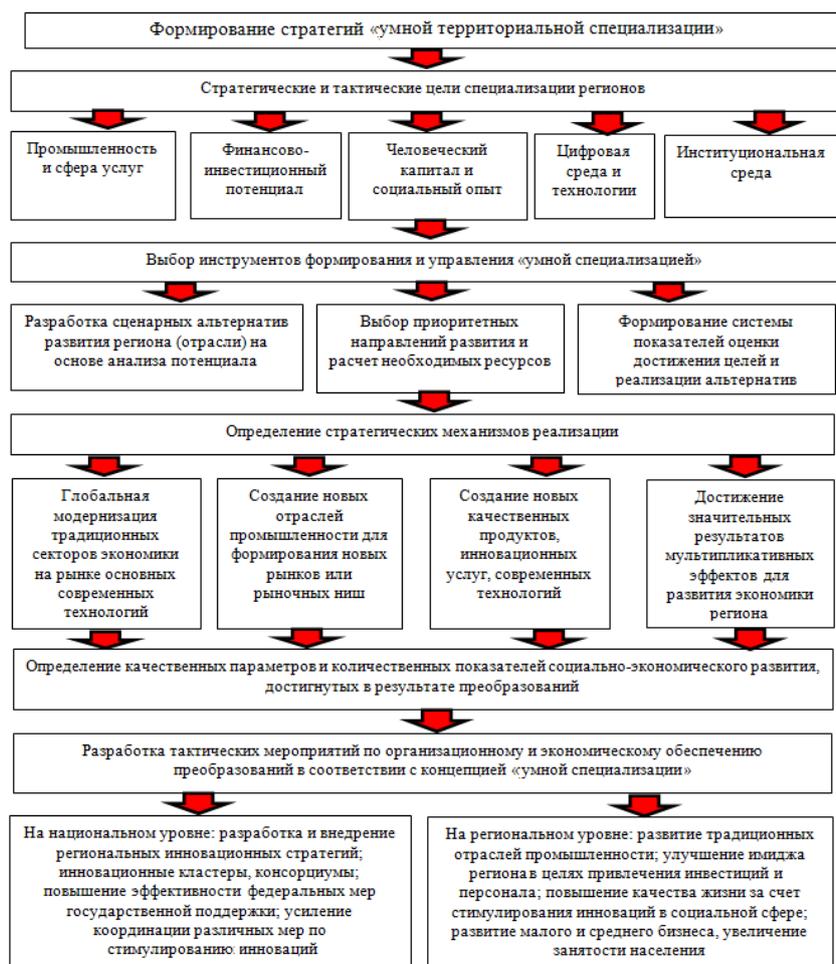

Рис. 1. Модель формирования и управления развитием «умной специализации» регионов

сти, Красноярский край¹. По мнению руководства региона, «умная специализация» – это не обязательно нано- или цифровые технологии. Это внедрение в деятельность компаний наиболее современных и эффективных методов для продвижения своей продукции и работы. Как видно из мировой практики, самые лучшие результаты достигались при тесном сотрудничестве крупных предприятий и научно-образовательного комплекса региона.

Для выполнения этих задач в крае был создан Сибирский федеральный университет. Вуз стал научно-образовательной базой для таких локомотивов бизнеса, как «Норникель», «Красцветмет», СУЭК, «Роснефть», и других компаний, которые в настоящее время являются участниками крупнейшего российского комплексного инвестиционного проекта «Енисейская Сибирь»².

Комплексный инвестиционный проект «Енисейская Сибирь» был поддержан президентом России и учтен при разработке стратегии пространственного развития страны. В его портфель входят крупные инвестиционные проекты, которые направлены на развитие нефтега-

зодобычи, горнорудной промышленности, сельского хозяйства, металлургии и создание соответствующей инфраструктуры в Красноярском крае, Тыве и Хакасии [11].

Целями проекта являются: повышение темпов социально-экономического роста и устранение технологических и инфраструктурных ограничений, привлечение капитала и формирование устойчивого роста налогово-бюджетных показателей, повышение качества жизни и доходов населения, в том числе за счет формирования рынка труда инновационных профессий.

Охарактеризуем проект «Енисейская Сибирь» с точки зрения стратегии «умной специализации».

1. Использование уникальных конкурентных преимуществ региона – КИП «Енисейская Сибирь» использует свои уникальные природные богатства для следующих проектов: санаторно-курортный, лечебно-оздоровительный туркомплекс «ЧЕДЕР – KINEZI»; освоение Тарданского месторождения рудного золота; строительство Нижнебогучанской ГЭС и др.

Каждый из этих проектов несет в себе определенные социально-экономические эффекты:

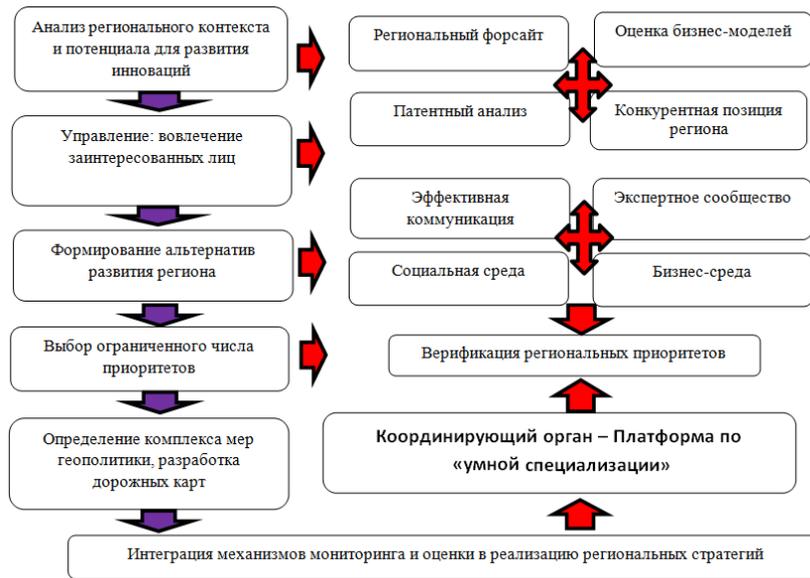

Рис. 2. Принципы «умной специализации» регионов

Рис. 3. Определение стратегических приоритетов регионального инновационного развития в России с учетом принципов «умной специализации»

– строительство Нижнебогучанской ГЭС – снижение стоимости электроэнергии у конечного потребителя; создание рабочих мест различной квалификации; малая площадь затопления водохранилища (ни один населенный пункт не попадает в зону затопления); упрощение присоединения новых потребителей; рыбохозяйственное и промышленное освоение водохранилища; содействие активизации частного бизнеса и предпринимательства; локализация НИОКР и формирование кадров на территории края; повышение научно-исследовательского рейтинга СФУ; развитие транспортной инфраструктуры, в т.ч. организация круглогодичной навигации по водохранилищу ГЭС³;

– санаторно-курортный, лечебно-оздоровительный туркомплекс «ЧЕДЕР – KINEZI» – наличие уникальных возможностей на озере Чедер для организации грязелечебного комплекса; спрос российских граждан на внутренний туризм, ориентация правительства Республики Тыва на развитие санаторно-курортного комплекса и лечебно-оздоровительного туризма для оздоровления местного населения и увеличения въездного турпотока являются предпосылками для создания туркомплекса.

2. Обоснованность выбранной специализации – инвестиции в крупные проекты будут способствовать инфраструктурному развитию территорий, на которых будут формироваться производственные комплексы.

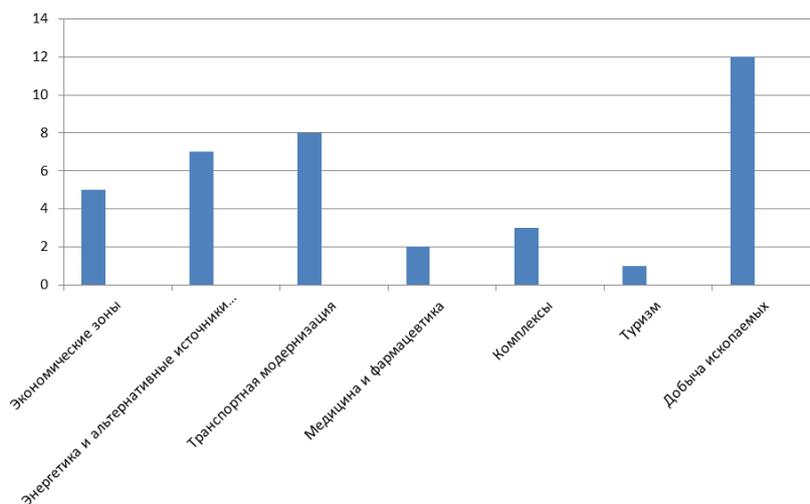

Рис. 4. Частота упоминания секторов как приоритетных в региональной инновационной стратегии (составлено по данным [6])

3. Привлечение финансирования – интерес к проекту проявили свыше 50 компаний, занимающих высокие конкурентные позиции на потребительских рынках.

4. Ориентация на будущие рынки и технологии – внедрение «зеленых технологий» в производственные комплексы и основные этапы ключевых бизнес-процессов.

5. Учет сильных сторон и специализаций других регионов – специализация Красноярского края ориентирована на улучшение своих сильных сторон, придание масштабного импульса социально-экономическому развитию новой промышленной территории на полуострове Таймыр и всего Арктического региона Российской Федерации [12].

6. Синхронизация между разными уровнями управления – рассматриваемый проект регулируется как на местном и региональном уровнях, так и федеральном уровне управления [13].

Рассмотрим обоснованность названных региональных специализаций. На рис. 4 отображена частота упоминания отдельных секторов, выделенных как приоритетные в инновационных стратегиях российских регионов. Для того чтобы оценить обоснованность выбранных приоритетов, мы руководствуемся наиболее распространенными показателями и методами оценки⁴.

После проведенного анализа проектов самой приоритетной отраслью оказалась добыча полезных ископаемых. Количество проектов, задействованных в этом направлении, – 12, затем следует транспортная модернизация – 8 проектов, энергетика и альтернативные виды энергии – 7, экономические зоны – 5, создание различных комплексов – 3, медицина и фармацевтика – 2 и туризм – 1 проект.

Заключение

Результаты оценки соответствия критериям «умной специализации» КИП «Енисейская Сибирь» подтвердили, что региональная инновационная стратегия разработана с учетом этой концепции. В структуре разработок региона большую часть составляют проекты, направленные на добычу полезных ископаемых, и присутствует только одна разработка в сфере туризма.

С учетом специфики региона будет целесообразно рассмотреть меры по расширению связей с другими регионами, а также за пределами страны с целью получения максимальной выгоды от рационального сочетания географического положения, местного интеллектуального потенциала и преимуществ внешних связей.

Анализ имеющейся практики концепции «умной специализации» позволяет выделить некоторые факторы, которые помогут в совершенствовании инновационной стратегии Красноярского края:

1. Выбор приоритетов необходимо осуществлять на основе широкого круга заинтересованных сторон, опираясь на долгосрочный прогноз научно-технологического развития;

2. Повышение заинтересованности субъектов инновационной деятельности требует мобилизации дополнительных инвестиций, особенно в относительно слабых регионах;

3. Необходимо пополнить внешние знания о глобальных технологических приоритетах, приоритетах других стран и в перспективе выйти на международный уровень.

Примечания

1. Российский центр компетенций и анализа стандартов ОЭСР «Умная специализация» – но-

вый виток кластерной политики [Электронный ресурс]. URL: <https://oecd-russia.org/analytics/umna-ya-spetsializatsiya-novyy-vitok-klasternoj-politiki.html>

2. Енисейская Сибирь [Электронный ресурс]. URL: <https://ensib.ru/projects/invest>

3. Енисейская Сибирь [Электронный ресурс]. URL: <https://ensib.ru/projects/invest>

4. ИА «Хакасия» / Экономика и финансы / КИП «Енисейская Сибирь» верстает программу Красноярского экономического форума [Электронный ресурс]. URL: <http://www.19rus.info/index.php/ekonomika-i-finansy/item/116465-kip-enisejskaya-sibir-verstaet-programmu-krasnoyarskogo-ekonomicheskogo-foruma>

Список литературы

1. Гасфорд А.О. Принципы применения «умной специализации» к региональному развитию России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019 Т. 9. № 3–1. С. 441–447.

2. Магро Э., Уилсон Дж. Р. Оценка смешанной политики: проблемы управления из-за новой инновационной политики на местах. Исследовательская политика. Vol. 48 (10). Elsevier, 2018.

3. Дырдонова А.Н. Устойчивое развитие инновационных промышленных кластеров в рамках концепции умной специализации // Высокие технологии и инновации в науке: Сб. избр. ст. Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 27 сент. 2019 г.). СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2017. С. 197–201.

4. Рудакова О.В., Полянин А.В., Кузнецова Л.М. Основные проблемы инвестиционной привлекательности России // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11. № 2. С. 152–162.

5. Земцов С.П., Барина В.А. Смена парадигмы региональной инновационной политики в России: от выравнивания к «умной специализации» // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 65–81.

6. Бахтина С.С. Возможности использования европейского опыта при формировании региональных инновационных стратегий // Управленческий учет. 2017. № 12. С. 78–87.

7. Куценко Е., Исланкина Е., Киндрас А. Исследование инновационных стратегий российских регионов в контексте «умной специализации» // Форсайт. 2018. Т. 12. № 1. С. 25–39.

8. Коломак Е.А., Крюков В.А., Мельникова Л.В. и др. Стратегия пространственного развития России: ожидания и реалии // Регион: экономика и социология. 2018. № 2 (98). С. 264–287.

9. Бош А., Вонортас Н. «Умная специализация» как стимул инновационной экономики в развивающихся странах. Уроки Бразилии // Форсайт. 2019. Т. 13. № 1. С. 32–47.

10. Репичев А.И., Тугачева Л.В., Ланская А.В. Перспективы развития предпринимательской деятельности в Орловской области // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. № 6. С. 246–256.

11. Павлова А.В. Управление процессами формирования кластерных структур в регионе // Менеджмент в России и за рубежом. 2017. №1. С. 39–46.

12. Полянин А.В. Эволюция теорий экономического роста регионов на основе размещения производственных сил и экономического равновесия // Сборник трудов 2-й Международной научно-практической конференции «Фундаментальные и прикладные исследования в области экономики и финансов», Орел, 28–30 марта 2016 г. / Под общ. ред. О.А. Строевой. Орел: ОФ РАНХиГС, 2016. С. 32–35.

13. Мельников Н.К. «Умная специализация» регионов в стратегии инновационного развития // Сборник статей I Международной научно-практической конференции «Минские научные чтения», Минск, 13–14 декабря 2018 г. Минск: БГТУ, 2019. С. 132–135.

14. Бахтина С.С. Управление инновационно-технологическим развитием регионов России: стратегия разумной специализации // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 2–1. С. 18–26.

15. Куценко Е.С., Исланкина Е.А. Обновление региональных инновационных стратегий на принципах умной специализации: уроки для России // Материалы XVII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 390–400.

16. Проняева Л.И., Павлова А.В. Управление формированием кластеров в экономике на основе развития методики их идентификации // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11. № 5. С. 225–237.

17. Юхачев С.П., Солопов В.А., Николашин В.П., Каложный М.С. Форсайт-проект «Научно-техническая политика Тамбовской области и качество жизни»: итоги делфи-опроса // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. 2017. №1. С. 78–83.

THE ROLE OF REGIONS WITH «SMART SPECIALIZATION» IN THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA

M.S. Oborin

Plekhanov Russian University of Economics, Perm branch;
Perm State National Research University;
State Agro-Technological University named after Academician D.N. Pryanishnikov;
Sochi State University

Under the current macroeconomic conditions in the Russian Federation, a strategic course of socio-economic development of the country has been formed at the level of the state administration system, based on the territorial potential and

diversified specialization of subjects. The dynamics and pace of transformation of production processes in regions under the influence of scientific and technological progress steer various activities to optimize certain elements of internal potential that can determine high competitive characteristics of goods, services and technologies. With economic growth in Russia, it is sufficient to implement an equalizing regional policy, but with a decrease in budget revenues, it is necessary to use methods that lead to efficiency and concentration of expenditures in certain knowledge-intensive areas of the economy. At the same time, it is recommended to maintain social stability in regions, and focus on differentiating innovation policies that correspond to the capabilities and effectiveness of the system of forming new knowledge and technologies in regions and cities of Russia. This article offers a scientific and theoretical model for the formation and management of the development of smart specialization of regions, which is based on the process and situational approaches of management. The expediency of implementing strategic directions of regional development based on the principles of smart specialization is justified; the assessment of Russia's readiness for practical implementation of this concept is given. When using the concept of smart specialization, the strategic directions are: creation and development of technologically modern regions; creating a network of digital public services; help in developing the infrastructure of the innovation ecosystem; encouraging the participation of small and medium-sized enterprises in the global value structure. The development of smart regional specialization policy contributes to the improvement and transformation of the national economy, as well as the development of regional innovation strategies that provide a strategic framework for innovative transformation of the regional economy and determine the main investment priorities.

Keywords: smart specialization, regional development, smart specialization management model, digital technologies, innovation, innovative economy.

УДК 338.4

ИНТЕГРИРОВАННАЯ МОДЕЛЬ СОГЛАСОВАННЫХ ДЕЙСТВИЙ УЧАСТНИКОВ ИННОВАЦИОННО-ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛОЖНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ «ИНДУСТРИИ 4.0»

© 2020 г.

О.В. Трофимов, В.Г. Фролов, А.А. Павлова

Трофимов Олег Владимирович, д.э.н.; проф.; заведующий кафедрой экономики предприятий и организаций Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ovt@iee.unn.ru

Фролов Владислав Генрихович, к.э.н.; доц.; доцент кафедры экономики предприятий и организаций Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
frolov.unn@gmail.com

Павлова Ангелина Александровна, выпускник аспирантуры
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
angelina.pavlova@yahoo.com

Статья поступила в редакцию 15.09.2020

Статья принята к публикации 22.10.2020

Авторы исследования развивают тему оценки влияния четвертой промышленной революции на инновационно-инвестиционную деятельность участников сложных экономических систем. Целью является разработка интегрированной модели согласованных действий участников сложных экономических систем на основе ранее предложенных алгоритмов и критериев оценки деятельности промышленных предприятий в условиях цифровизации. Необходимые характеристики модели достигаются путем применения теории игр; делается вывод о необходимости дополнения существующих интегрированных моделей дополнительными функциями, в том числе цифрового государственного регулирования.

Ключевые слова: «Индустрия 4.0», сложные экономические системы, промышленное производство, интегрированные модели, цифровизация.

Введение

Целью настоящего исследования является разработка интегрированной модели согласованных действий участников инновационно-инвестиционной деятельности сложных экономических систем производственной сферы и сферы услуг в соответствии с концепцией «Индустрия 4.0» (I4.0). Для реализации данной цели следует решить следующие задачи:

1) рассмотреть текущие модели взаимодействия участников инновационно-инвестиционной деятельности до внедрения принципов «Индустрии 4.0»;

2) при помощи теории игр выявить доминирующие стратегии участников сложной экономической системы, а также соответственные слабые места взаимодействия участников в рамках сложной экономической системы;

3) описать особенности применения цифровых решений «Индустрии 4.0» в отношении подобных моделей взаимодействия;

4) предложить модель согласования действий участников сложных экономических систем с учетом принципов «Индустрии 4.0».

Как отмечалось авторами в предыдущих исследованиях, если ранее процессы интеграции и

кооперации рассматривались больше как локальное явление, то с применением принципов концепции «Индустрия 4.0» интеграционные стратегии предприятий изучаются как явление, не имеющее конкретной привязки к географическому положению. Подобная система применима в системах открытого типа, и наибольший эффект, как отмечают эксперты, может быть достигнут, например, в автомобильной промышленности [1].

Под участниками инновационно-инвестиционной деятельности, на примере сложной экономической системы промышленного производства, авторы подразумевают следующих участников: оригинальный производитель (ОЕМ) – центральное действующее предприятие, получающее услуги и поставки от поставщиков для целей реализации производства промышленной продукции для конечного потребителя; TIER – поставщики, поставщики услуг (service providers) – разноплановые организации, оказывающие услуги по обеспечению каналов взаимодействия (для отправки заказов), производству и поставке мелких и крупноузловых деталей, материалов разного рода и свойства, а также логистические условия как неотъемлемая часть цепи поставки и как значимый компонент

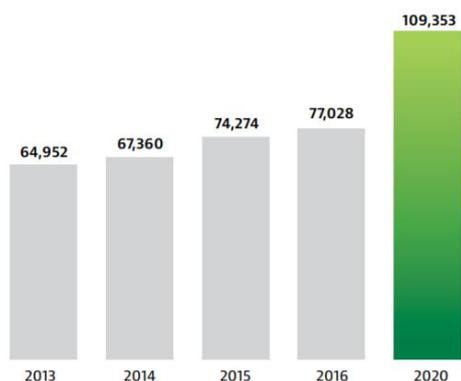

Рис. 1. Оборот цифровой экономики в Германии в 2013–2020 г., в млн евро.

Источник: отчет Еврокомиссии за 2017 год [8]

формирования добавленной стоимости конечной продукции, выпускаемой OEM.

Обратимся к имеющимся трудам отечественных и зарубежных авторов на тему создания интегрированных моделей согласованных действий участников инновационно-инвестиционной деятельности сложных экономических систем в соответствии с концепцией «Индустрия 4.0», а также иными концепциями по цифровизации (в зависимости от страны применения). Общая тема, объединяющая цели отечественных и иностранных исследователей, – это повышение эффективности инвестиционной и инновационной деятельности в рамках четвертой промышленной революции посредством улучшения процессов взаимодействия участников данных отношений. Среди исследований, которые посвящены анализу интеграционных процессов и возможностей применения цифровых платформ, необходимо отметить ряд работ отечественных и зарубежных авторов: А.В. Федосеева, И.М. Степнова, Ю.А. Ковальчук, С.А. Яблонского, И.Л. Авдеевой, М. Van Alstyne, G. Parker, S.P. Choudary, T. O'Reilly [2–7].

Развивая тему влияния интегрированных моделей на добавленную стоимость выпускаемой продукции, следует отметить, что качественная модель согласованных действий, отвечающая принципам «Индустрии 4.0», ведет к повышению локальной добавленной стоимости, а также ускоряет возврат на ранее инвестированные средства (ROI), в том числе на инновационное оснащение производства, за счет сокращения издержек на «ошибки» в моделях согласованных действий. В соответствии с вышесказанным, в рамках настоящего исследования авторами сформулированы и рассматриваются следующие гипотезы:

– при сохраняющейся конкуренции в большинстве отраслей промышленного производства для участников сложной экономической системы

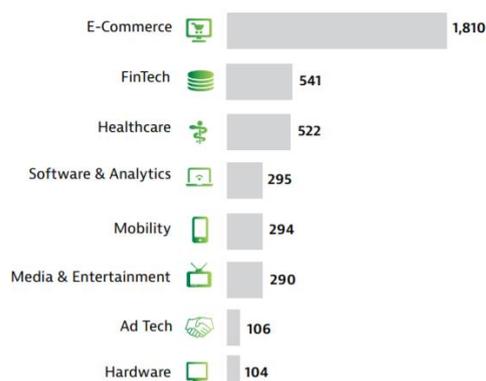

Рис. 2. Распределение инвестиций в цифровизацию в Германии, 2018 год, млн евро.

Источник: EY Start-up Barometer, 2018 [8]

эффективнее перейти на цифровые интегрированные модели взаимодействия в своей инновационно-инвестиционной деятельности;

– в условиях действия принципов и технологий «Индустрии 4.0» требуется отойти от привычных моделей согласования действий для обеспечения децентрализации принятия решений без привязки к месту, общему часовому поясу, а также допустить продуктивное прямое влияние государственной промышленной политики и регулирования на локальные модели согласованных действий.

Сама инновационно-инвестиционная деятельность имеет высокую актуальность в четвертой промышленной революции, ведь отдельные ее направления, такие как цифровизация, автоматизация, роботизация, подразумевают высокое количество инвестиций и инновационных научных и технических разработок. Так, в Германии был спрогнозирован следующий рост цифровой экономики к концу 2020 года (рис. 1).

Соответственно, данные показатели включают рост инвестиций в инновационные технологии «Индустрии 4.0», такие как big data, cloud services, AR, cybersecurity и прочие. Инвестиции распределены в Германии следующим образом (2018 год, в млн евро) (рис. 2).

Если обратиться к динамике по годам, то можно отметить, что предыдущие годы были более результативными в плане инвестиций в инновации, связанные с «Индустрией 4.0» (в млн евро). Возможно, это связано с кризисными явлениями 2020 года, в т.ч. пандемией и продолжающимся BREXIT [8] (рис. 3).

Рассматривая плановые показатели применения принципов четвертой промышленной революции в российских реалиях, следует отметить целевые показатели «Дорожной карты» «Технет» (передовые производственные технологии) Национальной технологической инициативы [10], они приведены в табл. 1.

Таблица 1

Перечень целевых показателей «дорожной карты» и их значений.

	Наименование целевых показателей	Единица измерения	Текущее значение	2017	2018	2019	2025	2035
1	Доля России на мировых рынках «Фабрик Будущего» в сегменте инжиниринга и конструирования	%	0,28%	0,3%	0,4%	0,5%	0,9%	1,5%
2	Количество компаний- поставщиков услуг по созданию Фабрик Будущего в рейтинге топ-50 технологических газелей РФ	Ед. (накоп.)	0	0	1	3	10	20
3	Позиция России в Global Manufacturing Competitiveness Index (или сопоставимый)	Место	32	33	30	28	20	10
4	Объем экспорта продукции, полученной с использованием ППТ ²⁰	Тыс. руб. ²¹	-	-	-	1 500 000	8 000 000	80 000 000
5	Число созданных Фабрик Будущего «Технет»	Ед. (накоп.)	0	0	3	5	17	40
6	Число созданных испытательных полигонов (TestBeds) «Фабрик Будущего»	Ед. (накоп.)	0	2	3	4	10	25
7	Количество экспериментально-цифровых центров (лабораторий) сертификации в Российской Федерации	Ед. (накоп.)	0	0	1	3	10	15
8	Число специалистов, прошедших программы подготовки и переподготовки по передовым производственным технологиям	Чел. (накоп.)	не менее 30	>200	1 000	2 000	20 000	50 000

Источник: п.2.3 «Дорожной карты» «Технет» (передовые производственные технологии) Национальной технологической инициативы.

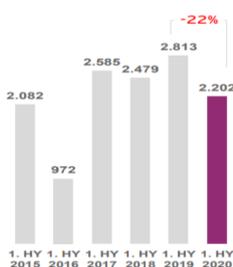

Рис. 3. Динамика инвестиций в цифровизацию по годам в Германии.

Источник: обзор компании EY, 2020 [9]

Следует отметить, что целевые показатели ориентированы на повышение локальной экспертизы в направлении цифровизации, соответственно, локальные продукты, в том числе производственные, должны получить большую добавленную локальную цифровую стоимость к 2035 году. В связи с этим интегрированные модели сложных экономических систем должны быть подготовлены и оптимизированы на достаточном уровне, чтобы соответствовать прогнозируемым цифровым целям.

Тем не менее по вышеприведенным данным можно сделать заключение о весомых инвестициях, связанных с четвертой промышленной революцией. Соответственно, эффективность данных вложений является актуальным вопросом. Как получить максимальный ROI, следует ли подвергнуть изменению или обновлению сопряженные процессы, такие как действия основных участников сложной экономической системы? На наш взгляд, ответ на данный вопрос положительный. Следует углубить исследования, направленные на обновление, дополнение, повышение соответствия таких процессов и моделей нынешним требованиям и целям цифровой промышленной революции.

Составление новой интегрированной модели согласованных действий для целей реализации экономических интересов участников при наличии определенных факторов [11] может способствовать достижению ранее сформулированных системных эффектов [12] от выстраивания гибких цепочек создания стоимости.

Теоретико-методологические подходы

В соответствии с ранее проведенными исследованиями следует отметить основные научные результаты [1, 12, 13], которые являются неотъемлемой частью настоящей работы. Алгоритмы и механизмы, принципы построения модели согласованных действий участников экономической системы производственной сферы направлены на качественное функционирование интегрированной модели в соответствии с концепцией «Индустрия 4.0».

Механизмы интеграции и кооперации в сложных экономических системах являются частью, а именно своеобразным внутренним двигателем, предлагаемой в настоящей работе интегрированной модели. Ранее нами были выделены факторы, элементы и основные механизмы повышения производительности совместной работы в инжиниринге и производстве, а также показатели эффективности сотрудничества, предложены механизмы структурной интеграции и кооперации высокотехнологичных производств, организаций сферы услуг, институтов развития в сложных экономических системах в соответствии с концепцией «Индустрия 4.0». Это дает возможность применить основные механизмы в данной работе.

Говоря о самих алгоритмах принятия и реализации управленческих решений в сложных

Таблица 2

**Комплекс оценки интегрированной модели согласованных действий участников
инновационно-инвестиционной детальности сложной экономической системы**

Название показателя	Формула	Описание
Окупаемость инвестиций Return on investment (ROI)	$ROI = \text{Чистая прибыль} / \text{инвестиции}$	Дает напрямую сделать вывод об окупаемости инвестиций, сделанных, например, в цифровые решения, однако имеет значительный научный пробел в оценке окупаемости по косвенным непроизводственным процессам, которые подвергаются цифровой трансформации
Коэффициент выпуска добавленной стоимости (VA/output ratio)	Добавленная стоимость / валовый выпуск	Материальные затраты составляют большую часть валового выпуска. Основным преимуществом этого показателя является то, что его можно рассчитать на любом уровне – на уровне производства, на уровне секторов и подсекторов, а также на уровне предприятия или заведения. Отношение добавленной стоимости к выпуску рассчитывается просто как отношение добавленной стоимости к валовому выпуску

Источник: составлено авторами на основе IRIS-2008 [19].

экономических системах следует отметить, что следует учитывать интересы субъектов взаимодействия в соответствии с жизненным циклом продукта, а также выстраивать обновленные алгоритмы операционного уровня.

В настоящее время ведение инновационно-инвестиционной деятельности является основным критерием для обеспечения конкурентоспособности производственного предприятия. Принятие обоснованных решений в отношении курса инновационного развития должно быть связано с ключевыми алгоритмами и механизмами предприятия/сложной экономической системы, которые прямым образом и в большом объеме влияют на добавленную стоимость конечного производимого продукта или услуги. Также инновационно-инвестиционная деятельность должна вестись прицельно в таких направлениях, где окупаемость инвестиций (ROI) будет существенной и реальной в ближайшие финансовые периоды. Отмеченную окупаемость в промышленном производстве зачастую приносят инвестиции в прямые производственные процессы, связанные с жизнедеятельностью основного производственного процесса, что напрямую «подключено» и связано с производством основного заказчика (ОЕМ).

Методология настоящего исследования по направлению моделирования учитывает применение различных инструментов для разработки заявленной интегрированной модели. Ряд исследований предлагают рассматривать модель бизнес-процесса как согласованное представление нескольких перспектив [14]. Архитектура CIMOSA выделяет четыре перспективы: функциональную, информационную, ресурсную, организационную [15]. Модель Захмана включает шесть перспектив, а интегрированная модель информационных систем ARIS оперирует четырьмя, причем три (информационная, организационная и функциональная)

рассматриваются как основные, а выбор четвертой перспективы определяется целью моделирования. Для описания информационной системы используется ресурсное представление, а для моделирования бизнеса примеряется перспектива управления [16].

В оценке эффективности интегрированных моделей нами рассматриваются способы оценки, направленные на добавленную стоимость в цепях создания стоимости и на окупаемость инвестиций в цифровизацию промышленного производства. Для критерия оценки эффективности интегрированных моделей в таком случае следует использовать методы и коэффициенты, принятые на глобальном уровне [17], чтобы в конечном итоге иметь статистические наблюдения по цифровизации и использовать лучшие практики для внедрения в разные интегрированные модели.

Международные рекомендации по промышленной статистике IRIS-2008 отражают показатели эффективности, которые в первую очередь измеряют экономическую эффективность промышленного производства с точки зрения роста выпуска в относительных показателях затрат. Для бизнес-сообщества показатели эффективности предоставляют информацию, необходимую для оценки текущей экономической ситуации и указания перспективного направления по сравнению с международными экономическими тенденциями. Эффективность можно оценивать на уровне фирмы, на уровне отрасли, а также на уровне промышленного сектора по отношению к другим видам экономической деятельности или по отношению к экономике в целом. Что касается методов расчета, IRIS-2008 в общих чертах определяет три типа показателей эффективности, а именно: (а) темпы роста, (б) показатели коэффициентов и (в) показатели акций. Построение таких индикаторов может быть основано на широком диапазоне переменных для

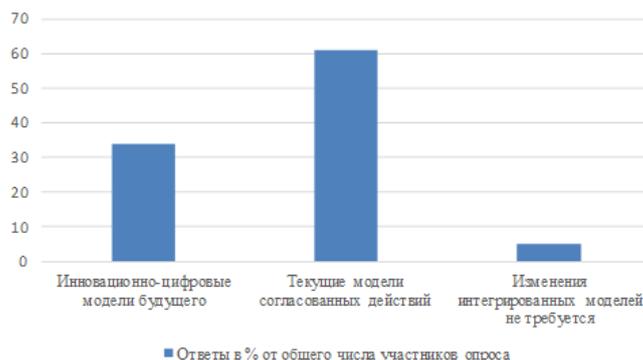

Рис. 4. Интегрированные модели, задействованные в изменениях.

Источник: данные экспертного опроса, проводимого авторами в период 03.12.2019 г.–08.08.2020 г.

различных аналитических целей [19]. Фактически, составление показателей эффективности – это та часть анализа данных, которая является заключительным этапом любой статистической операции.

Результаты

Опрос экспертов из автомобильной промышленности, проводимый нами в 2020 году (всего привлечено 43 эксперта с общим стажем в промышленной деятельности не менее шести лет), показал следующие результаты. Экспертам был задан ряд вопросов по созданию новых интегрированных моделей. Ответы российских экспертов на открытый вопрос: «Какие интегрированные модели, в которых задействовано Ваше предприятие, должны, на Ваш взгляд, быть подвергнуты изменениям в первую очередь для целей снижения издержек производства продукции, а также более быстрого возврата инвестиций в промышленное производство?» – представлены на рис. 4.

Данные результаты опроса показывают, что большинство экспертов (61%) от ведущих промышленных предприятий Нижегородской области указывают на необходимость доведения до устойчивого и результативного состояния текущих моделей согласованных действий. Они не исключают применения для этих целей принципов четвертой промышленной революции, однако пока не видят возможным полностью изменить и перестроить модели взаимодействия всех участников экономической системы. По нашему мнению, для этих целей следует обратиться к текущим моделям взаимодействия участников сложных экономических систем с применением принципов I4.0 в отношении инновационно-инвестиционной деятельности. Следует отметить, что для целей дальнейшего исследования к опросу были приглашены эксперты, непосредственно имеющие отношение к изменениям интегрированных моделей на

предприятии, соответственно, общее количество диспенентов сократилось до 40 человек (что, соответственно, составляет максимальные 95% от изначального количества респондентов).

Далее вопросы респондентам были заданы в сфере действующих стандартов по ведению деятельности в сложной экономической системе (ГОСТ ISO 9001 «Система менеджмента качества. Требования», ГОСТ Р 54869-2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом» [20]; ГОСТ Р 56861-2016 «Система управления жизненным циклом. Разработка концепции изделия и технологий» [21]). Респондентам был задан вопрос: «На каком этапе жизненного цикла производственного продукта Вашей компании требуется обновление существующих/создание новых моделей согласованных действий участников сложной экономической системы?» Этапы были представлены экспертам после ознакомления с результатами предыдущего исследования [1]. Допускался выбор нескольких вариантов ответов). Получены следующие результаты (табл. 3).

Полученные ответы дают возможность сформировать приоритетность работы по интегрированным моделям каждого этапа жизненного цикла продукта. В соответствии с полученными результатами в первичный приоритет попадают этапы 3, 5, 7, 8. Следует отметить следующую неоспоримую связь этапов 5, 8, 9: в ходе работы по созданию каждого продукта промышленного производства в его отношении проводится планирование, одобрение и серийное производство (если продукт был одобрен). Соответственно, в корректном и правильном процессе следует продумать и проработать все рабочие модели и механизмы до непосредственного начала серийного производства. Однако в любой деятельности по тем или иным причинам есть отклонения, и зачастую на момент серийного производства имеют место отклонения, влияющие в том числе на формирование добавленной стоимости продукта, а также

Таблица 3

Распределение мнения участников опроса по этапам жизненного цикла продукта

Этап жизненного цикла продукта	% респондентов
Этап 1: планирования промышленного продукта	6%
Этап 2: цифрового проектирования промышленного продукта	20%
Этап 3: цифрового моделирования	64%
Этап 4: цифровой симуляции	10%
Этап 5: планирования производства	70%
Этап 6: пусконаладочных работ	5%
Этап 7: одобрения продукта и процесса	71%
Этап 8: серийного производства	89%
Этап 9: серийного обслуживания	42%
Этап 10: завершения производства, утилизации	49%

Источник: данные экспертного опроса, проводимого авторами 03.12.2019–08.08.2020.

Таблица 4

Экспертная оценка необходимости включения показателей в критерии оценки эффективности изменения интегрированной модели согласованных действий

Вариант ответа	Процент выбора респондентов
Критерии оценки эффективности производства	88%
Критерии оценки эффективности вспомогательных производственных процессов	85%
Критерии системной оценки эффективности цифровых процессов	47%
Критерии динамики себестоимости и прочие показатели стоимости продукции	73%
Скорость ROI и прочие связанные с ROI показатели от проектов по цифровизации	51%
Показатели направления HR	36%

Источник: данные экспертного опроса, проводимого авторами 03.12.2019–08.08.2020.

тормозящие окупаемость и ROI. По нашему мнению, важность и приоритетность выделенных этапов также подтверждается их прямым влиянием на значительную добавленную стоимость промышленного продукта, так как в них входят издержки на разработку, проектную деятельность и производственные издержки всех этапов производства.

Про этап 3 следует отметить наличие корреляции в ответах конкретных диспонентов, которые указывали необходимость в создании новых моделей согласованных действий в соответствии с принципами I4.0, т.е. речь идет о модернизации и цифровизации данного этапа, в отношении чего также следует направить дальнейшие исследования. Для формирования комплексного понимания по необходимости разработки, дополнению интегрированных моделей респондентам был задан вопрос: «Через какие группы критериев эффективности в сложных экономических системах должна оцениваться модель согласованных действий участников инновационно-инвестиционной деятельности на этапах 3, 5, 8?» Допускался выбор нескольких вариантов ответов. Вопрос о критериальной оценке предлагаемых изменений в интегрированных моделях получил следующие группы критериев от опрошенных экспертов и может быть использован нами для формирования новых критериев оценки моделей с точки зрения акцента на эффективность инвестиций и увеличения эффектов от добавленной локальной стоимости продуктов промышленного производства (табл. 4).

Ранее нами уже предлагалась модель оценки эффективности сложных экономических систем посредством суммарных показателей модели A_CES (табл. 5).

Как можно отметить, экспертная оценка подкрепляет значимость ранее выявленных показателей оценки эффективности и интенсивности. Однако видится необходимым обновить и дополнить ранее предложенный подход в быстроменяющейся среде с учетом мнения экспертов из последнего опроса показателем «Скорость ROI и прочие связанные с ROI показатели от проектов по цифровизации». В настоящее время данный показатель мало разработан в отношении проектов по цифровизации, соответственно, требует отдельного изучения и выявления на основе отраслевых данных.

Перейдем к практическому применению, демонстрирующему необходимость обновления интегрированных моделей согласованных действий участников сложных экономических систем. Основным вопросом, на наш взгляд, при обновлении интегрированных моделей согласованных действий участников сложной экономической системы является принятие решения о том, в отношении каких именно моделей следует проводить данные мероприятия. Выявление целевых процессов проводится разными способами, основными маркерами являются, несомненно, влияние на добавленную стоимость, которую несет продукт в общей цепочке образования стоимости, однако нами предлагается к апробированию подход, связанный с примене-

Таблица 5

Детализация частных суммарных показателей модели A_{CES}

Название функции	Функция
Функция интенсивности финансово-экономического состояния $Int_Fin()$	$Int_{Fin} = \sqrt[3]{x1 + x2 + x3}$
Функция эффективности финансово-экономического состояния $Eff_Fin()$	$Eff_{Fin} = \sqrt[4]{y1 + y2 + y3 + y4}$
Функция интенсивности улучшения $Int_Imp()$	$Int_{Imp} = \sqrt[3]{k1 + k2 + k3}$
Функция эффективности улучшения $Eff_Imp()$	$Eff_{Imp} = \sqrt[3]{z1 + z2 + z3}$
Функция интенсивности развития бизнеса $Int_Bis()$	$Int_{Bis} = \sqrt[3]{m1 + m2}$
Функция эффективности развития бизнеса $Eff_Bis()$	$Eff_{Bis} = \sqrt[4]{n1 + n2 + n3 + n4}$
Функция интенсивности развития персонала $Int_Dev()$	$Int_{Dev} = \sqrt[3]{p1 + p2 + p3}$
Функция эффективности развития персонала $Eff_Dev()$	$Eff_{Dev} = \sqrt[3]{e1 + e2 + e3}$

Источник: разработано авторами.

нием теории игр для выявления отклонений в интегрированных моделях взаимодействия участников сложной экономической системы.

Рассмотрим следующую интегрированную модель согласованных действий при отправке заказов через специализированную цифровую систему от OEM к TIER-поставщикам. Примем следующие условные обозначения: OEM – производитель конечного промышленного продукта; TIER – поставщики, в том числе операторы (operator) компонентов, сырья и услуг (в том числе логистических и цифровых).

Зачастую происходят сбои при отправке заказов на поставщиков TIER по разного рода причинам. В результате, в худшем сценарии это ведет к останову производства OEM, компенсация которого является сложным вопросом среди участников сложной экономической системы. Нами приняты условные коэффициенты для обозначения затрат на компенсацию издержек, связанных с проблемами разного уровня (3 уровня): 1) влияния на производство OEM не было выявлено (только дополнительные человеческие ресурсы); 2) ситуацию удалось устранить без урона производству OEM с задействованием дополнительных транспортных и человеческих ресурсов; 3) влияние на производство произошло: производство было в простое N период времени, что значительно превышает по стоимости издержек два предыдущих случая. В эпоху цифровизации и модернизации подобных ошибок и отклонений быть не должно, однако, в соответствии с последними данными, случаи продолжают происходить в реальной практике предприятий и, в свою очередь, влиять на показатели эффективности, в том числе со стороны добавленной стоимости и ROI.

На основе вышеизложенного визуализируем схематично стандартную интегрированную модель и отметим возможные зоны отклонения в ней (рис. 5).

Рассмотрим данную ситуацию, применив теорию игр. Ошибка обычно обнаруживается по факту получения/неполучения заказа поставщиками TIER. Если отсутствие/неточность заказа приводят к изменению вида доставки, участники системы имеют дополнительные издержки. Если поставка все равно приходит не вовремя, то появляются издержки уже не только на иной, более дорогостоящий вид транспорта, но и на простой предприятия EOM (в том числе частичный простой). Как показано на схеме, потенциально ошибка может быть на стороне: OEM, оператора цифрового канала, а также на стороне поставщика деталей/сырья (TIER). Применим теорию игр для выяснения целевой стратегии взаимодействия участников в данной сложной экономической системе. В таблице 6 представлены все возможные сценарии. Детализация: y – условные расходы; $xу$ – условные расходы, умноженные на коэффициент. Альтернативные сценарии: 1, 2, 3.

Заключение

В соответствии с полученными результатами сделаем выводы.

– На стороне OEM: 1) стратегически заинтересован в добросовестной работе поставщиков, но 2) при корректной работе системы без проблем и угроз для производства может не обращать внимание на несовершенство системы. При покрытии издержек OEM обоими поставщиками OEM также не несет убытков, однако это невыгодно самим поставщикам.

– На стороне TIER: для поставщика полностью имеет смысл не сообщать OEM об отклонениях системы. Такая стратегия строго доминирует.

– На стороне цифрового оператора (Operator): для поставщика полностью имеет смысл не сообщать OEM об отклонениях системы. Такая стратегия строго доминирует.

Таблица 6

Сценарии взаимодействия участников сложной экономической системы					
TIR		FALSE	FALSE	TRUE	TRUE
Operator		FALSE	TRUE	FALSE	TRUE
Влияние на производство	Нет (1)	-0.01y; 0.01y; 0.1y	-0.01y; 0.01y; -0.1y	-0.01y; -0.01y; 0.1y	0; 0; 0
	Предупреждено (2)	-y; 0.01y; 0.1y	-0.01y; 0.01y; -1.1 y	-0.01y; -1.01y; 0.1y	-0.01y; -0.51y; -0.6y
	Есть Не предупреждено (3)	-10.01y; 0.01y; 0.1y	-5.01y; 0.01y; -5.1y	-5.01y; -5.01y; 0.1y	-3.34y; -3.34y; -3.4y

Источник: разработано авторами

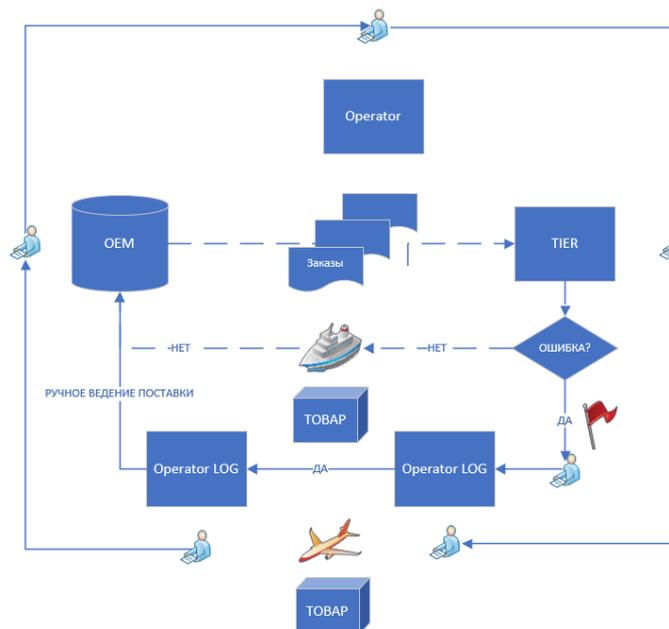

Рис. 5. Схема согласованных действий участников сложной экономической системы до оптимизации.

Источник: разработано авторами в MSVisio

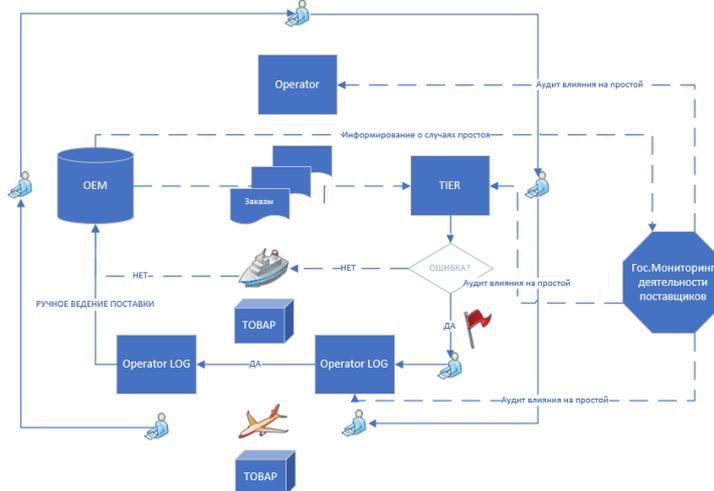

Рис. 6. Обновленная схема согласованных действий участников сложной экономической системы после оптимизации.

Источник: разработано авторами в MSVisio

Таким образом, имеет смысл провести дополнение сложной экономической системы со ссылкой на общие интересы общества: отсутствие дополнительных издержек и негативное влияние на прибыль предприятия. Дополненная

интегрированная модель схематично представлена на рисунке 6.

Введение государственного аудита поставщиков призвано сокращать случаи недостоверности данных при взаимодействии в цифровую

эпоху ввиду того, что у государственного аудитора будет более расширенный доступ к данным при проблемной повторяющейся ситуации. Реагирование государственного аудита необходимо регламентировать. Регламентация необходима как со стороны правового обеспечения вопроса, так и с экономической стороны. Экономическую сторону вопроса необходимо исследовать отдельно, однако следует заключить, что индикаторами для решения о проведении аудита будут являться в том числе показатели добавленной стоимости производимых продуктов, а также окупаемость инвестиций в цифровое производство ввиду прямой заинтересованности государства в росте числа цифровых производственных предприятий.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00781.

Список литературы

1. Трофимов О.В., Фролов В.Г., Захаров В.Я., Павлова А.А. Алгоритм принятия и реализации управленческих решений при согласовании интересов государства и хозяйствующих субъектов в соответствии с концепцией «Индустрия 4.0» // *Лидерство и менеджмент*. 2019. Т. 6. № 4. С. 409–424.
2. Федосеев А.В. Интеграция промышленных предприятий: исследование и оценка эффективности: Монография. Челябинск: Изд-во ЮУрГГПУ, 2018. 160 с.
3. Степнов И.М., Ковальчук Ю.А. Цифровые платформы как новый экономический агент в открытой модели экономики // *Друкерровский вестник*. 2019. № 2 «Национальные инновационные системы». С. 5–13.
4. Яблонский С.А. Многосторонние платформы и рынки: основные подходы, концепции и практики // *Российский журнал менеджмента*. 2013. Т. 11. № 4. С. 57–78.
5. Авдеева И.Л. Использование платформенных технологий в современном государственном управлении // *Вестник экспертного совета*. 2019. № 1 (16).
6. Van Alstyne M., Parker G., Choudary S.P. Pipelines, platforms, and the new rules of strategy // *Harvard Business Review*. 2016. April. P. 24–28.
7. O'Reilly T. Government as a platform // In: D. Lathrop eds., *Open Government: Collaboration, Transparency, and Participation in Practice*. Sebastopol, Calif.: O'Reilly Media, 2010. P. 26 [Электронный ресурс]. URL: https://www.mitpressjournals.org/doi/pdf/10.1162/INOV_a_0005 (дата обращения: 15.09.2020).
8. Отчет Еврокомиссии за 2017 год [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gtai.de/resource/blob/63904/c106af1ef8d5810a72e96e07ecdd81b4/fact-sheet-digital-en-data.pdf>. (дата обращения: 15.09.2020).
9. Обзор компании EY за 2020 год [Электронный ресурс]. URL: https://start-up-initiative.ey.com/wp-content/uploads/2020/07/EY-Startup-Barometer-Germany_July-2020.pdf (дата обращения: 15.09.2020).
10. Дорожная карта «Технет» (передовые производственные технологии) Национальная технологическая инициатива [Электронный ресурс]. URL: <https://nti2035.ru/technology/technet> (дата обращения: 15.09.2020).
11. Трофимов О.В., Фролов В.Г., Каминченко Д.И., Захаров В.Я., Павлова А.А. Факторы сбалансированного развития сложных экономических систем производственной сферы и сферы услуг в соответствии с концепцией «Индустрия 4.0» // *Креативная экономика*. 2018. Т. 12. № 10. С. 1531–1548.
12. Фролов В.Г., Захаров В.Я., Каминченко Д.И., Павлова А.А. Системные эффекты развития сложных экономических систем в соответствии с концепцией «Индустрия 4.0» // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2018. № 4 (52). С. 40–47.
13. Захаров В.Я., Трофимов О.В., Фролов В.Г., Кудайбергенова Н.С. Механизмы интеграции и кооперации сложных экономических систем в соответствии с концепцией «Индустрия 4.0» // *Вопросы инновационной экономики*. 2019. Т. 9. № 4. С. 1341–1356.
14. Axenath B., Kindler E., Rubin V. The aspects of business processes. Technical Report tr-ri-05-256, Computer Science Department of the University of Paderborn, April 2005. P. 104–122.
15. Vernadat F. Enterprise Integration: On business process and enterprise activity modeling // In: *Concurrent Engineering: Research and Applications*. 1996. P. 97–101.
16. Scheer A.W. Architecture of integrated information systems. Springer, 1992. 223 p.
17. Стратегия развития Росстата и системы государственной статистики Российской Федерации до 2024 года [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/strategy> (дата обращения: 15.09.2020).
18. International Yearbook of Industrial Statistics 2020. Vienna, Austria. 2020. 880 pp. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unido.org/resources-publications-flagship-publications/international-yearbook-industrial-statistics> (дата обращения: 15.09.2020).
19. Industrial Statistics – Guidelines and Methodology. UNIDO. Vienna. 2010. 247 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unido.org/resources-publications/cross-cutting-services/industrial-statistics-guidelines-and-methodology> (дата обращения: 15.09.2020).
20. ГОСТ Р 57194.1–2016 (2016) Трансфер технологий. Общие положения. М. 9 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200141164> (дата обращения: 15.09.2020).
21. ГОСТ Р 56861–2016 (2016). Система управления жизненным циклом. Разработка концепции изделия и технологий. Общие положения. М. 11 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200132491> (дата обращения: 15.09.2020).

**INTEGRATED AND COORDINATING PARTICIPANTS' ACTIONS' MODEL IMPLEMENTED
IN INNOVATIVE AND INVESTMENT ASPECTS IN COMPLEX ECONOMIC SYSTEMS IN ACCORDANCE
WITH THE INDUSTRY 4.0 CONCEPT**

O.V. Trofimov, V.G. Frolov, A.A. Pavlova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The authors focus on the fourth industrial revolution's impact on the innovation and investment detail of participants in a complex economic system. The aim of the work is to develop an integrated model of coordinated actions of participants in the industrial sector based on the previously suggested algorithms and criteria for assessing the activities of enterprises of a complex economic system in the context of digitalization. Revealing the necessary characteristics of the model is achieved by applying game theory to existing models of interaction between participants in a complex economic system (for example, industrial enterprises). The authors conclude that it is necessary to add additional functions to existing integrated models, including digital state regulation.

Keywords: Industry 4.0, complex economic systems, industrial production, Integrated business models, digitalization.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.1

ОТЧУЖДЕНИЕ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

© 2020 г.

Е.Д. Шетулова

Шетулова Елена Дмитриевна, д.филос.н.; профессор кафедры методологии, истории и философии науки Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева
shetulowa@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 30.04.2020**Статья принята к публикации 29.10.2020*

Дается авторское видение теоретического и прикладного аспектов анализа отчуждения в современной социологии. Для исследования использован компаративистский метод, позволяющий сравнить постановку и решение проблемы отчуждения в социологии, социальной философии, психологии. На основе исследования определены основные направления анализа отчуждения в современной социологии – историко-социологическое; рассмотрение типов и форм отчуждения, его социальных проявлений; эмпирической и прикладной разработки проблемы отчуждения. Также раскрыта специфика социологического подхода к отчуждению, различающаяся и совпадающая с другими социальными науками. Различие выражает себя в акцентуации вопроса ряда негативных проявлений в социальных отношениях, таких как бессилие, бессмысленность, социальная изоляция, травма, утрата привычной системы ценностей, одиночество. Наряду с различием фиксируется общность, выражающаяся в выявлении дисфункции в сфере социального, и представление теоретического решения путей устранения этой дисфункции.

Ключевые слова: теории отчуждения, интерпретации отчуждения, методология социологического исследования, история социологии, индекс отчуждения.

Введение

Проблема отчуждения с момента своего четкого осознания в начале новой истории и до сегодняшнего дня обладает выраженной актуальностью исследования. В современной социологии эта актуальность фиксируется и зарубежными, и отечественными авторами.

Так, Э. Кроссман полагает, что социологи, изучая условия труда при глобальном капитализме, обнаруживают, что предпосылки отчуждения фактически усилились, а условия ухудшились в сравнении со временами более раннего капитализма XIX столетия. Бедность, расизм, экономическая нестабильность, социальные потрясения, непонимание и столкновения на религиозной, ценностной, мировоззренческой почве, проблемы, возникающие у людей, переместившихся или перемещенных из одного региона мира в другой, ярко свидетельствуют в пользу актуальности изучения отчуждения [1]. Эта же точка зрения поддержана Р.Ф. Гейером [2, p. ix].

Отечественные авторы тоже пишут об усилении социального отчуждения в мире, особое внимание при этом уделяя положению дел в России. В работе Ф.И. Минюшева выявляется

ряд уровней отчуждения, характерных именно для нашей страны. Это, прежде всего, социально-экономическое отчуждение, выраженное в показателях дифференциации доходов, в конфликте труда и капитала. Если в 80-е гг. XX века разрыв между наиболее и наименее обеспеченными слоями был двукратным, то укрепление капитализма в нулевые годы XXI века увеличило разрыв до семи – девяти раз. Далее следует политическое отчуждение, принимающее подчас откровенно враждебный характер. Ведь сложившиеся общественные группы различаются своими коренными интересами, а государство выступает в качестве «совокупного капиталиста». Возникло этническое отчуждение, сопровождаемое волнами ксенофобии и агрессивности. Наконец, наиболее сложно поддающееся анализу духовное отчуждение, обладающее как общими, так и специфическими чертами по сравнению с предыдущими периодами истории. Оно проявляется в откровенном манипулировании сознанием людей, возникновении разного рода фетишей, распространении религиозных, социальных мифов и предрассудков [3, с. 5–7].

Как видим, проблема отчуждения достаточно сложна и многоаспектна. Согласимся с

Е.О. Смолевой, что сегодня «проблема отчуждения требует к себе комплексного подхода» [4, с. 9]. Достижение задач комплексного анализа предопределяет предварительное выявление особенностей исследования отчуждения отраслями современного социального знания.

Целью настоящей статьи является исследование специфики анализа проблемы отчуждения в рамках социологической науки. Данная цель определяет задачи исследования, заключающиеся в сравнении социологического подхода к отчуждению с подходами ряда иных социальных наук, а также определении основных направлений рассмотрения отчуждения в современной социологии.

Научная новизна предлагаемого материала заключается в том, что до настоящего времени недостаточное количество работ посвящено теме анализа роли и места проблемы отчуждения в социологии.

Методология

Исследование вопросов специфики социологического анализа проблемы отчуждения основывается на принципах компаративистского метода, позволяющего выявить особенности социологического подхода к анализу отчуждения путем сравнения постановки проблемы, методик ее исследования и его общих перспектив в социологии, социальной философии, психологии.

При проведении данного исследования под отчуждением понимается процесс, в ходе которого человек создает институты и силы, которые в ходе дальнейшего исторического движения постепенно отрываются от него, начинают ему противостоять и господствовать над ним. Такое понимание носит предельно общий характер, позволяющий применять понятие «отчуждение» в разных областях социального анализа. При этом эти области, в своих собственных границах, способны, до известной степени, трансформировать содержание понятия, приспособив его к особенностям изучаемого предмета.

Результаты и их обсуждение

Использование в социологии понятия «отчуждение» обладает собственной историей. Безусловно, его формирование и применение для анализа соответствующих процессов первоначально связано с областью философского знания. Однако, по мнению ряда современных социологов, в середине XIX века его удалось трансформировать в социологическое понятие. И сделано это было К. Марксом в работе «Экономическо-философские рукописи 1844 года» [5].

Насколько можно судить, относительно дальнейшей истории вопроса применимости или неприменимости отчуждения в целях социологического анализа мнения не совпадают. Проблема приобретает открыто дискуссионный характер. Остановимся на основных точках зрения на нее.

Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер занимают позицию, согласно которой по мере движения от времени жизни и деятельности К. Маркса отчуждение постепенно утрачивает свой социологический смысл, ввиду его использования для обозначения целого ряда явлений, в том числе не имеющих отношения к социологии. Социологический смысл теряется также из-за пренебрежения марксистской социологией капитализма, ведущего к утверждению мысли о расплывчатости и бесполезности термина. Конечно, последняя мысль выражается преимущественно немарксистской социологией. Но и в марксистской, в известной мере, распространяется идея отсутствия необходимости сохранения понятия «отчуждение», поскольку поздний Маркс якобы отказался от него в пользу использования другого понятия, а именно понятия «эксплуатация» [6].

Но с такой позицией согласны далеко не все социологи. Й. Уильямсон и С. Каллингфорд, подчеркивая неясность и даже противоречивость термина «отчуждение», одновременно констатируют его продолжающееся широкое использование и полезность, особенно в привязке к определенным периодам времени [7].

В работах Р.Ф. Гейера хорошо освещены эти периоды наибольшего интереса к проблематике отчуждения в сфере социологического знания. В XIX веке этапный характер присущ исследованиям отчуждения, осуществленным К. Марксом. На рубеже XIX–XX столетий и в первой половине XX века – это работы Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, Ч. Райт Миллса, М. Симана. Относительно второй половины XX века, бум исследований отчуждения приходится на 50-е – 60-е гг., затем интерес падает, возрождаясь лишь в 90-е годы. И этот новый всплеск интереса был далеко не случайным. Его породили, по мнению Р.Ф. Гейера, три основных фактора. Первый – распад СССР вызвал интерес к проблеме изучения отчуждения в Советском Союзе и странах Восточной Европы, тем более сильный, что до этого наличие отчуждения в этих странах практически полностью отрицалось. Второй – выраженные процессы глобализации и интернационализации, порождающие новые формы отчуждения. Третий – парадигма постмодернизма, рассматривающая мир как состоящий из симулякров и виртуальной реальности,

что прямо подпадает под понятие отчуждения [2, р. xii].

В целях выявления специфики социологического подхода к отчуждению необходимо поставить ряд достаточно конкретных вопросов.

Какое содержание вкладывается в термин «отчуждение» именно в социологии? Как показано Р.Ф. Гейером, понятие отчуждения есть понятие с широко расходящимися интерпретациями [2, р. ix]. С этим утверждением невозможно не согласиться. Истолкование содержания понятия «отчуждение» действительно зависит от мировоззренческих и методологических ориентаций конкретного исследователя. Но, с другой стороны, эти интерпретации между собой связаны [2, р. ix]. Это позволяет дать некоторое общее определение отчуждения. Например, в западной науке социальное отчуждение понимается как широкое понятие, используемое социологами для описания опыта отдельных лиц, групп, чувственно оторванных от норм, ценностей, практик и социальных отношений своего сообщества или общества [1]. Эта дефиниция, данная в работе Э. Кроссмана, в целом не противоречит точке зрения на содержание отчуждения в представлении отечественных социологов. Так, Т.В. Шипунова полагает, что «термин «отчуждение» используется в литературе чаще всего для обозначения *отстранения* индивида или социальной группы от каких-либо материальных или духовных ценностей» [8, с. 125].

В чём значимость концептуального осмысления отчуждения в области социологии? Е.О. Смолева полагает, что современный мир характеризует предельная сложность социальной системы, в которой человек имеет статус не более, как её винтика (К. Хорни). Это значит, что отчуждение становится всеобщим. Но большое количество работ, использующих понятие «отчуждение», ограничиваются описательностью, тогда как сложившееся положение дел требует развития теории отчуждения, ориентированной на современную практику [4, с. 2]. Думается, что социологическое знание, в принципе, в состоянии удовлетворить потребность в прикладном характере исследования отчуждения.

Со своей стороны Р.Ф. Гейер подчёркивает плодотворность и полезность концепции отчуждения для социальных наук. Ибо они одной из своих функций имеют функцию предупреждения общественной системы о возможных грядущих катаклизмах, непреднамеренных негативных последствиях социального развития, особенно в период быстрых социальных изменений [2, р. ix]. В первую очередь это касается именно социологии, занимающейся социальным развитием, социальными изменениями,

социальными отношениями как своим непосредственным предметом.

Какие направления социологического анализа отчуждения наиболее представлены в современной науке?

Первое направление социологического анализа – исследования в области истории социологии, заключающиеся, прежде всего, в анализе понимания отчуждения крупнейшими социологами. Здесь есть один немаловажный момент, неоднократно отмеченный в литературе. Дело в том, что в социологических концепциях обычно практически не употребляется сам термин «отчуждение». При этом в работах М. Вебера, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, К. Манхейма, Р. Мертона, Ф. Тенниса фиксируются и раскрываются истоки, формы, признаки и последствия отчуждения [4, с. 6–7; 8, с. 126]. Остановимся на этом подробнее на примере рассмотрения взглядов М. Вебера и Г. Зиммеля в современной литературе.

Одной из существенных частей социологии М. Вебера является анализ им труда и экономики, в котором определённая роль принадлежит отчуждению (экспроприации). Исследованию веберовских представлений о труде и экономике посвящена, в частности, работа А.И. Кравченко [9]. Природа, сущность, процесс отчуждения носят экономический характер. Причины же его могут быть как техническими, так и экономическими. Инженеры, служащие, управляющие своим трудом не приводят в действие средства производства. Их отчуждение – это техническое отчуждение, то есть неучастие в материальном производстве. Ими не манипулируют, манипулируют рабочими. Рабочие же отчуждены от средств производства экономически, ведь они вступают в непосредственный контакт с этими средствами, которые не могут присвоить в свою собственность [9].

Как показывает А.И. Кравченко, М. Вебер полагает, что отчуждение отдельного рабочего от собственности обусловлено техническими и экономическими факторами: «... для успешного взаимодействия многих рабочих собственность одного из них может оказаться непреодолимым препятствием. Поэтому *отделение индивидуального рабочего от средств производства – это рациональная, с технической точки зрения, предпосылка кооперации труда* ... Технические факторы говорят только о необходимости отделения от средств труда индивидуального, а не коллективного, то есть совокупного рабочего» [9].

Но возможно и отчуждение от средств производства всех рабочих в следующих формах. Первая форма – *присвоение функций управления административным аппаратом*. Рационально

организованная социалистическая экономика, отчуждая всех рабочих от средств производства, дополняется отчуждением от них частных собственников, их экспроприацией. Вторая форма – осуществление управленческих функций собственниками или назначенными ими лицами [9]. Может ли отсутствовать отчуждение? «Отчуждения нет или оно существует в меньшем объеме, когда рабочие участвуют в управлении или выступают «собственниками занятий», то есть когда их нельзя отделить от выполняемой ими работы, профессии (случай ремесленного труда)» [9].

В.Е. Горозия, анализируя взгляды Г. Зиммеля, отмечает, что проблему отчуждения он выразил в формуле о существовании «конфликта современной культуры», заключающегося в антагонизме разума и жизни [10, с. 66]. Это повлекло за собой как описание глубочайших противоречий капиталистической цивилизации в сфере культуры, так и уделение значительного внимания экономической тематике. Основная работа Г. Зиммеля, посвященная этому – «Философия денег», являющаяся, по словам Г. Войславского, обвинительным заключением капитализму [10, с. 66–67, 72].

Вся работа «Философия денег», по мнению В.Е. Горозия, есть культурологическая интерпретация понятия отчуждения. Центральными понятиями собственно концепции Г. Зиммеля выступают интеллектуализм и денежное хозяйство. Их возникновение означает вступление общества в исторический период, который и является периодом отчуждения. Г. Зиммель, исследуя социальные функции денег, собственно говоря, обосновывает идею, что «в обществе, где главной целью человеческого бытия выступают деньги, происходит обесценивание интеллектуальных, эстетических, этических и прочих ценностей, отчуждение превращается в универсальный модус «Бытия – в мире», где проявляются все формы отчуждения» [10, с. 63]. Поскольку деньги исключают проявления любого рода непосредственности, постольку воцаряется всеобщее отчуждение, которое, однако, воспринимается далеко не однонаправленно, так как «всеобщее отчуждение сопровождается ростом индивидуальной свободы ... Отчуждение и свобода – две стороны одной медали» [10, с. 64–65].

Отдельное место в историко-социологических исследованиях занимает сравнение представлений об отчуждении в классическом марксизме, положившем начало социологическому исследованию отчуждения, и в современной социологии. Так Э. Гидденс полагает, что «для Маркса отчуждение связано не только с чувствами безразличия или враждебности к

работе, но со всей структурой промышленного производства в условиях капитализма. Отчуждение выражается в отсутствии у рабочих фактора контроля над условиями своего труда» [11, с. 347]. Действительно, как справедливо показывает Э. Гидденс, К. Маркс был одним из первых, кто глубоко проанализировал, что развитие современной промышленности редуцирует многие виды работы до однообразных, неинтересных заданий. Разделение труда отчуждает людей. В традиционных обществах работа весьма тяжела и даже изнурительна. Однако люди сами организовывали её. Промышленные рабочие не влияют ни на характер выполняемого, ни на продажу товара соответствующему покупателю. Рабочие не организуют свою работу, результат ими не контролируется [11, с. 346]. В противоположность К. Марксу, «более поздние исследователи отчуждения в социуме концентрируются на ощущениях и ориентациях рабочих, а не на объективной стороне труда» [11, с. 347].

Второе направление социологического исследования – специальный теоретический анализ отчуждения и его социальных проявлений. Если взять социологию XX–XXI столетий, то, в полном соответствии с приведённой мыслью Э. Гидденса, исследователи обращают преимущественное внимание на ощущения и ориентации человека, а именно чувства бессилия, бессмысленности, изолированности, травмированности и подобные им. Это, в общем, и неудивительно, поскольку труд, трудовая сторона жизни человека играет основополагающую роль. А как показывает Э. Гидденс, современная система производства не устраняет, а сохраняет максимальную отчужденность рабочего, ибо лишает работника свободы действий, что, в конечном счете, становится основой ощущения бессмысленности, бессилия [11, с. 347].

Разумеется, современная социология не может пройти мимо теоретического анализа проблемы соотношения личности и социума, где феномен отчуждения проявляет себя крайне ярко. Например, в работе С.А. Суворова справедливо констатируется, что феномен отчуждения является ключевым для понимания самого соотношения личности и общества. Личность человека стеснена в рамках общества, избыточна по отношению к обществу [12]. Потому традиционно отчуждение рассматривалось как негативный фактор для персоногенеза. Но правильный ли это подход? С точки зрения современной науки, нет. Автор показывает ограниченность традиционного взгляда на роль отчуждения в становлении личности.

Во-первых, отчуждение сопровождает человечество всю его историю. При этом, «если от-

чужденность прогрессировала по мере развития социальной организации, то этот факт стоит сопоставить с тем, что личность человека развивалась по практически такой же схеме» [12]. Совершенствование социальной структуры влекло за собой (или означало одновременно) совершенствование человеческой личности. Во-вторых, «отчужденность ... может пониматься как специфический механизм обособления индивида» [12]. Ведь личность человека есть выделение индивида из социальной среды, обособление от окружающего, осознание своей уникальности. В данном случае социум необходим. Его наличие и позволяет человеку осознать свое отличие. В-третьих, именно отчуждение включает человека «в социальные связи, социализацию, прививание ему жизненно необходимых для существования стандартов и правил общественного поведения» [12].

Утверждая положительный смысл отчуждения в становлении личности, автор находит определенное противоречие во взглядах К. Маркса между пониманием им отчуждения человека и его представлениями о личности. «Ведь если качества человека полностью формируются его социальным окружением, то откуда взяться отчуждению? Получается, что капиталистическое общество отчуждает от человека те же качества, что ему и присваивает, причем использует для этого те же механизмы, что и для формирования личности» [12].

Но, одновременно, отчужденность ограничивает развитие личности, ибо «на определенном этапе личность становится избыточной по отношению к общественным стандартам поведения и жизни, а отчуждение уже не может предложить ничего больше» [12]. К тому же отчуждение – это не единственный вариант личностного прогресса. Оно ставит для развития личности необходимые рамки, несущие положительные последствия, но всё же являющиеся ограничителями [12].

Третье направление социологического анализа – эмпирическое исследование отчуждения. Справедливо замечание В.Ю. Тюлина, что социология есть эмпирическая наука, в которой нельзя рассуждать лишь на уровне абстрактных категорий, но при этом в ней, именно в плане исследования отчуждения, наблюдается нехватка эмпирии по данной проблеме [13]. Эта же точка зрения поддержана и рядом других отечественных социологов [14]. В частности, необходимо задать вопрос о возможности измерения уровня отчуждения, в чём преуспела западная социология и на что не даёт адекватного ответа российская [13].

В.Ю. Тюлин отмечает, что большинство шкал отчуждения обладают ограничениями в использовании. Во-первых, шкалы разработаны

для фиксации отчуждения лишь в одной из сфер. Во-вторых, существует ограничение, обусловленное наличием в западной социологии культурно специфических утверждений, фразеологизмов, перевод которых на русский затруднён. Исключение – тест отчуждения С. Мадди. Этот тест позволяет измерить и общий уровень отчуждения и дифференцировать различные аспекты этого сложного феномена [13].

В.Ю. Тюлин предлагает методику, позволяющую измерить отчуждение в пяти сферах – работа, общество в целом, межличностные отношения, семья, собственная личность. В каждой из этих сфер можно выделить четыре формы отчуждения, поддающиеся измерению, – вегетативность, бессилие, нигилизм, авантюризм; в 60 пунктах опросника предложить 12 суждений на каждую сферу и 15 на каждую форму, реакция на которые и позволит типологизировать отчуждение на «абсолютное», «относительное» и «мнимое» [13].

Интересен вопрос не только об измерении отчуждения внутри отдельно взятой страны, большой эмпирический материал предоставляет и межстрановое сравнение, например динамики отчуждения в США и России, представленной в статье Д.В. Канатаева [15].

Кроме вопроса об измеримости отчуждения, к социологической эмпирии необходимо отнести и соответствующие эксперименты, описание которых присутствует в литературе. Например, эксперименты, начиная с 70-х гг. XX века, в процессе осуществления которых на место организаций фордистского и тейлористского типа, основанных на низком уровне доверия работодателя и работника, предлагалась организация, основанная на промышленной демократии [11, с. 347].

Эмпирическое исследование отчуждения содержится в диссертационных социологических исследованиях П.Н. Афанасьева, В.Ю. Комбарова, С.А. Суворова, Э.Х. Хабибрахмановой [16–19]. К сожалению, насколько удалось выяснить по каталогу РГБ, из диссертаций, защищенных после 1991 г. по проблеме отчуждения, лишь 4 – по социологии. Это коррелирует с количеством работ, исследующих проблематику отчуждения рядом социальных наук: так, по экономике защищено 3 диссертации, по юриспруденции – 3, по психологии – 2, по филологии, культурологии, педагогике – по 1 диссертации, и находится в резком контрасте с философией – 30 работ по проблеме отчуждения после 1991 г.

Заключение

Этот краткий литературный обзор современной социологической литературы позволил выявить основные направления исследования отчуждения в социологии. На его основе опреде-

лим специфику социологического анализа отчуждения в сравнении с рядом иных социальных наук. Согласимся с Е.О. Смолевой, что «социология ищет ответы на вопросы, как проявляется отчуждение на уровне социума, какая социальная ситуация является причиной отчуждения. Социологические исследования различных сторон отчуждения связаны с выявлением распространенности в обществе таких явлений, как утрата социумом господствующей системы ценностей, одиночество, эксклюзия» [4, с. 9]. Но, с другой стороны, цель социологии в исследовании отчуждения подобна целям социальной философии, психологии, психиатрии, ибо она заключена в описании дисфункций в обществах, резко разделенных по расовым признакам, с неравенством во власти [2]. Наличие этой цели – определить дисфункцию и теоретически определить возможные пути её устранения – объединяет социологию с другими социальными науками.

Список литературы

1. Crossman A. Understanding alienation and social alienation [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.thoughtco.com/alienation-definition-3026048> (дата обращения: 10.04.2020).
2. Geyer R.F. Introduction: Alienation, ethnicity and postmodernism // *Alienation, Ethnicity and Postmodernism*. Westport: Praeger, 1996. P. IX–XVIII.
3. Минюшев Ф.И. Социальное отчуждение: опыт нового прочтения // *Социологические исследования*. 2011. № 4. С. 3–13.
4. Смолева Е.О. Социальное отчуждение: анализ теоретических подходов // *Вопросы территориально-го развития*. 2016. Вып. 4 (34). С. 1–14.
5. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. С. 41–174.
6. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Отчуждение // *Социологический словарь* [Электронный ресурс]. Режим доступа: sociology.niv.ru/doc/dictionary/sociology/index.htm (дата обращения: 10.04.2020).
7. Williamson I., Cullingford C. The uses and misuses of alienation in the social sciences and education // *British Journal of Educational Studies*. 1997. Vol. 45. № 3. P. 263–275.
8. Шипунова Т.В. Социальное исключение, отчуждение, насилие и агрессия как механизмы воспроизводства девиантности // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2005. Т. VIII. № 4. С. 120–136.
9. Кравченко А.И. Социология Макса Вебера: труд и экономика. М.: На Воробьевых, 1997. 206 с.
10. Горозия В.Е. Проблема отчуждения культуры в философии и социологии Георга Зиммеля // *Россия и Грузия: диалог и родство культур: Материалы Международного симпозиума*. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 63–74.
11. Гидденс Э. Социология: Пер. с англ. М.: Эдиториал УРСС, 2005. 632 с.
12. Суворов С.А. К вопросу о социологическом понимании личности // *СЭНИ «Аналитика культурологии»*. 2008. Вып. 3 (12) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://analiculturolog.ru> (дата обращения: 10.04.2020).
13. Тюлин В.Ю. Измерение отчуждения в современной социологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.isras.ru/abstract_bank/1208349925.pdf (дата обращения: 10.04.2020).
14. Современная концептуализация отчуждения. Аналитика преодоления отчуждения человека и общества в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rfbr.ru/rffi/ru/project_search/o_277641 (дата обращения: 10.04.2020).
15. Канатаев Д.В. Динамика отчуждения в США и России, социологическое измерение // *Социально-гуманитарные знания*. 2013. № 5. С. 352–377 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20299492_75376565.pdf (дата обращения: 10.04.2020).
16. Афанасьев П.Н. Отчуждение личности в сфере высшего образования: на примере студенческой молодежи: Дис. ... к. соц. н. Казань, 2005. 167 с.
17. Комбаров В.Ю. Отчуждение как социальный феномен современности: концептуальные подходы и эмпирические референты: на примере ИТР промышленного предприятия: Дис. ... к. соц. н. Новосибирск, 2011. 186 с.
18. Суворов С.А. Отчуждение как возможный этап развития личности: Дис. ... к. соц. н. Тамбов, 2008. 204 с.
19. Хабибрахманова Э.Х. Социально-управленческое отчуждение в системе местного самоуправления: региональный аспект: Дис. ... к. соц. н. Уфа, 2010. 194 с.

ALIENATION AS A PROBLEM OF MODERN SOCIOLOGY

E.D. Shetulova

Nizhny Novgorod State Technical University named after R. E. Alekseev

The paper provides the author's vision of the theoretical and applied aspects of the analysis of alienation in modern sociology. The comparative method was used for research, which allows to compare the formulation and solution of the problem of alienation in sociology, social philosophy and psychology. Based on the study, the main directions of the analysis of alienation in modern sociology are determined. This is a historical and sociological direction; consideration of types and forms of alienation, its social manifestations; empirical and applied development of the problem of alienation. The specifics of the sociological approach to alienation, which differs and at the same time coincides with other social sciences, is also disclosed. The difference expresses itself in emphasizing a number of negative manifestations in social relations, such as feebleness, meaninglessness, social isolation, trauma, loss of the familiar value system, loneliness. Along with the difference, we fix the sameness expressed in identifying dysfunctions in the social sphere and presenting a theoretical solution to ways to eliminate this dysfunction.

Keywords: theories of alienation, interpretations of alienation, methodology of sociological research, history of sociology, index of alienation.

УДК 316

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ОБЩНОСТИ «УЧИТЕЛЬСТВО»: ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ В МЕГАПОЛИСЕ

© 2020 г.

Н.Б. Костина, А.Б. Берзин

Костина Наталия Борисовна, д.соц.н.; проф.; профессор кафедры теории и социологии управления Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург
natalya.kostyna@ui.ganepa.ru

Берзин Андрей Борисович, аспирант кафедры теории и социологии управления Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург
berzinandrey@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 30.04.2020**Статья принята к публикации 15.10.2020*

Даны результаты анализа профессиональной идентичности социально-профессиональной общности «учительство» г. Екатеринбурга, проведенного на основе социологического опроса учителей ($n=529$ чел.). В рамках исследования были применены методы сравнительного и факторного анализа, анкетирование. Идентичность рассматривается как основной, главный признак общности, который отличает ее от других объединений людей. Показываются различные подходы к классификации общности, ее основные характеристики. Предлагается выделить внутри профессиональной общности несколько субобщностей в зависимости от степени идентификации.

В качестве одного из основных индикаторов идентичности рассматривалось утверждение «работа – это главное в жизни», анализировались объективные и субъективные факторы, влияющие на принятие (отторжение) данного суждения. Среди них следует выделить изменение системы ценностей, снижение социального статуса и престижа профессии, стаж работы, преподаваемые дисциплины, мотивы выбора профессии. Сделаны выводы о формировании неполной профессиональной идентичности современных учителей в условиях мегаполиса.

Полученные результаты свидетельствуют о вынужденно низкой эффективности труда учителей, о том, что много усилий приходится прилагать не столько на обучение и воспитание, сколько на иные, второстепенные, функции. Данные исследования показывают, что профессиональная идентичность учительства сегодня подвергается серьезным деформациям, идет процесс маргинализации социально-профессиональной общности.

Ключевые слова: социально-профессиональная общность, учительство, идентичность, ценности, мотивы выбора, самочувствие, маргиналы.

Введение

В конце XX столетия один из ведущих социологов России В.А. Ядов выдвинул и теоретически обосновал идею общности как ядра, центральной категории социологической науки [1].

Опираясь на методологическую концепцию В.А. Ядова, мы исходим из понимания общности как совокупности людей, обладающих определенными взаимосвязанными социальными признаками, характеризующихся в значительной степени совпадением ценностей, руководствующихся принятыми всеми ее членами нормами и правилами поведения, находящими свое проявление в идентичности. Выделение этого признака как ключевого основывается, прежде всего, на идеях связанности Ф. Тённиса и социальной солидарности Э. Дюркгейма.

Мы считаем, что идентичность представляет собой существенный признак социальной общ-

ности. Идентичность выступает одной из форм субъективной реальности, конструируемой человеком [2, с. 278–279] или обществом (в лице различных социальных групп), и при наличии всей совокупности объективных (необходимых) связей возникает лишь при осознании человеком, группой людей (общностей) своего единства, схожести или тождественности с самим собой, себе подобными – по профессиональным, территориальным, этническим, конфессиональным и другим признакам. Благодаря пониманию и осознанию идентичности человек определяет себя и других людей, видит схожесть с другими и отличия от них. С. Хантингтон обратил внимание на несколько существенных для понимания идентичности черт, присущих объединению людей и отдельному индивиду. Личность может обладать несколькими идентичностями, благодаря вхождению в различные группы и общности (от семьи

до этноса), при этом идентичность представляет собой искусственное образование, конструкт, созданный воображением и сознанием человека по собственной воле либо под давлением обстоятельств. Однако мало того, чтобы индивид причислил себя к той или иной общности, необходимо, чтобы и общность признала его своим.

Особо следует отметить ситуационный характер осознания идентичности. Очень часто она проявляется, находит свое выражение в ситуации выбора необходимости объединения с кем-либо или противостояния кому-то [3, с. 49–55].

Методология

В общественных науках понятие «идентичность» наиболее часто употребляется в философии, социологии и психологии.

Философское толкование связано с понятием тождества «Я» самому себе, с самосознанием личности, ее осознанием себя как единства в пространстве и времени, в процессе изменяющейся действительности.

В социологии идентификация рассматривается как процесс социальной категоризации, обозначения личностью своего положения в объективной и субъективной реальностях. Идентичность является в этом случае своего рода искусственным конструктом, позволяющим индивиду успешно (неуспешно) адаптироваться к окружающему миру.

Понимание идентичности в психологии связано с понятием «состояние», которое может в процессе деятельности субъекта изменяться, оставаясь чем-то связанным со своими предшествующими характеристиками. Эта непрерывность и связность основывается на целях и планах собственного развития индивида, способного изложить свое видение настоящего и будущего [4, с. 256–261].

В данной статье акцент сделан на понимании идентичности как ключевой характеристики общности, основанной на объективных факторах (прежде всего это обусловленность общественного разделения труда) и субъективных моментах (способность индивида и общности к осознанию себя как некоей целостности), из чего следует разделение идентичности на социальную и персональную. Кроме того, следует признать существование таких видов идентичности, как объективная и субъективная, позитивная и негативная, активная (базовая) и вторичная (пассивная).

В каждый исторический период в соответствии с существующей социальной структурой возникали свои виды идентичности, обусловленные взаимодействием индивида и общности,

обладающие относительной стабильностью и объективностью [2, с. 279–280].

Согласно С. Хантингтону, классификация идентичностей почти бесконечна, но наиболее важными представляются шесть ее типов:

- 1) социально-демографическая и этническая – пол, возраст, принадлежность к этносу и т.п.;
- 2) социокультурная идентичность – язык, национальность, религия и т.п.;
- 3) экономическая – профессия, место работы, отрасль и т.п.;
- 4) политическая – партии, общественные движения и т.п.;
- 5) территориальная – город, деревня, регион;
- 6) социальная – социальный статус, ближайшее окружение (друзья), клубы и объединения по интересам [3, с. 59].

С. Хантингтон, выделяя в качестве источников самоидентификации экономический фактор, включил в него профессию и работу, что позволило многим исследователям выделить, в частности, экономическую, трудовую и профессиональную идентичность. Эти идентичности зачастую тесно переплетаются между собой, а в некоторых случаях та или иная форма идентичности выступает в качестве доминирующей, включая в себя другие. Так, например, в известной работе пермских социологов «Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты» трудовая идентичность рассматривается как отнесение человека себя к какой-либо профессиональной общности, т.е. как профессиональная идентичность [5, с. 90].

Можно сказать, что работа (труд в конкретной сфере) – источник профессиональной идентичности, и на отношение к ней влияет оценка профессии, чувство принадлежности к ней, ее значение и ценность.

Из всех перечисленных выше видов идентичности для нашего исследования особо важное значение имеет профессиональная идентичность, отнесенная С. Хантингтоном к группе экономических идентичностей.

Профессиональная идентичность – это особый признак социальной общности, фиксирующий именно то, что выделяет ее из других объединений людей и отличает от множества любых групп людей с точки зрения преимущественного вида занятий на протяжении различных периодов социальной жизни. Прежде всего, это механизм взаимосвязи между личностью, профессией и обществом [6, с. 15] и результат этого взаимодействия, сплачивающий людей одной профессии и придающий им определенное общественное признание. Ее важнейшая функция – личностное самоопределение и соответствие требованиям профессии и запросам

общества. Профессиональная идентичность как разновидность социальной идентичности базируется на таких социальных основаниях, как общественное разделение труда, статусно-ролевая структура, социально-культурные различия и совпадения условий и образа жизни.

Профессиональная идентичность – это осознание своей принадлежности к профессии и степени своего соответствия ей, освоение необходимых профессиональных знаний, умений и навыков, ценностей и правил, эмоциональное отношение к «своим» и «другим», выполнение принятых в профессиональной общности стандартов и норм поведения. Благодаря этому личность получает социальную поддержку и определенную защиту, наиболее заметно проявляющиеся в моменты противопоставления другим общностям [7, с. 161], включается в систему социальных отношений и взаимодействий. Осознание тождественности, схожести своих интересов с представителями своей профессии приводит к появлению солидарности, готовности совместно их отстаивать, дает чувство уверенности в своих силах.

Если попытаться описать основные признаки профессиональной идентичности, то, по мнению исследователей, они сводятся к следующим: ценности, присущие общности, профессионально важные качества, нормы и правила профессионального поведения, профессиональный язык, владение профессиональным инструментом, определенный уровень освоения навыков и умений, необходимых знаний. К этому перечню следует добавить развитую систему мотивации к самореализации на профессиональном поприще, позитивное эмоциональное принятие профессии [8, с. 116–117].

Развитие профессиональной идентичности личности проходит несколько уровней: от осознания своих целей в профессии, овладения основными функциями (невыраженная идентичность, первый уровень) к реализации профессиональной деятельности по установленным правилам и образцам поведения (пассивная идентичность, второй уровень). Далее следует активная идентичность (третий уровень), которая находит свое выражение в формировании собственного стиля профессиональной деятельности, появлении собственного круга профессионального общения в соответствии с профессией, выбранной индивидом. Четвертый уровень – это стабильная, устойчивая идентичность. Для нее характерен творческий подход к профессиональной деятельности, ощущение своей профессиональной значимости, стремление к передаче накопленного опыта [8, с. 123–124].

Приведенная схема становления и развития профессиональной идентичности присуща стабильным периодам существования общества, однако современный мир находится в состоянии постоянных изменений и трансформаций. В результате этого традиционные виды идентичности подвергаются сильной коррозии, их роль в становлении стабильности и целостности личности ослабевает, происходит неизбежный переход к другим видам идентичности. В полной мере это относится и к профессиональной идентичности. Трансформациям подвергается идентичность и в связи со сменой профессии (из-за изменений в системе общественного разделения труда), а также «размывания» основных параметров самой идентичности из-за распада социальных связей, снижения мотивации совместной трудовой деятельности, необходимости сохранения своего статуса [7, с. 163], доминирования первичных общностей над вторичными [9, с. 158], реальных над воображаемыми, конструируемыми [7, с. 167]. Внутри структуры самой профессиональной общности происходят изменения, появляется три субобщности: 1) индивиды, полностью воспринявшие все ценности и нормы профессии, идентифицирующие себя с ней (для них профессия – смысл жизни, основа бытия); 2) группа профессионалов, воспринимающих профессию как способ получения доходов и поддержки своего статуса; 3) люди, «находящиеся» в профессии, но реализующие свои потребности в других сферах [10, с. 2577]. Внутри этих субобщностей формируются определенные типы личности профессионала, от полностью идентичного профессии и профессиональной общности до маргинала, только имитирующего свою принадлежность к общности, приверженность ей. Для него главное – использование профессии в своих личных целях, его образ мышления далек от требований профессии, для него характерна готовность уйти в другие сферы, если появится такая возможность.

В настоящее время в России происходит деформация профессиональной идентичности. Помимо общих признаков этого процесса – «размытости», нестабильности, уменьшается роль внешних стимулов развития, значение творчества, необходимости профессионального роста, повышения профессионального мастерства: либо нет возможности, либо существуют непреодолимые барьеры в приобретении новых профессиональных навыков. В результате процессы маргинализации и прекаризации захватывают самые различные профессиональные общности. Доминирующими становятся ценности

доступности властных структур, статусности и материального достатка.

Профессиональные общности, находящиеся на периферии такой доминантной структуры, попадают в ситуацию социальных изгоев, их пополнение осуществляется за счет лиц, оказавшихся менее успешными, не сумевшими пробиться в престижные сферы деятельности [11]. К подобным общностям можно отнести и социально-профессиональную общность «учительство».

В качестве одной из гипотез проведенного нами исследования было выдвинуто предположение, что в современных условиях профессиональная идентичность имеет ярко выраженный динамичный характер и в зависимости от ситуации влияет на особенности социальной общности городского учительства, изменяя ее структуру.

Результаты исследования

Именно происходящее в настоящее время снижение социального статуса профессии учителя, ее общественного престижа, размывание профессиональной идентичности внутри общности «учительство» побудило группу исследователей из Уральского федерального университета и Уральского института управления РАНХиГС провести серию социологических опросов, посвященных исследованию обозначенного феномена. Это опрос учителей города Екатеринбурга ($n=529$ чел., квотная выборка), опрос родителей учащихся школ города ($n=1520$ чел., квотная выборка), онлайн-опрос выпускников школ ($n=1085$ чел.).

Профессиональная идентичность учительства как элемент связи личности, профессии и социума представляет собой сложную систему взаимоотношений, которые в процессе социологического исследования находят свое проявление в ряде индикаторов. Под индикаторами мы в данном случае понимаем конкретные характеристики действий или намерений респондентов, имеющих отношение к профессиональной (трудовой) идентичности. Поэтому при разработке инструментария те или иные показатели (вопросы анкеты) своим предназначением имели выявление отношения респондентов к своей работе или профессии, как очень близким понятиям. Среди таких индикаторов можно назвать: мотивы выбора профессии, удовлетворенность ею, желание, чтобы собственные дети тоже стали учителями, оценка точности выбора профессии, ее возможности и т.п.

Анализ полученных результатов показал, что только 8.5% опрошенных выбрали профессию учителя случайно. Ею удовлетворены 85.5% опрошенных, и собираются сменить сферу дея-

тельности лишь 11.5%. Эти данные позволили рассматривать учительство не только как профессию, но и как такой вид трудовой деятельности, где тесно переплелось отношение к работе и профессии.

Для проверки этой гипотезы была сделана попытка выбрать факторы, влияющие на отношение учителей ко всему комплексу проблем, связанных с образованием. Таким индикатором, по нашему мнению, явилось утверждение «Согласны ли Вы с мнением, что «работа – главное в жизни?»».

В качестве позитивных отличительных черт профессии отмечается, прежде всего, разнообразие ситуаций, их нестандартность (78.6%), возможность проявления своих способностей, творческой реализации (74.1%).

Однако при ответе на вопрос: «Согласны ли Вы с утверждением, что «работа – главное в жизни?» – распределение мнений респондентов становится иным: несогласных с этим мнением оказалось 54.2%, а согласных только 23.2% опрошенных (22.6% затруднились с ответом). Это позволяет предположить, что трудовая и профессиональная идентичности не совпали полностью. Для выявления причин этого была сделана попытка проанализировать параметры группы «согласных» и группы «несогласных».

Подгруппу «согласные» мы рассматриваем как субобщность с полной трудовой и профессиональной идентичностью, а группу «несогласные» – как характеризующихся неполной идентичностью.

Следует сразу отметить, что так называемые объективные характеристики (пол, возраст, качество и профиль образования, учебная нагрузка, уровень зарплаты) не выявили значимых различий между выделенными подгруппами.

Эта тенденция нашла свое подтверждение и в исследовании 2017 г. (опрос родителей, $n=1520$ чел.): удовлетворенность своей работой оценили в среднем на 7.35 балла по десятибалльной шкале все опрошенные, при этом мужчины и женщины, различные возрастные группы дали практически схожие оценки.

Почти так же ответили на предложенный вопрос и выпускники школ в 2019 г. ($n=1085$ чел.): не было выявлено значимых различий по социально-демографическим показателям, но был зафиксирован такой же процент «несогласных» с утверждением, что «работа главное в жизни» (51.5%).

Исключение – это семейное положение и стаж работы в системе общего образования. Среди согласных с мнением, что «работа – главное в жизни», только половина учителей указали «замужем (женат)», а среди несогласных под-

группа одиноких составила 38%. Это свидетельствует о том, что для «согласных» работа выполняет еще и компенсаторную функцию.

При ответе на вопрос: «Является ли работа главным в жизни?» – мнение учителей разделилось в зависимости от их стажа. Среди учителей, согласных с этим утверждением, около 74% имеют стаж работы свыше 18 лет. Вероятно, объяснение может быть в том, что среди них большее число лиц, начавших свою преподавательскую деятельность в 80-е годы прошлого столетия. Именно эта подгруппа учителей сегодня имеет большой стаж работы в школе и переносит свои представления о ценностях жизни своей молодости на сегодняшние реалии. Данная позиция свидетельствует в определенной степени о компенсирующей функции согласия с заданным утверждением.

Наряду с отмеченными факторами на мнение опрошенных учителей оказывает влияние и то, какую дисциплину (или их цикл) они преподают. Среди преподавателей естественно-научного цикла (биология, химия, физика) каждый пятый согласен с данным утверждением, а среди тех, кто ведет гуманитарные предметы, – лишь каждый десятый.

Среди субъективных факторов, оказывающих влияние на рассматриваемую позицию, можно выделить ассоциацию с образом профессии в сознании учителей; представление о степени успешности в жизни, отношении к такой характеристике личности, как трудолюбие; самочувствие на работе; ориентации на предпочитаемый вид трудовой деятельности, мотивы выбора профессии.

1. *Мотивы выбора профессии.* Респонденты, согласные с утверждением, что «работа – главное в жизни», профессию учителя выбрали по призванию (45.5%), либо на них подействовал пример любимого учителя (39.0%). Среди «несогласных» каждый пятый выбрал профессию случайно, чаще всего потому, что хотелось получить высшее образование. При этом согласные с утверждением представляли себе будущую профессию довольно точно – 51.2%, то есть каждый второй в этой группе, среди «несогласных» таких было только 25.4%. И, как следствие, лишь каждый третий из «согласных» не хотел бы, чтобы кто-нибудь из его детей стал учителем; среди «несогласных» так ответил каждый второй. Данные мнения объясняют тот факт, что 91.9% в группе «согласных» не собираются менять работу, среди «несогласных» – 80.1%. Мотивы тех, кто хотел бы сменить работу, в этой группе следующие: ненормированный рабочий день, не оставляющий времени на семью, личную жизнь, и низкий заработок (каж-

дый десятый ответивший). Несогласные с утверждением, что «работа – главное в жизни», выбрали бы такой вид трудовой деятельности, который позволял бы больше зарабатывать – 56.4% («согласные» – 32.5%).

2. *Самочувствие на работе.* Опрос показал, что среди «согласных» на работе чувствуют себя уверенно и спокойно каждый третий, в другой группе опрошенных – лишь каждый десятый. Среди проблем, беспокоящих респондентов, выделяются, прежде всего, материальные затруднения (51.6% «несогласные» и «согласные» – 34.1%) и здоровье (46.0% «несогласные» и «согласные» – 57.7%). Различия в оценке состояния здоровья вполне объяснимы: среди «согласных» 78.8% в возрасте старше 40 лет, причём старше 55 лет – 25.2%.

3. *Представление об успешности в жизни.* Респондентам был задан вопрос: «Что представляется Вам наиболее ценным из того, что удалось достичь в Вашей личной жизни?» Ответы распределились подчас противоположным образом. Для группы «согласных», что вполне естественно, наиболее важным оказался успех в работе, для «несогласных» этот показатель оказался на восьмом из одиннадцати мест (табл.).

Коэффициент ранговой корреляции Спирмена равен 0.313, что при уровне значимости 0.05 свидетельствует о заметных различиях в представлениях об успехе. Наиболее значимым одновременно для обеих групп признаком успеха является хорошая семья, любовь детей, близких (наименьшая сумма рангов), наименее значимым – государственные награды.

Нетрудно заметить, что различия в идентификации с работой, своей профессией накладывают отпечаток на социокультурные представления о ценностях жизненного успеха.

Респонденты, выросшие и сформировавшиеся в иных социокультурных, политических и идеологических условиях, опираются на ценности того времени, преподаватели же более молодого поколения имеют другие ценностные ориентиры и представления о значимости профессии в жизни.

Для учителей с полной профессиональной идентичностью (согласных с утверждением, что «работа – главное в жизни») на первые 4 позиции базовых ценностей вышли те, которые связаны с работой и профессией, а для другой общности первые места позиционировались с ценностями, выходящими за пределы трудовой деятельности и профессии. И полностью совпали мнения об успешности учителей в отношении материальной обеспеченной жизни и государственных наград. Это еще раз свидетельствует о влиянии такого фактора, как размер

Таблица

Представление об успешности в зависимости от ориентации на работу (в % от опрошенных по каждой группе)*

Ценность успеха	Согласны ли Вы, что работа главное в жизни?		
	N=123 Согласен	N=287 Не согласен	Разность рангов
Успех в работе	1	8	(-7)
Уважение товарищей по работе	2-3	7	(-4.5)
Хорошее образование	2-3	6	(-3.5)
Способность к познанию нового	4	5	(-1)
Хорошая семья, любовь детей, близких	5	1	(+4)
Жизненная мудрость	6	2	(+4)
Хорошие друзья	7-8	3	(+4.5)
Уверенность в своих силах, возможностях	7-8	4	(+3.5)
Самостоятельность суждениях и поступках	9	9	0
Материально обеспеченная жизнь	10	10	0
Государственные награды	11	11	0

* Предполагается выбор не более 2 вариантов.

оплаты труда, не только на самочувствие общности учителей, но и на сохранение профессиональной идентичности.

4. *Выбор базовых ценностей* в качестве индикатора успеха не совсем коррелирует с ценностями – средствами достижения цели.

Из 16 характеристик по рангу совпали 6, различия в 1 пункт имеют 4 инструментальные ценности.

На первое место обе группы поставили ответственность, на второе «согласные» – образованность, высокую культуру, а «несогласные» – воспитанность, хорошие манеры. Третье место заняли те же ценности, что на втором месте, но в обратном порядке.

Выводы

Приведенные результаты исследования подтвердили выдвинутую гипотезу о влиянии профессиональной идентичности на структуру социальной общности, дифференцируя ее на отдельные субобщности по степени выраженности процессов идентификации.

Выявленные тенденции свидетельствуют, что профессиональная идентичность учительства подвергается серьезным испытаниям, и полученные цифры, на наш взгляд, говорят о процессах маргинализации социально-профессиональной общности.

За прошедшие десятилетия удельный вес группы с полной профессиональной и трудовой идентичностью сократился в 2 раза и, наоборот, количество ориентированных на иную сферу жизни (личную) возросло вдвое. Пока нет данных о том, что учителя, работающие в сфере общего образования, ориентированные на личную жизнь, готовы сменить профиль деятельности. Однако они не являются полными маргиналами, утратившими профессиональную идентичность.

Скорее всего, группу с неполной профессиональной идентичностью («несогласных») составили учителя, относящиеся к профессии как к средству удовлетворения своих целей, находящихся вне сферы профессии (например, из-за невозможности найти другую работу они относятся к профессии с позиции потребителя как к способу получения средств на жизнь) [12, с. 56].

Об опасности сложившейся ситуации говорят данные о социально-демографическом составе учительства: абсолютное преобладание в профессии лиц среднего и старшего возраста, отсутствие значимого притока молодежи, феминизация профессии (являющаяся уже не процессом, а реальным фактом).

Обозначенные тенденции уже получили широкую известность, и принимается ряд мер по устранению выявленных проблем. Однако без изменения материального положения учителей, повышения их социального статуса и общественной ценности профессии процессы «размывания» профессиональной идентичности будут продолжаться, а это, в свою очередь, приводит к снижению профессионализма, к снижению качества школьного образования и воспитания.

Список литературы

1. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности: Учеб. для студентов вузов / В содружестве с В.В. Семеновым; Ин-т социологии РАН. М.: Добросвет: Кн. дом «Университет», 1998. 595 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. 635 с.
4. Трубина И.Г. Идентичность персональная // Современный философский словарь / Под общ. ред.

д.ф.н. профессора В.Е. Кемерова, Т.Х. Керимова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2014. 824 с.

5. Патырбаева К.В., Козлов В.В., Мазур Е.Ю. и др. Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты: Коллективная монография / Науч. ред. К.В. Патырбаева; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2012. 250 с.

6. Ермолаева Е.П. Психология реализации профессионала в условиях социально-экономических изменений: Автореф. дис. ... доктора психологических наук. М.: Ин-т психологии РАН, 2009. 48 с.

7. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3–4. С. 158–181.

8. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг: Учеб. пособие /

Рос. акад. образования, Моск. психолого-социал. ин-т. М.: Изд-во Моск. психолого-социал. ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2004. 600 с.

9. Бауман З. Мыслить социологически: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2004. 254 с.

10. Ермолаева Е.П. Современные тенденции динамики профессиональной идентичности // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии. Результаты и перспективы развития / Отв. ред. А.Л. Журавлёв, В.А. Кольцова. М.: ИП РАН, 2017. С. 2576–2584.

11. Исаев Д.П., Клименко Л.В., Нор-Аревян О.А. и др. Профессиональная идентичность в российском обществе (вопросы истории, теории и практики): Монография. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2017. 177 с.

12. Ермолаева Е.П. Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 4. С. 51–59.

PROFESSIONAL IDENTITY OF THE TEACHING COMMUNITY: FACTORS OF FORMATION AND DEVELOPMENT IN THE MEGALOPOLIS

N.B. Kostina, A.B. Berzin

Ural Institute of Management, branch of RANEPА, Ekaterinburg

The results of the analysis of professional identity of the social and professional community of teachers in Yekaterinburg, conducted on the basis of a sociological survey of teachers ($n=529$ people). In the framework of the study, methods of comparative and factor analysis, questionnaires were applied. Identity is considered as the main feature of the community, which distinguishes it from other associations of people. Various approaches to the classification of generality and its main characteristics are shown. It is proposed to distinguish several subcommunities within the professional community, depending on the degree of identification. As one of the main indicators of identity, the statement «work is the main thing in life» was considered, objective and subjective factors that influence the acceptance (rejection) of this judgment were analyzed. Notable among them are the changing value system, the decline in social status and prestige of the profession, work experience, courses taught, the motives of choice of profession. Conclusions are made about the formation of incomplete professional identity of modern teachers in a megalopolis. The results obtained indicate that teachers' labor efficiency is definitely low, and that a lot of effort has to be made not for training and education, but for other, secondary functions. These studies show that the professional identity of teachers today is subject to serious deformations, the process of marginalization of the socioprofessional community is underway.

Keywords: social and professional community, teaching, identity, values, motives for choice, well-being, marginal.

УДК 316.3; 323.2

РЕГИОНАЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО В ПРОЦЕССАХ РАЗВИТИЯ: К ПРОБЛЕМЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВО ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

© 2020 г.

М.А. Казаков

Казаков Михаил Анатольевич, д.полит.н.; проф.; и.о. заведующего кафедрой
прикладного политического анализа и моделирования
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kazakov_mihail@list.ru

*Статья поступила в редакцию 06.03.2020**Статья принята к публикации 16.10.2020*

Изучение политического лидерства отличается многообразием подходов и методов анализа. На современном этапе оно исходит из сопряженности пространственных и политических категорий. В таком контексте к лидерству в субъектах РФ применимы разработанные в социальной науке модели анализа политического процесса на мезоуровне, концепты региональных (городских) режимов, элит, лидеров с учетом их культурной динамики и приоритетов развития. Они в определенной степени позволяют измерить эффективность механизмов взаимодействия лидерства. Но определить риски, корреляцию между целями-ресурсами, имеющимися в распоряжении лиц, принимающих решения на местах через формулу «цена вопроса» в условиях транзита власти, им удастся с трудом. Концепт *стратегической культуры* является близким по значению к этой задаче и представляется необходимым элементом анализа реалий лидерства в регионах РФ.

Ключевые слова: внутренняя политика, государственное управление, механизмы и практики взаимодействия, региональное политическое лидерство, стратегии и тактики развития, стратегическая культура, субъект РФ.

Введение

В условиях глобального трансформационного перехода, неоднозначное содержание которого обрамлено цифровизацией базовых сфер общества, императив стратегии и тактики развития применим ко всем позициям российского лидерства. Как наиболее активная и влиятельная часть политической элиты, оно играет ключевую роль в процессе модернизации. Проблематика лидерства в РФ, вовлеченной в этот процесс, актуальна и значима. Ее сложность в том, что она включает не только все аспекты образования и институционализации данной группы, но и характер связей между носителями ролей, типов лидерства и ведомых ими. Он произведен от культуры общества и государства. В структуре его уровней власти региональное политическое лидерство (РПЛ) – опорный механизм в реализации государственной политики в системе отношений *центр – регионы*.

В усилиях соответствовать вызовам времени РПЛ современной России претерпевает качественные изменения. При перезагрузке системных свойств внутренней политики на текущем этапе [1] оно обрело большую открытость и самостоятельность. Во взаимодействии с механизмами государственного управления и социального представительства меняется его состав, корректируются полномочия, мотивации. Но в

силу тех же практик проступают потенциальные риски и от моделей управления, пренебрегающих разнообразием, генетическим алгоритмом регионов.

Научно-экспертное сообщество фокусирует внимание на деятельности новой плеяды губернаторов и их команд, олицетворяющих ныне лидерство в субъектах РФ. Вопрос: что ими движет в стратегическом смысле и обуславливает успешность, созвучную запросам общества, а не бюрократической среды? Правомерен ответ: сочетание в работе *эффективной деятельности по управлению и стратегической культуры*, ранжирующих комбинацию факторов, воздействующих на решения лидеров в конкретике ситуации. Если бы... не разногласия в критериях и инстанциях признания их достижений, масса особенных черт, определяющих специфику российского лидерства.

Но особую злободневность, трудность в переоценке и адаптации к нуждам развития имеют *ценности*. В обстоятельствах соединения их культурной регуляторики с потенциалом политических акторов, с функциональными требованиями компетентности и достижением авторитета в структурах массовой поддержки. На выходе такие ценности определяют стратегическое целеполагание. Взаимодействие их носителей внутри социума – ключевой механизм его целедостижения. Это важно для исходного по-

нимания *стратегической культуры* как комплекса разделяемых на базе общего опыта и ценностей убеждений, норм, формирующих коллективную идентичность. Главная задача лидерства в качестве субъекта «Мы», помимо притягательности в образе уникального партнера по социальной интеграции, состоит в осуществлении широкого круга организационно-управленческих функций [2, с. 144].

Теория «социального посредничества», разработанная в 70-е гг. XX в. в рамках организационного анализа, описывает *региональное управление* как целостную систему, обладающую внутренней логикой. В таком виде – это политико-административная система в совокупности отношений со средой. Выяснилось, что в зависимости от ее типа могут эффективно работать как бюрократизированные, так и дебюрократизированные системы, с чем во многом было связано и возникновение в те же годы идеи *ситуационного* подхода к управлению, что как бы примиряло между собой более ранние – рациональный и поведенческие подходы. (Благодаря последнему оформились такие понятия, как участие, лидерство, стиль и имидж руководителя.)

Дальнейшее развитие этой идеи привело в начале 80-х гг. XX в. к осознанию важности *организационной культуры* как «характеристики, интегрирующей особенности организации – системные и поведенческие – и в конечном счете усиливающей значение в управлении *гуманизма*, опирающегося на потенциал, заложенный в ...управляющих и управляемых» [3, с. 5]. К середине 80-х, когда на Западе пошла «вторая волна» исследований *стратегической культуры*, в СССР возмел место интерес к *корпоративной культуре*. В 90-е гг. это направление укрепилось. И то, что современная Россия до сих пор остро переживает смену социально-политической парадигмы, объясняет ее приверженность идее *устойчивого развития*. Она корнями уходит в цивилизационное и с ценностным отношением к человеку гуманистическое мышление.

Необходимость иметь четкие представления о своей стратегической культуре созрела в РФ на рубеже веков. В начале 2000-х гг. ее концепт в связке с безопасностью занял одно из ведущих мест во властных кругах и социальных науках. Но именно смена модели национального лидерства обозначила особое значение внутриполитической сферы. А.С. Андреев отмечал в те годы, что В.В. Путину предстоит фактически создать новый вариант российского политического стиля, соединяющий преемственность традиций с максимальной открытостью страны глобальному миру [4]. Его обретение с опорой

на идеалы общества, местные, партийные звенья стало стратегическим взглядом в будущее.

Насколько это актуально и сочетается с публичными целями лидеров России, можно сравнить, если обратиться к знаковому абзацу Резолюции Генассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г., поддержанной РФ: «Мы заявляем о своей решимости в течение периода до 2030 г. покончить с нищетой и голодом во всем мире; бороться с неравенством внутри стран и между ними; строить миролюбивое, справедливое и свободное от социальных барьеров общество; защищать права человека и способствовать обеспечению гендерного равенства... Мы также преисполнены решимости создать условия для устойчивого, всеохватывающего и поступательного экономического роста, всеобщего процветания и достойной работы для всех с учетом разного уровня национального развития и возможностей» [5]. Гарантия успеха – в отношении к делу той лидерской группы, элиты, что доминирует в определении повестки дня.

«Заземляя» эти задачи к уровню лидеров субъектов РФ, принципиально то, что страна имеет первую плеяду руководителей, осознающих важность как палитры внешних импульсов, так и внутренних источников развития. Отвечая на первые ростом взаимодействий регионов с международным сообществом, на вторые – готовностью за счет внутренних ресурсов играть значимую роль в наращивании конкурентоспособности РФ, решать проблемы и дисбалансы развития через диалог и сотрудничество. Такая позиция солидаризирует интересы, формирующие внутреннюю политику России – процессы реформирования государственного, общественного устройства посредством совместной деятельности территорий в ее составе, их людей и институтов.

Федеративные формы государственного устройства предрасположены более действенно разрешать проблемы взаимной работы национальных и региональных органов власти в области внешних и внутренних связей. «Главная проблема заключается в том, чтобы переломить тенденцию все большей централизации власти и ресурсов, добиться, чтобы при сохранении единого правового пространства субъекты федерации получали бы большую автономию в определении не столько вектора своего развития, сколько конкретных путей и методов достижения определяемых общенациональными интересами его целей» [6, с. 131]. Вызревают они на местах, а решения требуют из центра, что сказывается на возможностях, положении и ответственности глав регионов.

Для социальных наук это повод для сравнения статусно-ролевых, социально-демографических,

образовательных, профессиональных и иных характеристик данных членов политического класса на разных этапах трансформационного процесса [7, с. 140–173]. Выявления трендов в их взаимоотношениях, задаваемых ценностными ориентирами общества и согласием властей по поводу правил и приоритетов развития как необходимых граней решения важнейшей проблемы осознания лидерами своей идентичности и выработки взвешенного стиля поведения в конфликтных ситуациях.

Ведь от действий таких людей, сформированных вокруг них лидерских групп, команд, ответственных за стабильность политического процесса государства, региона, города, зависит, в конечном счете, вектор развития, модель коалиции и система безопасности страны. Для их поддержания необходимо стратегическое планирование, сопряженное с практикой. Для ответа на ее запросы – адекватные знания, политическая воля, коммуникации, технологии. И *стратегическая культура* в качестве особого регулятора политической деятельности и поведения людей, камертона в созвучии ценностного сознания лидеров и населения. Для этого с учетом ментального фактора используется термин «стратегическое мышление», относящийся чаще к элите.

В отсутствие ее должной компетентности при фактах цинизма и обогащения (кризис элит) вектор отбора кадров не раз смещался в партии и регионы. Ныне он совпадает с тем, что одним из приоритетов развития страны выступает усиление роли субъектов РФ, и именно управленческим командам в них предстоит взять на себя главную нагрузку в решении конкретных вопросов на базе идеологии центра, но путем достижения большей выгоды от совместной работы по стратегическим проектам. Стратегия развития Нижегородской области до 2035 г. является адекватной «дорожной картой» по выполнению планов федерального уровня, а возможности региона при оперативной и инновационной их реализации приумножаются активным софинансированием центра его собственных стратегических проектов [8, с. 68].

Базовый аспект, в котором могут проявить себя региональные лидеры, избравшие такой путь и обретшие легитимность на выборах 2018, 2019 гг., – это *способ организации* заявленного процесса и влияние *на выбор средств* осуществления его задач. Как показывает современная практика, только все параметры политического лидерства, собранные в гибкую систему руководства, смогут запустить его эффективный механизм. Поэтому, наряду с анализом объективных показателей лидерства вкпе с

разного рода капиталами и способностями, исследователи не упускают из внимания как содержание культурно-ценностной компоненты его структуры, так и общего институционального знания тех, кто сконцентрирован вокруг управленческой функции.

Еще 40 лет назад институт местной власти виделся французским политологам как комплекс взаимодействий административных органов с иными властными инстанциями территории, объединенными под названием «властные сети» [9, р. 185]. В современных российских условиях особая миссия лидерства (при растущей роли последователей) в известной степени предопределяет расширение функционально-ролевых нагрузок региональных структур, сочетающих институциональные и сетевые аспекты с эффектом культурно-символических форм организации власти, о чем ранее писал Ж. Блондель, именуя *лидерством* власть, осуществляемую «сверху вниз» [10, с. 5]. Где, имею в виду субъекты РФ (с разницей в 2005–2011 гг. и после), «проблема "первого лица" наиболее значима для региональных элит...» [11, с. 59–60]. Она – носитель местной управленческой традиции, современное РПЛ – проводник линии центра.

Ныне оно вправе задавать направления и параметры использования ресурсов региона, устанавливая ограничения (нормативы). Но по тем же причинам им приходится искать *невяные* возможности лидерства, брать на себя роль не просто менеджера, но и идейного вдохновителя по-разному «недовольных» и элит, и граждан. Становление их авторитета упирается в сочетание диспозиционных и ситуативных факторов, включая Интернет. Уже инициативы Д.А. Медведева стали своеобразным индикатором уточнения задач стратегии развития России, обоснованием разработки характеристик лидерства, что придает ему структурную определенность как правильной властной институции, способной побуждать людей к замыслам, что созвучны их интересам, потребностям [12, с. 9]. Встречное движение, взаимовлияние – знак этого процесса.

Современное понимание регионального политического лидерства в отечественном варианте исходит из того, что это тип субъекта политической деятельности (поведения) с отношениями внутри, между ним и объектом деятельности, «становящийся» институт. Его функционирование осуществляется в рамках единой государственной политики на основе полномочий, предоставленных внутренним законодательством субъекта РФ во взаимодействии с федеральными органами власти [13]. Анализ

феномена в разрезе его составляющих, тенденций, приведших к настоящему облику, фиксирует усложнение лидерства как субъекта и института, плюрализм его методологии, разнообразие смыслов и практик, позволяющих говорить о нем как особой разновидности и механизме социальной власти, активно участвующей в регулировании процессов развития общества.

В новой конфигурации государственной власти, предложенной В.В. Путиным в Послании Федеральному Собранию 15 января 2020 г., дополнительные полномочия лидеров регионов увязываются с конституционализацией Госсовета [14]. В его работе на федеральном уровне теперь по-иному будут участвовать главы субъектов РФ. Вместе с тем это грозит рисками Совету Федерации как некогда «палате регионов». Да и самим губернаторам, если после масштабной реформы принципов власти (осмысленной ее авторами стратегически) усилиями бенефициаров возобладает тренд перекладывания ответственности за обеспечение реальных прав граждан на уровень регионов.

Методология

По мере осознания учеными, политиками рисков несовершенства форм демократического и федеративного устройства стран, включая РФ, дихотомия «авторитаризм – демократия», как и «унитаризм – федерализм», стала все осторожнее объяснять постсоветское лидерство. В случае с Россией груз унаследованных особенностей и угроз международной обстановки не снимает с ее лидеров ответственности за замедление реформ *многосоставного государства*, каковой она является. Подход А. Лейпхарта к решению задач достижения другого качества стабильности, предполагающего установление *сообщественной демократии* [15], с учетом опыта некоторых стран Европы может быть шире адаптирован к «горизонтальному» срезу развития РФ. Укрепление демократических ценностей в стране – тому порука.

Относительно дихотомии «авторитаризм – демократия» – как мы уже отмечали, она представлена «с разницей в акцентах, за рубежом – в комбинированных факторах «выживания авторитаризма» (Д. Браунли, С. Левицки, Л. Уэй, Г. Экстайн и др.) в сложно организованных средах. У нас, на специфике в них... С неким общим вектором в методологии (устойчивый интерес к вопросам социального/политического взаимодействия, их изучению в различных теориях – конструктивизме, инструментализме, персонализме, синергетике, применимых и к

сфере лидерства на региональном уровне) при отличиях в ракурсах исследований» [16, с. 56].

При исследовании всей сложности взаимодействия элит/лидеров и масс активно используются элементы репутационного, решенческого и проблемного методов, но базовыми в работе остаются системный (в том числе к измерению взаимозависимости акторов инновационного развития) и структурно-функциональный анализ. Изучение законодательной среды и деятельности институтов осуществляется в рамках методов нормативного и (нео)институционального подходов, их структуры через сетевой, ценностный – социокультурный подходы, строение материала – на методах case-study. Сбор данных через методы наблюдения и опроса. В комплексе с принципами теории модернизации, применимыми к условиям конкретных стран, их регионов, оценкой факторов, приводящих к формированию коалиций роста в них, это говорит о междисциплинарной основе, позволяющей достичь некоей верифицируемости выводов.

Результаты и их обсуждение

Своеобразие ситуации в том, что тот же экономический рост как следствие конкурентоспособности субъектов РФ зависит не только от их инновационных возможностей, но и от нахождения эффективного баланса между трендами централизации и децентрализации в политическом пространстве федерации. Одним из определяющих их факторов выступают социокультурные особенности страны и ее территорий. Их конкурентные преимущества базируются на качестве человеческого капитала, чье развитие напрямую связано не только с социально-экономическими и политическими показателями, но и с транспарентностью духовных, исторических, культурных и иных объектов в коммуникационных практиках. Важно дифференцированно понимать роль и ветвей власти региона, и других акторов (конфессий, этносов) в динамике российского федерализма. Он являет собой не только комплексный феномен, но и процесс, влияющий как на общественное сознание, так и на стратегическое мышление элит и лидеров.

Одно из недавних исследований кафедры было посвящено имиджу ведущих субъектов. В связи с вышеизложенным нельзя не отметить, что реальные аспекты деятельности лидеров в рамках региональной политики при их переносе в коммуникационную сферу превращаются в символические ресурсы, что стимулирует формирование имиджа субъекта РФ. При его продвижении (новыми технологиями) он способствует приращению символического капитала,

который при умении может быть переведен лидерами региона в другие виды капитала. Они могут стать ресурсами для здоровья населения, спорта, экологии, на чем строится общественная позиция региона. В полной мере решение этих проблем относится к сегодняшней *Нижегородской области* в соотнесении уровней активности разных акторов, важных для оценки деятельности ее руководства, где роль лидера – действия и установки, которые социум ожидает от него.

В типологии регионов Н.В. Зубаревич – по уровню экономического развития, структуре экономики, урбанизированности и географическому положению – Нижегородская область классифицируется как *относительно развитый регион* [17, с. 402]. С учетом источников в нем правильно уделяется внимание брендингу территории, продвижению образа динамично развивающегося инновационного субъекта РФ с богатой историей, духовными и трудовыми традициями. Ответственное место среди них занимает *наука и толерантная культура*. Первая – как основа для научно-технологического прорыва региона (уже в настоящем). Вторая на генетическом уровне определяет меру терпимости в отношении социальных, религиозных и этнических групп. Это и репутация, и ведущие базовые ценности области. Они заданы как историко-культурной (хозяйственной) традицией, так и общими ценностными ориентирами общества и нации-государства.

Комплекс этих ориентиров в виде общепризнанных норм, проступающих через диалектику общего и частного в решениях, поступках, – ядро стратегической культуры. Его составляют значимые для сообществ ценностные образования (идеи, символы...), чьи неизменные черты позволяют: а) выявлять долгосрочные стратегические предпочтения субъектов; б) через рациональное обоснование действий в социуме превращать их в особые задачи. Укрепление общегражданского единства, воспитание патриотизма, сохранение духовно-нравственных основ российской культуры, развитие этнокультурного многообразия народов – наши основные задачи и приоритеты [18, с. 6], – убежден губернатор Нижегородской области Г.С. Никитин. Их главная роль в жизнеспособности, во влиянии на миропонимание россиян, лидеров государства и регионов, готовность («лучших» из них) этично задействовать эти стратегические ориентации в соотношении с политическими, экономическими и иными факторами в достижении национальных целей.

В этом, по нашему мнению, отличие и специфика стратегической культуры новой Рос-

сии. В интерпретации Т.А. Алексеевой, обращенной к эволюции концепта в западной научной среде, нет апелляции к внутривластной сфере. Она лишь подчеркивает, что «в исследованиях стратегической культуры «третьей волны» проявились две отчетливые тенденции: одна группа экспертов... использует концепт в широком смысле как внутренний культурный контекст влияний на стратегические результаты, не вдаваясь в углубленное изучение его смысла или идентификацию влияния культурных условий стратегического выбора; другая – интересуется концептуальным пониманием и изучением взаимосвязей между культурой и стратегией, то есть возможностями использовать концепт в качестве аналитического инструмента» [19, с. 52].

В нашем случае – для понимания процессов развития, неразрывных с культурным кодом, волей, знаниями, публичной политикой: где и на основе чего с учетом интеграционного потенциала страны (целей, ресурсов, средств, отношений), имеющегося в распоряжении ЛПР, лидерами разрабатывается общий план перспективных действий; с установками на развитие, особо нужных для каждого региона, когда наличных ресурсов для достижения цели недостаточно и необходимо выстраивать систему тактических шагов и связей для их оформления. Это особый тип системно ориентированного мышления, что служит открытию возможностей для создания стратегий. Проблемы на каждом из этапов, как правило, связаны с качеством структурных элементов процесса управления.

Не секрет, что «одной из главных проблем всех типов российских элит является недостаточная развитость у них стратегического, рефлексивного мышления, которая порождает ситуативное политическое поведение, вечное "тушение пожара" вместо внятной стратегии...» [20, с. 41]. Неудивительно, что многое из того, что происходит в стране, требует упорядочивающего вмешательства института президентства, так как он генератор, гарант и внутривластной стратегии государства. Не менее важно, что ее носителями становится и новое региональное лидерство, ныне, и как партийное руководство, действующее, скорее, в четкой ценностной системе координат. Разворот ожиданий в их сторону ощутим, так как люди требуют перемен на местах. Но необходимых, качественно меняющихся (в сторону прав и свобод граждан) и характеристики самого политического лидерства, его стиля – «не правящего, а служащего России» (В.В. Путин).

В Нижегородской области (как и в отдельных регионах) они находят выражение в дея-

тельности и решениях губернатора, правительства, им возглавляемого, глав местного самоуправления, что входят в единую управленческую команду. Она влияет на динамику перемен, вовлекая в них не только молодежь (что принципиально), но и разновозрастные социальные группы, которые участвуют в конструировании/обустройстве собственного видения мира, общественных пространств. В этом, во многом оперативном режиме на текущий момент раскрывают себя и черты их культуры, и особенности деятельности. Ее успешность и эффективность «выковывается» в субъектах РФ, а определяться будет степенью исполнения (результатами) нацпроектов в масштабах страны.

Выводы

Тренд на ротацию, омоложение и профессионализацию отечественного лидерства обретает практическую жесткость, что делает возможным углубление модернизации политической системы России [21, с. 97]. Вместе с идущими в ней изменениями (современным демократиям сопутствует обновление Конституции) и той их части, что уже проводят новые губернаторы на местах, это поднимает планку конкуренции для их более возрастных коллег и между регионами. Увеличивает спрос на коммуникационные, гуманитарные и иные «живые» технологии для продвижения федеральных программ и нацпроектов, осуществляемых территориями, что играет весомую роль в реализации целого спектра государственных политик РФ. Заложенные в них меры с конвертацией в нормативную базу соответствуют и мировым трендам в пошаговой децентрализации политической власти посредством развития институтов гражданского общества.

В регионах они всегда ищут поддержки политических лидеров, претендуя на заслуженные позиции в структуре последователей (наставничество, подготовка кадров). Актуален в связи с этим фактор смены поколений. Для первых он чреват конфликтами, ограничивающими выбор, для вторых, особенно молодежи, ассоциируется с плотностью интерактивных форм участия в политике. От «незнания» сторон к партнерству путь во многом лежит через ценностные характеристики лидера, что значимы для последователей, его внутреннюю энергию, готовность к взаимодействию и взаимовыгодному «обмену ролями». Тогда стратегическая культура первых предстает в целевых решениях, несущих людям информацию (и веру) о средствах и результатах их реализации. У последователей – находит выражение в гражданских инициативах, социальных проектах и движениях, экспертизе планов

властей. По отношению к публичной политике они уточняют ее цели, имеющиеся в наличии средства, развивают инструменты диалога и «мягкой силы», чем Нижегородская область вносит свой вклад в позитивный образ современной России.

Изучение ее регионального лидерства исходит сегодня из сопряженности пространственных и политических категорий. Они в определенной степени позволяют измерить эффективность механизмов его взаимодействия. Но определить риски, корреляцию между целями и ресурсами через формулу «цена вопроса» в условиях транзита власти им удастся с трудом. Концепт *стратегической культуры* является близким по значению к этой задаче и необходимым элементом анализа реалий лидерства в субъектах РФ. Как способ их сбалансированного конструирования она осуществляется в социальных практиках и институциональной деятельности лидеров, как развивающаяся система влияет на цели и средства их достижения, отражающие коллективные ожидания.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41641/page/1> (дата обращения: 25.11.2018).
2. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2000. 559 с.
3. Удальцова М.В. Социология управления. М.: ИНФРА-М, Новосибирск: НГАЭиУ, 1998. 144 с.
4. Андреев А.С. Российский стиль в политике // Политика. URL: <http://www.politika-magazine.ru> (дата обращения: 15.01.2020).
5. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.». URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 20.02.2019).
6. Грибанова Г.И. Федерализм в контексте государственной политики развития: соотношение территориальности и этничности // Государственная политика развития на современном этапе: содержание, направление и перспективы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 27 октября 2016 года) / Под общ. ред. В.И. Якунина. М.: Изд-во Московского университета, 2017. С. 122–132.
7. Казаков М.А. Региональные элиты в политическом процессе России: Монография. Н. Новгород: НГТУ, 2004. 332 с.
8. Казаков М.А. Региональные управленческие команды и публичная экспертиза в решении актуальных внутривластных задач // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 3 (55). С. 68–73.

9. Gremion P. Le système politico-administratif local // *Sociologie politique* / Birnbaum P., Chazel F. (dir.). Paris: Librairie Armand Colin, 1978. 277 p.
10. Блондель Ж. Политическое лидерство: Путь к всеобъемлющему анализу / Пер. с англ. Г.М. Квашнина. М.: РАУ, 1992. 135 с.
11. Подвицнев О.Б. Губернаторы-«варяги» и региональные политические элиты в современной России: условия и тенденции взаимодействия // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2009. Т. 5. № 2. С. 59–60.
12. Казаков М.А., Лысцев М.С. Политическое лидерство: сущность и проблемы реализации теоретических моделей стратегии развития России // *Региология*. 2013. № 1 (82). С. 4–13.
13. Конституция Российской Федерации с комментариями Конституционного суда РФ. 9-е изд. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2014. 197 с.
14. Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 17.01.2020).
15. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: Сравнительное исследование / Пер. с англ. Б.И. Макаренко; Науч. ред. пер. А.М. Салмин, Г.В. Каменская. М.: Аспект-пресс, 1997. 286 с.
16. Казаков М.А. Персонализация как тенденция современного политического лидерства: особенности проявления и восприятия // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Серия: Социальные науки. 2018. № 1 (49). С. 54–61.
17. Зубаревич Н.В. Общество и элиты в российских регионах: изменения за постсоветский период // *Четверть века после СССР: люди, общество, реформы* / Составители П. Дуткевич, Р. Саква, В.И. Куликов. Под ред. Е.Б. Шестопад, А.Ю. Шутова, В.И. Якунина. М.: Изд-во Московского университета, 2015. С. 359–404.
18. Никитин Г.С. Приветствие Международному славянскому форуму // *Национальная идея: от истоков становления к перспективам развития: Сборник материалов Международного славянского форума (Н. Новгород, 1–5 ноября 2019 г.)* / Отв. за выпуск Н.В. Филиппова, С.Н. Кедяркин. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2020. 90 с.
19. Алексеева Т.А. «Стратегическая культура»: формирование концепта // *Традиции и инновации в международно-политическом процессе: региональное и глобальное измерение. Материалы Международной научной конференции (Нижний Новгород, 24–26 июня 2013 г.)* / Под общ. ред. проф. М.И. Рыжова и проф. И.В. Рыжова. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. С. 40–53.
20. Шестопад Е.Б. Государственная политика в контексте политической психологии // *Государственная политика развития на современном этапе: содержание, направление и перспективы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 27 октября 2016 г.)* / Под общ. ред. В.И. Якунина. М.: Изд-во Московского университета, 2017. 248 с.
21. Матвейчев О.А. Этапы становления и развития рынка политических технологий в России и его перспективы // *Политические исследования*. 2018. № 2. С. 83–99.

**REGIONAL LEADERSHIP IN THE PROCESS OF DEVELOPMENT:
TO THE PROBLEM OF STRATEGIC CULTURE IN THE INTERNAL POLITICAL SPHERE**

М.А. Kazakov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The study of political leadership is characterized by a variety of approaches and methods of analysis. At the present stage, it proceeds from the conjugation of spatial and political categories. In this context, models of analysis of the political process at the meso level, concepts of regional (city) regimes, elites, and leaders, taking into account their cultural dynamics and development priorities, are applicable to leadership in the constituent entities of the Russian Federation. To a certain extent, they measure the effectiveness of leadership interaction mechanisms. But they manage to determine the risks, the correlation between the goals - the resources available to decision-makers on the ground through the formula of “price of the issue” in the conditions of transit of power. The concept of strategic culture is close in significance to this task and seems to be a necessary element in the analysis of the realities of leadership in the regions of the Russian Federation.

Keywords: domestic policy, public administration, mechanisms and practices of interaction, regional political leadership, development strategies and tactics, strategic culture, subject of the Russian Federation.

УДК 316.454.3

ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР АБИТУРИЕНТОВ (Часть 3)¹

© 2020 г.

А.А. Иудин, И.В. Ситникова, А.С. Тюнтяев

Иудин Александр Анатольевич, д.э.н.; проф.; профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
iudin@fsn.unn.ru

Ситникова Ирина Викторовна, преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
april@fsn.unn.ru

Тюнтяев Анатолий Сергеевич, программист 1-й категории управления информатизации
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
tas@comp.unn.ru

Статья поступила в редакцию 17.02.2020

Статья принята к публикации 21.10.2020

Многообразие подходов молодых людей к выбору своей будущей специальности проявляется в том, что они принципиально по-разному намереваются реализовать свои профессиональные запросы. Изложены результаты исследования, в основе которого использовалась совокупность всех заявлений, поданных в приемную комиссию ННГУ летом 2018 г. Несомненный интерес представляет сравнение установок различных групп абитуриентов на престиж, на бизнес, на госслужбу, на советы своего ближайшего социального окружения, на будущее профессиональное развитие. Рассмотрены ценностные и профессиональные установки трех групп абитуриентов – ориентированных на творчество в будущей профессиональной деятельности, на научно-педагогическую деятельность и на случайный выбор. Две группы из трех имеют две и более ориентации, а подавляющее большинство абитуриентов ориентированы на престиж вуза и выбираемой специальности. Однако группа абитуриентов, осуществивших случайный выбор профессии, наиболее оригинальна в своих установках, ее представители практически не пересекаются с другими группами, и для них совсем не важен престиж вуза, факультета и избираемой профессии.

Ключевые слова: абитуриенты, молодежь, профессиональное самоопределение, выбор вуза, мотивы, высшее образование, престиж.

Введение

Социально-экономические реформы, происходящие в России, изменив ценностные ориентации молодежи, внесли коррективы в установки на получение высшего образования. В исследованиях российских социологов отмечается, что современная молодежь большое значение придает условиям жизни, материальному обеспечению и комфорту. Молодые люди при выборе будущей профессии надеются, что именно профессия позволит им создать эти благоприятные условия. «Выбор профессии для молодого человека является основой его самоутверждения в обществе и определяет его дальнейшую жизнь: кем быть, к какой социальной группе принадлежать, какой стиль жизни выбрать, какие цели достигать» [1, с. 44].

Установка на получение высшего образования является в нашей стране общепринятой нормой, поэтому одним из главных мотивов при поступлении в вузы является ориентация молодежи на получение дипломов о высшем образо-

вании для достижения определенного статуса в обществе: по результатам исследований мотивации молодежи в сфере образования Д.Л. Константиновский и Е.С. Попова приходят к выводу, что отсутствие диплома о высшем образовании негативно влияет на статус человека. Старшеклассники из семей различных социально-профессиональных групп единодушно говорят о желании получить диплом, с которым у них появится возможность найти хорошо оплачиваемую работу, соответствующую интересам и склонностям [2, с. 169]. С точки зрения студентов, диплом рассматривается ими не как документ, подтверждающий их квалификацию и определяющий карьерный рост, а как гарантирующий лояльность общества [3, с. 55].

Исследуя мотивацию профессионального выбора молодежи, социологи отмечают наличие широкого набора разнообразных мотивов. Ученые нередко говорят о наличии своего рода системного подхода к выбору будущей профессии: учащиеся исходят не из одного мотива, а из целой их системы. При этом мотивы делятся по

значимости на несколько групп: высокая заработная плата занимает главное место среди других мотивов; гарантированность рабочего места, карьерный рост, возможность повышения квалификации, хорошие условия труда – эта группа мотивов также получает высокую оценку молодежи; творчество, самостоятельность – важны для большей части учащихся; несложная и неусттомительная работа, социальный пакет при невысоком заработке – на них ориентируется небольшая часть молодых людей [4, с. 69].

Анализ публикаций, посвященных проблеме мотивации профессионального выбора, позволяет сделать вывод, что абитуриенты зачастую ориентируются не на выбор профессии, а на возможность получения любого высшего образования, при этом они опираются не на собственные предпочтения, а на полученные ими баллы ЕГЭ, стоимость обучения, место расположения вуза, мнение близких людей. Зачастую происходит подмена профессионального выбора образовательным, когда абитуриенты выбирают конкретное образовательное учреждение, где представлены интересующие их программы профессиональной подготовки [5, с. 15]. Нередко отмечается, что у молодежи произошло изменение процедуры выбора профессии из-за введения системы ЕГЭ: выбирая предметы для сдачи Единого государственного экзамена, школьник решает вопрос выбора и направления своей будущей профессиональной подготовки. При этом выбирает не профессию, а специальность, для поступления на которую ему хватит баллов ЕГЭ, чтобы учиться на бюджетном месте [6, с. 305].

Среди групп абитуриентов, различающихся по характеру мотивации профессионального выбора, встречаются молодые люди, делающие осознанный выбор вуза и направления профессиональной подготовки. Они хотят получить конкретное образование по выбранной специальности. Для таких молодых людей ведущим мотивом выбора профессии является интерес к определенной профессиональной деятельности, желание сделать успешную карьеру в выбранной области. У них существует запрос на получение высокой квалификации и на самореализацию. Грамотно сделанный профессиональный выбор позволяет человеку быть успешным и востребованным, что в будущем позволит ему иметь материальный достаток и моральное удовлетворение [7, с. 87]. Интересно, что некоторые молодые люди видят возможности для профессионального и личного развития, приобретения социального статуса, в том числе и в научно-исследовательской деятельности [8, с. 179]. Молодые люди называют такие интере-

сующие их аспекты научной деятельности, как стремление получать внимание со стороны других людей, желание почувствовать собственную значимость, потребность в социальных контактах, стремление работать вместе с другими людьми, социальное признание [8, с. 173–174]. Желание иметь осмысленную и наполненную значением работу с элементами общественной значимости – для молодежи это главный фактор в научной деятельности. Мотивы творчества, саморазвития, самореализации, независимости более всего привлекают молодых людей в науке, однако их отталкивает от занятия наукой потребность в высокой заработной плате, в комфортных условиях работы и в хороших условиях труда [8, с. 177].

Основное или, по крайней мере, весьма важное влияние на принятие решения о получении высшего образования оказывает престижность будущей профессии, хотя само содержание престижности оказывается различным в разных группах мотивации. Большинство абитуриентов хотят, чтобы их будущая работа была престижной, перспективной, с комфортными условиями труда и хорошо оплачиваемой. Нередко молодежь хочет, чтобы в их деятельности были элементы творчества. Ориентация учащихся на общественное мнение, престиж профессии, авторитет вуза, собственный прагматизм приводит к перекосам при профессиональном самоопределении. Старшеклассники чаще всего выбирают специальности гуманитарной направленности в ущерб инженерно-техническим профессиям. Выпускники вузов, выбравшие престижные профессии, сталкиваются с тем, что наличие высшего образования не является гарантией востребованности на рынке труда [9, с. 76]. Они не могут устроиться на работу по специальности из-за высокой конкуренции при трудоустройстве. «В настоящее время рынок труда перенасыщен офисными работниками (юристами, экономистами), не хватает «рабочих рук» (инженеров, специалистов в области точных наук)» [10, с. 303]. Кроме этого, развитию карьеры молодых специалистов мешает порой неадекватное представление выпускников вузов о себе как о профессионалах, о своей компетентности в реальной профессиональной деятельности [11, с. 94]. При этом социологи отмечают, что за последние 20 лет у современных студентов устойчиво снижается ценность глубоких знаний и профессионализма [12, с. 92].

Слабая информированность о содержании профессий, о требованиях работодателя к специалистам, несоответствие выбора своим склонностям и интересам приводят к неадекватному и порой к случайному выбору профес-

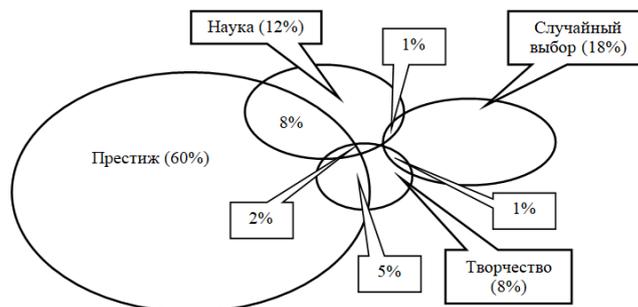

Рис. Пересечение групп, ориентированных на престиж, на творчество в будущей профессиональной деятельности, научно-педагогическую деятельность, случайный выбор

сии. Для успешного профессионального становления необходимо наличие определенных личностных качеств. Часто старшеклассники еще не обладают достаточной самостоятельностью и испытывают трудности при определении профессиональных ценностей, не соотнося их с собственными возможностями [13, с. 85]. Неправильный выбор профессии может привести к нереализованности интересов и талантов человека, к неопределенности его социальной значимости, а впоследствии и к неэффективности его как работника [14, с. 349]. Среди проблем, к которым приводит неосознанный выбор профессии, можно назвать и финансовые затраты государства или семьи на профессиональную подготовку человека, не желающего работать по специальности, а также потерю времени, затраченного на получение ненужной профессии.

Необходимость выявления и анализа мотивов выбора профессии молодежью имеет сегодня большое научное и практическое значение, поскольку неосознанный выбор профессии, несоответствие выбранной профессии личным способностям усиливают риски молодых людей при их выходе на рынок труда.

Метод исследования, как и в предыдущих публикациях данного материала, основан на многомерном анализе данных приемной комиссии ННГУ, дополненных опросом абитуриентов, которым была предложена соответствующая анкета. Цель данного исследования заключается в определении характеристик сходства и отличия установок и мотивов абитуриентов, осуществляющих выбор профессии в пространстве конкретного учебного заведения – ННГУ. Основание использованного метода подробно изложено в предыдущих двух статьях [15, 16]. Здесь лишь напомним, что результаты исследования² позволили выявить не только набор факультетов и специальностей, на которые претендовали абитуриенты, но и основные мотивы их выбора. В предыдущих статьях отмечено, что наиболее активно анкету заполнили абитуриенты, подавшие документы на наиболее пре-

стижные факультеты и специальности – в Институт международных отношений и мировой истории, в Институт информационных технологий, математики и механики, больше всего анкет заполнили абитуриенты Института экономики и предпринимательства.

Результаты исследования

Многомерный анализ данных анкетного опроса позволил выделить 8 групп абитуриентов, наиболее многочисленной из которых явилась группа, ориентированная на престиж образования, профессии, охватившая 60% абитуриентов. Это уже и не группа, а тенденция, показывающая наличие у большой доли абитуриентов неких идеальных установок, связанных с признанием общественной значимости своего профессионального выбора. В предыдущих статьях отмечалось, что без пересечений с другими группами данная мотивация составляет всего 10%. Ранее анализировалось содержание пяти групп абитуриентов – ориентированных 1) на бизнес; 2) на госслужбу; 3) на мнения и рекомендации родителей, учителей, друзей; 4) на личностное развитие. Эти ориентации рассматривались на фоне выраженных ориентаций 5) на престиж образования, профессии, вуза, факультета. Напомним, что все эти группы в своей значительной части (не менее чем на три четверти) были пересечены с группой, ориентированной на престиж.

В данной статье мы продолжаем исследовать логику трех групп абитуриентов – 1) ориентации на творчество в будущей профессиональной деятельности; 2) на научно-педагогическую деятельность; 3) абитуриентов, совершивших случайный выбор профессии, вуза и факультета. Особенность этих групп состоит в том, что они довольно слабо пересечены с другими группами, однако на престиж ориентированы примерно по две трети молодых людей, избирающих для себя в будущем научную деятельность или творчество (рис.). Дей-

Таблица 1

Распределение заявлений, поданных на факультеты/институты ННГУ по абитуриентам, ответившим на вопросы анкеты, %

Факультет	Выборка	Творчество	Наука	Случайный выбор
Институт экономики и предпринимательства	43	18	10	51
Институт информационных технологий, математики и механики	29	87	31	23
Юридический факультет	20	6	15	7
Институт международных отношений и мировой истории	16	6	30	15
Факультет социальных наук	16	6	11	22
Радиофизический факультет	12	22	7	11
Институт филологии и журналистики	10	19	7	12
Физический факультет	10	10	12	9
Институт биологии и биомедицины	7	13	17	13
Арзамасский филиал	3	4	2	3
Химический факультет	2	2	6	1
Дзержинский филиал	1	2	0	1
Высшая школа общей и прикладной физики	1	2	3	1

ствительно, из 12% ориентированных на научную деятельность для 8% важен престиж образования, вуза, факультета. Аналогично, ориентация на творческую деятельность: из 8% – 5% также нацелены на престиж. И только для студентов, совершивших случайный выбор, престиж образования и профессии не имеет никакого значения. Представители этой группы пересечены с ориентированными на науку и творчество по 1%. Это показывает, что наиболее специфической характеристикой группы случайного выбора является минимальное пересечение с другими группами.

Подавляющее большинство *молодых людей, ориентированных на творчество в будущей профессиональной деятельности*, чаще всего – в 3 раза чаще, чем в среднем по выборке, – выбирают для поступления Институт информационных технологий, математики и механики (табл. 1). Примерно в 2 раза чаще по сравнению с выборкой абитуриенты этой группы считают интересным для поступления радиофизический факультет, Институт филологии и журналистики, а также Институт биологии и биомедицины. Следует отметить, что Институт биологии и биомедицины пока остается не очень привлекательным в среде абитуриентов Нижегородского университета, хотя именно абитуриенты, считающие этот факультет для себя привлекательным, ориентированы и на творчество, и на науку, и имеющие случайный, невыраженный выбор. Важно и то, что представители группы, ориентированной на творчество, в 2.5–3 раза реже, чем в среднем по выборке, выбирают для себя Институт экономики и предпринимательства, юридический факультет, Институт между-

народных отношений и мировой истории, факультет социальных наук. Таким образом, их в наименьшей мере привлекают специальности социально-экономического профиля, хотя профессия журналиста представляется им достаточно творческой.

Возможно, творческое начало представители этой группы находят в деятельности выбираемых ими факультетов. Действительно, в Институте информационных технологий, математики и механики существует широкий спектр направлений подготовки, действуют учебно-практические лаборатории, созданные при содействии ведущих российских и мировых ИТ-компаний, а выпускники ИИТММ востребованы и высоко ценятся на рынке труда. На радиофизическом факультете учебный процесс тесно интегрирован с научными исследованиями ведущих академических институтов, сотрудники которых строят учебный процесс на интеллектуальном взаимодействии. Институт биологии и биомедицины создан сравнительно недавно, хотя в его состав вошли подразделения, имеющие богатую историю, – биологический факультет, НИИ «Институт живых систем», НИИ «Ботанический сад» и НИИ молекулярной биологии и региональной экологии.

Абитуриенты, ориентированные на научно-педагогическую деятельность, выбирают, прежде всего, Институт международных отношений и мировой истории, а также Институт биологии и биомедицины. Повышенным спросом у представителей этой группы пользуется химический факультет и Высшая школа общей и прикладной физики. Гораздо реже всех других групп этими молодыми людьми рассматривается Ин-

Таблица 2

Мотивы выбора вуза и факультета, %

Мотивы	Выборка	Творчество	Наука	Случайный выбор
В данном вузе есть интересующая специальность	63	76	75	53
Качество образования	51	52	59	16
Осознанный выбор, исходя из собственных интересов и склонностей	46	63	78	23
Рейтинг вуза	44	46	35	34
Это вуз государственный	40	22	41	34
Наличие бюджетных мест	36	39	43	64
Ориентировался на результаты ЕГЭ	34	37	30	77
Получение престижной специальности	32	24	29	8
Возможность личностного развития	25	35	39	16
Интересное обучение	22	22	33	11
Рекомендация родителей/друзей	19	20	16	16
Удобное географическое расположение	14	20	23	19
Расширение круга знакомств	11	20	9	9
Наличие военной кафедры	10	11	3	5
Наличие общежития	10	7	6	30
Приемлемая стоимость обучения	10	7	9	7
Случайный выбор	9	9	1	42
Возможность заниматься спортом	8	2	9	2
Возможность заниматься творчеством во внеучебное время	7	17	14	9
Детская мечта	5	4	16	1

ститут экономики и предпринимательства. Напомним, что этот институт более всего интересен для молодежи, ориентированной на бизнес и госслужбу. Пониженным спросом пользуются у представителей этой группы юридический факультет, факультет социальных наук и радиофизический факультет, хотя, как мы увидим ниже, основания для отторжения разных факультетов у представителей этой группы отличаются.

Абитуриенты, ориентированные на случайный выбор, охотно подают документы для поступления на разные факультеты и институты ННГУ, выделяя лишь Институт экономики и предпринимательства, куда подают документы половина представителей этой группы. Повышенным спросом у них пользуются также факультет социальных наук и Институт биологии и биомедицины. Понятно, что выбор большинства выпускников этой группы не является осознанным, поскольку он осуществляется часто стихийно или под влиянием окружения, однако они чаще других ориентируются на биологию и биомедицину, которая интересна и творческим людям, и абитуриентам, ориентированным на научную деятельность. Очевидно, что репутация данного факультета воспринимается молодыми людьми из этих групп совершенно по-разному, и очевидно, что мотивация профессионального выбора представителей каждой из выделенных групп принципиально различна.

Главным фактором выбора вуза и факультета для абитуриентов, ориентированных на творчество в будущей профессиональной деятельности, является их осознанный выбор конкретной специальности в данном вузе, основанный на собственных интересах и способностях (табл. 2). Для них важно, что в данном вузе есть интересующая их специальность. Желание личностного развития, в том числе и во внеучебное время, – главное отличие молодых людей этой группы. Меньше всех их интересует престижность будущей специальности, а также является ли выбранный ими вуз государственным. Большим преимуществом обучения в вузе молодые люди этой группы назвали расширение круга знакомств и приобретение связей, которые могут стать полезными в дальнейшем.

Осознанный выбор, исходя из собственных интересов и склонностей, делают и абитуриенты, ориентированные на научно-педагогическую деятельность. Для них этот фактор выбора вуза и факультета является ведущим. В будущей профессии они видят исполнение детской мечты, возможность реализации в творчестве и личностном развитии. Эти молодые люди чаще других говорят об интересном обучении, при этом территориальное месторасположение вуза для них важнее, чем остальным. Их привлекает высокое качество образования в выбранном вузе, возможность заниматься творчеством во внеучебное время. Определенный ин-

Таблица 3

Мотивы выбора направления подготовки, %

Мотивы	Выборка	Творчество	Наука	Случайный выбор
Эта профессия позволяет иметь интересную и разнообразную работу	50	96	78	35
Эта профессия дает возможность хорошо зарабатывать	40	33	16	21
Есть возможности карьерного роста	35	26	23	24
Это уважаемая (престижная) профессия	26	20	39	8
С этой профессией легко найти работу	14	46	13	13
Эта профессия позволит иметь хорошие условия труда	11	11	12	5
Это был случайный выбор	10	2	3	54
Выбрал(а) по совету родителей, друзей, школы	8	4	4	12
Работа по этой профессии позволяет иметь удобный график работы	8	7	10	11
Эта профессия позволит иметь хорошее социальное обеспечение на работе	7	0	9	1
По этой профессии работает кто-то из родственников, знакомых	6	4	6	3
По этой специальности легко учиться	3	7	7	4
Это массовая профессия, туда идут учиться многие	3	0	1	2

терес для них представляет и наличие на выбранном факультете бюджетных мест. Среди абитуриентов этой группы практически нет людей, сделавших случайный, неосознанный выбор образовательного учреждения и факультета. Их не интересует рейтинг вуза или наличие здесь военной кафедры. Менее всех они склонны ориентироваться на результаты ЕГЭ – для них важнее осознанность и мотивированность профессионального выбора.

Молодые люди, совершившие случайный выбор профессии, при выборе вуза и факультета чаще всех ориентировались на результаты Единого государственного экзамена (77% против 34% по выборке). Именно эти абитуриенты ориентируются не на свои склонности и интересы, а выбирают направление, для поступления на которое им хватает баллов ЕГЭ, чтобы учиться на бюджетном месте. При этом они честно говорят, что их выбор случайный (42% против 9% по выборке). Большое значение для них имеет также наличие общежития в этом вузе. Абитуриенты этой группы не ориентированы на получение качественного образования, к процессу обучения и своему личностному развитию относятся незаинтересованно. В итоге, такие студенты во время обучения в университете чаще всего «плывут по течению», и получаемая профессия для них не главное. Следует отметить, что влияние рейтинга вуза и престижа выбранной профессии для них минимально.

Молодых людей, ориентированных на творчество в профессиональной деятельности, привлекает в будущей специальности больше всех других возможность иметь интересную и разнообразную работу (табл. 3). Они рассмат-

ривают профессию как способ творческой реализации, воплощения в жизнь своих возможностей. Одним из основных критериев выбора направления подготовки у абитуриентов этой группы является высокая вероятность найти хорошую работу. Они рассматривают трудоустройство как средство достижения значимых для них целей: развитие своих способностей, творчество, выражение себя, материальный достаток. Менее всех других молодежь, ориентированная на творчество, выбирает профессию случайно. Престижность профессии, карьерный рост, социальный пакет мало интересуют представителей этой группы.

Возможность иметь интересную работу по социально признаваемой (престижной) профессии для абитуриентов, ориентированных на научно-педагогическую деятельность, является приоритетным мотивом выбора направления профессиональной подготовки. Молодежь этой группы не ставит во главу угла такие мотивы, как карьерный рост и высокая заработная плата. Интересная работа по уважаемой специальности, независимо от оплаты труда, является для них основной ценностью.

Для молодежи из группы случайного выбора профессии нехарактерна твердая определенность профессионального выбора, а порой она даже полностью отсутствует. Ни престижность профессии, ни интересная работа, ни высокий заработок, ни карьерный рост – для них ничто из этого не является мотивом при выборе специальности. Для достижения успеха в профессиональной деятельности важна мотивация, а у представителей этой группы неясные цели в их образовательных стратегиях. Зачастую выбор

Таблица 4

Факторы, повлиявшие на выбор вуза и специальности, %

Факторы	Выборка	Творчество	Наука	Случайный выбор
Рейтинги вузов в СМИ и Интернете	49	57	39	48
Советы родителей	36	28	29	38
Друзья, товарищи по учёбе	21	26	20	23
Успешная карьера выпускников университета	20	15	12	6
Встречи, разговоры со студентами университета	17	24	19	14
День открытых дверей в университете	17	11	36	11
Общение с сотрудниками приёмной комиссии	15	17	14	17
Советы учителей	12	17	32	12
Разговоры, встречи с выпускниками университета	7	7	9	5
Занятия с преподавателями университета	4	9	10	2
Ярмарка вакансий	3	9	0	2
Печатная реклама университета	3	2	6	3
Сотрудники предприятия, на котором работали или подрабатывали	2	11	6	1
Теле-, радиореклама	2	0	1	2

профессии они совершили под воздействием внешних факторов – мнения родителей, друзей, учителей. Их мало интересует собственная дальнейшая профессиональная судьба – они надеются найти легкую работу с удобным графиком работы.

Логика установок абитуриентов из трех анализируемых групп находит свое продолжение в определении факторов, повлиявших на их выбор вуза и специальности. Для абитуриентов, ориентированных на творчество в профессиональной деятельности, решающим фактором при выборе вуза становятся рейтинговые характеристики, имидж и репутация вуза в образовательном пространстве (табл. 4). В иерархии факторов, повлиявших на выбор вуза и специальности, значимое место уделяется людям, которые функционируют в интересующем их профессиональном пространстве, – это сотрудники предприятий, на которых они работали или подрабатывали, студенты данных вузов, родители. Определенное влияние на выбор вуза и специальности оказали ярмарки вакансий, друзья, учителя, преподаватели университета.

Молодые люди, ориентированные на научно-педагогическую деятельность, выбирали вуз и специальность, прежде всего, исходя из советов учителей, но не родителей. Огромное влияние на них также оказало участие в Днях открытых дверей образовательных учреждений, где старшеклассники и их родители получали информацию о вузе, направлениях подготовки, условиях обучения и проживания студентов, научной, творческой, спортивной деятельности. Участие в этих мероприятиях как молодых преподавателей, так и статусных педагогов с большим опытом работы, вероятно, более всего повлияло на

желание молодежи этой группы заниматься научно-педагогической деятельностью в будущем. Реже других они упоминали такие факторы, как рейтинги вузов в СМИ и Интернете или успешная карьера выпускников университета.

На абитуриентов, совершивших случайный выбор профессии, ни один из представленных факторов не оказал серьезного влияния при выборе вуза и специальности. Менее всех других их заинтересовало общение с выпускниками вузов и участие в Днях открытых дверей. Они не смогли назвать ни одного существенного фактора, повлиявшего на выбор ими образовательного учреждения.

Одной из важнейших составляющих профессиональных установок молодежи являются предпочтительные сферы будущей профессиональной деятельности. Абитуриенты, ориентирующиеся на творчество в профессиональной деятельности, хотят проявить свои способности и таланты через творческий характер трудовой деятельности. Они хотели бы заниматься конструкторской, инженерной деятельностью, что соответствует их профессиональному выбору факультетов и специальностей (табл. 5). Художественное творчество, научная и коммерческая деятельность – именно в этих сферах деятельности видят себя представители данной группы в будущем. Повышенная доля молодых людей из этой группы хотели бы заниматься коммерческой деятельностью, но при этом они не видят, как можно реализовать себя и свой потенциал в таких областях деятельности, как менеджмент, педагогика, политика.

Подавляющее большинство абитуриентов, нацеленных на научно-педагогическую деятельность, собираются в будущем заниматься

Таблица 5

Предпочтения будущей сферы деятельности, %

Предпочтительные сферы деятельности	Выборка	Творчество	Наука	Случайный выбор
Иметь свой бизнес	41	39	10	34
Заниматься художественным творчеством	23	52	23	47
Работать в сфере государственного управления	20	15	14	15
Заниматься научной деятельностью	19	46	75	15
Заниматься коммерческой деятельностью	16	33	1	13
Заниматься управленческой деятельностью в экономике (менеджмент)	14	4	3	15
Заниматься юридической деятельностью	13	0	3	5
Заниматься конструкторской, инженерной деятельностью	13	54	20	7
Заниматься политической деятельностью	12	2	14	5
Пока не могут сказать, в какой сфере хотели бы работать	12	4	1	29
Заниматься педагогической деятельностью	10	4	29	6
Работать в сфере производства	10	11	9	9
Остаться в сфере высшего образования	5	2	33	3
Остаться в университете	4	7	22	0
Вообще пока не думают о работе	3	0	0	12

научной работой. Половина молодых людей после обучения хотят остаться работать в сфере высшего образования, и чаще других они считают педагогическую деятельность интересной. Абитуриенты этой группы сделали свой осознанный профессиональный выбор, ведь практически никто из них не сказал, что не определился, где хотел бы работать в будущем. Их не привлекают ни собственный бизнес, ни коммерческая, ни юридическая деятельность, как и политика, и менеджмент.

Почти треть *молодых людей, совершивших случайный выбор профессии*, при поступлении в вуз не смогли сказать, в какой сфере хотели бы работать. Среди молодых людей такой ответ является весьма распространенным, хотя это совсем несвойственно молодежи, ориентированной на науку и творчество. Абитуриенты данной группы сравнительно слабо информированы о профессиях, зачастую необъективно оценивают свои способности. В четыре раза чаще среднестатистических значений представители этой группы вообще не думают о будущей работе. Представления о содержании той или иной работы у них неполные или искаженные. Пример: эти молодые люди хотели бы создать собственный бизнес, однако занятие коммерческой деятельностью для них не представляет интереса. Немало среди них тех, кто мечтает заниматься художественным творчеством, но не называют ничего конкретного, явно переоценивая свою пригодность к этой сфере деятельности.

Для расширения возможности поступления в высшие образовательные учреждения, в том числе и на бюджетной основе, старшеклассни-

кам необходимо совершить правильный выбор предметов для сдачи Единого государственного экзамена. *Молодые люди, ориентированные на творчество в будущей профессиональной деятельности*, выбирали набор предметов ЕГЭ, необходимый для поступления на наиболее интересное им направление подготовки в данном учебном заведении (табл. 6). Часто представители данной группы выбирали для экзамена предметы, которые были их любимыми в школе, они хорошо их знали. Но при этом почти половина абитуриентов данной группы сдавали экзамены по предметам, которые являлись запасными для поступления на какую-то другую специальность.

У *абитуриентов, нацеленных на научно-педагогическую деятельность*, таких предметов «про запас» практически не было. Они выбирали дисциплины для сдачи ЕГЭ, необходимые для поступления на определенное направление подготовки. Молодые люди этой группы отмечали, что они поступили на нужную специальность в результате специальной подготовки по любимым предметам.

В отличие от этих двух групп *старшеклассники, совершившие случайный выбор профессии*, выбирали те предметы ЕГЭ, которые им казались легкими для сдачи экзамена. Менее всех других их выбор основывался на необходимости определенного набора ЕГЭ для поступления в определенный вуз на конкретное направление подготовки.

Большинство абитуриентов всех трех групп рассматривали для своего поступления несколько вузов города и страны. Однако только представители группы ориентированных на

Таблица 6

Причины выбора предметов для сдачи ЕГЭ, %

Причина выбора	Выборка	Творчество	Наука	Случайный выбор
Данный набор предметов ЕГЭ необходим для поступления на выбранную специальность	79	89	86	61
Эти предметы знают хорошо	48	57	83	50
Эти предметы были любимыми в школе	38	50	75	32
Некоторые из этих предметов являются запасными для поступления на другую специальность	19	48	13	20
Эти предметы являются более легкими для сдачи экзамена	9	9	4	16
Сдавали большое количество экзаменов, чтобы поступить в любой вуз на любую специальность	4	2	0	3

творчество в профессиональной деятельности реже всех рассматривали только один вуз и конкретный факультет для подачи заявления. Эти подростки искали подходящую им специальность в разных вузах страны, исходя из их склонностей и способностей.

Следует добавить, что среди *молодых людей, ориентирующихся на творчество в будущей профессиональной деятельности*, чаще встречаются юноши (52% против 37% по выборке), а среди *тех, кто мечтает о научно-педагогической деятельности*, чаще встречаются девушки (71% против 63% по выборке). В группе *абитуриентов, совершивших случайный выбор профессии*, также большинство составляют девушки (73% против 63% по выборке).

Выводы

Абитуриенты, ориентированные на творчество в будущей профессиональной деятельности, осознанно выбирают будущую специальность в соответствии со своими способностями и интересами, главным из которых является личностное развитие в широком круге общения с единомышленниками. Для них значимы люди, функционирующие в интересующем их профессиональном пространстве. Больше всего они хотели бы заниматься конструкторской, инженерной деятельностью, поэтому они выбирают для поступления Институт информационных технологий, математики и механики, радиофизический факультет, Институт биологии и биомедицины. Интересен для многих из них Институт филологии и журналистики. В своей будущей работе они ориентированы не на карьеру и заработок, а на интересную творческую деятельность. Они рассматривают профессию как способ творческой реализации, и многие из них готовы заниматься творческой деятельностью в качестве хобби.

Абитуриенты, ориентированные на научно-педагогическую деятельность, тоже делают осознанный выбор профессии, исходя из собственных интересов и склонностей, причем нередко в этом они видят исполнение детской мечты. Среди них практически нет людей, сделавших случайный, неосознанный выбор профессии. Для молодежи этой группы не важны такие мотивы, как карьерный рост и высокая заработная плата. Основной ценностью для них является интересная работа по уважаемой специальности. Они выбирают для себя, прежде всего, Институт международных отношений и мировой истории, а также Институт биологии и биомедицины. Повышенным спросом у представителей этой группы пользуется химический факультет и Высшая школа общей и прикладной физики. В будущем они собираются заниматься научной работой и после обучения многие хотят остаться работать в сфере высшего образования.

Абитуриенты, ориентированные на случайный выбор, охотно подают документы для поступления на разные факультеты и институты ННГУ, поскольку выбор большинства выпускников этой группы не является осознанным и осуществляется стихийно или под влиянием окружения. Они чаще других ориентировались на результаты ЕГЭ и выбирали направление, для поступления на которое им хватает баллов ЕГЭ, чтобы учиться на бюджетном месте, причем они выбирали предметы, которые им казались легкими для сдачи ЕГЭ. Для них не являются мотивами при выборе специальности ни престижность профессии, ни интересная работа, ни высокий заработок, ни карьерный рост. При поступлении в вуз они не знают, в какой сфере хотели бы работать, слабо информированы о профессиях, поэтому во время обучения они чаще «плывут по течению», и получаемая профессия для них не главное.

Примечание

1. Предыдущие части статьи опубликованы в «Вестнике Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки». № 4 (2019), № 1 (2020).

2. Исследование «Особенности профессионального выбора абитуриентов ННГУ» осуществлено на основе данных о студентах, подававших документы для поступления на все факультеты данного университета. Количество поступающих на различные факультеты и институты ННГУ в 2018 г. составило 10 017 человек. Всем абитуриентам было предложено заполнить анкету в онлайн-режиме. В опросе приняли участие 579 абитуриентов Нижегородского государственного университета.

Список литературы

1. Богословская О. Мотивация получения высшего образования в контексте выбора профессии // Высшее образование в России. 2006. № 5. С. 44–47.
2. Константиновский Д.Л., Попова Е.С. Молодежь в сфере образования: ожидания и мотивация // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 154–174.
3. Крушельницкая О.И., Полевая М.В. О ценности диплома с точки зрения студента бакалавриата // Высшее образование в России. 2018. № 12. С. 50–57.
4. Стегний В.Н., Шувалов В.В. Новые явления в профессиональных ориентациях молодежи Прикамья: традиции, новации, факторы // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2016. № 3. С. 60–72.
5. Арендчук И.В. Проблема выбора профессии современными старшеклассниками // Профессиональная ориентация. 2017. № 1. С. 15–22.
6. Ситникова И.В. Современное студенчество: особенности профессионального выбора // Материалы IX Международной социологической Грушинской конференции «Социальная инженерия: как социология меняет мир», 20–21 марта 2019 г. / Отв. ред. А.В. Кулешова. М.: АО «ВЦИОМ», 2019. С. 304–308.
7. Ильясов Д.Ф., Селиванова Е.А., Каримова Н.Г., Ведерникова Л.С. Эффективные стратегии взаимо-

действия родителей и детей при выборе будущей профессии старшеклассниками // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 5 (72). С. 86–90.

8. Долганов Д.Н., Законнова Л.И., Седовских М.Е. Мотивационная готовность и отношение студентов технического вуза к осуществлению научной исследовательской деятельности // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2015. № 3 (109). С. 172–181.

9. Крушельницкая О.И., Третьякова А.Н. Мотивация получения высшего образования у студентов первого и выпускного курсов (сравнительный анализ) // Высшее образование в России. 2017. № 2. С. 70–77.

10. Абрамович А.Ю. Основные проблемы высшей школы глазами современного студента // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 4. С. 303–304.

11. Верниенко Л.В. Стратегии построения карьеры студентами в процессе получения высшего образования. // Век качества. 2018. № 2. С. 93–102.

12. Рябоконь М.В., Ситникова И.В. Динамика жизненных ценностей студенческой молодежи на рубеже веков // Социальные преобразования и социальные проблемы. Сборник научных трудов (Вып. 16) / Под общ. ред. проф. А.А. Иудина. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2016. С. 88–98.

13. Давыдюк Л.В., Истратова О.Н. Мотивы выбора профессии старшеклассниками // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2005. Т. 49. № 5. С. 85–88.

14. Подгорнова Н.А., Егорова И.Н. Анализ факторов, влияющих на профессиональное самоопределение школьников // Вестник современных исследований. 2018. № 5-1 (20). С. 349–355.

15. Иудин А.А., Ситникова И.В., Тютяев А.С. Влияние ценностных ориентаций на профессиональный выбор абитуриентов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 4. С. 89–97.

16. Иудин А.А., Ситникова И.В., Тютяев А.С. Влияние ценностных ориентаций на профессиональный выбор абитуриентов. Часть 2 // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 1. С. 42–51.

INFLUENCE OF VALUE ORIENTATIONS ON PROFESSIONAL SELECTION OF APPLICANTS (Part 3)

A.A. Iudin, I.V. Sitnikova, A.S. Tyuntyaev

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The diversity of young people's approaches to the choice of their future profession is manifested in the fact that they intend to realize their professional needs in a fundamentally different way. A presentation of the results of the study was proposed, which was based on the totality of all applications submitted to the admission committee of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod in the summer of 2018. Of particular interest is the comparison of attitudes of different groups of applicants to prestige, business, civil service, advice of their immediate social environment, the future professional development. Values and professional attitudes of three groups of entrants - oriented to creativity in future professional activity, to scientific and pedagogical activity and to random choice - are considered. Two groups of three have two or more orientations, and the overwhelming majority of entrants are oriented to the prestige of the university and the chosen profession. However, the group of applicants who have made a random choice of profession is the most original in its attitudes, its representatives practically do not intersect with other groups and the prestige of the university, faculty and the chosen profession is not important for them at all.

Keywords: applicants, youth, professional self-determination, choice of university, motives, tertiary education, prestige.

УДК 316

СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВОЗРАСТА И ПРОЦЕСС ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАРЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В ЗЕРКАЛЕ ТЕОРИИ СИМВОЛИЧЕСКОГО ИНТЕРАКЦИОНИЗМА

© 2020 г.

А.В. Ермилова, Е.Е. Кутявина

Ермилова Анна Вячеславовна, к.соц.н.; доцент кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ermilova.75@bk.ru

Кутявина Елена Евгеньевна, к.соц.н.; доцент кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kutyavina@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 07.08.2020**Статья принята к публикации 19.10.2020*

Оцениваются возможности анализа профессиональной социализации, профессионального возраста спортсменов с точки зрения символического интеракционизма. Символический интеракционизм дает инструменты исследования следующих важнейших аспектов профессионального спорта: значимость усвоения специфической системы символов в процессе развития, построения и завершения спортивной карьеры; специфика коммуникации профессиональных спортсменов как социальной группы, перспектива формирования спортивной субкультуры. Данные аспекты конкретизируются в контексте изучения завершения спортивной карьеры, профессионального старения; рассматриваются позитивные и негативные варианты этого процесса (негативный – негативная символизация, утрата ресурсности; позитивный – положительная символизация, перетекание ресурсности). В качестве основы дальнейших эмпирических исследований предложена модель возрастного символизма И.С. Кона, включающая в себя нормативный критерий, аскриптивные возрастные стереотипы, символизацию возрастных процессов и возрастные обряды, возрастную субкультуру. Представлены предварительные итоги авторского социологического исследования «Специфика завершения профессиональной карьеры представителями индивидуальных и групповых видов спорта», посвященного аскриптивным и субкультурным аспектам завершения профессиональной карьеры спортсменов, на основе интервью с баскетболистами ($n=17$) и легкоатлетами ($n=11$). В качестве важных аспектов профессиональной ресоциализации выделены длительность профессионального стажа, разрыв с профессиональной субкультурой, совпадение/различие профиля образования с профессиональным статусом, вид спорта (командный/индивидуальный). Формулируются условия успешной адаптации спортсменов к завершению профессиональной спортивной карьеры и профессиональной ресоциализации.

Ключевые слова: профессиональный возраст, профессиональное старение, профессиональный возраст спортсменов, субкультура спортсменов.

Введение

Деятельность профессиональных спортсменов в условиях развития современного спорта как в мировом масштабе, так и у нас в стране представляет собой социальное явление, характеристики которого зависят от социально-экономических и политических институтов. Подчиненность спорта экономическим и политическим субъектам государственной власти можно рассматривать как тенденцию, характерную не только для данного социального института. Специфика конструирования новой социальной реальности спорта основана на восприятии мира спорта через символы, в том числе атрибуты результативности профессиональной спортивной деятельности (спортивные регалии). В социологии символические аспекты взаимодействия, восприятия различных видов

деятельности, интерпретации действий людей исследуются на основе символического интеракционизма. Спорт высоких достижений содержит специфические символы, которые интерпретируются различными субъектами как признак компетентности и профессиональной успешности (награды, квалификация, профессионально-должностной статус). Именно через символы мы познаем социум и интегрируемся в него, конструируя собственную социальную идентичность, в том числе и профессиональную спортивную. Важность рассмотрения данной формы человеческой активности через призму символов подчеркивают следующие обстоятельства:

– символы (спортивная атрибутика, разряды, квалификация, награды, почетные звания, высокий уровень материального вознаграждения), присутствующие в сфере физической культуры и спорта (ФКС), воспринимаются новым поко-

лением спортсменов как признаки успеха и привлекают его к спортивной деятельности;

– накопленные ресурсы в ходе построения и реализации профессиональной спортивной карьеры определяют ее продолжительность, что может способствовать трансформации самой личности спортсмена в символ страны и/либо конкретного вида спорта;

– отсутствие ожидаемого символического набора, характерного для профессиональной спортивной среды, либо его потеря отрицательно сказываются на спортивной карьере, результатом чего может стать сокращение/утрата профессионального возраста представителя ФКС.

Степень научной разработанности проблемы. Значительный интерес в области изучения символов в социологических теориях представляют работы Дж.Г. Мида [1], Г. Блумера [2], П. Бурдьё [3].

Следует указать на особый вклад социологов Дж. Мида и Г. Блумера, являющихся основоположниками символического интеракционизма.

Исследовательский интерес также вызывают работы известного социолога, психолога, антрополога, философа И.С. Кона, сосредоточившего свое внимание на проблеме изучения межпоколенческих аспектов взаимодействия в зеркале возрастного символизма [4].

Символический интеракционизм позволяет познать социальную реальность в динамике, в том числе и сферу ФКС, отличающуюся особыми символами. Символы опосредуют связь отношений человека с различными субъектами спортивной сферы, влияют на его поведение в ходе вхождения в сферу ФКС и построения спортивной карьеры. Ориентируясь на символы, сформированные предыдущим поколением спортсменов, современное поколение представителей ФКС создает свою собственную социальную реальность при помощи новых символов или изменяет интерпретацию прежних символов. Символы, характерные для предыдущих этапов развития различных видов спорта как у нас в стране, так и за рубежом, могут быть не востребованными в обществе и иначе интерпретируются, либо на их место приходят символы совершенно с иной окраской. Примером может служить тенденция гендерного равенства в различных видах спорта (женский хоккей, бокс, футбол), что говорит об отмирании традиционной гендерной символизации в сфере ФКС.

Методы исследования

Учитывая разнообразие сфер жизнедеятельности человека, каждая из которых отличается спецификой в интерпретации символа (для ав-

торов особое значение имеет именно сфера профессионального спорта), а также влияние исторических, экономических, политических, территориальных и социальных условий развития общества на функционирование сферы ФКС, мы ставим перед собой цель – выявить характерные особенности символов в процессе развития, построения и завершения спортивной карьеры, а также определить символические аспекты профессионального старения спортсменов, имеющих высокий спортивный профессионально-должностной статус. Реализуя поставленную цель, мы актуализируем вопрос оптимизации профессионального возраста.

Анализ процесса профессионального старения спортсменов мы осуществляем через выделение детерминант профессионального возраста как социологической категории, имеющих специфику в социальной реальности профессионально-спортивной среды. Для достижения поставленной цели будут использованы научные разработки И.С. Кона, посвященные проблеме возрастного символизма, а также данные авторского социологического исследования «Специфика завершения профессиональной карьеры представителями индивидуальных и групповых видов спорта», в ходе которого методом полустандартизированного интервью было опрошено 28 человек (Нижний Новгород, 2019 г.)

Результаты исследования

Восприятие социальной реальности – сферы ФКС напрямую связано с этапами человеческой жизни, каждый из которых наполнен определенным набором символов. Важным этапом человеческого существования является период подведения итогов жизни человека, а именно этап старения. Старение связано с интерпретацией определенных символов, характеризующих данный этап жизни человека, для которых характерна как положительная, так и отрицательная окраска: долголетие, мудрость, утрата трудовой способности, одиночество, бедность, болезни и т.п. Если же мы обратим внимание именно на профессиональное старение представителей физической культуры и спорта, то можем утверждать, что набор символов, связанных с процессом завершения спортивной карьеры, несет на себе зримые отпечатки накопленного опыта в сфере ФКС, а именно ресурсности индивида.

Процесс старения рассматривают многие науки – биология, психология, социология, философия, математика, термодинамика, каждая из которых выделяет наиболее важный аспект в процессе старения человека, в результате чего формулируются различные типы старения (фи-

зиологическое, преждевременное, активное, демографическое, психологическое, субъективное/объективное). Несмотря на многообразие определений термина «старение», за основу считаем возможным взять толкование данного понятия проф. И.А. Григорьевой, так как оно интегративно. По ее мнению, старость – это биопсихическое и социально-историческое понятие с условными и меняющимися границами на разных этапах историко-эволюционного развития человечества в различных эколого-популяционных и социальных группах [5].

Символический интеракционизм позволяет рассмотреть проблему профессионального старения представителей ФКС с акцентом на понятии «профессиональный возраст» через призму возрастного символизма, представленного, в частности, в работах И.С. Кона. Осуществленный им анализ исторического развития общества в зеркале процесса смены поколений и межпоколенной трансмиссии культуры, а также выявленные особенности этих процессов подталкивают нас к рассмотрению детерминант профессионального возраста как социологической категории, имеющих свою специфику в социальной реальности профессионально-спортивной среды.

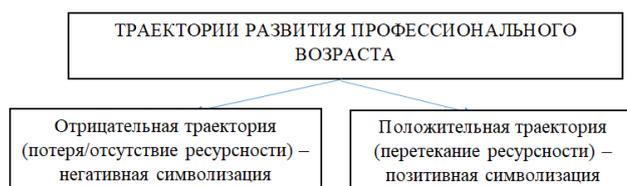
Как отмечает И.С. Кон, «культурно-исторический феномен можно понять лишь с учетом возрастного символизма, т.е. системы представлений и образов, в которых культура воспринимает, осмысливает и легитимирует жизненный путь индивида и возрастную стратификацию общества» [4, с. 422–423]. В нашем случае таким феноменом является профессиональное старение представителей физической культуры и спорта (ФКС), которое неразрывно связано с категорией «профессиональный возраст». Под термином «профессиональный возраст» понимается возраст (количество лет), детерминированный особенностями профессиональной деятельности (в нашем случае спортивными практиками/деятельностью).

Опираясь на выявленные И.С. Коном взаимосвязанные элементы возрастного символизма как подсистемы культуры (нормативный критерий, аскриптивные возрастные свойства, символизация возрастных процессов, возрастные обряды, возрастная субкультура), мы произведем вычленение, идентификацию этих элементов и их интерпретацию применительно именно к профессиональному возрасту представителей физической культуры и спорта.

1. *Нормативный критерий* профессионального возраста представителей ФКС включает уровень физиологического соответствия определенному виду спорта субъекта (объективно-

предписанный показатель); периодизацию жизненного цикла построения профессиональной спортивной карьеры, вариативной, с точки зрения временного критерия (длительности) и этапов профессиональной деятельности спортсменов, которые специфичны в зависимости от характера (групповой/командный) и вида спортивных практик. Нормативный критерий профессионального возраста спортсмена тесно связан с символизацией возрастных процессов, позволяющей сформировать представления о том, как должен развиваться, протекать и заканчиваться профессиональный возраст спортсмена в условиях построения спортивной карьеры. Формирование, как и развитие профессионального возраста в зависимости от вида спорта, начинается по-разному, в одних требуется включенность ребенка в спортивный процесс с самого раннего возраста (например, набор девочек в художественную гимнастику осуществляется с 3–4 лет, а к 14 годам они могут уже стать мастерами спорта), тогда как в других видах спорта (бокс, фехтование) отбор детей осуществляется практически в подростковом возрасте. Переход индивида из одной профессиональной стадии в другую, как и этап завершения спортивной карьеры, тоже нормативно-вариативен в зависимости от возрастных особенностей этапа входа будущего чемпиона в спортивную сферу и классификации видов спорта. Представительницы художественной гимнастики, как правило, заканчивают свою спортивную деятельность еще до своего совершеннолетия, что является предписанной нормой для данного вида спорта в отличие, например, от волейбола, хоккея, баскетбола и иных видов спорта, что обуславливает ресурсный потенциал спортсмена к моменту завершения профессиональной карьеры.

2. *Аскриптивные возрастные стереотипы, имеющие отношение к стереотипному восприятию спортивной карьеры, процессу старения профессиональных спортсменов и утрате профессионального возраста данной категории населения.* В данном случае речь может идти, например, о процессе стигматизации профессиональных спортсменов, завершивших спортивную карьеру в определенном возрасте в зависимости от вида спорта. Для этапа окончания спортивной карьеры, а соответственно, и для продолжительности профессионального возраста характерна возрастная вариативность, которая во многом обуславливает профессиональное старение. В данном случае на стереотипное восприятие спортсменов социумом может влиять продолжительное нахождение человека в спортивной сфере. В таких видах спорта, как

волейбол, хоккей, баскетбол, продолжительность профессионального возраста намного больше, чем, например, в художественной/спортивной гимнастике. В результате спортсмены с меньшим стажем профессиональной спортивной деятельности успевают наверстать упущенные возможности (например, образовательные), что позволяет им приобрести новый профессионально-должностной статус. Те же профессионалы, которые имеют возможность оставаться интегрированными в профессионально-спортивную среду более длительное время, с одной стороны, могут аккумулировать ресурсы (положительная траектория – позитивное восприятие спортсменов), с другой – могут трансформироваться в группу риска (отрицательная траектория – негативное восприятие спортсменов). Для выявления специфики данного феномена сосредоточим внимание именно на этих двух траекториях развития профессионального возраста. Следует отметить, что положительная и отрицательная траектории развития профессионального возраста могут быть характерны для спортсменов с любым стажем трудовой деятельности. Однако, по мнению авторов, такой элемент отрицательной траектории развития профессионального возраста спортсменов, как стигматизация, чаще встречается именно у представителей ФКС с более длительным пребыванием в спортивной сфере.

Отрицательная траектория развития профессионального возраста, способствующая стигматизации данной категории населения, может проявляться в следующих вариантах:

- значительная часть профессиональных спортсменов к этапу завершения спортивной карьеры испытывают физическую и психическую истощенность, что отрицательно сказывается на их ресурсном потенциале и провоцирует в обществе восприятие их как «отработанного материала». Исчерпанные физические и психические возможности, приобретенные хронические заболевания в спорте высоких достижений, а порой и инвалидность способствуют втягиванию бывших спортсменов в девиантную среду, что однозначно ведет к утрате спортсменом профессионального возраста. По данным Федерального центра лечебной физкультуры и спортивной медицины Министерства здравоохранения и социального развития РФ, только 12%

людей после занятия спортом высоких достижений остаются относительно здоровыми [6]. Вследствие ухода человека из спорта высоких достижений двигательно-моторные поля его мозга перестают усиленно снабжаться кровью, в отличие от этапа инклюзии в спортивную деятельность, когда метаболизм мозга ускорен, но только в центрах, управляющих двигательной активностью, моторикой и координацией движений. В результате основной характеристикой мозга профессионального спортсмена, особенно длительно пребывающего в сфере ФКС (продолжительный профессиональный возраст), является неравномерность его развития [6], по мнению заведующего отделением эмбриологии НИИ морфологии человека РАМН С. Савельева, что провоцирует у бывших спортсменов состояние неудовлетворенности, хронической усталости, восприятия себя изгоем, повышенного уровня тревожности и агрессии, снятие которых происходит порой с помощью алкоголя. Такие проявления еще в большей степени могут обострять проблему стигматизирующего восприятия бывших чемпионов;

- усугубляет проблему стигматизации спортсменов, пытающихся адаптироваться после профессионального продвижения в спорте высоких достижений, наличие порой фиктивного высшего образования, результатом чего является отсутствие возможности интегрироваться в трудовые отношения в соответствии с полученной специальностью. Это затрудняет процесс перетекания накопленных ранее ресурсов спортсменом, что может привести к утрате профессионального возраста. В данном случае «бывшему чемпиону» трудно рекрутироваться в профессии, не связанные со сферой физической культуры и спорта, из-за отсутствия соответствующего образования, опыта и долговременной занятости исключительно на спортивном рынке труда.

Однако, как указывает И.С. Кон, стереотипы амбивалентны, в том числе и по отношению к спортсменам. Несмотря на то что в сознании значительной части населения сформировался негативный стереотип в отношении людей из спортивной сферы [7, с. 244] (спортсмен – это интеллектуально несостоятельный человек), в настоящее время набирает обороты процесс дестигматизации данной категории населения.

Положительная траектория развития профессионального возраста представителей ФКС имеет разные проявления:

– расширенные возрастные возможности инклюзии в тренировочно-соревновательном процессе как у нас в стране, так и за рубежом профессиональных спортсменов, выступающих за национальные клубы. Результатом более длительного пребывания в социально-трудовых отношениях спортивной направленности является высокий уровень материального благосостояния данной категории;

– сам спортсмен, добившийся успехов в данном виде деятельности, может стать символом для молодого поколения, для конкретного вида спорта, в целом для страны, что может способствовать популяризации данного вида спорта. Сегодня все чаще в различных сферах мы можем видеть на руководящих постах именно представителей физической культуры и спорта. Значительное количество людей, имеющих спортивное прошлое, сделали карьеру в политике, работают в высших эшелонах власти: В. Габулов – бывший вратарь сборной России – в настоящее время назначен министром спорта родного региона; Н. Гуляев, победивший на дистанции 1000 м еще на Играх в Калгари 30 лет назад, руководит департаментом спорта и туризма правительства Москвы; А. Карелин, одержавший 9 побед на чемпионатах мира и 12 на первенствах Европы, является депутатом Государственной думы, имеет опыт работы в комитете по охране здоровья и спорту, комиссии по геополитике, комитете по международным делам [8].

Стоит отметить, что рекрутирование в иные профессии и карьерная восходящая мобильность стали возможными благодаря процессу перетекания ресурсов, накопленных во время функционирования представителя ФКС. Соответственно, ресурсный набор, имеющийся у спортсмена, во многом определяет его ресурсный потенциал адаптации после завершения спортивной карьеры, который тормозит процесс профессионального старения и снимает актуальность проблемы стигматизации представителей ФКС.

Тем не менее пока человек находится на пике популярности, являясь символом данного вида спорта, своей страны, он нужен обществу. Когда он завершает или уже завершил спортивную карьеру, порой утратив самый важный человеческий ресурс – здоровье, личность рискует трансформироваться в социально незащищенный тип. В результате мы можем наблюдать ситуацию, когда достижения спортсмена по-прежнему значимы как символ, но сам человек

находится в забвении, порой прибегая к асоциальному поведению, что отрицательно сказывается не только на его здоровье, но и на популяризации конкретного вида спорта. Перечисленные проблемы актуализируют проблему создания института сопровождения профессиональных спортсменов.

3. *Обряды, ритуалы, посредством которых оформляются взаимоотношения спортсменов разного профессионального уровня, «обряды перехода» спортсмена на новую статусную позицию в иерархической системе спортивных достижений, в том числе и этап ухода представителя ФКС из спорта.* Смена статусов в ходе протекания профессионального возраста сопряжена с тремя стадиями:

а) отделение прежнего состояния;

б) непосредственно переход, характеристиками которого являются территориальный (например, переезд профессионального спортсмена в другую страну в результате заключенного контракта) и временной критерий;

в) инкорпорация в новое состояние, а именно вступление в новую спортивную среду либо уход из нее.

Важным аспектом инкорпорации является появление новой социальной идентичности в результате перехода на новый профессионально-возрастной этап. Залогом успешного процесса построения спортивной карьеры выступает идентификация спортсмена с той новой группой, в которой он оказался в результате профессионального продвижения, даже если эта общность имеет иные культурно-исторические корни. Именно высокий уровень значимости группового аспекта идентификации отражен в работах Дж.Г. Мида: «Окольный путь через других является необходимой предпосылкой возникновения идентичности» [9, с. 26].

4. *Профессиональная субкультура спортсменов.* Конструирование спортивной субкультуры происходит на основе постоянной стрессогенной ситуации, момента риска (везения/невезения) во время выступления, как следствие – возникновение многочисленных суеверий, примет, табу, а также наличие своеобразных фетишей, амулетов как у начинающих спортсменов, так и у профессионалов. В результате спортивно-соревновательной деятельности представители ФКС формируют «Мы-сознание», утверждают себя в качестве «мы», осознавая свои отличительные особенности от иных социальных общностей. Спортивная деятельность, интегрируя человека в соответствующую среду, формирует определённый тип поведения. В данном контексте важно подчеркнуть значимость социализирующего аспекта спортивной субкультуры, ко-

торый способствует высокому уровню сплочённости представителей ФКС, преобладающей в групповых видах спорта.

Главный редактор журнала «Теория и практика физической культуры», профессор Л.И. Лубышева, выявляя факторы, влияющие на формирование стиля жизни человека [10], закончившего спортивную карьеру, указывает на особую значимость фактора, имеющего прямое отношение к спортивной субкультуре. В данном случае речь идет о проблеме потери спортсменом «Мы-сознания», которая выражается в разрыве дружеских и профессиональных связей с командой и тренерским составом, выходе спортсмена из статусной структуры профессионального спорта, отсутствии возможности общения с использованием спортивного сленга/жаргона. Важно подчеркнуть значимость ценностных ориентаций, характерных для спортивной общности, которые смещаются либо вообще утрачивают свое значение в связи с окончанием спортивной карьеры. Указанные обстоятельства могут свергнуть представителя ФКС в состояние психологического дискомфорта, стресса, особенно в том случае, когда человек уходит из спорта внезапно, в связи с полученной травмой, разрывом спортивного контракта, а не поэтапно и запланированно. Долговременное существование человека в спортивной системе, сосредоточенность только на одном виде деятельности (спортивной), временной и территориальной разрыв с иной социальной реальностью, например в связи с проживанием юных/молодых спортсменов в спортивных интернатах либо подготовкой к соревновательной деятельности – сборы (изоляция от внешнего мира), могут усугублять проблему взаимодействия с социумом. Осложняет прохождение этапа завершения спортивной карьеры и высокая значимость спортивной субкультуры. Это тоже актуализирует психологическую поддержку спортсменов, которую могут осуществлять спортивный психолог, специалист по реабилитации, помогающие выстроить индивидуальную траекторию интеграции в общество, работая с ресурсной базой бывшего спортсмена.

Особенно остро переживается проблема разрыва связи со спортивной субкультурой спортсменами, интегрированными в спортивную среду продолжительное время. Как показал опрос (интервью) мастеров спорта по баскетболу ($N=17$ чел.), ценность спорта в жизнедеятельности человека, а соответственно, и ценность спортивного сообщества возрастают с увеличением стажа трудовой деятельности, в результате чего представители ФКС в возрасте 30 лет и старше (стаж пребывания в спорте бо-

лее 20 лет) болезненнее переживают разрыв с баскетбольной командой.

Хотелось бы обратить внимание на наиболее высокий уровень значимости спорта как субкультуры для представителей групповых видов спорта, о чем свидетельствует интервью мастеров спорта по баскетболу ($N=17$ чел.) и мастеров спорта по легкой атлетике ($N=11$ чел.). Большое количество спортсменов, представляющих данные виды спорта, после завершения профессиональной карьеры остались в спортивной сфере. Основная часть баскетболистов (75%) интегрировались в трудовую сферу спортивной направленности, реализуя себя как тренеры, специалисты в сфере ФКС, занимая управленческие должности (заместитель, директор спортивной школы либо иной спортивной организации), в отличие от представителей легкой атлетики. Однако стоит заметить, что в основе процесса успешного перетекания ресурсности лежит совпадение профиля и уровня образования с профессионально-должностным статусом.

Рассматривая элементы возрастного символизма применительно к сфере физической культуры и спорта, необходимо отметить, что социальная общность профессиональных спортсменов представляет собой единство, в основе которого лежит их включение в спортивную среду и общее символическое пространство, а также их профессиональная идентификация (с профессиональными спортсменами, с конкретным видом спорта, с командой). Профессиональный возраст, в том числе процесс профессионального старения спортсменов, тоже является символической реальностью, существование в которой обусловлено в первую очередь ресурсным набором, накопленным в ходе построения спортивной карьеры, и процессом перетекания ресурсов, в том числе символических, которые позволяют выстраивать социальные отношения с различными субъектами взаимодействия. Авторам хотелось бы обратить внимание на выявленные негативные аспекты профессионального возраста спортсменов, которые символизируют этап завершения спортивной карьеры как потенциально неблагоприятного социального явления. В этой ситуации актуализируются условия успешной адаптации спортсменов, имеющих высокие заслуги перед страной:

– во-первых, при наличии образования спортивной направленности спортсменам необходимо обеспечить условия для интеграции в трудовые отношения, связанные со спортивной сферой;

– во-вторых, в случае желания спортсмена рекрутироваться в иные профессии необходимо предоставить возможность получения перво-

го/второго высшего образования на бесплатной основе (квотирование мест в системе высшего образования);

– в-третьих, следует создать институт социального сопровождения спортсменов, находящихся в трудной жизненной ситуации, например, в связи наличием профзаболеваний, инвалидности, затрудняющих процесс их интеграции в современный социум.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект 19-011-00889 «Старикам везде у нас почет? Ресурсность старшего поколения в континууме от преклонения до эйджизма».

Список литературы

1. Мид Дж.Г. Избранное: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В.Г. Николаев. Отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2009. 290 с.
2. Блумер Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология. М.: Издательство Московского университета, 1984. С. 173–179.
3. Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
4. Кон И.С. Социологическая психология. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-ва НПО «МОДЭК», 1999. 560 с.
5. Григорьева И.А., Видясова Л.А., Дмитриева А.В., Сергеева О.В. Пожилые в современной России: между занятостью, образованием и здоровьем. СПб.: Алетейя, 2015. 336 с.
6. Жизнь после спорта. URL: <https://versia.ru/poc-hemu-professionalnye-sportsmeny-umirayut-gorazdo-ranshe-obychnyx-lyudej> (дата обращения: 25.05.2020).
7. Кравченкова Г.К. Коммуникативный механизм стигматизации как основа формирования негативного образа профессии: Дис. ... канд. социол. н. Харьков: Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, 2010.
8. Вся власть чемпионам. Спортсмены, сделавшие карьеру в политике. URL: <https://teamrussia.pro/news/novosti/vsya-vlast-chempionam-sportsmeny-sdelavshie-kareru-v-politike/> (дата обращения: 25.05.2020).
9. Хайнц А. Интеракция, идентификация, презентация / Пер. с нем. яз. под общ. ред. Н.А. Головина и В.В. Козловского. СПб.: Изд-во «Алетейя», 1999. 271 с.
10. Лубышева Л.И. Социология физической культуры и спорта: Учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 240 с.

THE SPECIFICS OF PROFESSIONAL AGE AND THE PROCESS OF PROFESSIONAL AGING OF REPRESENTATIVES OF PHYSICAL CULTURE AND SPORT IN THE MIRROR OF THE SYMBOLIC INTERVENTIONISM THEORY

A.V. Ermilova, E.E. Kutavina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article evaluates the possibilities of analysis of professional socialization, professional age of sportsmen in terms of symbolic interactivity. Symbolic interactionism provides tools to study the following most important aspects of professional sports: the importance of learning a specific system of symbols in the process of development, construction and completion of a sports career; specific communication of professional athletes as a social group, the prospect of forming a sports subculture. These aspects are specified in the context of studying the end of a sports career, professional aging; positive and negative variants of this process are considered (negative – negative symbolization, loss of resources; positive – positive symbolization, flowing of resources). The authors propose the I.S. Kon's model of age symbolism as a basis for further empirical research. The model includes a normative criterion, as well as ascriptive age stereotypes, symbolization of age processes and age rites, and an age subculture. Preliminary results of the author's sociological research "Specifics of professional career completion by representatives of individual and group sports" devoted to ascetic and subcultural aspects of sportsmen's professional career completion on the basis of interview with basketball players ($n=17$) and track and field athletes ($n=11$) who have completed their professional sports career are presented. The length of professional experience, the gap with the professional subculture, coincidence/difference profile of education with professional status, and the sport (team – individual) are highlighted as important aspects of professional resocialization. In conclusion the conditions for successful adaptation of sportsmen to the end of their professional sports career and professional resocialization are formulated.

Keywords: professional age, professional aging, professional age of sportsmen, subculture of sportsmen.

УДК 316

СОЦИАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РЕАБИЛИТАЦИИ ЛИЦ С НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

© 2020 г.

С.М. Тихомиров

Тихомиров Сергей Михайлович, эксперт Экспертно-правового центра «Куаттро», Санкт-Петербург
tikhomirovspb@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.02.2020

Статья принята к публикации 16.10.2020

Анализируются возможности и качество оказываемой социальной помощи наркозависимым лицам, проходящим реабилитацию в условиях изоляции в местах лишения свободы. Социальная адаптированность реабилитантов низкая: социальные связи нарушены, равно как и семейные отношения, уровень образования не соответствует запросам рынка труда, мотивация на получение образования слабая, установка на трудовую деятельность характеризуется как нейтральная, реальных планов на будущее с позитивной социальной ориентацией не имеется, у части из них наркотическая зависимость сочетается с инфицированностью ВИЧ-инфекцией. Квалиметрическая оценка факторов, препятствующих рецидиву наркозависимости, показала отсутствие большинства из них. Выяснено, что ресурсов для адекватной социальной помощи недостаточно: не хватает помещений для организации реабилитационного центра, имеющиеся социальные работники загружены деятельностью с пенсионерами и инвалидами, не проходили обучения по работе с наркозависимыми лицами. Взаимодействие с территориальными социальными службами отсутствует. По результатам проведенного исследования предложен комплекс социальных мероприятий, необходимых для начального этапа интеграции реабилитантов после освобождения из мест заключения: восстановление социальных связей, профориентация и трудовое обучение, ориентирование на помощь муниципальных социальных служб в регионе проживания.

Ключевые слова: социальное сопровождение осужденных, наркотическая зависимость, дезадаптация, социальная реабилитация, эксклюзия, инклюзия.

Введение

Данные отчёта Государственного антинаркотического комитета РФ (ГАК) за 2018 г. демонстрируют стабильную напряжённость наркоситуации в государстве, несмотря на принимаемые государственными структурами и общественными организациями меры противодействия наркотизму [1]. Ведомственным аудитом качества и состояния деятельности медицинских учреждений по профилю «Психиатрия-наркология», проведенным в 2018 г. по распоряжению Министерства здравоохранения РФ (МЗ), выявлен рост показателей общей заболеваемости наркоманией в Еврейской АО (+96.5%), Ярославской (+61.9%), Владимирской (+46.5%), Рязанской (+30.1%), Брянской (+17%), Курганской (+11.8%), Калужской (+8.9%), Тульской (+7.2%), Орловской (+6.2%), Костромской (+5.9%), Челябинской (+5.8%), Воронежской (+5.0%), Московской (+4.3%), Сахалинской (+0.7%) областях; Камчатском крае (+37.8%), Республике Хакасия (+19.6%), Республике Бурятия (+12.1%). Отмечена низкая обеспеченность кадрами: психиатрами-наркологами, психотерапевтами, специалистами по социальной работе, социальными работниками, она составляет не более 81–83%, коэффициент

совместительства в среде врачей достигает 1.6–1.7 [2]. Доклад Генерального прокурора РФ Совету Федерации содержит сведения по итогам проверок ведомства в 2018 г. – выявлено 5600 нарушений в сфере профилактики наркомании. Принимаемые в регионах меры властями всех уровней недостаточны для улучшения наркоситуации [3]. Эксперты также отражают в своих исследованиях рост потребления наркотиков группы психостимуляторов, наиболее выраженный в среде подростков и молодёжи. Потребителями наркотиков в РФ за 2018 г. стали 1.7% населения, или 2.4 млн человек [4]. Сведения о потреблении наркотиков, публикуемые в открытых источниках информации, разными ведомствами (МВД, МЗ, ГАК), антинаркотическими комиссиями регионов, экспертами, существенно различаются в количественной оценке наркоситуации, т.е. не являются соответствующими реальной действительности. Это препятствует её достоверной, объективной оценке, без которой невозможно планирование и обеспечение эффективного противодействия наркотизму. Перечисленные факты показывают, что в стране сформировалась и масштабируется контркультура нездоровья, которая своим функционированием понижает структурирование социума, ведёт к социальной энтропии, к эволю-

Таблица 1

Социально-демографические данные выборки	
Социально-демографические данные	Заключенные (n=77)
Средний возраст	38.17±8.42 лет
Семейное положение	Женаты: 14 чел.
	Холосты: 53 чел.
	Разведены: 5 чел.
	Сожительство: 2 чел.
	Вдовцы: 3 чел.
Образование	Высшее: 4 чел.
	Неоконченное высшее: 2 чел.
	Среднеспециальное: 29 чел.
	Среднее: 32 чел.
	Неоконченное среднее: 10 чел.

Рис. 1. Схема оценки качества услуг (триада А. Донабедиана)

ционному регрессу общества. Основная задействованная модель помощи наркозависимым в настоящее время в России – медицинская. Она не обладает возможностями обеспечения выздоровления лиц, имеющих наркотическую зависимость, и их инклюзии в общество и восстановления социального статуса. Преодоление наркотизма требует использования подхода с позиций социальных детерминант, который предусматривает вовлечение всех институтов государства и общества.

Цель настоящего исследования – выявление факторов, положительно и отрицательно влияющих на принудительную реабилитацию и ресоциализацию наркозависимых лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, определение возможностей улучшения качества их ресоциализации.

Методы и материалы исследования

Респондентами проведенного научного исследования явились лица, имеющие выраженные негативные социальные, правовые, медицинские, психологические последствия потребления наркотиков. Группу исследованных составляли 77 лиц мужского пола, осужденных за совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков и отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительной колонии, проходивших в период своего заключения назначенное судом принудительное лечение и медико-социальную реабилитацию от наркотической зависимости.

Основу исследования составили общенаучные методы: аналитический, квалиметрический, статистический, системно-структурный, сравнительный, моделирование, метод социологического исследования. Основным методом исследования явился социологический опрос, проведенный в форме анонимного добровольного анкетирования, включавшего в свое содержание демографический блок (см. табл. 1).

Дополнительно были исследованы нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность социальных работников с лицами, проходящими принудительное лечение в исправительных колониях в связи с наркотической зависимостью согласно судебному решению. Также была изучена правовая документация о деятельности уголовно-исполнительной инспекции (УИИ), обеспечивающая соблюдение прохождения принудительного лечения от наркозависимости лицами, не лишёнными свободы и продолжающими такого рода лечение, если оно не было закончено в период отбывания наказания в виде лишения свободы.

Анализ различных методик, оценивающих качество эффективности и результативности процессов, показывает, что наиболее приемлемой к теме настоящего исследования является схема, предложенная А. Донабедианом (A. Donabedian) [5], которая основывается на триаде индикаторов оценки качества (см. рис. 1).

Обеспечение эффективности при осуществлении каждого рода деятельности включает в себя анализ, оценку и контроль качества. Триада А. Донабедиана по своему смысловому со-

держанию предполагает интегральную оценку качества оказанной услуги в виде оценки структуры (ресурсов), технологии (процесса) и результатов (исхода) в сопоставлении с действующими стандартами качества этих трёх параметров. Она позволяет сформулировать объективную оценку качества оказания социальных услуг в сочетании с процессом их стандартизации и выделения критериев качества услуг такого рода.

Оценку структуры (ресурсов) возможно провести как по отношению к организации (учреждению), обеспечивающей выполнение услуг (материально-техническая база, кадровое обеспечение, организация работы, сервисные условия), так и по отношению к каждому работнику в отдельности с оценкой его профессиональных качеств и уровня подготовки.

Оценка технологии (процесса реализации мероприятий, направленных на инклюзию в общество, восстановление социального статуса) должна включать анализ: соблюдения действующих в социальной сфере федеральных и региональных законов, программ, стандартов и ведомственных нормативно-правовых актов, регламентов, инструкций; доступности современных технологий социальной реабилитации, полноты использования методов психосоциальной реабилитации при оказании специализированной социальной помощи, в конкретном случае – для наркозависимых лиц.

Оценка результатов оказания социальных услуг предполагает сопоставление фактически достигнутых и запланированных показателей деятельности по восстановлению социального статуса лиц, страдающих наркотической зависимостью. К значимым критериям, позволяющим оценить результативность и эффективность функционирования системы оказания социальных услуг, относятся: показатель рецидивов потребления наркотиков, в том числе после прохождения реабилитантами курса медико-социальной реабилитации, а также длительность периода, в течение которого у них происходили срывы и рецидивы потребления наркотиков после окончания принудительного лечения. Логичным представляется, что чем меньше указанный интервал, тем больше необходимо подвергнуть анализу качество исполнения предшествующих мер по восстановлению социальной адаптации и реабилитации, объём лечебно-реабилитационной работы, адекватность и надёжность методов оценки риска потенциальной опасности срывов и рецидивов потребления наркотических веществ, обоснованность принятия решения об окончании принудительного лечения. Важными для оценки качества

социальной реабилитации и реинтеграции реабилитантов в общество являются также их мнения о деятельности службы социальной помощи, их удовлетворённость оказываемой помощью, качество их жизни, приверженность к соблюдению требований, предъявляемых в процессе реабилитации.

Социальный прогноз реабилитанта определяется преимущественно психосоциальными параметрами процесса реинтеграции потребителей наркотиков в общество, уровнем его социально-трудового приспособления. Построение социального маршрута к инклюзии в общество требует информации о социальных факторах, которые определяют уровень адаптации реабилитанта, его функционирования в среде жизнедеятельности.

Факторы-протекторы, предсказывающие возможность срыва, рецидива, возврата к потреблению наркотиков, более изучены к настоящему времени. Протективным фактором можно считать любую характеристику человека, его окружающей среды или ситуации, которая снижает риск рецидива. Изучение этих факторов производилось квалитетическим методом. Пункты таблицы 2 кодировались по 3-балльной шкале, основанной на степени выраженности протективного фактора: 0 – сдерживающего фактора нет, 1 – фактор может присутствовать, но его присутствию нет убедительных доказательств, или фактор присутствует, 2 – сдерживающий фактор безусловно (явно) присутствует [6].

Результаты и их обсуждение

Оказание социальных услуг лицам, зависимым от наркотических средств, психотропных веществ и алкоголя, в нашем государстве осуществляется на основе положений Национальных стандартов РФ в области социальной помощи: ГОСТ Р 52885-2007 и ГОСТ Р 54990-2012. Содержание стандартов охватывает практически весь спектр услуг, оказание которых необходимо лицам с наркотической зависимостью и их семьям, в том числе социально-бытовых, социально-правовых и др. Планируется, что оказываемые социальные услуги должны быть высококачественными, с чётко определённой целью. В основе их лежит инклюзивность и ориентированность на личность и её социальный статус; они методологически обоснованы и предоставляются на основе современных методик и технологий.

Сравнение полученных данных с результатами других исследований выявляет серьёзную отягощённость социальными проблемами обследо-

Таблица 2

Социальные протективные факторы	
Социальные факторы	Наличие/отсутствие протективного фактора
Социально-экономический статус	
Социальная стратификация	0 – 1
Работа	0 – 1
Управление финансами	0 – 1
Характеристика социальной поддержки	
Отношение в детстве	0 – 1
Эмоциональная поддержка	0 – 1
Инструментальная поддержка	1
Собственные семейные отношения	1
Внесемейное окружение	
Формальные отношения	1
Неформальные отношения (социальные сети)	0 – 1
Досуговая активность	1
Социальные институты	1
Внешний контроль	1 – 2

ванных лиц. Значимым фактором такой отягощенности является одиночество как результат разрушения потребляемыми наркотиками социальных и родственных коммуникативных связей, социоэмоциональных групповых сетей, отсутствие других социально значимых лиц, «атомизация» человека, разрушение его социальной вселенной [7]. Только 20.8% из них состоят в семейно-брачных отношениях. Такая ситуация актуализирует необходимость возобновления у них и/или создания новых источников социальных коммуникаций с имеющимися родственниками, другими социально значимыми лицами. Необходимо учитывать, что семья неполная, неблагополучная, имеющая в своём составе потребителей алкоголя, наркотиков, может свести на нет все усилия по выработке установки наркозависимого лица на трезвость и послушание, затраченные социальными работниками, врачами, психологами и самим реабилитантом.

Сотрудник группы социальной помощи исправительного учреждения, составляющий социальную карту осужденного-реабилитанта, должен тщательно собрать информацию об обстоятельствах и событиях жизни, актуальной социальной ситуации получателя социальных услуг: семейно-бытовом положении, родных, близких и других социально значимых для него лицах, о наличии и характере контактов с ними в настоящее время (обрыв, формальный контакт, содержательное общение по телефону, путём переписки и т. д.), степени близости, родства с реабилитантом. На этом направлении и при восстановлении контактов потребуются помощь. Нахождение длительное время в замкнутом пространстве в условиях принудительного режима существования приводит к редукции самостоятельности, дополнительно усиливает дезориентировку, ориентирует на сиюминут-

ность исполнения желаний потребления алкоголя и наркотиков. Содействие в восстановлении самостоятельного мышления у реабилитантов, навыка принятия решений – задача социальной службы. Социальная неустроенность осужденных после выхода их на свободу в конечном итоге становится катализатором (и триггером) противоправного поведения, приводящего к рецидиву преступной деятельности и возобновлению приёма наркотических веществ.

Обращает на себя внимание отягощенность у 31.2% лиц в исследованной группе наркотической зависимости ВИЧ-инфицированием. Этот факт существенно сужает временную перспективу, затрудняет планирование будущего, делает его неопределённым. Ранее проведённые исследования по измерению реабилитационного потенциала при различных видах хронической патологии обнаружили, что реабилитационные возможности и способности у ВИЧ-инфицированных наркозависимых лиц слабее, чем у онкологических больных. Их потенциал ресоциализироваться достоверно минимален, круг интересов сужен, меньше выражена активность в разных жизненных сферах (учебной, профессиональной, бытовой, лечебно-восстановительной), занижена самооценка, сложнее осуществляется межличностное общение, меньше используется социальная поддержка, имеется фиксация на мнении, что ВИЧ – это болезнь, которая «не лечится» [8]. Специалисты, оказывающие помощь ВИЧ-инфицированным наркозависимым, должны отчётливо представлять, что без прекращения потребления ими наркотиков терапия ВИЧ-инфекции не даёт никаких результатов, и сфокусировать их внимание на ведении трезвого образа жизни.

Весьма важной для эффективности реабилитационного процесса является информация о трудовой деятельности наркозависимого в про-

шлом – наличие специальности, профессиональной занятости, его занятости в неквалифицированном труде, отношение к труду в целом. Занятость осужденных в колониях в настоящее время немного превышает 1/3 от их числа. Возможности трудового обучения представлены более широко. Имеется возможность получить полное среднее образование и даже среднее профессиональное образование. При наличии финансовых средств возможно получить путём дистанционного обучения достаточно хорошо оплачиваемую специальность. Сознательная регулярная трудовая занятость является надежным ингибитором асоциальных импульсов, фактором профилактики социальной несостоятельности, развивающейся у осужденных при пребывании в исправительной колонии.

Результативность трудоустройства заключенных, освобождающихся из мест лишения свободы, показал комплекс мер, принятых центром занятости населения Уфы, сотрудники которого проявили практическую инициативу в этом направлении [9]. Созданное ими направление работы явилось своеобразной школой освобождающихся. Сотрудники центра один раз в 6 месяцев встречались с готовящимися к освобождению осужденными на территории колонии. Им сообщали информацию об услугах центра занятости, рассказывали о профессиях, востребованных в регионе, ситуации, сложившейся на рынке труда, призывали приобщаться к трудовой деятельности. Выяснилось, что заключённые дезориентированы, незнакомы с ситуацией на трудовом рынке и нуждаются в профориентации, трудовом обучении и трудоустройстве. Человек, длительное время находящийся в колонии, утрачивает не только социальные связи, но и навыки социального коммуникации, отсюда дезадаптация и выраженное снижение уровня социальной компетентности. В период пребывания в колонии у людей формируются иждивенческие настроения, утрачивается способность принимать самостоятельные решения. Служба занятости может способствовать прохождению осужденными трудового обучения востребованным профессиям. В центре занятости есть юристы, которые могут проконсультировать по правовым вопросам, например как устроиться в центр временного пребывания тем, кому негде жить. Чтобы попасть в центр временного пребывания, необходимо пройти медицинское обследование. Отдельную трудность представляет само трудоустройство. На те должности, где предусмотрена материальная ответственность, бывшего осужденного не возьмут. Центр занятости располагает банком вакансий, имеется административный регла-

мент содействия в поиске подходящей работы. Сегодня предусмотрено квотирование рабочих мест для граждан предпенсионного и пенсионного возраста, для инвалидов, но квот для освобождённых заключённых нет. Некоторые работодатели – чаще те, кто в прошлом сам отбывал наказание в виде лишения свободы, – не обращают внимания на наличие судимости.

Образовательный уровень более чем у половины обследованных не соответствует требованиям современного производства, что делает востребованными и актуальными их профессиональную ориентацию, трудовое обучение. Работа в этом направлении должна учитывать наличие и действие правовых актов, ограничивающих возможности трудоустройства лиц, имеющих наркотическую зависимость. Трудовая занятость, тем более на регулярной основе, улучшает условия жизнедеятельности реабилитанта, расширяет его возможности обеспечивать свои жизненные потребности путём мобилизации собственных сил, физических, психических и социальных ресурсов. Трудовое обучение и трудовая деятельность реабилитантов должны постоянно находиться в центре внимания социальных сотрудников ИК, иначе анти-социальное давление контркультур наркотизма и преступности приведёт у них к формированию представления о жизни, возможной за счёт реализации криминогенного потенциала.

В демографическом блоке сбора информации о реабилитанте необходимо учитывать особенность социального статуса наркозависимого и его психосоциальные проблемы, а также имеющиеся ресурсы поддержки (семья и внесемейное окружение). Эти данные определяют объёмы и особенности социотерапевтических мероприятий. Крайне желательной была бы бригадная форма реализации реабилитационного процесса, так как целостная оценка состояния пациента позволит специалистам разного профиля точнее сформулировать цели и задачи, стоящие перед конкретным реабилитантом.

Ресурсы социальной сферы связаны с системой социальной поддержки (окружение, в котором живет реабилитант, – семья, общество) и социально-поддерживающим процессом (умение находить и самому принимать решения, самому оказывать социальную поддержку).

Начиная работу по социальной реабилитации с осужденным в колонии, необходимо понимать, что социальная ситуация у него изменена, пребывание в пенитенциарном учреждении провоцирует развитие личностного кризиса, трансформацию жизненного пути, приводит к развитию состояния беспомощности.

Первоочередная задача – сосредоточение усилий социальных работников в направлении отсутствующих и слабо выраженных навыков реабилитанта.

Кроме того, необходимо обращать внимание на межличностные социальные коммуникации и направления компенсаторных усилий лица, способствующие сохранению адекватной социальной активности или искажающие её.

Исследование законодательных и нормативно-правовых документов, касающихся социальной работы с потребителями наркотиков, выявило отсутствие законодательного регламентирования социальной реабилитации наркозависимых, в отличие от медицинской, предусмотренной соответствующим приказом Министерства здравоохранения РФ. Государственный заказ на такой вид реабилитации отсутствует. Средства ФОМС на реабилитацию наркологических больных не выделяются. Сеть государственных учреждений реабилитационного профиля в достаточном количестве отсутствует. Деятельность многочисленных платных негосударственных центров осуществляется вне рамок закона: они не имеют лицензию на данный вид деятельности, государственный контроль и социальная поддержка их деятельности не осуществляется.

Целью всей социальной работы с реабилитантом является профилактика его возвращения к существованию в наркогенном социуме и инклюзия его в жизнь общества. Понимание факторов-предикторов будет полезным для организации реабилитационного процесса, дальнейшей траектории реабилитационного потенциала реабилитанта – его мотивации в формулировании достижения цели – возвращения к трезвой, законопослушной жизни в обществе.

Заключение

Осужденные, у которых установлен диагноз наркотической зависимости и которым назначены принудительные меры медицинского характера в виде проведения недобровольного наркологического лечения и медико-социальной реабилитации, безусловно нуждаются в социальном сопровождении до устойчивой интеграции, инклюзии в социум. Начало этого процесса может быть проведено в исправительной колонии.

Этап социальной адаптации подразумевает реализацию системы мер, направленных на приспособление лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, к принятым в обществе правилам, нормам поведения, окружающей среде жизнедеятельности. В исправительных учреждениях имеются отделения социальной помощи, предусмотрены центры трудовой

адаптации, психологическая лаборатория. Все сотрудники этих подразделений испытывают повышенную нагрузку, наблюдается дефицит кадров, включая врачей-наркологов, нехватку которых ощущает и вся профильная служба страны [2], поэтому они не способны сосредоточить свои усилия только на помощи лицам, проходящим принудительное наркологическое лечение, так как в колониях имеются нуждающиеся в их помощи психически больные, инвалиды, пенсионеры. Необходимо увеличение штатов сотрудников для обеспечения минимума социальной поддержки осужденных наркозависимых. Продолжение адаптационного этапа необходимо проводить после освобождения, совместно с УИИ. В наркологические учреждения системы минздрава по месту освобождения наркозависимых необходимо отправлять не только копию медицинских сведений, но и копию социальной карты осужденного для укрепления контактов с семьями и социальными службами по месту его пребывания после освобождения. Нужно проводить медицинское обследование тех освобождающихся, которые не имеют места жительства и будут обращаться в социальные службы, общественные организации в поисках места для ночлега.

Этап собственно реабилитации включает в себя систему мер, направленных на восстановление утраченных гражданских прав, связей, социального статуса. Предполагается его осуществление также после освобождения, что требует отдельного исследования. Прекращение мероприятий по реинтеграции наркозависимого в общество приведёт к обрыву перестройки его поведенческого профиля, чего допустить нельзя до окончания инклюзивного процесса.

Практика показывает возможность организации, создания и деятельности в исправительной колонии наркологического реабилитационного центра, функционально подчинённого медико-санитарной части учреждения [10].

Список литературы

1. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2018 году. М.: Государственный антинаркотический комитет, 2019. 49 с.
2. Клименко Т.В., Козлов А.А. Состояние наркологической помощи на постмодернизационном этапе: актуальные проблемы и способы их преодоления по данным организованного в 2018 г. аудита наркологической службы в 45 субъектах Российской Федерации // Вопросы наркологии. 2019. № 2. С. 5–16.
3. Генпрокуратура назвала регионы с высоким уровнем подростковой наркомании 09 апреля 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6311195>. (дата обращения: 10.02.2020).
4. Гордеев А.Ю. Современное состояние, тенденции наркотизма в России и система мер по его про-

тивоедействию // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 7А. С. 115–127.

5. Donabedian A. The seven pillars of quality // Arch. Pathol. Lab. Med. 1990. Vol. 114 (11). P. 115–118.

6. Казаковцев Б.А., Булыгина В.Г., Макурина А.П. и др. Методика оценки протективных факторов при лечении и реабилитации психически больных. Методические рекомендации. М.: ФГБУ «ГНЦССП им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2013. 27 с.

7. Moreno J.L. Sociometry, experimental and the science of society. An approach to a new political orientation. Beacon (N.Y.): Beacon House, 1951. 152 p.

8. Кулагина И.Ю., Сенкевич Л.В. Реабилитационный потенциал личности при различных хронических заболеваниях // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 50–60.

9. Богатырёва Л. Есть ли жизнь после тюрьмы? О трудоустройстве бывших заключённых в Башкирии. 12 июля 2017. ProUfu [Электронный ресурс]. Доступ свободный (дата обращения: 09.02.2020).

10. Дядичко А.Н. О возможности создания наркологических реабилитационных центров в местах лишения свободы // Наркология. 2011. № 5. С. 97–99.

SOCIAL SUPPORT FOR REHABILITATION OF PERSONS WITH DRUG ADDICTION

S.M. Tikhomirov

The expert-legal center «Quattro», St. Petersburg

The possibilities and quality of social assistance provided to drug addicts who are being rehabilitated in isolation in prisons are analysed. Social adaptation of rehabilitators is low: social ties are disrupted, as are family relations, the level of education does not correspond to the requirements of the labour market, motivation for education is weak, the setting for work is characterized as neutral, there are no real plans for the future with a positive social orientation, some of them have drug dependence combined with HIV infection. Qualimetrical assessment of factors, interfering a recurrence of drug addiction showed lack of most of them. It has been found that resources for adequate social assistance are insufficient: there are not enough premises for the organization of a rehabilitation centre, available social workers are loaded with activities with pensioners and disabled people and have not been trained to work with drug addicts. Interaction with territorial social services is absent. Based on the results of the study, a set of social measures is proposed for the initial stage of integration of rehabilitators after release from places of detention: restoration of social ties, vocational guidance and labour training, orientation to the assistance of municipal social services in the region of residence.

Keywords: social support of convicts, drug addiction, disadaptation, social rehabilitation, exclusion, inclusion.

УДК 316.4.06

ДЕТСТВО И ОБРАЗОВАНИЕ В ЭПОХУ ГАДЖЕТИЗАЦИИ

© 2020 г.

И.А. Исакова, А.В. Рушева, Р.М. Амбарцумян

Исакова Инна Александровна, к.соц.н.; доцент кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
inna_isakova@mail.ru

Рушева Анна Витальевна, к.соц.н.; доц.; доцент кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
avr0201@yandex.ru

Амбарцумян Роман Михайлович, к.соц.н.; партнер социоинженерной лаборатории «HR-Генезис»,
эксперт Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
pobeda1616@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.08.2020

Статья принята к публикации 19.10.2020

Развитие информационных технологий затрагивает все сферы жизнедеятельности людей, внося в них серьезные коррективы. Среди социальных групп населения, вынужденных включаться и приспосабливаться к правилам цифрового мира, выделяются дети, социализация которых происходит при активном взаимодействии с гаджетами и иными цифровыми устройствами. «Близость» детей к разнообразным источникам информации и их «понимание», более быстрая адаптивность подрастающего поколения к условиям получения знаний, способам удовлетворения социальных потребностей оказывают неоднозначное влияние на формирование личности ребенка. Анализ данных официальных источников выявил не только факт неизбежного пребывания детей в Сети, но и сопряженные с этим проблемы их здоровья и развития. Сбор социологических данных в период «самоизоляции», введенной из-за пандемии COVID-2019, осуществлялся с помощью электронных анкет с использованием чат-ботов, мессенджеров и социальных сетей. Полученные данные свидетельствуют о своеобразном восприятии процесса обучения школьников в условиях дистанта, содержат противоречивые отзывы об использовании цифровых технологий в образовательных целях. Выявлены основные сложности дистанционной формы обучения, отношение ребят к образованию «будущего».

Ключевые слова: образование, дети, цифровые технологии, цифровое поколение, цифровая компетентность, дистанционный учебный процесс.

Введение

Начало XXI в. ознаменовано существенными трансформациями социальных отношений и процессов. Особенную и заметную роль в происходящих преобразованиях сыграли информационные технологии и их активное проникновение во все сферы жизнедеятельности. Являясь важным условием и материальной основой развития сетевого общества, они изменили образ жизни и мышление социальных групп населения. Наглядным примером такого влияния стало решение многих задач жизнеобеспечения через виртуальную среду в ситуации с распространением COVID-19. Опосредованно, через Интернет были найдены ответы на вопросы организации обучения, трудовой деятельности, досуга, общения, познания, обеспечения продуктами и товарами и даже принятия государственных решений. Более приспособленным к подобного рода инновациям оказалось современное детское поколение, социализирующееся в условиях перехода различных практик жизнеобеспечения в цифровую реальность.

Пространство детской жизни (обучение, игры, общение со сверстниками) постепенно заполняет одновременно два мира: прежний, привычный всем – реальный и цифровой, сопряженный с виртуальной и дополненной реальностью. По данным доклада «Дети в цифровом мире» Детского фонда ООН ЮНИСЕФ, в 2017 г. 71% молодежи во всем мире в возрасте 15–24 лет имеют доступ в Интернет и составляют практически половину (48%) пользователей глобальной сети [1]. Отчет «Digital 2020» We Are Social и Hootsuite содержит сведения, согласно которым россияне ежедневно находятся в сети 7 ч 17 мин; чуть больше половины времени в сети с использованием мобильных гаджетов – 50.1%; 92% пользователей имеют возможность находиться онлайн с мобильных [2]. Весной прошлого года Институтом исследований Интернета и фондом «Общественное мнение» был представлен доклад «Детский Рунет 2019», исходя из которого наиболее востребованы детьми в Интернете (по мнению родителей) онлайн-игры (в т.ч. просмотры стримов –

онлайн-трансляций того, как играют другие) – 59% детей, видео (фильмы, мультфильмы, видеоблоги и т.д.) – 53%, образовательный контент (видеоуроки, лекции и т.д.) – 42% [3]. Получить представление о положении и месте детей в новом сетевом обществе позволяют и экспериментальные, пилотные программы в области цифровой и медийной грамотности. Однако отсутствие достаточного количества научных исследований и разработок в области детского обучения в условиях дистанта по-прежнему препятствует развитию этой области.

В условиях ускоренного перехода на всеобщее использование информационных технологий тема становления нового «цифрового поколения» является одной из актуальных и активно обсуждаемых в социологической науке. «Цифровое поколение» объединяет тех, кто родился в эпоху опосредованного социального взаимодействия, кто практически с младенчества «погружен» в цифровую среду обитания, научающую необходимым социальным функциям, для кого социальное поведение наполняется символами и значением благодаря новейшим цифровым технологиям.

Методология

Введенный Марком Пренски в 2001 г. термин «цифровое поколение» характеризует людей, родившихся после цифровой революции и привыкших получать информацию через цифровые каналы. В статье «Digital Natives, Digital Immigrants» Марк Пренски рассматривал людей в контексте способов обучения цифровым технологиям: к цифровым «аборигенам» он отнес студентов, привыкших говорить посредством «цифрового языка компьютера» [4], к «иммигрантам» – тех, кто не родился в цифровом мире, но живет в его условиях, стараясь адаптироваться к нему.

Другое обозначение этой когорты – net generation [5] введен Д. Тапскоттом в 1998 г. и тоже касается обучения: впервые в истории дети чувствуют себя более комфортно и в чем-то даже грамотнее своих родителей; они лучше разбираются в инновациях, имеющих определяющее значение для общества, легко осваивают возможности цифровых средств массовой информации, лежащих в основе развития сетевого поколения. Представителей «цифровой нации» исследователи N. Howe и W. Strauss называли миллениалами, наделив их такими качествами, как оптимизм, высокий уровень образования, талантливое управление технологиями, считая «великим поколением Америки» [6].

В дальнейшем фокус исследований начал смещаться в сторону сравнения молодежи, об-

ладающей доступом к компьютерной технике и вовлеченной в виртуальную реальность, с молодыми людьми, не обладающими такими ресурсами. В частности, речь идет об исследованиях «ECAR study of students and information technology 2004: Convenience, connection, and control» коллектива авторов [7], «Young people and the Internet: From theory to practice» [8], «First year students' experiences with technology: Are they really digital natives?» [9].

Современные исследования все больше направлены на эмпирический анализ отдельных практик использования молодыми людьми ИТ. Например, в современной практике рекрутинга и управления персоналом отмечается популярность специализированных сайтов для поиска работы, предварительное самостоятельное изучение веб-страниц компании; все большее распространение получают такие понятия, как «мотивационный профиль», отражающий основные ценности молодых кадров, «удаленная работа», являющаяся для многих представителей двух последних поколений очень привлекательным условием труда, «индивидуализм», означающий демонстрацию ярких личностных качеств, активность и возможность занятия авторитетной позиции, культура «сейфтизма», предполагающая защиту себя от неприятной информации, искажающей социальное, эмоциональное и интеллектуальное развитие молодого человека.

Вопросы цифровой компетентности молодого поколения для зарубежных авторов являются «трендовой», активно исследуемой тематикой. Например, в Голландии оценка цифровой грамотности в школах ведется ежегодно на протяжении трех лет [10]. Однако грамотность оценивается не только у школьников [11], но даже в раннем детстве, в детском саду [12] и тем более у студентов [13; 14]. В Испании оценка цифровой компетентности студентов осуществляется в трех ракурсах: информационная грамотность, грамотность в области коммуникации и создание цифрового контента. Результаты анализа показали, что будущие выпускники имеют высокий уровень компетентности в области информационной грамотности и коммуникации в сети, но низкий в области цифрового контента. Большинство исследуемых посвящает много времени играм или взаимодействию в социальных сетях и мало – поиску информации и завершению академической работы [15]. Сходная ситуация наблюдается и в России.

Нерациональное использование молодыми людьми образовательных информационных возможностей, предлагаемых глобальной сетью, усиливает интерес к области формирования

цифровой компетентности в учебных заведениях дошкольного уровня [16] и школьного [17]; [18–21]. Воспитание цифровой компетентности за рубежом начинается с дошкольного возраста, а грамотность школьников в цифровую эпоху оценивается не только во временном континууме, но и в пространственном ракурсе – сравнивается уровень подготовки городских и сельских учеников [22].

Использование мобильных устройств облегчает доступ к знаниям и лежит в основе образования будущего. В отечественной науке анализ цифровой компетентности молодежи зачастую осуществляется с позиции педагогического подхода. Предметом изучения становятся, как правило, психолого-педагогические условия формирования информационной компетентности обучающихся. Исследователи руководствуются тем, что в России быстро растет количество пользователей инфокоммуникационных технологий, снижается возрастная граница обращения к цифровым устройствам, невысок уровень цифровой культуры самих родителей, что обуславливает необходимость получения и анализа эмпирических данных о специфике использования цифровых технологий детьми [23–26]. Большинство ученых сходятся во мнении, что уровень цифровой грамотности школьников и их семей достаточно низкий, объясняя данный факт полной самостоятельностью детей в освоении «недр Интернета», то есть без профессиональной помощи педагогов и взрослых/родителей, не обладающих должными знаниями в этом вопросе. Еще одним общим выводом представителей научных кругов является признание необходимости обучения детей не только ИТ, но и применению их в решении более широкого круга задач, выходящего за рамки коммуникации и развлечения [27]. На протяжении последних пяти лет количество исследований проблемы развития детей и молодежи в эпоху сетевого общества заметно увеличилось. Можно выделить тематические блоки, связанные, например, с формированием компьютерной грамотности обучающихся и педагогов [28–31] или посвященные использованию информационных технологий в образовательном пространстве [32–35].

Условия инновационной реальности, в которой происходит становление современной молодежи и формирование ее как субъекта гражданской активности, диктуют необходимость поиска новых методологических альтернатив социологического изучения института детства в эпоху гаджетизации, а также путей повышения уровня цифровой компетентности подрастающего поколения, определяющей, в свою оче-

редь, ориентиры общественного развития. Учитывая вышеизложенное, наиболее востребованным направлением в социологии молодежи становится изучение проблемы обучения цифрового поколения, обладающего клиповым мышлением, подверженного эффекту Google и умело живущего в режиме медианогозадачности. Актуальность данного посыла подтверждается и результатами социологического исследования «Будущее. Детский взгляд», проведенного в мае 2020 г. социоинженерной лабораторией «Генезис» (Нижегородский регион). Опрос проводился дистанционно (в условиях самоизоляции из-за пандемии COVID-19) с использованием виртуальных помощников – чат-ботов. Респондентами выступили ученики школ Нижегородского региона в возрасте от 10 до 17 лет ($n=500$).

Технология в виде чат-бота может быть как виджет привязана к любому сайту и группе сайтов, что позволяет аудиторам принимать участие в опросах. Таким образом, один из аспектов новизны исследования связан с технологией его проведения. Созданный в мессенджерах Telegram, Viber и соцсети «ВКонтакте» алгоритм программы выступает вместо анкетера. Такой подход имеет определенные преимущества: взаимодействие, происходящее, как правило, в личном смартфоне или компьютере, обеспечивает персонализацию, создает ощущение доверия. К тому же имитация общения с реальным человеком занимает мало времени, что для респондента является своеобразным мотивом участия в опросе. Такое ноу-хау людям понятно и интересно, а следовательно, и перспективно, что подтверждается уже имеющимся опытом его применения сотрудниками «Генезиса» в поиске волонтеров для программы Российского союза молодежи «Цифровое волонтерство».

Результаты

Исследование показало, что большинство опрошенных школьников признают значимость и неизбежность процесса цифровизации образования (особенно в кризисных ситуациях), при этом 39% удовлетворены таким форматом обучения, а 11% даже предпочитают дистанционные формы получения знаний. «За» классический вариант учебного процесса, основанный на личном взаимодействии учителей и учеников, высказались более половины ребят – 61% (рис. 1). Таким образом, сложившийся и уже ставший традиционным способ обучения в школе оказался предпочтительнее тому, который вынуждены были осваивать школьники в кризисной ситуации пандемии COVID-19. Хотя

КАКОЙ ВИД ОБУЧЕНИЯ В ШКОЛЕ ТЕБЕ НРАВИТСЯ БОЛЬШЕ ВСЕГО?

Рис. 1. Отношение школьников к дистанционному образованию
ЧТО БОЛЬШЕ ВСЕГО РАЗДРАЖАЕТ, НЕ НРАВИТСЯ ИЛИ ВЫЗЫВАЕТ ЧУВСТВО СТРАХА В ДИСТАНЦИОННОМ ОБУЧЕНИИ?

Вариант	%
Технические проблемы (зависает софт, плохое качество интернета)	18,2 %
Отсутствие живого общения с учителем и одноклассниками	13,1 %
Большая нагрузка (много заданий)	11,5 %
Сложно заниматься самостоятельно («организовать себя», «никто не объясняет сложные места»)	11,5 %
Сложно дается способ коммуникаций («сложно на слух воспринимать», «все кричат»)	9,9 %
Все устраивает	9,4 %

Рис. 2. Барьеры дистанционного образования школьников

ЧТО НЕОБХОДИМО УЛУЧШИТЬ В ПРОЦЕССЕ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ?

Вариант	%
Скорректировать формат (больше видео, обратная связь и т. п.)	18,92 %
Нужна одна программа, в которой есть всё (дневник, учебники, окно общения с учителем, тесты)	17,79 %
Необходимо снизить нагрузку (часы), оставить только базовые предметы	14,41 %
Быстрее вернуть традиционное обучение	10,59 %
Всё устраивает	10,59 %
Нужно качественное соединение	5,63 %

Рис. 3. Направления развития дистанционного образования

общение в виртуальном мире для современной молодежи вполне привычно и наблюдается принятие ею факта перспективности образования в дистанционной форме, желание полностью перейти на «дистант» отсутствует.

Полученные в ходе опроса данные позволили выделить три группы барьеров развития дистанционного образования: технические, социально-психологические и организационные (рис. 2).

Технические сложности объяснялись прежде всего ненадлежащим качеством связи и ограничениями используемой техники (отметили 18,2% опрошенных). Данные проблемы сначала были связаны с вынужденным пропуском учеником части занятия и объяснений, приводили к непониманию пройденного материала, снижению оценки (вплоть до неудовлетворительной), ослаблению мотивации учиться. Получается, что технический аспект дистанционного образования оказался довольно критичным для школьников и по сравнению с условиями очного получения знаний в школе создавал множе-

ство сложностей, ведущих к снижению качества обучения.

Выявленные организационные барьеры, как правило, были сопряжены с недостаточно развитыми у школьников навыками самоорганизации учебной и познавательной деятельности. В совокупности, 25% опрошенных детей испытывали неудобства в сложившихся условиях обучения, выразили желание снизить учебную нагрузку и вернуться к традиционной форме взаимодействия с учителем (рис. 3).

В силу возрастных и психологических особенностей дети в домашних условиях затруднялись правильно расставлять приоритеты и четко разделять образовательную и семейно-бытовую сферы. Отсутствие подобных навыков негативно отразилось на успеваемости (задания выполнялись несвоевременно и не в полном объеме). Следовательно, если реальная школьная среда ориентирует на познание, то домашняя обстановка (изначально имея несколько иное предназначение) не позволяет полностью сосредоточиться и сконцентрировать все внимание только

Рис. 4. Оценки дистанционного образования школьниками

на обучении. В итоге, в чем-то противоречивые обстоятельства раздражают ученика, провоцируют конфликтные ситуации, отрицательно сказываясь на качестве усвоения материала и формировании необходимых знаний.

Вывод о наличии социально-психологических трудностей при дистанционном образовании обусловлен фактом отсутствия реального общения с другими участниками образовательного процесса (рис. 4). Социальное взаимодействие в школе позволяет ученикам получить незаменимый социальный опыт и сформировать важные социальные компетенции: умение выстраивать иерархические отношения с учителями и руководством школы, навыки партнёрского сотрудничества с одноклассниками, ценности корпоративной культуры и делового общения, критическое мышление. Поскольку формирование перечисленных выше навыков возможно только в «живом» диалоге и сильно затруднено (или невозможно) в виртуальной среде, «чаша весов» реального обучения и личного посещения детьми школы перевешивает форму дистанционного образования. Кроме того, пребывание в школе – это возможность не только «деловых» контактов, но и неформального общения на переменах, внеклассных занятиях, общешкольных мероприятиях. Такие типы социального взаимодействия способствуют развитию коммуникативных навыков, освоению этических норм, возникновению дружеских связей, формированию важных социальных качеств, личностной идентификации, ценностных ориентаций, необходимых для успешного интегрирования и функционирования в обществе.

Возвращаясь к ответам респондентов о возможных барьерах дистанционного образования, отметим, что только 9.4% учащихся не было их обнаружено.

Признавая значимость развития дистанционных образовательных технологий, особенно в период кризисов, каким стал COVID-19, опрошенные указали на необходимость совершенствования учебных материалов, преимуще-

БУДЕТ ЛИ ПРЕДСТАВЛЯТЬ ЦЕННОСТЬ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА БУДУЩЕГО ИНФОРМАЦИЯ О ПРОШЛОМ (ИСТОРИЯ СВОЕЙ СТРАНЫ, СЕМЬИ)?

Рис. 5. Отношение к ценности знаний

ственно через «визуализацию», и упрощения образовательных процедур (рис. 3).

Подобные требования коррелируют с исследованиями, доказывающими, что поколению «цифровых аборигенов» [4] свойственно клиповое мышление. «Клиповое сознание» – это способность красочного восприятия окружающего мира посредством короткого послыла, воплощенного в форме видеоклипа, теленовостей или в другом аналогичном виде [36]. Цифровые устройства формируют у подрастающего поколения гибкое, быстрое, дробное мышление. Однако такой способ моделирования окружающего мира ограничивает возможность синтеза и абстракции, не способствует осознанию ценности знания по причине уверенности в возможности в любой момент получить нужные данные из материалов сети (рис. 5), ведет к пассивному, сидячему, «автоматизированному» образу жизни.

Значимым сюжетом развития дистанционного образования стала роль семьи/родителей в организации учебного процесса (рис. 4). Согласно результатам исследования, в большинстве случаев современные школьники самостоятельно освоили навыки работы с компьютером, гаджетами и сетью Интернет. Но в сложившихся условиях ограниченного взаимодействия с учителем за разъяснением учебного материала и помощью в выполнении домашних заданий детям приходилось достаточно часто обращаться к родителям. Причем чем младше был ребенок, тем большего внимания и участия с их стороны требовалось. Так, с учеником 2-го класса родитель занимался постоянно, находясь рядом даже во время онлайн-урока, старшеклассники же нуждались только в пояснениях по отдельным вопросам и темам. Таким образом, наблюдается некоторое противоречие: с одной стороны, школьники быстрее ориентируются в виртуальной реальности, позиционируют себя более компетентными в бытовых вопросах, решаемых с помощью цифровых технологий, чем их родители, с другой – без организационной и материальной поддержки взросло-

ВОЗМОЖНО ЛИ БУДЕТ ЗАГРУЗИТЬ ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК СЕБЕ
В ПАМЯТЬ КАК ПРОГРАММУ?

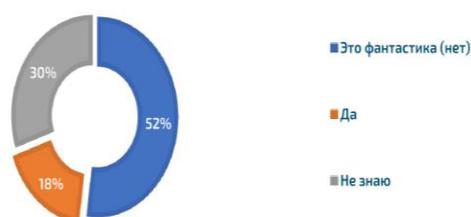

Рис. 6. Отношение к образованию «будущего»

БУДУТ ЛИ ЛЮДИ БУДУЩЕГО НЕПРЕРЫВНО УЧИТЬСЯ
ИЛИ СВОЮ РАБОТУ ОТДАДУТ РОБОТАМ?

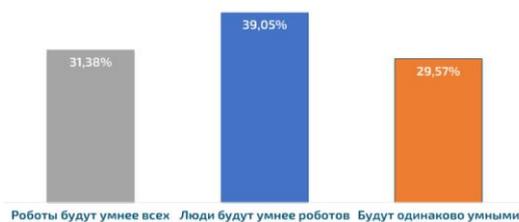

Рис. 7. Оценка возможности замены человека роботами

МОЖЕТ ЛИ ЧЕЛОВЕК БУДУЩЕГО САМ СТАТЬ МАШИНОЙ И
СЛИТЬСЯ С НЕЙ, ТО ЕСТЬ ПРЕВРАТИТЬСЯ В КИБОРГА? ИЛИ ЭТО
ПОЛНЫЙ ВЫМЫСЕЛ?

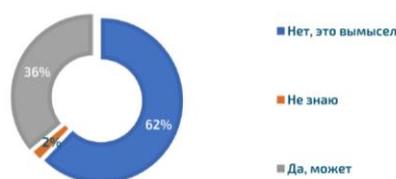

Рис. 8. Оценка интеграции человека и машины

го, имеющего к тому же большой жизненный опыт, определенный уровень образования и навыки воспитания, обеспечить работу системы дистанционного образования (в домашних условиях) невозможно.

Результаты данного исследования показали и то, что в процессе дистанционного образования как школьники, так и родители постоянно испытывали среднеуровневый стресс, представляющий достаточно опасную тенденцию. Подобная реакция организма на неблагоприятное воздействие окружающей среды ведет к эмоциональному выгоранию, психическим расстройствам, изменению поведения с отрицанием личностью важных социальных ценностей, значимости основных социальных институтов, в том числе образовательных.

Описанные выше ситуации респондентов, оказавшихся в условиях дистанционного образования, указывают на факт их пребывания в условиях «префигуративной культуры» [37], где младшее поколение в вопросах использования цифровых технологий компетентнее старшего, однако, по собственному признанию детей, без поддержки взрослых самостоятельно справиться с процессом обучения в новом формате, несмотря на множество источников получения информации и тех же виртуальных помощников, неспособно.

Заключение

Несмотря на небольшой жизненный опыт, современные дети осознают не только возможности, но опасности и ограничения цифровизации образования, о чем свидетельствуют их ответы о предпочтении традиционного учебного

процесса и критические отзывы о влиянии новых условий обучения на успеваемость и их эмоциональное состояние.

Основные претензии пользователей к предлагаемой в настоящее время системе дистанционного образования связаны, прежде всего, с техническими проблемами (связи и оснащения), существенными организационными ограничениями получения знаний, а также некоторыми социально-психологическими моментами.

В условиях дистанционного учебного процесса заметно меняется роль семьи. В значительной степени перемены затронули образовательную и социализирующую функции, потому что родителям пришлось взять на себя большую часть обязанностей учителей и школы. Тем не менее домашние условия, включающие использование семейно-бытовых, материальных и образовательных ресурсов, затрудняют поддержку «дистанционного» качества обучения.

В представлениях учеников о возможностях цифровых технологий есть некоторые установки, которые требуют дополнительного исследования. Так, например, определенная часть школьников надеются, что развитие системы образования будет идти по пути упрощения процедуры получения знаний и её «автоматизация» неизбежна, что, в итоге, ослабит требования к ученикам и необходимости самосовершенствования (рис. 6).

В то же время хотя тенденция цифровизации и признается и даже в чем-то поддерживается подрастающим поколением, но полную замену человека с его исключительными возможностями инновационными механизмами современные дети не допускают (рис. 7).

Несмотря на большое количество примеров слияния машины и человека в массовой культуре (фантастической литературе и кинематографе), основная масса опрошенных все же не верят в осуществление такого симбиоза (рис. 8).

Возможно, уровень развития цифровой среды и степень погружения в нее с помощью новых технологий пока недостаточно убедительны для детей и подростков. Очевидно, на их мнение могли повлиять условия вынужденного дистанционного обучения, в которых они пребывали, сохранившаяся еще пока вера в человеческий потенциал и объективная зависимость от него техники.

Подводя итоги, заметим, что в условиях цифровизации ценность и ценности образования претерпевают существенные изменения, что обуславливает необходимость дальнейшего изучения данного феномена.

Список литературы

1. Положение детей в мире, 2017 год: дети в цифровом мире: доклад // Детский фонд Организации Объединенных Наций: официальный сайт. Опубликовано – декабрь 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unicef.org/eca/media/4926/> (дата обращения: 01.06.2020).
2. Digital 2020 // We Are Social: официальный сайт организации [Электронный ресурс]. URL: <https://wearesocial.com/digital-2020> (дата обращения: 01.06.2020).
3. Детский Рунет 2019. Отраслевой доклад // Ассоциация электронных коммуникаций (РАЭК): официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://raec.ru/live/branch/11541/> (дата обращения: 01.06.2020).
4. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // Website by Marc Prensky [Электронный ресурс]. URL: <https://marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part%201.pdf> (дата обращения: 01.06.2020).
5. Tapscott D. Grown up digital: How the net generation is changing your world // Researchgate: website [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/280559132_Grown_Up_Digital_How_The_Net_Generation_Is_Changing_Your_World (дата обращения: 01.06.2020).
6. Millennials Rising. The next great generation // By Neil Howe and William Strauss. Illustrated by R.J. Matson. New York: Vintage Books, 2000. 415 p.
7. Kvavik R., Caruso J., Morgan G. ECAR study of students and information technology, 2004: Convenience, connection, and control // Researchgate: website [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/238730894_ECAR_Study_of_Students_and_Information_Technology_2004_Convenience_Connection_and_Control (дата обращения: 01.06.2020).
8. Lee L. Young people and the Internet // Young. 2005. № 13. P. 315–326.
9. Kennedy G. & Judd T. & Churchward A. & Gray K. & Krause K. First year students' experiences with Technology: Are they really Digital Natives? // Australasian Journal of Educational Technology. 2008. № 24 // Researchgate: website [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/29470946_First_Year_Students'_Experiences_with_Technology_Are_they_really_Digital_Natives (дата обращения: 01.06.2020).
10. Lazonder A.W., Walraven A., Gijlers H., Janssen N. Longitudinal assessment of digital literacy in children: Findings from a large Dutch single-school study // Computers and Education. 2020. № 143 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scopus.com/record/> (дата обращения: 01.06.2020).
11. Tzifopoulos M. The international discussion in the field of out-of-school digital literacy practices // Epistemological Examples and Methodological Extensions. 2018. № 35. P. 23–40 // Researchgate: website [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/333133132_The_international_discussion_in_the_field_of_out-of-school_digital_literacy_practices_Epistemological_examples_and_methodological_extensions/citation/download (дата обращения: 01.06.2020).
12. Mikelić Preradović N., Lešin G., Šagud M. Investigating parents' attitudes towards digital technology use in early childhood: A case study from Croatia // Informatics in Education. 2016. № 15 (3). P. 127–146 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scopus.com/record/> (дата обращения: 01.06.2020).
13. Praseptiawan M., Siswanto P., Afrida T. Digital Library Development and Evaluation to Improve Students' Digital Literacy // Journal of Physics: Conference Series. 2019. № 1179 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scopus.com/record/> (дата обращения: 01.06.2020).
14. Soltovets E., Chigisheva O., Dmitrova A. The role of mentoring in digital literacy development of doctoral students at British universities // Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education. 2020. № 16 (4) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scopus.com/record/> (дата обращения: 01.06.2020).
15. López-Meneses E., Sirignano F.M., Vázquez-Cano E., Ramírez-Hurtado J.M. University students' digital competence in three areas of the DigCom 2.1 model: A comparative study at three European universities // Australasian Journal of Educational Technology. 2020. № 36 (3). P. 69–88 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scopus.com/record/> (дата обращения: 01.06.2020).
16. Otterborn A., Schönborn K., Hultén M. Surveying preschool teachers' use of digital tablets: general and technology education related findings // International Journal of Technology and Design Education. 2019. № 29 (4). P. 717–737 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scopus.com/record/> (дата обращения: 01.06.2020).
17. Yusupova N.G., Skudareva G.N. New resource solutions in the development of future teacher digital literacy // Astra Salvensis. 2018. № 6. P. 261–270 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scopus.com/record/> (дата обращения: 01.06.2020).
18. Ciboci L., Labaš D. Digital media literacy, school and contemporary parenting // Medijske Studije.

2019. № 10 (19). P. 83–101 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scopus.com/record/> (дата обращения: 01.06.2020).

19. Del-Moral-Pérez M.E., Villalustre-Martínez L., Neira-Piñeiro M.D.R. Teachers' perception about the contribution of collaborative creation of digital storytelling to the communicative and digital competence in primary education schoolchildren // *Computer Assisted Language Learning*. 2019. № 32 (4). P. 342–365 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scopus.com/record/> (дата обращения: 01.06.2020).

20. Bowden H.M., Aarsand P. Designing and assessing digital games in a classroom: an emerging culture of critique // *Learning, Media and Technology*. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scopus.com/record/> (дата обращения: 01.06.2020).

21. Pandian A., Baboo S.B., Yi L.J. Digital storytelling: Engaging young people to communicate for digital media literacy // *Jurnal Komunikasi: Malaysian Journal of Communication*. 2020. № 36 (1). P. 187–204 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scopus.com/record/> (дата обращения: 01.06.2020).

22. Thibaut P., López M.C. Learning and out-of-school literacy practices in the digital age: A rural approach // *Educacao e Pesquisa*. 2020. № 46. P. 1–20 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scopus.com/record/> (дата обращения: 01.06.2020).

23. Мошнина Р.Ш., Батырева С.Г., Красноперова В.Ф., Хиленко Т.П. Цифровые образовательные ресурсы как условие формирования ключевых компетенций в начальной школе // *Стандарты и мониторинг в образовании*. 2013. № 3. С. 36–43.

24. Потупчик Е.Г. Сетевое взаимодействие как условие формирования цифровой грамотности младших школьников на уроках информатики // *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева*. 2017. № 4 (42). С. 178–185.

25. Бараханова Е.А., Малгаров И.И. Школьники в цифровой образовательной среде: условия, предпочтения, безопасность // *Проблемы современного педагогического образования*. 2018. № 61-2. С. 64–66.

26. Солдатова Г.У., Теславская О.И. Особенности использования цифровых технологий в семьях с детьми дошкольного и младшего школьного возраста // *Национальный психологический журнал*. 2019. Т. 4. № 4 (36). С. 12–27.

27. Солдатова Г., Шляпников В. Почти на равных. Анализ уровня цифровой компетентности учителей и школьников // *Дети в информационном обществе*. 2015. № 19. С. 44–53.

28. Бокова О.А., Веретенникова Л.А., Шамарина Е.В. Формирование инновационного образовательного пространства обеспечения профессионального развития молодого педагога // *Мир науки, культуры, образования*. 2016. № 4 (59). С. 124–127.

29. Третьяков А.Л. Актуализация вопросов формирования информационной компетентности обучающихся 10-11 классов в процессе их цифровой социализации // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. 2018. № 3. С. 112–123.

30. Бараханова Е.А., Никифоров И.И. Формирование информационной компетентности будущих учителей средствами цифровой образовательной среды // *Проблемы современного педагогического образования*. 2018. № 61-2. С. 61–64.

31. Митрохина С.В., Кобер Г.А. ИКТ-компетентность как фактор профессионально-личностного саморазвития учителя в современных условиях // *Известия Тульского государственного университета. Педагогика*. 2020. № 1. С. 59–63.

32. Афанасьева Г.А., Карелина Е.В. Использование ИКТ в педагогической деятельности учителя математики // *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2017. № 3 (27). С. 153–156.

33. Шатунова О.В., Иванов С.В. STEM и STEAM-образование в современной школе // *Вопросы педагогики*. 2019. № 6-2. С. 147–150.

34. Водяха С.А., Водяха Ю.Е., Минюрова С.А. Особенности структуры интеллекта младших школьников, обучаемых посредством гаджетов // *Педагогическое образование в России*. 2019. № 7. С. 133–140.

35. Игнатъев В.П., Иванова А.С., Иванова М.Д. ИКТ-компетентность педагога как основа цифровой грамотности обучающихся // *Современные проблемы науки и образования*. 2020. № 2. С. 56.

36. Митягина Е.В., Долгополова Н.С. «Клиповое сознание» молодежи в современном информационном обществе // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2009. № 3 (15). С. 53–59.

37. Мид М. *Культура и мир детства*. М.: Наука, 1988. 429 с.

CHILDHOOD AND EDUCATION IN THE AGE OF GADGETIZATION

I.A. Isakova,¹ A.V. Rusheva,¹ **R.M. Ambartsumyan**²

¹ Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

²The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The development of information technology affects all spheres of human life, making serious adjustments to them. Among the social groups of the population, who are forced to turn on and adapt to the rules of the digital world, there are children, whose socialization occurs through active interaction with gadgets and other digital devices. Factors such as «proximity» of children to various sources of information and their «understanding», faster adaptability of the younger generation to the conditions of acquiring knowledge, ways of meeting social needs, have an ambiguous influence on the formation of the child's personality. Analysis of data from official sources demonstrates not only the fact of the inevitable presence of children on the Internet, but also the related problems of their health and development. The article presents the results of a poll conducted using chat bots, instant messengers and social networks during the period of «self-isolation» introduced due to the COVID-2019 pandemic. The data obtained indicate a peculiar perception of the learning process of schoolchildren in conditions of distant, contain conflicting reviews about the use of digital technologies for educational purposes. The study identified the main difficulties that the respondents faced when switching to distance learning, as well as the attitude of children towards education of the «future».

Keywords: education, children, digital technologies, digital generation, digital competence, distance learning process.

УДК 316

КРИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА МИГРАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (НА МАТЕРИАЛАХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

© 2020 г.

Т.Н. Липатова

Липатова Татьяна Николаевна, к.соц.н.; старший научный сотрудник
Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, Казань
talipatova@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 17.03.2020**Статья принята к публикации 08.10.2020*

Основная цель статьи – предложить критический реализм как альтернативный методологический подход к исследованию миграции, отличный от позитивизма и конструктивизма. Интерес к теоретическим и методологическим основам критического реализма в сфере миграционных исследований обусловлен его направленностью на изучение независимого существования структур, сил и причинных механизмов реальности в социальном мире, генерирующих события на эмпирическом уровне. Особенная роль в методологии критического реализма придается контексту социальных взаимодействий, подчёркивается его постоянно условный и изменяющийся характер. Отмечается, что в рамках методологии критического реализма особое внимание уделяется качественным методам исследования как мощному средству идентификации сложных причинно-следственных механизмов. Подчеркиваются преимущества и новые исследовательские возможности применения критического реализма для изучения миграционных явлений. На примере исследования Шарлотты Хедберг о эмиграции финских шведов, выполненного в соответствии с принципами критического реализма, раскрываются механизмы сложного взаимодействия реальных и потенциальных структурных факторов миграции, в том числе истинные причины миграции финских шведов из Финляндии в Швецию, отличные от часто называемых респондентами в ходе интервью.

Ключевые слова: критический реализм, миграционные исследования, причинные механизмы, качественные методы исследования, финно-шведская идентичность.

Позитивизм, конструктивизм и критический реализм

В современной западной литературе отмечается, что недостаток многих современных миграционных исследований объясняется их прикладным характером, а также неспособностью адекватно соотноситься с социальной теорией. Поскольку исследования миграции часто связаны с краткосрочными политическими целями, многие из них носят преимущественно описательный характер, а результатом, в силу этого, становится узкий эмпиризм. В этой связи необходимой основой всех проектов миграционных исследований является теоретическая и методологическая база, выполняющая функцию моста между социальной теорией и методами исследования.

В сфере миграционных исследований в западноевропейской науке разрешение ключевого спора между позитивистами и конструктивистами видится в применении перспективы критического реализма, который оценивается в качестве плодотворного варианта анализа миграционных процессов. Тем не менее попытки включить критический реализм в исследования миграции остаются фрагментарными, а его полезность часто оспаривается.

Изначально идеи критического реализма разрабатывались как реакция на позитивизм и утверждения о том, что наблюдаемые явления и закономерности сами по себе способны объяснить мир [1, с. 135–136; 2, с. 45]. Как отмечает А. Саер, такой подход противоположен постмодернистскому идеалистическому взгляду на объекты как социально сконструированные без какой-либо ссылки на истину [2, с. 93; 3, с. 485].

По мнению Р. Бхаскара, как позитивизм, так и конструктивизм подвержены так называемой «эпистемической ошибке», когда природа реальности сводится к человеческим знаниям о ней [4, с. 27]. Если позитивизм признает существование реального мира независимо от наших суждений и природа реальности сводится к тому, что ее можно эмпирически исследовать с помощью научных методов, то конструктивизм, напротив, отрицает объективное существование реальности, рассматривает ее как полностью построенную посредством человеческого знания или дискурса, что также сужает реальность до наших знаний о ней [4].

В социальных науках критический реализм представляет собой скорее философскую мета-теоретическую конструкцию, которая отдает предпочтение онтологии над эпистемологией,

не связывает реальность и реальные объекты с нашими знаниями о них и утверждает, что первые существуют независимо от нашей идентификации и наших представлений о реальности [5]. Таким образом, критический реализм «предлагает третий путь между эмпиризмом/позитивизмом и идеализмом/постмодернизмом, основанный на онтологических различиях этих перспектив» [2].

Если позитивистский подход видит мир как «данные факты», а конструктивистские взгляды разделяют объекты как «искусственные конструкции», то критический реализм основан на онтологии трансцендентального реализма [4, с. 19], в соответствии с которым мир рассматривается как «реальный», будучи структурированным необходимыми отношениями и механизмами, а наши знания о нем опосредованы концепциями и практиками [2]. Это означает, что реальность не исчерпывается тем, что люди (и исследователи) могут испытывать или воспринимать, но включает слои и уровни, которые непосредственно не наблюдаемы или неочевидны. Такие слои являются «глубокой» областью социальной реальности и относятся к «структурам, механизмам, силам и отношениям» социальных объектов, которые посредством их взаимодействия производят события, часть которых переживается и концептуализируется различными способами [6, с. 13].

Таким образом, для критического реализма социальная реальность существует независимо от человеческого восприятия и опыта и характеризуется «онтологической глубиной» [7, с. 27]. Независимое существование структур, сил и механизмов реальности в социальном мире – это то, что позволяет концепциям, теоретическим моделям и научным интерпретациям приобретать свои истинные ценности и представлять разные степени достоверности.

Причинные механизмы. В рамках критического реализма Р. Бхаскар описывает реальность как стратифицированную на три уровня или так называемые три «онтологические области» [7, с. 56]. Поверхностный уровень образует эмпирическая реальность, которую мы можем переживать и наблюдать через призму человеческого опыта и интерпретации. Средний уровень образует так называемая реальная реальность, где не существует фильтра человеческого опыта и, следовательно, происходят события независимо от того, переживаем мы их или нет. Третий уровень представляет область реальности, в которой активизируются причинные силы, производящие события на эмпирическом уровне [7, с. 56].

М. Хартвиг различает эмпирическую, фактическую и реальную области реальности. Эмпирическая область состоит из опыта, концепций и признаков, фактическая – из опыта, концепций, знаков и событий, область реального включает в себя опыт, концепции, признаки, события и производные причинные механизмы [8, с. 400–401].

В онтологии критического реализма область реального является центральным понятием, и основной его целью выступает объяснение социальных событий посредством ссылки на причинные механизмы и эффекты, которые они могут производить на всех трех уровнях реальности. Данная схема потенциально поднимает эпистемологический вопрос о том, как можно исследовать область реального. Р. Бхаскар утверждает, что, в отличие от мира природы, общественные отношения, являясь социальными продуктами, могут проявляться только через социальные события или явления [4, с. 48]. Таким образом, причинные механизмы в социальном мире «существуют только благодаря действиям, которыми они управляют, и не могут быть определены эмпирически независимо от них» [9, с. 48]. Отсюда следует, что причинные механизмы могут быть объяснены в конечном итоге через явления на эмпирическом уровне.

По мнению Р. Бхаскара, социальный мир, будучи динамичным, непредсказуемым и открытым, создает потенциальные возможности для причинных механизмов, позволяющих или не позволяющих агентам действовать определенным образом [4]. Производные причинные силы и механизмы в значительной степени ненаблюдаемы на эмпирическом уровне, но имеют тенденцию вызывать наблюдаемые события, процессы и явления. Причинные силы социальных объектов могут оставаться неиспользованными, а могут и подвергаться изменениям из-за «проницаемости» социальной реальности и случайного взаимодействия между ними и другими причинными силами и механизмами [2].

Таким образом, критический реализм ставит причинность в центр социальных исследований, предлагает тщательно разработанное представление о причинности как производной причинной силы, возникающей из структур социальных феноменов [2]. При этом социальный мир рассматривается как стратифицированный и развивающийся, явления и социальные процессы в котором порождаются постоянным взаимодействием между человеком, индивидуальным и коллективным действием, социальными структурами и идеологическими дискурсивными образованиями.

Качественные методы исследования

Исследования в области миграции, основанные на методологии критического реализма, не являются распространенными в настоящее время. Как полагает Х. Йенг, «метод критического реализма недостаточно развит и неправильно понят, что приводит к методологически неполноценной философии» [10, с. 56]. Тем не менее интерес в социальных научных исследованиях, обращающихся к теоретическим и методологическим предпосылкам критического реализма, создает благоприятные условия для применения его как основы миграционных исследований.

На практике исследования критического реализма дают возможность привлечения кардинально различных методов – этнографии, интервью, количественных опросов, все они могут сыграть свою роль, но требуют большего внимания к методологии. В исследованиях миграции долгое время преобладали эмпирико-позитивистские подходы и связанные с ними количественные методы исследования.

Т. Иосифидес придает особое значение мета-теоретическим аспектам качественных методов в отношении связанных с миграцией явлений и процессов и преимуществ, которые предлагает критический реализм для преодоления проблем и заблуждений эмпирического, интерпретативного и конструктивистского мышления в качественных исследованиях миграции [11–13]. Т. Иосифидес отмечает, что качественные методы исследования, не основанные на методологии критического реализма, не всегда способны объяснить, как именно сформировались и формируются субъективности и значения в отношении иммигрантов, а также связаны с отказом от усилий по формулированию критериев для разделения действительных и неверных убеждений и интерпретаций [14, с. 130]. Это естественно, когда реальность и интерпретации реальности эпистемологически воспринимаются как одно и то же, однако такой тип мышления неизбежно приводит к позиции, что все интерпретации имеют одинаковую силу и неспособны объяснить ложные интерпретации, убеждения и значения [15; 16]. Так, расистские и ксенофобские интерпретации и категоризации мигрантов являются ложными, поскольку не связаны с какими-либо реальными особенностями категоризируемых групп, существующих вне контекста взаимодействия, в котором они формируются [17]. Подобные убеждения оказывают реальное причинное воздействие на социальные процессы, приводят к социальной и материальной девальвации определенных социальных групп и категорий [11].

В сфере миграционных исследований Т. Иосифидес предлагает применять методологию критического реализма как общую модель для проведения качественных исследований, основанную на изучении причинно-следственных связей и их синхронного и диахронического качественного взаимодействия [11]. Данная модель рассматривает качественные методы как мощное средство для идентификации сложных причинно-следственных механизмов, предполагает интенсивное взаимодействие с социальной реальностью как способ стать ближе к ней. Это, безусловно, серьезная переориентация, поскольку большая часть современных качественных исследований осуществляется в рамках теоретических направлений, которые не допускают даже возможности существования реальности, независимой от концептуализации или идентификации.

По мнению О. Беквелла [18, с. 1691], отправной точкой для исследований критического реализма является концептуализация исследуемых объектов. Так, при изучении сетей мигрантов позитивистский подход, вероятно, будет исследовать отношения между различными переменными, чтобы выявить корреляции и закономерности. Для критических реалистов отправной точкой послужит попытка выделения «порождающих механизмов», способных объяснить влияние сети на миграцию, что потребует готовности постоянно пересматривать исследуемый феномен [10, с. 58–60].

Критический реализм методологически не стремится назначить методы, а скорее, определяет принципы, которым эти методы соответствуют. Так, качественные биографические исследования жизненного опыта иммигрантов в рамках феноменологического или символично-интеракционистского подхода связаны с явной или неявной предпосылкой, согласно которой интерпретации и значения иммиграционного опыта являются продуктом интерактивного контекста исследования, а не какой-либо реальности «там» [19, с. 106]. Как отмечает Г. Циолис, очень часто «биографические нарративы являются простым продуктом коммуникативного взаимодействия между исследователем и объектом исследования в текущий момент времени (то есть во время взаимодействия) и не могут быть использованы для того, чтобы подчеркнуть влияние и роль любых реальных процессов» [20, с. 154]. Таким образом, рассказ иммигранта о его траектории территориальной и социальной мобильности в принимающей стране, о прохождении различных этапов и фаз, приводящих к измененной социальной ситуации и отношениям, имеет ценность только как «учетные записи», то есть как интерпретации

или дискурсы» [19, с. 105]. По мнению Б. Робертс, применение биографических методов к перспективе критического реализма предполагает, что отдельная история ссылается на «истинное» событие и «живую материальность», в то время как интервью рассматривается как «конструирование самости» и не должно восприниматься как конец критического реалистического анализа [21, с. 6–7].

А. Пратт считает ошибочным возлагать концептуализацию исследуемых феноменов на респондентов, так как данный анализ имеет тенденцию возвращаться к индивидуализму, поскольку в этом случае любые структурные факторы понимаются только по отношению к отдельным лицам и не раскрывают возникающие свойства. Более того, методология критического реализма предполагает абстрагирование от объекта для объяснения причинных механизмов, в то время как использование категорий, возникающих у респондентов, позволяет обойти абстракцию, которая, вероятно, оставит базовые структурные факторы неопознанными [22, с. 70; 10, с. 63].

Критический реализм признает решающую роль неправильных толкований в воспроизведении неравных и господствующих властных отношений. Примером могут служить широко распространенные интерпретации, напрямую связывающие посредством соответствующих исследований мигрантов с преступностью и безработицей. Исследовательская практика критических реалистов в области миграции учитывает корреляции с преступностью, но предполагает, что данные корреляции не являются достаточными для адекватного объяснения ситуации. Вместо того чтобы полагаться на точные корреляции, критические реалисты исследуют роль реалий капиталистических производственных отношений, порождающих социальное неравенство и приводящих к криминализации маргинальных групп, в том числе мигрантов, в различных контекстах.

Таким образом, методологическая задача критического реализма состоит в том, чтобы применить те методы исследования, которые могут охватить как социальную жизнь, так и контекст, в котором она происходит, а также выявить направление движения социального взаимодействия, его постоянно условный и изменяющийся характер, в то же время признавая, что взаимодействие ограничивается контекстными условиями. Данный анализ направлен на исследование взаимодействия между социальными отношениями, элементами культуры и людьми, прежде всего с учетом контекста, в котором происходят взаимодействия [23, с. 15].

Критический реализм в исследованиях миграции

Примером следования методологии критического реализма является исследование эмиграции финских шведов из Финляндии в Швецию Шарлотты Хедберг. В ходе исследования в соответствии с принципами критического реализма раскрываются механизмы сложного взаимодействия реальных и потенциальных структурных факторов миграции на индивидуальном и групповом уровнях с учетом внешнего контекста [24]. Исследование основано на сочетании качественного (биографического) и количественного (опросного) методов, интегрированных с целью выявления причинных механизмов.

Результатом критического анализа миграции шведов, проживающих в Финляндии, является вывод, что данная миграция обусловлена ситуацией шведского меньшинства в Финляндии. На эмпирическом уровне никто из мигрантов не согласился бы с этим, поскольку подобное высказывание в Финляндии является политически некорректным и может быть истолковано как предположение, что большинство сознательно заставило эмигрировать меньшинство. В ходе интервью для объяснения причин своего решения об эмиграции шведы-эмигранты часто приводили экономические мотивы. Однако в ходе анализа выяснилось, что ситуация с этническим шведским меньшинством действительно вызывает миграцию шведов отчасти из-за трудностей с поиском работы, вызванных ограниченным знанием финского языка.

Одной из основных целей исследования Ш. Хедберг явился анализ причин миграции финских шведов в Швецию как этнической группы. Согласно позиции критического реализма, анализ причинности имеет решающее значение для объяснения того или иного феномена [4, с. 25–27]. Однако не всякая причина является неизбежным фактором возникающих последствий, и причинно-следственная связь может характеризовать «как необходимость, так и возможность или потенциал» [15, с. 11]. Это означает, что изучаемые объекты могут иметь причинно-следственные связи, которые никогда не активируются и поэтому не имеют следствий. Свои причины миграции могут иметь все представители финно-шведского меньшинства, однако в реальности эмигрирует лишь некоторая часть. Таким образом, в исследовании причин финно-шведской миграции анализируются отношения, составляющие группу, независимо от того, принимают ли ее участники решение эмигрировать или нет, поскольку данные отношения лежат в основе факторов, влияющих на

эмиграцию. Одновременно анализируется и контекст, в котором развиваются данные отношения, поскольку эмиграция зависит от конкретной ситуации, в которой человек находится в текущий момент времени, и места.

Ш. Хедберг выделяет три основные группы причин эмиграции финских шведов из Финляндии в Швецию: внутренние причины индивидуального уровня, внутренние причины группового уровня, внешние причины, формирующие контекст [24].

Внутренние взаимосвязи объекта образуют группы элементов, которые не могут существовать друг без друга, и именно они образуют структуры, составляющие природу объекта, приводя в действие причинные силы и механизмы. Внутренними связями в исследовании Ш. Хедберг выступили отношения между шведским меньшинством и финским большинством, а именно двойная финно-шведская идентичность, будучи ключевым фактором, объединяющим этнические сообщества шведов и финнов. Структурным элементом эмиграции финских шведов на групповом уровне является сеть контактов, связывающих последних с Швецией, которая включает социальные, экономические и культурные связи между настоящими и бывшими шведскими мигрантами: это и распространение популярной музыки, литературы и телевизионных программ, а также экономические связи между предприятиями и компаниями обеих стран.

Внутренние отношения могут включать деятельность социальных институтов и властных структур. Взаимоотношения финского большинства и шведского меньшинства в Финляндии свидетельствуют об ограничении сфер использования шведского языка, а также о его законодательной защите. Кроме того, имеет место особое поведение, связанное с языковой ситуацией, как, например, параллельное использование финского и шведского языков в учебных заведениях.

Причины, действующие на уровне группы, опосредованы причинами на индивидуальном уровне, такими как возможность работать или учиться в Швеции, желание покинуть родительский дом, продвигаться по карьерной лестнице. К факторам миграции на индивидуальном уровне Ш. Хедберг также относит условия рынка труда в Швеции. Если в 1970-х гг. считалось, что в Швеции зарплаты выше, чем в Финляндии, то в 2000 г. стало более распространенным мнение, что шведские университеты более доступны для поступления, что, несомненно, влияет на миграцию.

Методология критического реализма предусматривает, что действие причинных механизмов зависит от контекста, а именно от внешних связей, которые взаимодействуют с объектом. В этом отношении региональный фактор в исследовании Ш. Хедберг является решающим и демонстрирует определенные различия в характере проявления финно-шведской идентичности, наблюдаемые в различных регионах Финляндии как исторических и социокультурных пространствах. В центральных регионах, в отличие от периферийных, доля населения, составляющая шведскую группу, значительно сократилась за прошедшее столетие, в то время как в некоторых периферийных регионах, где шведы составляют большинство, шведская идентичность проявляется сильнее и шведы имеют более сильные позиции.

Таким образом, в исследовании Ш. Хедберг методология критического реализма, основанная на комплексном анализе причин, структур и связей, позволила установить истинные причины миграции финских шведов из Финляндии в Швецию, связанные с культурными факторами этнической идентичности и тесноты контактов, объединяющих обе страны.

Заключение

В настоящее время критический реализм как методологическая основа нередко используется в миграционных исследованиях в западноевропейской социологической науке, что открывает новые исследовательские возможности. Критический реализм направлен на изучение реальности, не поддающейся непосредственному наблюдению или интерпретации, но раскрывающей свою сущность через причинно-следственные связи, порождающиеся взаимодействием структур социальных феноменов. Важная роль при этом отдается контексту или внешним связям исследуемого объекта. Методология критического реализма предусматривает применение как количественных, так и качественных методов социологического исследования, а также их комбинации, однако все чаще заявляется о преимуществах и потенциале использования качественных методов, способных быть «ближе к реальности» [11]. При этом использование качественных методов в контексте критического реализма позволяет избежать субъективистских объяснений значений понятий и формулировать критические подходы и стратегии. Пример миграционного исследования Ш. Хедберг позволил выявить истинные причины миграции финских шведов из Финляндии в Швецию, отличные от тех, что часто высказывались респондентами в ходе интервью.

Список литературы

1. Cloke P.P.C., Sadler D. *Approaching human geography*. London: Paul Chapman Publishing, 1991. 240 p.
2. Sayer A. *Method in social science. A realist approach*. London: Routledge, 1992. 313 p.
3. Sayer A. *Critical realism and the limits to critical social science* // *Journal for Theory of Social Behaviour*. 1997. № 27 (4). P. 473–488.
4. Bhaskar R. *The possibility of naturalism: A philosophical critique of the contemporary human sciences*. London: Routledge, 1998. 194 p.
5. Fleetwood S. *Ontology in organization and management studies: a critical realist perspective* // *Organization*. 2005. № 12 (2). P. 197–222.
6. Ackroyd S., Fleetwood S. *Realism in contemporary organisation and management studies* // In: S. Ackroyd and S. Fleetwood (eds.). *Realist Perspectives on Management and Organisations*. London: Routledge, 2000. 271 p.
7. Bhaskar R. *A realist theory of science*. Brighton: Harvester-Wheatsheaf, 1978. 258 p.
8. Hartwig M. *Dictionary of critical realism*. Abingdon: Routledge, 2007. 560 p.
9. Bhaskar R. *The possibility of naturalism. A philosophical critique of the contemporary human science*. Brighton: UK, 1979. 238 p.
10. Yeung H.W. *Critical realism and realist research in human geography: a method or a philosophy in search of a method?* // *Progress in Human Geography*. 1997. № 21 (1). P. 51–74.
11. Iosifides T. *Qualitative methods in migration studies. A critical realist perspective*. Farnham: Ashgate, 2011. 278 p.
12. Iosifides T.A. *Generic conceptual model for conducting realist qualitative research: Examples from migration studies* / *International Migration Institute (IMI). Working Paper № 43*. University of Oxford, UK, 2011. P. 1–31.
13. Iosifides T. *Epistemological issues in qualitative migration research: Self-reflexivity, objectivity and subjectivity* // R. Zapata-Barrero, E. Ya (eds). *Qualitative research in European Migration Studies*. Springer: Cham, 2018. 302 p.
14. Iosifides T. *Against 'migration': Using critical realism as a framework for conducting mixed-method, migrantization research* // *Journal of Critical Realism*. 2017. № 16 (2). P. 128–142.
15. Sayer A. *Realism and social science*. London: Sage, 2000. 224 p.
16. Manicas P.T. *Realist metatheory and qualitative methods* // *Sociological Analysis*. 2009. № 3 (1). P. 31–46.
17. Carter B. *Realism and racism: Concepts of race in sociological research*. London: Routledge, 2000. 192 p.
18. Bakewell O. *Some reflections on structure and agency in migration theory* // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2010. № 36 (10). P. 1689–1708.
19. Iosifides T., Sporton D. *Editorial: Biographical methods in migration research* // *Migration Letters*. 2009. № 6 (2). P. 101–108.
20. Tsiolis G. *Life histories and biographical narratives. The biographical approach in sociological qualitative research*. Athens: Kritiki, 2006. 234 p.
21. Roberts B. *Biographical research*. Buckingham: Open University Press, 2002. 212 p.
22. Pratt A.C. *Putting critical realism to work: the practical implications for geographical research* // *Progress in Human Geography*. 1995. № 19 (1). P. 61–74.
23. Carter B., Sealey A. *Realist social theory and multilingualism in Europe* // *European Journal of Applied Linguistics*. 2015. № 3 (1). P. 1–19.
24. Hedberg C. *The Finland–Swedish wheel of migration. Identity, networks and migration 1976–2000*. PhD Thesis. Uppsala University, Sweden, 2004. 87 p.

**CRITICAL REALISM AS METHODOLOGICAL CONCEPT OF IMMIGRATION RESEARCH
(ON THE MATERIALS OF INTERNATIONAL STUDIES)**

T.N. Lipatova

Centre for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Russia

The article deals with the conception of critical realism as an alternative methodological approach for the study of migration, different from positivism and constructivism. The interest in the theoretical and methodological foundations of critical realism in the field of migration studies is focused on its potential for the research of the independent existence of structures, forces and causal mechanisms of reality in the social world that produce events at an empirical level. A special role in the methodology of critical realism is given to the context in which social interactions take place, where its constantly conditional and changing nature is emphasized. Noted, that in the framework of the methodology of critical realism special attention is paid to qualitative research methods being powerful tool to reveal complex cause-effect mechanisms. The advantages and new research prospect of critical realism application in migration studies are emphasized. Charlotte Hedberg's study on the emigration of Finnish Swedes, carried out in accordance with the principles of critical realism, reveals the mechanisms of the complex interaction of real and potential structural factors of migration, including the deep-rooted causes of the migration of Finnish Swedes from Finland to Sweden, which are different from those often expressed by the respondents during the interviews.

Keywords: critical realism, migration studies, causal mechanisms, qualitative research, Finland-Swedish identity.

УДК 316

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО СООБЩЕСТВА В НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2020 г.

И.А. Уваров

Уваров Игорь Алексеевич, к.ю.н.; доц.; доцент кафедры криминалистики
Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России,
доцент кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
uvarov.igor@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 18.05.2020**Статья принята к публикации 29.10.2020*

Рассматривается феномен идентичности пенитенциарного сообщества в новых социально-экономических условиях. Обосновывается тезис о том, что идентичность пенитенциарного сообщества представляет собой сложно структурированный, амбивалентный по своей природе феномен. Рассматривается влияние новых социально-экономических условий на идентификационные процессы в пенитенциарном сообществе отечественной уголовно-исполнительной системы, делается вывод о том, что это влияние проявляется в усилении идентификационных конфликтов как на групповом, так и на индивидуальном уровнях, что, в свою очередь, обуславливает обострение проблемы кризиса идентичности в пенитенциарном сообществе.

Ключевые слова: социально-экономические условия, идентичность пенитенциарного сообщества, кризис идентичности пенитенциарного сообщества.

После крушения советского государства остро встал вопрос о формировании новой социально-экономической действительности. Проводимые реформы затронули абсолютно все стороны жизни нашего общества. Три десятилетия изменялась система качественных приоритетов, вместе с которыми менялись и идентификационные признаки, детерминирующие базовые представления о личностных качествах члена такого общества.

В специальной литературе стало активно использоваться понятие новых социально-экономических отношений, которое все же не могло характеризоваться как нечто конкретное и определенное. Более того, авторы не утруждали себя его толкованием, оперируя им как общепонятным и устоявшимся термином, условно понимая под ним некий процесс становления единых взаимообусловленных социально-экономических отношений, базирующихся на основе универсальных человеческих ценностей (понимаемых исключительно в неолиберальном контексте).

Целью данной работы является обзор научной литературы, посвященной проблемам трансформации пенитенциарного сообщества под воздействием макросоциальных и экономических переменных. Принимая во внимание значимость роли экономических переменных для всех сфер социальной жизни, мы исходим из предположения о комплексном воздействии

социально-экономических трансформаций не только на формирование пенитенциарного сообщества, но и на его функционирование.

Осмысление проблем новых социально-экономических отношений, безусловно, является важным, с точки зрения создания определения данного явления. Но речь идет не о некоей «моде» на данную проблематику в научной среде. Скорее, необходимо говорить о том, что современные процессы развития российского общества стараются оценивать с позиции европоцентристских (или западнцентристских) представлений [1].

Интересной в этой связи является позиция А.И. Фурсова, который предлагает использовать для обозначения такой тенденции термин «меритократия» [2, с. 334, 383, 433]. В сущности, это некое представление о культуре мышления, определяющей современные социально-экономические тенденции. Иммануил Валлерстайн, напротив, трактует его как тенденцию «перехода от европоцентризма к меритократии» [3, с. 166].

Новые социально-экономические отношения представляют собой сложную и во многом противоречивую систему. Сформировавшееся в общественном сознании представление о том, что новая система отношений базируется на так называемых общечеловеческих ценностях, только обостряет существующие противоречия. Анализ их содержания показывает, что такого

рода подходы способствуют исключительно усилению многообразия представлений о них у различных субъектов общественных отношений.

Принято считать, что новые социально-экономические отношения представляют собой процесс формирования глобальной культуры. Обосновывая такое представление, отдельные авторы объясняют это тем, что социально-экономические отношения формировались в процессе взаимодействия с разными по своему характеру образованиями (этническими, территориальными, культурными). С развитием общества дифференциальные признаки становятся все более ярко выраженными, что обостряет и противоречия, усиливая культурный разрыв между различными субъектами этих отношений. «Общим моментом для большинства современных исследований, – утверждает в этой связи В.И. Павленко, – является противопоставление личностной и социальной идентичности» [4, с. 135]. Такого рода процессы привели к формированию качественно иной социокультурной ситуации в стране. Это, в свою очередь, не могло не отразиться на способе существования отдельной личности, трансформировав ее ментально. При этом, прежде всего, они трансформировали систему ценностей, что воспринималось особенно болезненно в силу важности их роли в регуляции общественных отношений. Исходя из этого, целью данной статьи является социологический анализ трансформации идентичности пенитенциарного сообщества в новых социально-экономических отношениях.

Изменения в коллективном и индивидуальном сознании в современном дискурсе принято определять такими понятиями, как «утрата идентичности», «кризис идентичности», «поиск идентичности». Особенно остро эта проблема проявляется в соотношении новых социально-экономических отношений и культурной идентичности отдельной личности. Термин «идентичность» в социально-гуманитарные науки ввел американский исследователь Э. Эриксон. По его мнению, этот термин обозначает «чувство реальности самости человека внутри социальной реальности, возникающее в результате двуединого процесса рефлексии и наблюдения» [5, с. 34].

В структуре идентичности принято выделять два уровня: индивидуальный (персональный) и коллективный (групповой или социальный).

Производное от них понятие «социальная идентичность» принято определять как «отождествление индивида с социальной позицией или статусом», то есть как одну из составляющих индивидуальной идентичности [6, с. 238]. В то же время в научной литературе предлагается рассматривать социальную идентичность

как синоним понятия «коллективная идентичность» [7]. Исходя из сущности вопросов, рассматриваемых нами в этой статье, применительно к феномену пенитенциарного сообщества, целесообразно понимать социальную и коллективную идентичность как тождественные.

Говоря об идентичности пенитенциарного сообщества, нужно понимать, что этот феномен является социальным образованием, довольно сложным по структуре и амбивалентным по природе. В качестве его специфических признаков необходимо выделить:

- диалектическую взаимосвязь, проявляющуюся как в целостности его элементов, так и в их фрагментарности;
- стабильность и перманентную изменчивость как условие реакции на окружающую действительность;
- ярко выраженную социальную направленность, проявляющую себя через индивидуальные качества лидеров (лиц, наделенных правом принятия управленческих решений);
- качественную оценку субъектом себя через призму социальных установок, определяемых сообществом.

Целостность в системе признаков, определяющих пенитенциарное сообщество, выступает имманентной чертой идентичности. Индивид, отождествляющий себя с ним, стремится к целостному «Я», основанному на базовых принципах формирования пенитенциарного сообщества. В то же время к неотъемлемым элементам пенитенциарной идентичности следует относить и плюралистичность взаимоотношений (коллегиальность принимаемых решений). Наличие «права голоса» в сообществе рассматривалось как одно из качеств, составляющих такого рода идентичность. На фоне происходящего в настоящее время усложнения социально-экономических отношений проявляется тенденция к трансформации взаимоотношений в пенитенциарном сообществе. Наблюдается усиление плюралистического фактора в определении новых признаков пенитенциарной идентичности. Кризис самосознания личности в новых социально-экономических отношениях влияет и на фрагментацию идентификационных качеств осужденных. По мнению американского исследователя С. Холла (S. Hall), содержание этого явления представляет собой своеобразную фиксацию не на свойстве идентичности (представлении о чем-то едином), а на феномене все большей фрагментированности индивидов [8, с. 4].

Особую роль в процессе фрагментирования представлений о социальной идентичности играют новые социально-экономические отношения. Именно они влияют на представление ин-

дива о своем месте в системе этих отношений, что хорошо иллюстрируется трансформацией идентичности в пенитенциарном сообществе. Учитывая «закрытость» пенитенциарного социума, существовавшие ранее отношения определяли выбор из нескольких уже определенных социальной средой видов идентичности. Современные отношения представляют собой более сложную систему определений приоритетов в выборе такой идентичности. Особенно следует выделить характер информированности осужденного о возможностях формирования собственной идентичности в условиях изоляции от общества. По сути, перед осужденным стоит задача формирования своего модульного «я», где конфигурация идентификационных признаков только отчасти будет основываться на базовых принципах пенитенциарного сообщества.

На это явление обратил внимание Э. Эрикссон. В частности, он пишет: «Идентичность индивида основывается на двух одновременных наблюдениях: на ощущении тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве и на осознании того факта, что твои тождества признаются окружающими» [5, с. 61]. Это очень важное уточнение. Дело в том, что социальная природа пенитенциарного социума такова: идентичность осужденного зависит исключительно от того, насколько она признается окружающими. Причем понятие окружения нужно трактовать максимально широко, включая в него и персонал исправительного учреждения. Именно поэтому применительно к такой общности мы используем термин «пенитенциарный социум», хотя и пенитенциарное сообщество в его традиционной трактовке тоже способно оказывать определенное влияние на эти процессы.

Выбор осужденным пенитенциарной идентичности (как диалектического единства стабильного и изменяющегося) является крайне важным и находится в плоскости интеллектуальной оценки осужденного и его поведенческих практик. Субъективное ощущение самоидентичности индивида как члена целостной социальной общности базируется на представлении о необходимости своего стабильного и устойчивого положения в нем. Любые трансформационные процессы, обусловленные внешними факторами социально-экономических отношений, предполагают, что и идентичность тоже будет перманентно находиться в процессе трансформации.

Интересным в этой связи является анализ диалектической взаимосвязи индивидуального и социального уровней идентичности Э. Фромма. По его утверждению, формирование личности

как социального индивидуума начинается с его осознания своей отдельности от социального окружения. Именно этот процесс он и называет «индивидуализацией». В то же время рассматриваемый нами процесс может иметь и противоположную сторону – «утрату идентичности с другими людьми» [9, с. 49].

Стоит обратить внимание, что западные специалисты по-разному определяют содержание термина «идентичность», оценивая его как нечто «статичное или неизменное» (Э. Эрикссон). Но коль скоро это процесс, большинство ученых сходятся во мнении, что целесообразнее использовать предложенный З. Фрейдом термин «идентификация», который подчеркивает некое динамичное состояние индивида. В этой связи З. Бауман, рассуждая о методологии исследования вышеназванного процесса, полагал, что наиболее продуктивным будет именно анализ идентификации, а не идентичности [10, с. 192].

Новые социально-экономические отношения постоянно ставят индивида перед выбором своей идентичности, ибо эти отношения настолько подвержены трансформации, что прежняя идентичность уже не может служить залогом стабильности. Особенность пенитенциарной идентичности, исходя из современных реалий, тоже претерпевает качественные изменения, с точки зрения их содержания. Условно можно разделить эти трансформационные процессы на два самостоятельных направления. Оба носят перспективный характер, и можно говорить об их долгосрочности или краткосрочности. Но в пенитенциарной идентификации краткосрочные перспективы по своим негативным аспектам априори могут стать долгосрочными. И наоборот, долгосрочная перспектива является определяющей для краткосрочных, сугубо пенитенциарных устремлений субъекта. Это напрямую связано с тем, что в современных социально-экономических отношениях изоляция от общества, которую представляет собой наказание в виде лишения свободы, стало носить весьма условный характер.

При рассмотрении пенитенциарного сообщества большинство исследователей исходили из традиционного представления о том, что в нем превалирует установка на социальную или коллективную идентичность, которая реализовывалась в ущерб индивидуальной [11]. Хотя последняя могла быть реализована только в условиях «коллектива осужденных» (после распада СССР данный термин не используется в специальной литературе или подвергается критике как несостоятельный). В этой связи с позиции социологической теории самым сложным является вопрос о соотношении в формировании пенитенциарной идентичности индивиду-

ального и коллективного. До настоящего времени специалисты в области пенитенциарной социологии так и не выработали единого подхода к этой проблеме [12].

Большинство авторов, пишущих на эту тему, рассматривают эти два вида идентичности как принципиально различные. Объясняется это тем, что в условиях жесткой внутригрупповой конкуренции закрытого социума проявление индивидуальных качеств возможно только для их реализации в этом социальном образовании [13]. Причем здесь нельзя смешивать идентичность всего пенитенциарного социума и пенитенциарного сообщества. Хотя одно не может существовать без другого. Претендовать на идентичность в пенитенциарном сообществе могут лишь те, кто уже имеет идентичность в пенитенциарном социуме.

Рассмотренные выше общие подходы могут служить основой для адекватного анализа трансформационных процессов, связанных с идентичностью пенитенциарного сообщества в новых социально-экономических отношениях. Очевидно, что даже в условиях изоляции осужденных от общества идентификационные процессы усложняются, обостряя тем самым всю совокупность противоречий, обусловленных пенальным конфликтом. Современная пенитенциарная система нашей страны характеризуется незавершенностью процесса реформирования [14]. Система исполнения наказания до настоящего времени еще не решила проблему своего места в новых социально-экономических отношениях постсоветской России. Декларируя в качестве приоритета соблюдение культурно-цивилизационных норм западного общества, отечественная уголовно-исполнительная система стала терять адекватность в реализации стоящих перед ней задач. Массированная экспансия со стороны чуждых нашей стране пенитенциарных традиций, привнесенных в качественно отличный социокультурный организм, приводит к появлению откровенно уродливых форм, нивелируя по сути требования действующего законодательства и социальные запросы общества. Осужденный превратился в человека, которому все должны только за то, что его изолировали от общества и тем самым ограничили некоторые его права и свободы. Об этом свидетельствует опыт страны последних двух десятилетий.

В общественном сознании существует мнение, что новые социально-экономические отношения являются условием для плюрализации идентичности. Такое представление основывается на слабой теоретической и эмпирической базе. В нашей стране идентичность всегда была плюральной, хотя бы потому, что она имеет

довольно обширную территорию с многонациональным составом. Попытки же акцентировать внимание на советском периоде нашей истории как примере того, когда плюрализма в идентичности не могло быть в принципе, на наш взгляд, безосновательны.

В то же время можно говорить, что примером общества, в котором слабо прослеживались плюралистические тенденции, является пенитенциарный социум. В условиях мест лишения свободы глобализационные процессы, происходящие в стране, практически не затронули так называемые «традиционные ценности». Следствием этого стало появление в отношениях между осужденными большого количества противоречий, обусловленных несовместимостью с современными представлениями о новых реалиях. Важным здесь является, что «традиционные ценности», входящие в систему идентификационных признаков пенитенциарного сообщества, считаются устоявшимися, а в отдельных случаях жестко императивными. Новое поколение осужденных, стремящихся к элитарному положению в пенитенциарном сообществе, сформировалось в период, когда ценностные системы не являлись устоявшимися. Они совершенно по-иному представляют социальные роли в условиях изоляции от общества. Здесь можно говорить о том, что в новых социально-экономических условиях мы наблюдаем в пенитенциарном сообществе определенного рода трансформацию. Осужденные, входящие в него формально, осознают себя представителями единого социального образования, но в то же время имеют различные, а в отдельных случаях даже противоположные ценностные ориентации. Осужденные, имеющие длительный опыт пребывания в условиях лишения свободы, крайне негативно воспринимают новые социально-экономические отношения. Осужденные, чей период личностного становления пришёлся на постсоветский период, пытаются создать собственную систему ценностей, сформировать новую пенитенциарную идентичность. Происходящая сегодня смена поколений отбывающих наказание определяет и омоложение состава пенитенциарного сообщества. В массовом сознании осужденных такого рода противоречия создают настроения неопределенности, ибо все они, независимо от наличия криминального опыта, воспринимают неформальную систему отношений как нечто естественное и понятное.

Трансформация идентичности пенитенциарного сообщества в новых социально-экономических отношениях привела к тому, что осужденный не всегда может адаптироваться к изменяющимся условиям. Происходит кризис иден-

тичности пенитенциарного социума, при котором осужденный начинает утрачивать ощущение самоидентичности. Говоря другими словами, мы наблюдаем процесс, когда у осужденных утрачено монистическое восприятие своей самоидентичности. На этом фоне начинает преобладать плюрализм как форма несовместимости представлений о содержательном значении существования пенитенциарного сообщества как специфического социального образования.

Таким образом, характерной чертой идентификационных процессов в пенитенциарном сообществе, обусловленных новыми социально-экономическими отношениями, является все большая фрагментация как индивидуальной, так и групповой идентичности осужденных. В этой связи можно предположить, что при адекватной социологической оценке этого феномена государство имеет реальный шанс определить приоритетные варианты качественно нового исправительного воздействия на осужденных.

Список литературы

1. Кара-Мурза С.Г. Евроцентризм – эдипов комплекс интеллигенции. М.: Изд-во «Эксмо», 2002. 256 с.
2. Фурсов А.И. Борьба вопросов. Идеология и психоистория: русское и мировое измерение. М.: Книжный мир, 2017. 768 с.
3. Валлерстайн И. После либерализма: Пер. с англ. / Под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. Изд. 2-е. М.: УРСС ЛЕНАНД, 2018. 264 с.
4. Павленко В.И. Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии // Вопросы психологии. 2000. № 1. С. 135–142.
5. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 86 с.
6. Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 2. СПб.: Университетская книга, 1998. 447 с.
7. Гизатова Г.К., Иванова О.Г. Трансформация идентичности российского общества в условиях глобализации // Вестник экономики, права и социологии. 2009. № 2. С. 83–89.
8. Hall S. Introduction: Who Needs «Identity»? // Questions of Cultural Identity. London: Thousand Oaks; New Delhi, 1998. 198 p.
9. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2005. 384 с.
10. Бауман З. Индивидуализированное общество: Пер. с англ. / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Изд-во «Логос», 2002. 390 с.
11. Коданева М.С. Социальная идентичность осужденных и возможности ее формирования в условиях исправительного учреждения // Государственная политика в области назначения и исполнения уголовных наказаний: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Вологда, 20–21 ноября 2008 г.). В 2 частях. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2008. Ч. 1. С. 268–271.
12. Малинин В.Б. Новая наука – пенитенциарная социология // Юридическая мысль. Научно-практический журнал. 2001. № 1 (1). С. 74–81.
13. Жмуров Д.В. Криминальная идентификация – социальный и психологический аспекты // Социология уголовного права: криминологические проблемы и социология уголовного права: Сборник статей (материалы I Международной научно-практической конференции «Социология уголовного права: проблемы и тенденции развития», состоявшейся 21–22 сентября 2012 г.). Т. II / Под общ. ред. В.М. Мельникова, А.Н. Мяхановой, Ю.В. Хармаева. М.: Юриспруденция, 2013. С. 53–57.
14. Расторопов С.В. Некоторые аспекты реформирования системы наказаний в Российской Федерации в свете гармонизации и либерализации уголовной ответственности // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации в условиях модернизации: современное состояние и перспективы развития: Сборник докладов участников Международной научно-практической конференции (Рязань, 22–23 ноября 2012 г.). В 4 т. Доклады пленарного заседания. Т. 1. Рязань: Акад. ФСИН России, 2013. С. 69–72.

TRANSFORMING THE IDENTITY OF THE PRISON COMMUNITY IN NEW SOCIAL AND ECONOMIC RELATIONS: SOCIOLOGICAL ASPECT

I.A. Uvarov

Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article deals with the phenomenon of the identity of the prison community in the new socio-economic conditions. It justifies the thesis that the identity of the penitentiary community is a complex, structured and ambivalent phenomenon. The impact of the new socio-economic conditions on the identification processes in the penitentiary community of the national penal system is considered, and it is concluded that this impact is manifested in the strengthening of identification conflicts at both group and individual levels, which in turn leads to an aggravation of the identity crisis in the penitentiary community.

Keywords: socio-economic conditions, identity of the penitentiary community, identity crisis in the penitentiary community.

УДК 316.485

РОЛЬ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ У ПОДРОСТКОВ ИЗ ГРУППЫ ПОВЫШЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО РИСКА

© 2020 г.

Б.В. Сердюков

Сердюков Борис Владимирович, начальник учебно-методического центра
Городского центра социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи
«КОНТАКТ», Санкт-Петербург
serd_bv@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 21.04.2020**Статья принята к публикации 22.10.2020*

Необходимость формирования в российском обществе конструктивных форм гражданской солидарности осознаётся сегодня большинством специалистов в области гуманитарных наук. Совершившаяся в последнее десятилетие политизация молодёжи, её вовлеченность в протестные движения, а также участие несовершеннолетних в несанкционированных митингах заставляют обратить более пристальное внимание на процессы формирования гражданственности молодых людей. Особый интерес представляют гражданские диспозиции несовершеннолетних в возрасте 14–17 лет, поскольку в этом возрасте происходит обретение подростком субъектности, закладывающей основу его последующей жизни. Представлены результаты исследования, позволившего характеризовать гражданскую солидарность подростков, входящих в группу повышенного социального риска, выявить связь между агрессивностью образовательной среды, в которой обучается подросток, и его гражданскими установками. Обосновывается и доказывается предположение о преобладающем влиянии социальных отношений, складывающихся в учебном заведении, на формирование базовых габитусов гражданского и общественного мировоззрений, составляющих основу гражданской солидарности в подростковой среде. По результатам осуществлённого анализа предлагаются меры, направленные на нейтрализацию негативного влияния в этой области.

Ключевые слова: гражданская солидарность, школьное насилие, подростки группы риска.

Введение

В современной социологической литературе большое внимание уделяется проблематике формирования гражданской солидарности российской молодёжи. Изучаются как практические, так и теоретико-методологические аспекты молодёжной гражданственности [1]. Публикуется множество исследований, посвящённых изучению политических ориентаций молодых людей и того протестного потенциала, которым они обладают [2]. Однако основное внимание уделяется, как правило, студенчеству [3, с. 61], что связано со следующими факторами: во-первых, студенческая среда традиционно является мощнейшим источником политических преобразований; во-вторых, студенты – это социальная группа, находящаяся в непосредственной близости от академического сообщества, вынужденного, ввиду ограниченности средств для реализации исследовательских проектов, фокусироваться на тех социальных ресурсах, которые легко доступны для проведения исследований. Последнее обстоятельство сильно ограничивает представление о гражданской солидарности в молодёжной среде, поскольку подросток или молодой человек, принявший

решение отойти от академически ориентированной образовательной траектории, обладает заведомо низкими шансами попасть в исследовательское поле социологии.

Вопреки сложившемуся тренду следует отметить, что формирование гражданской ответственности у человека начинается задолго до наступления совершеннолетия, и в первую очередь это связано с процессом приобретения им субъектности ещё в подростковом возрасте. Структура гражданских диспозиций закладывается под влиянием примордиальных групп, оказывающих максимальное воздействие на подростка в ходе его первичной социализации, наиболее интенсивно протекающей в 14–17 лет. В связи с этим особую актуальность представляет изучение тех аспектов гражданской ответственности, которые характерны для подростков. Подобные исследования позволяют выявить факторы, оказывающие влияние на зарождение и развитие гражданской (общественной) эмпатии у молодого человека. Актуальность исследования подростковой гражданской ответственности обусловлена также усилением политической активности молодых людей (в основном в интернет-пространстве) и ростом общего числа несовершеннолетних, посещающих различные митинги или протесты, в

том числе и те мероприятия, которые организуются с нарушением российского законодательства.

Методология

Для последующего анализа различных аспектов формирования гражданской солидарности в подростковой среде будет использован авторский методологический конструкт. В его рамках гражданская солидарность предстаёт как интеграционный феномен, характеризующий эмпатическое восприятие человеком государственной ценностно-нормативной системы. Внутри этой системы люди солидаризируются друг с другом посредством государственно-правовых институтов, создавая своеобразное коммуникационное поле. Гражданская солидарность, которая является разновидностью социальной солидарности, обладает специфической социетальной природой, актуализируется в обществе посредством экспрессивно-символических комплексов и проявляется в интенсивности механизмов социального контроля [4, с. 174]. Гражданская солидарность воспроизводится в когнитивном стиле соотечественников, наделяется в сознании человека реальностными характеристиками и определяет для него значение таких максим, как участие, поддержка или ответственность [5, с. 34].

Формирование гражданской солидарности в подростковом возрасте связано прежде всего с усвоением основ гражданского когнитивного стиля, в рамках которого эмпатическую значимость приобретают идеологемы, встроенные в тело общественной экспрессивно-символической структуры. При этом основным агентом гражданской социализации выступает социальная обстановка, окружающая подростка в образовательном учреждении, поскольку взрослеющий подросток создает первую и наиболее устойчивую модель общественного устройства на основании своего осмысления логики установившихся там отношений. Сочетая в себе отношения, связанные с административной властью, конкуренцией и кооперацией между сверстниками, социальной адаптацией и персональной ответственностью, образовательная среда социализирует подростка, прививая ему соответствующие ей габитусы общественного мышления.

В период с мая по сентябрь 2019 г. на базе СПб ГБУ «Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи "КОНТАКТ"» было проведено социологическое исследование, которое позволило сделать определенные выводы относи-

тельно тех факторов, которые влияют на формирование гражданской солидарности в подростковой среде. Целью данного исследования была характеристика различных сегментов социальной среды подростков, состоящих на индивидуальном регламентном социальном сопровождении в ГЦСП «КОНТАКТ». Само по себе индивидуальное регламентное социальное сопровождение подростка – это комплекс мероприятий, направленных на реализацию индивидуальной программы профилактических действий в целях реабилитации и ресоциализации несовершеннолетних [6, с. 5]. В качестве объекта исследования выступали несовершеннолетние (14–17 лет), совершившие административные правонарушения или общественно опасные деяния и не подлежащие уголовной ответственности в связи с недостижением соответствующего возраста, а также подростки, находящиеся в сфере уголовного преследования, осужденные к мерам наказания, не связанным с реальным лишением свободы. Специалистами отдела социологических исследований информационно-аналитического центра ГЦСП «КОНТАКТ» было проведено полуформализованное интервью с использованием метода телефонного опроса. Выборка исследования – квотная. Размер выборки 330 человек. Половозрастная структура выборки соответствует социально-демографическим показателям Санкт-Петербурга, что обусловлено невозможностью получить достоверные сведения о генеральной совокупности подростков, входящих в группу повышенного социального риска. Это связано с тем, что на социальное сопровождение попадают несовершеннолетние в результате направления комиссии по делам несовершеннолетних. Задача же по выявлению генеральной совокупности подростков, совершивших административное правонарушение или общественно опасное деяние и не привлечённых за это к ответственности, представляется невыполнимой. Иначе говоря, в выборочной совокупности соотношение мальчиков и девочек различных возрастов соответствует общероссийским пропорциям.

Проблема в том, что адекватно представить себе, сколько подростков входят в группу повышенного социального риска, отталкиваясь от приведённого в статье определения, практически невозможно. Это связано с тем, что в выборку попали только те подростки, которые были «пойманы с поличным», оставляя вне выборочной совокупности тех, кто не попал в поле зрения комиссий по делам несовершеннолетних. К тому же наши исследования показали, что в большинстве своём названные факторы встречаются в сопоставимых пропорциях и сре-

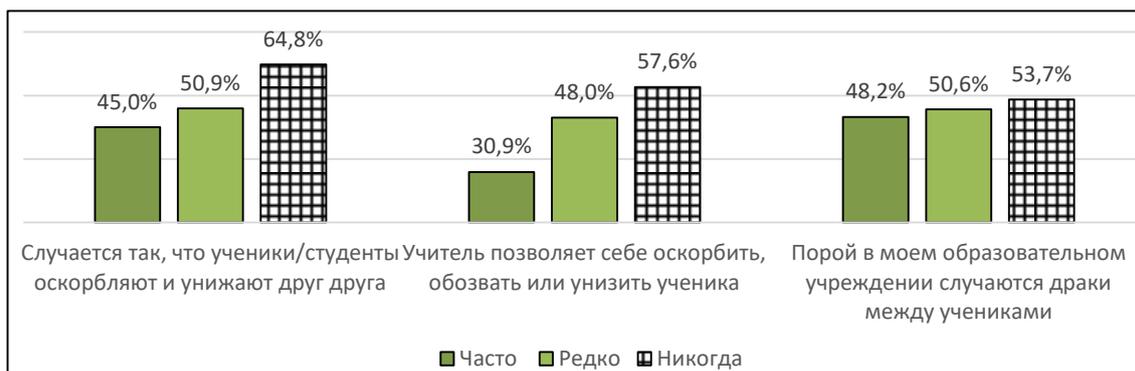

Рис. 1. Относительная доля подростков, согласных с утверждением «В России есть все возможности для моего развития», в зависимости от интенсивности различных проявлений насилия в их образовательном учреждении

ди подростков, не входящих в группу риска. Тем не менее необходимо было проверять гипотезу относительно распространённости того или иного социального факта в различных половозрастных группах, для чего выборка и была приведена в соответствие с общегородскими показателями. Применение случайной/неструктурированной выборки было недопустимо, поскольку предмет исследования был значительно шире, чем рассмотренные в статье вопросы. Если необходимо, я могу дать необходимые пояснения в тексте статьи.

Результаты

Представленное далее исследование изначально было направлено на изучение ряда сегментов социальной среды подростка, в число которых входят: семья, друзья, образовательные учреждения и общество в целом. Однако в рамках данной работы анализ ограничен только теми вопросами, которые касаются различных аспектов гражданской интеграции, а также образовательного сегмента социальной среды подростка, поскольку именно эти две области подростковой повседневности при сопоставлении результатов оказываются наиболее взаимозависимы.

Для оценки гражданских установок подросткам предлагалось оценить, насколько они согласны с рядом высказываний, по-разному свидетельствующих об их гражданской интеграции. Первая группа этих суждений была направлена на измерение национальной лояльности посредством оценки миграционного потенциала в мотивационной структуре подростка, сопоставляющего факторы общественной самоидентификации, с одной стороны, и шансы для личностной самореализации в конкретных социальных условиях – с другой. В эту группу вошли следующие суждения: «В России есть все возможности для моего развития»; «Я могу полностью реализовать и обеспечить себя только за границей».

Полученные результаты говорят о том, что подростки в целом положительно оценивают свои шансы состояться на родине: 51,2% от общего числа респондентов, отвечая на этот вопрос, согласились, что в России есть все шансы для их развития. В то же время число опрошенных, убеждённых, что они не смогут себя полностью реализовать в своей стране, составила 18,5% от общего числа респондентов. Примечательно, что доля респондентов, убеждённых в том, что они смогут полностью реализовать и обеспечить себя только за границей, составила 14,9% от общего числа респондентов. Иначе говоря, подростки, уверенные в отсутствии у них перспектив реализовать себя в своей стране, позитивно оценивают свои шансы на самореализацию за границей. Важно отметить, что скептицизм подростковых оценок в отношении ресурсов, позволяющих им самореализоваться в российском обществе, возрастает в соответствии с распространённостью различных форм проявления насилия в их образовательной среде (см. рис. 1). Далее на рисунках будут представлены данные о том, как меняется доля подростков, согласных с проанализированными в тексте суждениями, в зависимости от того, насколько часто они сталкиваются с различными проявлениями насилия.

Вторая группа суждений, которые оценивали подростки, была направлена на изучение подросткового восприятия государства как субъекта общественных отношений. В эту группу вошли следующие суждения: «Моё государство способно обеспечить мне защиту и безопасное положение»; «Государством полностью соблюдаются мои права».

Распределения полученных ответов позволяют утверждать, что среди опрошенных подростков отсутствует однозначная убеждённость в эффективности государства как гаранта общественной безопасности. Большинство респондентов, оценивая соответствующее суждение, согласилось с ним лишь частично (38,5% от

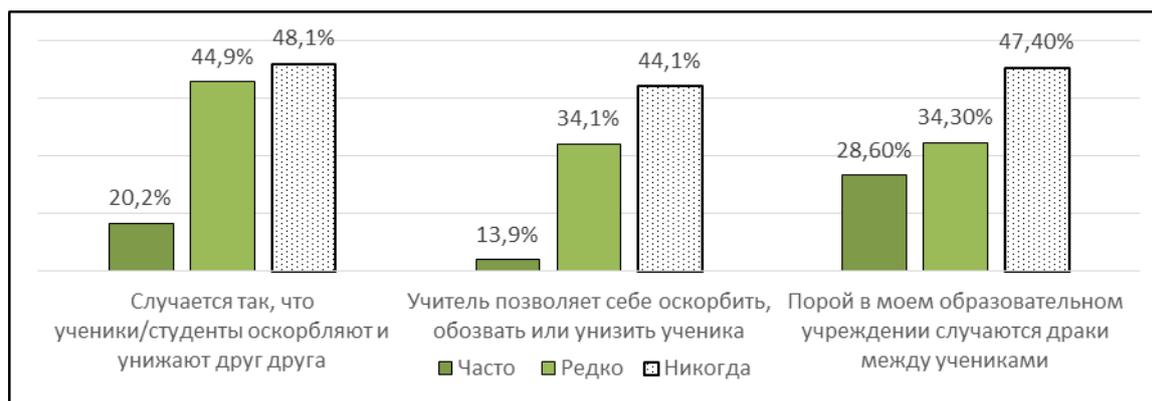

Рис. 2. Относительная доля подростков, согласных с суждением «Государство способно обеспечить мне защиту и безопасное положение», в зависимости от интенсивности различных проявлений насилия в их образовательном учреждении

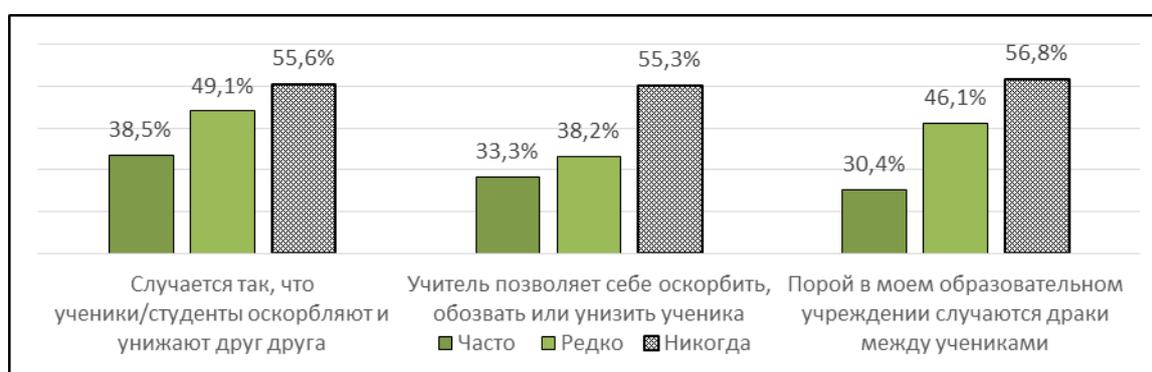

Рис. 3. Относительная доля подростков, согласных с суждением «Государством полностью соблюдаются мои права», в зависимости от интенсивности различных проявлений насилия в их образовательном учреждении

всех опрошенных). Доля подростков, полностью убеждённых, что государство способно обеспечить им защиту и безопасное положение, составила 37,3% от всех опрошенных, что лишь на треть больше тех, кто убеждён в обратном (24,2% от общего числа респондентов). Фактор агрессивности образовательного сегмента социальной среды подростка играет здесь определяющую роль, что подтверждает основной тезис данной статьи о решающем влиянии складывающихся в учебных заведениях отношений на структуру гражданской солидарности среди подростков (см. рис. 2). В отношении оцениваемого суждения это влияние выражено наиболее сильно, поскольку подросток может судить об эффективности деятельности государства опираясь на его ближайших представителей. Если в администрации учебного заведения плохо обеспечивается безопасность подростка, то он резюмирует наблюдаемое положение дел, обобщая его до государственного уровня.

Третье суждение, оцениваемое подростками, позволило охарактеризовать их отношение к действиям государства в части обеспечения правопорядка. Формулировка предложенного суждения умышленно носила обобщённый характер, что позволило сделать выводы об не-

персонализированном образе государства в структуре гражданского когнитивного стиля подростка. В данном контексте государство как идеальный компонент гражданского мировоззрения имеет у подростков образ с явно положительной коннотацией. Практически половина всех опрошенных высказали уверенность, что государством полностью соблюдаются их права (46,7% от общего числа респондентов), а каждый третий опрошенный согласился с таким утверждением частично (36,7% от общего числа респондентов). Значительное влияние на распределение ответов в этом суждении тоже оказывает распространённость агрессивных и насильственных форм общения в том учебном заведении, в котором обучается подросток (см. рис. 3).

Четвертая группа суждений, оцениваемых в ходе опроса, была направлена на изучение деятельностных установок, характерных для гражданского когнитивного стиля подростков. Данный этап позволил определить свойственный подросткам уровень эмпатической значимости в отношении гражданских ценностей, актуализирующих нормативно-правовую общественную среду. В эту группу вошли следующие суждения: «Закон создан для помощи людям, его важно соблюдать»; «Я хотел бы внести вклад в развитие моей страны».

Рис. 4. Доля подростков, согласных с суждением «Закон создан для помощи людям, его важно соблюдать», в зависимости от интенсивности различных проявлений насилия в их образовательном учреждении

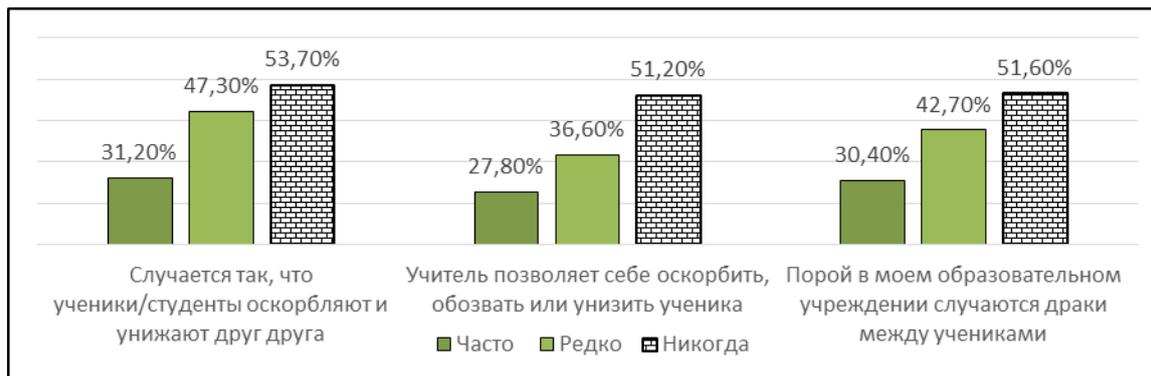

Рис. 5. Доля подростков, согласных с суждением «Я хотел бы внести вклад в развитие моей страны», в зависимости от интенсивности различных проявлений насилия в их образовательном учреждении

Распределение ответов на первое суждение показало, что примерно треть подростков либо сомневаются в целесообразности законопослушного поведения (26.7% от общего числа респондентов), либо считают следование закону совершенно необязательным (6.1% от общего числа респондентов). Общая доля подростков, убеждённых в том, что закон создан для помощи людям и его важно соблюдать, составила 67.2% от общего числа респондентов, что говорит о наличии существенных проблем в части имплементации ценностных оснований государственного нормативного порядка. Подростковый скептицизм, проявляемый в отношении законопослушания, также имеет ярко выраженную зависимость от того, каким образом складывались отношения у него в образовательной среде (см. рис. 4).

Оценки респондентов относительно следующего, пятого суждения подтверждают существование проблемы формирования гражданских ценностей у подростков. Доля респондентов, пожелавших внести вклад в развитие своей страны, не превысила и половины от всех опрошенных (43.1% от общего числа респондентов). В свою очередь, совокупная доля респондентов, лишь частично согласившихся с суждением, свидетельствующим об их готовности действовать во благо своей страны (34.5% от общего числа респондентов), и тех, кто не

хотел бы этого делать вовсе (22.4% от общего числа респондентов), составила 56.9% от всех опрошенных. При анализе ответов на данную группу вопросов тоже наблюдается значительная зависимость ответов от тех отношений, которые складываются у подростка в образовательной среде. Подростки, сталкивающиеся с насилием и оскорблениями в учебных заведениях, демонстрируют низкий уровень общественной и правовой эмпатии. В то же время те подростки, кто не сталкивался с таким негативным влиянием вовсе, высказывали небезразличное и позитивное в гражданском смысле отношение к обсуждаемым в ходе опроса гражданским ценностям (см. рис. 5).

Приведённые выше данные подтверждают высказанное в начале статьи положение о влиянии социальной среды, воспроизводящейся в образовательных учреждениях, на гражданские установки подростков. Проникаясь идеями гражданского скептицизма под влиянием обстановки в образовательных учреждениях, выпускники школ и колледжей «уносят» вполне сложившееся общественное мировоззрение нигилистического толка во взрослую жизнь. Впоследствии такие подростки, оказавшись под каким-либо негативным воздействием, имеют повышенный риск оказаться вовлечёнными в различного рода радикальные или экстремистские политические течения. Нижеследующий анализ

образовательной среды указывает на то, что распространённость ее влияния весьма значительна.

В оценках респондентов, социальные отношения, складывающиеся между учениками многих Санкт-петербургских общеобразовательных школ и средних специальных учреждений, носят напряжённый характер. Большинство несовершеннолетних, принявших участие в опросе, утверждали, что они с разной регулярностью сталкивались с тем, что учащиеся оскорбляют и унижают друг друга (33% – часто; 50.6% – иногда), а две трети опрошенных указали, что в образовательных учреждениях случаются также драки между обучающимися (17% – часто; 54.1% – иногда). Не самым лучшим образом складываются отношения у подростков и с учителями. Так, в ходе опроса чуть менее половины опрошенных подростков пожаловались, что учитель может позволить себе оскорбить, обозвать или унижить ученика (10.9% – часто; 37.4% – иногда). Особое внимание также следует обратить на тех подростков, которые утверждают, что учитель в их школе или преподаватель в колледже причиняет физический вред учащимся. О таком явлении сообщили 11.3% от общего числа респондентов. Конечно, подростки, отвечая на этот вопрос, далеко не всегда говорили о собственном опыте, а часто рассказывали, что только наблюдали подобные ситуации.

Напряжённый характер отношений в школах, техникумах и колледжах является следствием воздействия общественных факторов нормативно-правового и административного происхождения, которые диктуются содержанием образовательных программ, сводом норм и правил поведения в образовательном учреждении, а также требованиями рейтинговой системы оценки качественных показателей учебного заведения (средний балл ОГЭ, ЕГЭ). Природа происхождения гражданско-дизинтеграционных факторов в образовательных учреждениях наглядно раскрывается через описание характерных для неё рисков. Эти риски вполне осознаются подростками, которые корректируют в соответствии с ними своё поведение. В целях изучения рисков подросткам в ходе опроса предлагалось сделать предположение о том, какие причины могли бы стать для них весомыми, чтобы сменить или покинуть учебное заведение. Как свидетельствуют полученные данные, большинство опасений подростков связаны с коммуникационными аспектами образовательного процесса, то есть с конфликтами разного рода. Так, в качестве основной причины ухода из учебного учреждения или его смены подростки назвали конфликты с преподавателями (47.2% от общего числа респондентов)

или одноклассниками (29.1% от общего числа респондентов). Можно предположить, что многое в указанных коммуникационных проблемах обусловлено как высокими требованиями, предъявляемыми к учителю со стороны администрации в отношении формальных показателей потоковой успеваемости, так и теми возможностями, и ресурсами, которыми располагает учитель. Иначе говоря, подростки опасаются испортить отношения с учителем, способным, по их убеждению, создать такие условия, которые подтолкнут ученика покинуть или сменить учебное заведение. Каждый пятый подросток в числе дезинтеграционных факторов, способных повлиять на принятие решения о прекращении обучения либо о переводе в другое учебное заведение, называл слишком сложную учебную программу (20.6% от общего числа респондентов). Некоторые подростки отмечали, что готовы оставить своё учебное заведение, если учиться станет скучно и появятся другие интересы (12.3% от общего числа опрошенных), если у них возникнет ощущение, что в учебе нет никакого смысла (9.8% от общего числа респондентов).

Не менее важным фактором является определённая модель взаимодействия между родителями и институтом среднего образования, которая является доминирующей в общественном сознании. Перекладывая в рамках этой модели большую часть ответственности за воспитание ребёнка на государство (в лице образовательных учреждений), современные родители имманентным образом воспроизводят унаследованные от советской культуры «фантомы» коллективистского мировоззрения. Жизненные стратегии, адекватные для социалистических реалий, получают сегодня второе прочтение и воспроизводятся родителями в архаично-патерналистическом ключе [7, с. 28], что является результатом ритуально-адаптационных процессов, если выражаться языком Роберта Мертона. Влияние указанного фактора наблюдается и в полученных нами результатах, поскольку опрошенные подростки утверждали, что в большинстве своём их родители редко взаимодействуют с представителями учебных заведений, в которых обучаются дети (52.1% от общего числа респондентов). Доля подростков, родители которых общаются с классным руководителем постоянно или часто, не превышает 9.4% и 32.1% от всех опрошенных соответственно. Встречались в ходе опроса и такие подростки, чьи родители вообще никогда не общались с представителями учебных заведений (4.5% от общего числа респондентов). Отстраняясь от активного участия, взрослые

оставляют без надлежащего контроля все те отношения, которые складываются у несовершеннолетнего в стенах учебного заведения. Так в сознании подростка закрепляется образ образовательной организации как социального института, обладающего над ним узаконенной властью, что является частью общественного договора. При этом отсутствие родительского контроля трактуется подростками вполне определенным образом. Подростки однозначно отводят основную роль при принятии важных решений, касающихся учебных заведений, представителям этих заведений, и это подтверждается результатами опроса. Отвечая на вопрос, кто способен, по их мнению, оказывать влияние на принимаемые в образовательном учреждении важные решения, большинство подростков выбрали директора (администрацию) и педагогов, о чём высказалось 56% и 44% от всех опрошенных соответственно. Сами же ученики и их законные представители, по убеждению подростков, имеют намного меньше возможности влиять на ход дел в образовательном учреждении (ученики – 24%, родители – 37.1%). Подобные баланс и логика распределения власти в образовательной среде естественным образом закладывают принципиальную основу для формирования модели общественных отношений в восприятии подростка.

Отметим, что наиболее существенным фактором, отрицательно влияющим на атмосферу в учебных заведениях, является отсутствие в российском обществе институциональных форм молодёжной культуры, реализуемой в том числе на базе учебных заведений, в результате чего подростки остаются в состоянии культурной разобщённости [8, с. 22]. Нередко в одном классе собираются дети из семей с различным социальным статусом, уровнем дохода, имеющие различные политические и религиозные взгляды. В отсутствие институциональных форм молодёжной культуры, способной выступить для них в качестве коммуникационной инфраструктуры, общение между одноклассниками приобретает характер социальной аномии. Такое общение имеет характер малоуправляемый и совершенно непредсказуемый, а подростки остаются отчуждены друг от друга.

Таким образом, логика социальных отношений, складывающихся во многих образовательных учреждениях, выстраивается в восприятии подростка следующим образом – подросток понимает, что семья отказывается от исполнения своей социализирующей функции, вверяя его и ответственность за его воспитание школьной администрации. Он также понимает, что учитель как представитель узаконенной власти

несёт для него определённую угрозу, которой ему нечего противопоставить, поскольку отсутствуют каналы конструктивной кооперации между учениками, равно как и административные инструменты, защищающие его интересы в качестве ученика. Закреплению вышеописанной логики построения социальных отношений способствуют основные положения молодёжной государственной политики, развиваемой преимущественно в этатистско-патерналистском ключе. Опорными площадками для её реализации сегодня являются образовательные учреждения и подростково-молодёжные центры. Главенствующим компонентом такой политики является принцип государственной опеки (над «неразумной» молодёжью) или государственно-патернализма с преобладанием нравственно-идеологических характеристик. Эксперты отмечают, что в концептуальных основаниях современной молодёжной политики, а также проводимых в соответствии с ней мероприятий «...преобладает тенденция, связанная с патриотическим воспитанием, в ущерб формированию в молодёжной среде гражданственности как стремления молодых людей к активному, компетентному и ответственному участию в решении социальных проблем на благо общества и социального окружения» [9, с. 177].

Заключение

Гражданская солидарность обследованной группы подростков демонстрирует существенную редуцированность эмпатической связи, а также высокую распространённость гражданского скептицизма относительно декларируемой социумом системы общественных отношений. Как показало исследование, влияние, оказываемое образовательной средой на формирование гражданской солидарности среди подростков, чрезвычайно велико. Проведённый анализ позволяет расширить имеющееся представление об истоках аполитичного или, наоборот, радикального поведения современной молодёжи, составляющей основу оппозиционного движения в России. Результаты представленного исследования позволяют с уверенностью утверждать, что в рамках учебных заведений формируется структура составляющих гражданскую солидарность диспозиций (габитусов), позже проявляющая себя в тех нормах, значениях и ценностях, которые руководят гражданином в социальных взаимоотношениях. В этом контексте следует согласиться с К.А. Хрипковым, что «...формирование габитусов гражданской активности – процесс длительный, обусловленный вектором социально-политической конъюнктуры государства» [10, с. 60].

Для конструктивной гражданской активизации молодых людей требуется прежде всего нейтрализовать негативное влияние, которое оказывается на гражданскую солидарность в подростковой среде. Здесь необходима гармонизация отношений в образовательных учреждениях. В рамках работы общеобразовательных учреждений необходимо отходить от рейтинговой системы (средний балл по ЕГЭ или ОГЭ) при оценивании качества осуществляемой там подготовки, а также снижать общий уровень психоэмоционального напряжения учителей, нередко вынужденных обучать переполненные классы и при этом справляться с огромным количеством бюрократических процедур. Кроме того, необходимо усилить в рамках образовательных учреждений работу по интенсификации родительского участия в контексте взаимодействия с учебными учреждениями, а также работать над планами по выработке и внедрению современных форм подростковой культуры, институционально воспроизводящихся в учебных заведениях.

Список литературы

1. Лубский А.В., Мамина Д.А. Гражданственность в молодежной среде как предмет теоретико-методологического дискурса // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 7. С. 69–78.
2. Томалинцев В.Н. Социальные протесты как неизбежные эксцессы в общественном развитии // Молодежная Галактика. 2018. № 15. С. 13–18.
3. Социологический анализ протестного потенциала российской студенческой молодежи / Под ред. А.А. Козлова. СПб.: Скифия-принт, 2020. 124 с.
4. Сердюков Б.В. Гражданская солидарность в сфере общественной безопасности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11. Вып. 2. С. 172–189.
5. Сердюков Б.В. Гражданская солидарность в российском обществе. СПб.: Аналитическое агентство «Сфера», 2018. 132 с.
6. Методические рекомендации для специалистов по социальной работе с молодежью и подростками с девиантным поведением / Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ». СПб., 2018. 128 с.
7. Плискевич Н.М. Архаичный патернализм как органическая часть системы «власть–собственность» // Общественные науки и современность. 2018. № 1. С. 17–32.
8. Сердюков Б.В. Семейно-родовая эмпатия как направление в молодежной политике // Молодежная Галактика. 2019. № 16/1. С. 20–28.
9. Лубский А.В., Вагина В.О., Мамина Д.А. Молодежная политика и гражданские практики в молодежной среде в современной России // Гуманитарий Юга России. 2019. № 6. С. 171–187.
10. Хрипков К.А. Анализ габитуса гражданской активности в рамках локальной самоорганизации населения // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 11. С. 59–61.

ROLE OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN STRENGTHENING CIVIC SOLIDARITY OF HIGH SOCIAL RISK TEENAGERS

B.V. Serdyukov

St. Petersburg State Budgetary Institution City Center for Social Programs and the Prevention of Antisocial Phenomena among Youth “CONTACT”

Most humanitarians recognize the necessity to develop constructive forms of civic solidarity in Russian society today. In the last decade of the 21 st century completed politicization of youth, its involvement in protest movement, and also minors participating in unauthorized mass meetings compel to draw close attention at civic engagement formation process among youth. Civic dispositions of 14–17 year – old teenagers is of particular interest because in this age teenager’s identity attainment is arising that lays the basis of his future life. This article presents the results of a study that allowed to characterize the civic solidarity of adolescents in the high social risk group.

The information clearly illustrates the relationship between the aggressiveness of the educational environment in which a teenager is studying, and his civic attitudes. The supposition about preponderant influence of social relationships forming at the educational institution, basic habituses of civic and social worldview which form the basis for civic solidarity among teenagers is based and proved by the author. On the results of analyses the measures are suggested aimed at neutralizing the negative impact in this area.

Keywords: civic solidarity, school violence, high social risk teenagers.

УДК 316.354

ИССЛЕДОВАНИЕ ДОСТУПНОСТИ ПУБЛИЧНЫХ БИБЛИОТЕК: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

© 2020 г.

Г.В. Гильдебрант

Гильдебрант Галина Валентиновна, старший преподаватель
Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации
Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, Архангельск
galagild@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 06.04.2020**Статья принята к публикации 29.10.2020*

На современном этапе развития библиотечной сферы России существуют нормативы, определяющие доступность публичных библиотек. Они учитывают количество и плотность населения, а также примерные временные затраты на перемещение до ближайшей библиотеки. Однако нет открытых измерений и нет методик, которые могли бы дать точную информацию о выполнении этих нормативов. В статье предложен анализ существующей проблемы, описаны методики изучения пространственной доступности публичных библиотек за рубежом. Исследование 2015 г. показывает, что в США среднее расстояние до публичной библиотеки составляет 2.1 мили; лучшая ситуация в мегаполисах и вдоль побережья, худшая на Аляске. В канадском городе Реджина 80% жителей могут добраться до ближайшей библиотеки за 10 минут на автомобиле и 50% – на велосипеде. Доступность библиотек зависит не только от расстояния по карте, но и от времени суток, дня недели и режима передвижения. Идеи и методики исследования, описанные в статье, могут быть использованы в России не только для изучения доступности публичных библиотек, но и для других организаций социальной сферы.

Ключевые слова: территориальная доступность публичных библиотек, исследование, методика, нормативная база, США, Канада.

Проблема изучения доступности публичных библиотек

Публичные библиотеки – одно из учреждений, оказывающих социальные услуги населению, основная цель библиотеки – предоставить каждому гражданину возможность получить бесплатно необходимую информацию и услуги. Право на получение информации гарантировано Конституцией Российской Федерации, а Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 78-ФЗ «О библиотечном деле» [1] делегирует эти обязанности библиотекам. Каждый гражданин РФ имеет право на библиотечное обслуживание «независимо от пола, возраста, национальности, образования, социального положения, политических убеждений, отношения к религии» [1]. Возможность получения этих услуг, а также их объем и качество зависят от доступности учреждений для населения, в том числе территориальной. И первый приход в библиотеку, и дальнейшая частота посещения библиотеки в значительной степени зависят от расстояния между пользователем и библиотекой: чем ближе к библиотеке он живет, тем больше вероятность визита, а большая удаленность от библиотеки и неудобная транспортная доступность значительно уменьшают желание посетить учреждение. Согласно социологическим исследованиям,

пространственная близость библиотеки к дому или месту работы играет основную роль при принятии решения о посещении той или иной библиотеки. Более трети опрошенных в 2018 г. архангелогородцев отметили этот критерий при ответе на вопрос: «Почему Вы посещаете чаще всего именно эту библиотеку?» Среди ответов 500 респондентов вариант «Близость к дому или месту работы» был самым популярным [2].

Долгое время в российском законодательстве отсутствовали какие-либо нормативы, регулирующие количество библиотек или расстояние от ближайшей библиотеки до места проживания гражданина, однако сокращение сети публичных библиотек и других центров культуры и отдыха в сельских районах, а также общее снижение интеллектуального и культурного уровня общества, девальвация моральных ценностей вынудили государство принимать меры. В 2014 г. указом президента утверждены «Основы государственной культурной политики» [3], в которых описаны основные проблемы общества. В 2016 г. в целях исполнения указа Правительством РФ принята Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года [4], включающая подробный анализ ситуации в отрасли и сценарии реализации программы выхода из кризиса. В августе 2017 г. Министерство культуры РФ приняло Распоря-

жение о введении в действие методических рекомендаций по развитию сети организаций культуры [5]. Предложенные в документе нормативы носят рекомендательный характер и направлены на сохранение сети публичных библиотек, а также на соблюдение конституционных прав граждан на получение свободного и равного доступа к информации. Нормативы рассчитываются с учетом количества и плотности населения, введен критерий для малонаселенных и отдаленных пунктов проживания. Помимо учета статистических данных предложены нормативы по пространственно-временной доступности для различных типов населенных пунктов. В городских условиях это шаговая доступность, которая должна составлять 10–15 минут до ближайшей библиотеки и 30–40 минут общественным транспортом до специализированной или центральной. Для сельской местности норматив доступности рекомендуется в пределах 10–30 минут до ближайшей стационарной или мобильной библиотеки пешком или на транспорте.

На региональном уровне в октябре 2017 г. принято аналогичное Распоряжение об утверждении методических рекомендаций органам местного самоуправления Архангельской области по развитию сети организаций культуры Архангельской области и обеспеченности населения услугами организаций культуры. Учитывая большую протяженность и малую плотность населения области, региональный норматив рекомендован в объеме 1 библиотека на 1000 человек [6].

В 2020 г. Российская библиотечная ассоциация (далее – РБА) разработала проект документа «Методические рекомендации по формированию базовых нормативов обеспеченности населения общедоступными библиотеками в субъектах Российской Федерации» [7]. Документ базируется на указанных выше методических рекомендациях Министерства культуры, содержит аналогичные нормативы, а также иные меры по сохранению сети публичных библиотек России. Обсуждение и принятие документа ожидается на конференции РБА, которая планировалась в мае 2020 г. в Петрозаводске.

Таким образом, нормативные показатели по количеству публичных библиотек будут приняты и на государственном уровне, и на уровне профессионального библиотечного сообщества. Каждый руководитель муниципального образования, представители депутатского корпуса или общественность могут использовать эти рекомендации для регулирования деятельности библиотечной сферы конкретного населенного пункта, района или региона, планировать выде-

ление финансирования или проведение модернизации, как минимум увидеть, выполняются ли в данном месте изложенные в официальных документах нормативы.

Появление в стране такого рода документов еще не гарантирует исполнения всех рекомендаций, однако возникает необходимость проводить оценку соблюдения нормативов. И если количество библиотек по плотности населения еще можно как-то посчитать по данным переписи населения, то анализ шаговой или транспортной доступности требует от исследователя нетривиальных решений. Среди почти 200 исследований, проводимых в России библиотекарями и отображенных на сайте Центра чтения Российской национальной библиотеки [8], нет описаний исследований физической территориальной доступности библиотек, нет и разработанных методик для таких измерений. Подобные исследования невозможно провести в одиночку, для их организации необходимы значительные технические, технологические и финансовые затраты.

Среди косвенных оценок пространственной физической доступности библиотек можно выделить исследования, которые измеряют такой социологический параметр, как удовлетворенность библиотечным обслуживанием. Но понятие удовлетворенности включает в себя не только оценку доступности самой библиотеки по территориальному принципу, но и оценку качества фонда, спектр услуг, организацию обслуживания. Однако именно физическая доступность, прежде всего, определяет, насколько часто читатель будет приходить в библиотеку, чтобы воспользоваться документным фондом или посетить мероприятие. Термин «доступность библиотечных услуг» традиционно используется и в качестве оценки адаптации пространства библиотеки для посещения маломобильных групп населения. К этой группе относятся люди с нарушениями зрения, слуха, опорно-двигательного аппарата, а также пожилые люди. Описанные в статье исследования не выделяют данную категорию граждан из общего населения.

Исследование территориальной доступности публичных библиотек является актуальным и необходимым для развития библиотечной сферы на современном этапе. Наличие таких методик позволит не только оценить состояние библиотечного обслуживания в населенных пунктах, но и выявить наиболее предпочтительные места для постройки новых зданий библиотек. За рубежом такие исследования проводятся, есть разработанные методики и описаны результаты.

В данной статье приводится пример двух исследований территориальной доступности публичных библиотек, проведенных в последнее время. Обе статьи опубликованы в журнале *Library & Information Science Research* [9], общая тематика статей которого посвящена исследовательскому процессу в области библиотечного дела и информационных технологий. Журнал входит в коллекцию Elsevier – одного из четырех крупнейших издательских домов мира, который ежегодно выпускает около четверти всех научных статей, публикуемых в мире.

Региональные отличия в среднем расстоянии до публичных библиотек в Соединенных Штатах

Первая статья называется «Региональные отличия в среднем расстоянии до публичных библиотек в Соединенных Штатах» («Regional variations in average distance to public libraries in the United States») [10], она вышла 27 ноября 2015 г. в 37-м номере журнала. Ее автор Фрэнсис П. Доннелли (Francis P. Donnelly) является сотрудником библиотеки Нью-Йоркского городского университета. В статье описано исследование по определению средневзвешенного¹ (по населению) расстояния между жителями и ближайшей публичной библиотекой. В основе исследования лежат статистические данные переписи населения в США от 2010 г. и географические координаты публичных библиотек.

Исследование 2015 г. базируется на данных национального исследования, проведенного в США в 2007 г. В новом исследовании поставлены уточняющие вопросы: является ли расстояние от одной до двух миль достаточным для определения области библиотечного обслуживания? существуют ли региональные различия между штатами, которые потребуют иных методов измерения доступности, нежели в целом по стране? Используемые в исследовании методы ранее апробированы на изучении пространственной доступности других общественных товаров и услуг. Помимо аналитической составляющей в статье описаны экономические и исторические предпосылки создания именно такой ситуации с библиотечным обслуживанием в стране в целом и отдельных штатах в частности.

Методика исследования

В основе аналитического исследования лежит сбор и дальнейшая обработка статистических сведений в единой компьютерной базе данных. Анализ собранной информации проводился на основе двух основных переменных –

координатах мест расположения публичных библиотек и точках проживания населения страны. Обе характеристики имеют физическое измерение в мерах длины, поэтому итоговыми характеристиками получаются расстояния между географическими объектами, которые можно нанести на карту. Измерение расстояния в США производится в милях².

Данные о точных координатах размещения публичных библиотек получены из открытых официальных источников, Институт музейного и библиотечного обслуживания США (IMLS) ежегодно публикует актуальную информацию, которая включает местоположение каждой публичной библиотеки в стране. В исследование вошли данные для всех центральных библиотек и филиалов за исключением передвижных библиотек. Таким образом, в массив данных были внесены координаты долготы и широты 16 720 библиотек. Данные IMLS имеют некоторые ограничения – долгота и широта для 1213 библиотек даны по почтовому индексу библиотеки, а не по конкретному месту. После проверки данные еще 447 библиотек были скорректированы, в итоге 95% библиотек имели точные данные по координатам.

Информация о месте проживания граждан сделана на основе официальных сведений переписи населения. Перепись населения в США проходит каждые 10 лет в год, заканчивающийся на 0, Бюро переписи населения США публикует данные по каждому десятилетию. База данных содержит долготу и широту каждого объекта, а также параметры численности населения. Согласно географическим координатам были выделены кластеры по плотности и концентрации населения, в статье такие блоки названы центроиды (centroid). Плотность населения – это количество человек на квадратную милю, а концентрация – мера того, насколько равномерно население распределяется по всей области. Таким образом выделено и нанесено на карту страны 217 740 географических объектов – центроидов. Количество человек, включенных в такую условную область, составляет от 600 до 3000. В расчет расстояний до библиотеки они входят как единый объект.

Еще один важный фактор, который исследователи учитывали при расчете расстояний, это метод преодоления расстояния от условного гражданина до ближайшей публичной библиотеки. В статье описаны следующие методы: метод Евклида³ (Euclidean), манхэттенский⁴ (Manhattan block) или вариант перемещения по улицам – улично-сетевой (street-network). Первые два метода исчисляются с помощью географической карты, третий метод представляет

собой измерение с помощью перемещения по улицам и может быть измерен через оценку времени на преодоление заданного пути.

Погрешность разных типов измерений расстояний тем меньше, чем выше плотность застройки, и отличается значительно лишь на больших территориях, где есть непроходимые участки, например озера или болота. Для городской застройки наиболее предпочтительны методы Евклида и манхэттенский, для сельской местности эффективнее использовать улично-сетевой. Для расчетов на общенациональном уровне отличия между расчетом по прямым линиям и улицам незначительны, однако для отдельных регионов они могут быть заметны. Несмотря на это, за основу расчета расстояния в данном исследовании было принято евклидово расстояние, поскольку это наиболее простой подход, а погрешность может быть рассчитана отдельно для некоторых регионов. Автор статьи ссылается на прежние исследования, проведенные ранее в социальной сфере и доказавшие, что такое приближение не искажает результата исследования.

В итоговую расчетную матрицу были внесены данные о расстоянии между отдельными кластерами населения и ближайшей библиотекой. Данные были сведены в таблицу для каждого из четырех регионов США: Северо-Восток, Средний Запад, Юг и Запад. Такое разделение было сделано, чтобы получить отдельные данные для страны в целом и для каждого штата в отдельности.

На территории Соединенных Штатов доступ к социальным сервисам между мегаполисами, небольшими городами и сельскими поселениями значительно отличается. В статье используется деление на две основные категории: *metropolitan* – крупнейшие города и прилегающие районы и *non-metropolitan*, которая включает *micropolitan* – небольшие города с прилегающими районами, а также сельские поселения. Для расчета числа жителей в кластерах были учтены четыре основных показателя численности населения: плотность населения, концентрация населения, процент городского населения штата и процент сельского населения.

При проведении исследования был сделан ряд допущений, например, что пользователь посетит ближайшую к его дому библиотеку, в то время как на самом деле жители могут посещать другую библиотеку, близкую к месту работы, служебную или находящуюся на пути ежедневного следования. Другое допущение связано с тем, что расстояние является единственным критерием доступности, хотя существуют другие факторы, такие как отсутствие свободного времени, социальные проблемы и т.д.

Результаты исследования

По итогам последней переписи населения, в мегаполисах (*metropolitan*) в среднем проживает примерно 85% населения США. На Северо-Востоке и Западе этот показатель выше, 92% и 91% соответственно, а Юг и Средний Запад имеют более низкий процент – 83% и 77%. При этом по абсолютной численности населения на Юге проживает большее число людей из всех четырех регионов, вне зависимости от размера населенных пунктов.

При анализе данных шкала расстояний была проградуирована от 0 до 6 миль с шагом в 1 милю, все остальные расстояния помечены как больше 6 миль. По географической принадлежности результаты представлены для страны в целом, данные для отдельных четырех регионов (Северо-Восток, Средний Запад, Юг и Запад) и по каждому штату. Дополнительные результаты были сведены по плотности населения, где тип территории определен как *metropolitan* и *non-metropolitan*.

По итогам исследования, 65% общей численности населения Соединенных Штатов проживают в двух милях от публичной библиотеки. Если сравнивать эти показатели между четырьмя регионами, то отличия достаточно заметны: 80% населения на Северо-Востоке живет в пределах двух миль от библиотеки; для Юга этот показатель составляет 52%; для Запада и Среднего Запада показатели находятся между 72% и 67%. Распределение численности населения по шкале расстояний показывает, что наибольший процент населения живет в пределах одной мили от библиотеки. Лишь на Юге максимальный процент населения попадает в следующий диапазон от одной до двух миль. Также на Юге выявлен самый высокий процент людей, живущих дальше, чем в шести милях от библиотеки.

Средневзвешенное (по населению) расстояние до ближайшей публичной библиотеки составляет 2.1 мили для территории США в целом. По отдельным регионам этот показатель отличается существенно – на Северо-Востоке имеет значение 1.3 мили, на Западе – 1.9 мили и самый высокий показатель на Юге – 2.6 мили. Данные для Среднего Запада ближе всего к среднему по стране – 2 мили.

Региональные значения средневзвешенного расстояния для сельских районов (*non-metropolitan*) значительно больше, чем для мегаполисов, от 2.5 миль на Северо-Востоке до 3 миль на Среднем Западе и 4 миль на Юге, а самое большое расстояние – 4.3 мили на Западе. По отдельным штатам минимальное средневзвешенное расстояние от пользователя до биб-

лиотеки составляет 0.6 мили для штата Вашингтон, а максимальное составляет 7.3 мили на Аляске.

Такие отличия автор статьи объясняет географическими, историческими и экономическими причинами. Среди экономических причин автор выделяет низкую концентрацию населения в сельской местности, особенно в горной, пустынной и тех землях, которые находятся в федеральной собственности. Исторические и экономические причины включают быстрое развитие промышленности и производства товаров и услуг в северных и западных территориях в конце XIX – середине XX века. В тот период население концентрировалось вблизи городов. Южные штаты свое экономическое и демографическое развитие получили лишь после середины XX века, тогда как многие библиотечные программы в США были реализованы в 40-е годы XX века. Другое статистическое исследование показало, что развитие сети публичных библиотек США между 1875 и 1929 годами было наиболее активным в штатах с большим количеством иммигрантов. Автор Ф. Доннелли отмечает, что, помимо экономических факторов, сегрегация и страх перед усилением доступа к информации, возможно, сыграли заметную роль в медленном развитии сферы библиотечных услуг на Юге США.

Картирование доступности публичных библиотек в зависимости от режима передвижения и времени суток

Для измерения доступности публичных библиотек в небольших кластерах удобнее использовать другую методику, пример которой описан в статье «Картирование доступности публичных библиотек в зависимости от режима передвижения и времени суток» («Mapping differences in access to public libraries by travel mode and time of day»). Статья опубликована в 41-м номере журнала *Library & Information Science Research* в феврале 2019 г. [11]. Автор статьи Джефф Аллен (Jeff Allen), ученый из университета Торонто, Канада, имеет степень магистра географии, ранее работал в библиотеке университета Торонто. Он специалист по территориальной доступности географических объектов, автор статей в области изучения туристического поведения. До данного исследования, по мнению автора, не было опубликовано научных работ о пространственном доступе к библиотекам в зависимости от времени суток, дней недели и режима передвижения, включая организацию движения общественного транспорта.

Описанное в статье исследование проведено в 2018 г. в городе Реджина, столице штата Сас-

качеван, расположенном в центральной части Канады на южной границе с США. Проведенное исследование опирается на несколько более ранних работ по изучению пространственной доступности публичных библиотек, ссылки на которые даны в разделе «Обзор литературы». Автор перечисляет исследования, проведенные в Канаде и США, а также Словении, Гонконге и других странах мира с 1959 по 2017 г. В ряде исследований был использован метод картирования, изучались способы пешей и транспортной доступности до различных учреждений социальной сферы. Исследователи измеряли зависимость посещаемости библиотек от качества книжного фонда и спектра предоставляемых услуг, а также того, насколько обеспечены библиотечным обслуживанием районы старой и новой застройки в городах. Целью этого исследования стал сбор и анализ данных, определяющих территориальную доступность публичных библиотек в городе и пригородах Реджины. Основные переменные, использованные в исследовании, являются переменными времени и измеряются в минутах и секундах, результаты исследования тоже представлены в формате времени.

По данным статистического управления Канады, в 2016 г. в Реджине проживало 262837 человек. Жители города в основном используют автомобильный транспорт, а пригородное население характеризуется низкой плотностью. В 2018 г. муниципальное управление обеспечивало транспортное обслуживание населения в количестве 21 наземного автобусного маршрута с ежегодным пассажиропотоком примерно 6.5 миллиона поездок.

В набор обрабатываемых данных включены девять финансируемых муниципалитетом публичных библиотек, оказывающих услуги абонирования документов, предоставляющих справочные материалы, доступ к компьютеру, различные варианты печати и инструменты для оцифровки, а также предлагающих населению клубы по интересам и другие массовые мероприятия. Информация о расположении и режиме работы получена автором с сайта центральной публичной библиотеки Реджины в январе 2018 г. Места проживания жителей указаны согласно переписи населения за 2016 г.

Методика исследования

Совершенно новым в настоящем исследовании, по мнению Д. Аллена, является разработка методологии сбора и обработки данных. Для учета расстояний используется три типа данных: пространственные координаты библиотек, месторасположение домохозяйств потенциаль-

ных пользователей, географическое представление транспортной сети в районе исследования. Измерение географической доступности в данном исследовании учитывает сетевые графики движения транспорта для вычисления реального времени пути между домохозяйствами и публичными библиотеками. Виды перемещения включают пешую прогулку, поездку на велосипеде, общественном транспорте или личном автомобиле. При этом поездка на общественном транспорте включает время движения от дома до остановки пешком, ожидание транспортного средства на основе его расписания, затраты времени в пути, на пересадку на другое транспортное средство в случае необходимости и движение от остановки до пункта назначения. Расчет производился в специализированном программном обеспечении, учитывающем все вышеприведенные данные. Результатом расчетов стал массив данных временных затрат на перемещение граждан от дома до ближайшей библиотеки для всего города.

Измерение временной доступности в данном исследовании включает учет продолжительности посещения библиотеки. Нахождение в здании библиотеки может варьироваться от нескольких минут для того, чтобы просто сдать книги, до чтения в режиме читального зала или присутствия в библиотеке в течение нескольких часов на мероприятии. Проблема заключается в том, что если решение принято пользователем в 17 часов и он хочет пробыть в библиотеке в течение 45 минут, но библиотека закрывается в 18 часов, то очень многие не смогут реализовать свои планы, если находятся на расстоянии, требующем более 15 минут, чтобы добраться до библиотеки. Процесс принятия решения может быть сформулирован через алгоритм «если, иначе», во время которого идет проверка, достаточно ли времени для поездки и посещения библиотеки, прежде чем она закроется, или придет ли посетитель вовремя к открытию библиотеки утром.

Для обработки все данные были занесены в четырехмерный массив и проанализированы в автоматизированной системе. Четыре основные переменные включали: время нахождения в пути до ближайшей из девяти библиотек города (T_i); дату и время суток (τ); режим передвижения (μ); минимальное время посещения библиотеки (ν). Три переменные измеряются в минутах, а μ играет роль усиливающего или ослабляющего коэффициента. Результаты расчетов также получаются в минутах. Учитывая, что большинство данных являются пространственными и могут быть отображены в виде координат, для их визуализации была использована

технология ГИС (географическая информационная система).

Д. Аллен отмечает, что полученный массив данных может быть использован для ответа на дополнительные вопросы, касающиеся отличий территориальной доступности разных мест города путем оперирования над переменными. Например, отличается ли доступность библиотек в середине дня по сравнению с вечером? Как меняется доступ к библиотекам в будний день по сравнению с выходными? Какие районы имеют наибольшее различие во время поездки в ближайшие публичные библиотеки на автомобиле или общественным транспортом? В виде дополнительного критерия социальной составляющей может быть учтено, что поездка на велосипеде может быть недоступна для некоторых лиц из-за плохого здоровья или отсутствия велосипеда, а также в зимний период, который длится в Реджине примерно треть года.

Результаты исследования

Для представления результатов исследователи выбрали визуализацию данных в форме картирования и таблиц. Для разных районов города показана зависимость времени доступа до ближайшей библиотеки от режима движения одним из четырех видов: личный транспорт, общественный транспорт, велосипед и пешая прогулка. Цветовые схемы на карте показывают доступность услуг в зависимости от времени с шагом в 10 минут: от 0 до 10 минут, от 10 до 20 минут, от 20 до 30 минут и все остальные зоны с доступностью свыше получаса. Таким образом, при передвижении на автомобиле или велосипеде все жители Реджины могут добраться до ближайшей библиотеки в течение 20 минут, а при перемещении на общественном транспорте или пешком есть зоны в южной и северо-западной части города, время движения из которых составит более получаса. Доступность публичных библиотек из окраинных зон тоже значительно ниже, чем в центре города.

При расчете зависимости доступности библиотек с использованием транспорта по дням недели исследователи сделали расчет для четырех шаблонов вместо семи, так как данные по некоторым дням очень похожи: среда похожа на четверг, вторник на пятницу, суббота на воскресенье. Похожесть заключается в совпадении времени открытия и закрытия филиалов библиотек, так как в понедельник некоторые закрыты, а другие на рабочей неделе открываются в 13 часов, а в выходные обслуживание сокращено. В выходные дни частота движения общественного транспорта значительно ниже, и

именно это больше всего повлияло на результат. Если в рабочие дни доступность библиотек из любой части города составляла не более получаса, то в выходные, чтобы добраться до библиотеки из некоторых районов, нужно потратить более получаса. Зависимость доступности библиотек от времени суток для разных районов города не столь существенна.

Основные результаты исследования показывают, что жители, которым для визита в библиотеку требуется общественный транспорт, имеют показатели доступности значительно ниже, чем владельцы собственного автотранспорта или велосипеда. Поездки в библиотеки утром, вечером или в выходные дни занимают в среднем больше времени, чем в будние дни, из-за сокращения времени работы библиотек. Среди всех изучаемых параметров наибольшее влияние имеет режим передвижения.

В итоге почти 80% жителей города живут в местах, где могут посетить библиотеку менее чем за 10 минут на машине, и только 20% живут в районах, где могут посетить библиотеку менее чем за 10 минут на общественном транспорте.

Более 50% населения Реджины живет в 10 минутах езды на велосипеде до ближайшей библиотеки. Автор особенно отмечает, что город расположен в равнинной местности, что делает поездку на велосипеде удобным способом передвижения в теплое время года, поэтому муниципалитету необходимо поощрять велосипедистов и развивать безопасную велосипедную инфраструктуру, включая выделение отдельных велодорожек, организацию в библиотеках парковок для велосипедов и станций технического обслуживания.

Среди рекомендаций, предложенных автором учредителям библиотечной сети, есть предложение о дополнительном финансировании для изменения режима дня и увеличения количества часов, в которые библиотеки открыты для посетителей. Другим фактором, способствующим увеличению доступности, может стать более удобное расписание движения общественного транспорта, особенно в выходные дни. Подводя итоги, автор отмечает, что возможность посещать публичные библиотеки и использовать их ресурсы и услуги зависит от расстояния между потенциальным пользователем и ближайшей библиотекой, однако доступность измеряется не просто расстоянием по карте, она зависит еще и от времени суток, дня недели и режима передвижения.

Применимость в России

Учет такого важного критерия, как физическая доступность жителей населенного пункта

до ближайшей публичной библиотеки, позволит правильно спланировать модернизацию сети публичных библиотек в России или выбрать место для строительства нового здания именно там, где можно будет максимально повысить доступность и снизить неравенство в обеспечении информационных потребностей населения.

Исследование, проведенное по первой из описанных методик по расчету среднего расстояния от каждого жителя страны до ближайшей публичной библиотеки, при условии организации его в общероссийском формате могло бы дать дополнительную информацию для реализации поставленных государством задач. Оно помогло бы рассчитать и сравнить показатели территориальной доступности публичных библиотек в разных регионах, а также ввести новые нормативные параметры. Использование такой методики целесообразно проводить на общенациональном уровне, для изучения ситуации в отдельных населенных пунктах в ней слишком много приближений и обобщений. Для исследований на уровне города или сельского поселения больше подходит методика, учитывающая транспортную составляющую, местонахождение библиотеки в схеме уличных развязок и режим работы библиотек.

Идеи и методики исследования, описанные в статье, могут быть использованы не только для изучения доступности публичных библиотек, но и для других организаций социальной сферы. Территориальная и транспортная доступность объектов социальной инфраструктуры очень важна для реализации социальных услуг в любых странах, городах и, особенно, в сельской местности. Наиболее интересным и практически полезным в этих статьях является метод сбора и обработки данных в виде массива и дальнейшее применение процедур расчета зависимостей между переменными. Если в одном случае в качестве переменных использовано расстояние между точками, а в другом время движения, то, объединив обе методики, можно получить более точные данные по территориальной доступности публичных библиотек для населения.

Применение в исследовании такой современной технологии, как BigData, позволяет анализировать большие объемы разнообразных данных. Созданная один раз программная среда может быть использована для регулярных расчетов и мониторинга изменений не только для библиотек, но и для других объектов социальной сферы. Включение в общие расчеты данных культурно-досуговых, медицинских, спортивно-оздоровительных и иных учреждений позволит увидеть общую картину качества жизни гражд-

дан в конкретном населенном пункте, сделать сравнение между регионами, городской и сельской местностью. Использование автоматизированных систем расчета снизит субъективную оценку и даст количественные показатели для понимания неравенства граждан в получении социальных услуг. Выработка на основе расчетных данных отраслевых нормативов позволит принимать более взвешенные решения о расширении или сокращении числа объектов социальной сферы в каждом конкретном населенном пункте.

Примечания

1. Средневзвешенное – среднее арифметическое значение, в котором учтен вес каждого из слагаемых, для которых рассчитывается это среднее значение.

2. Миля – мера длины, равная примерно 1.6 км.

3. Расстояние Евклида – это геометрическое расстояние в многомерном пространстве, вычисляется по теореме Пифагора, прямая линия между объектами.

4. Расстояние манхэттенское – расстояние между точками, равное сумме модулей разностей их координат, т.е. расстояние, измеренное ломаной линией.

Список литературы

1. Российская Федерация. Законы. Закон о библиотечном деле [Текст]: [федер. закон № 273: принят Гос. Думой 23 ноября 1994 г.]. М.: Ось-89, 2008. 47 с.

2. Гильдебрант Г.В. Будущее библиотек: информация или коммуникация // Научные и технические библиотеки. 2020. № 4. С. 37–58.

3. Российская Федерация (2012–2018; В.В. Путин). Президент. Основы государственной культурной политики [Электронный ресурс]: указ Президента Российской Федерации от 24 дек. 2012 г. № 808. Режим доступа: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf> (дата обращения: 31.03.2020).

4. Российская Федерация. Правительство. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326 р. Режим доступа: <http://government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf> (дата обращения: 31.03.2020).

5. Министерство культуры Российской Федерации. О Методических рекомендациях субъектам РФ и органам местного самоуправления по развитию сети организаций культуры и обеспеченности населения услугами организаций культуры [Электронный ресурс]: распоряжение Министерства культуры РФ от 29 апреля 2016 г. № Р-547. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71289546/> (дата обращения: 31.03.2020).

6. Министерство культуры Архангельской области. Методические рекомендации органам местного самоуправления Архангельской области по развитию сети организаций культуры Архангельской области и обеспеченности населения услугами организаций культуры [Электронный ресурс]: распоряжение Министерства культуры Архангельской области от 31 октября 2017 г. № Р-156. Режим доступа: http://biblioteka29.ru/upload/medialibrary/bca/156_p_Met.rec.obesp.pdf (дата обращения: 31.03.2020).

7. Приглашаем к итоговому обсуждению проекта «Методических рекомендаций по формированию базовых нормативов обеспеченности населения общедоступными библиотеками в субъектах Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Российская библиотечная ассоциация: Официальный сайт. Режим доступа: http://www.rba.ru/news/news_2928.html (дата обращения: 31.03.2020).

8. Чтение и библиотечная аудитория: библиотечковедческие и социологические исследования [Электронный ресурс] // Российская национальная библиотека: Официальный сайт. Режим доступа: <http://readingstat.nl.ru/poisk?IsResult=0> (дата обращения: 31.03.2020).

9. Library & Information Science Research [Электронный ресурс] // Elsevier Collection. Режим доступа: <https://www.journals.elsevier.com/library-and-information-science-research> (дата обращения: 31.03.2020).

10. Regional variations in average distance to public libraries in the United States [Электронный ресурс] // Library & Information Science Research. Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0740818815000869> (дата обращения: 31.03.2020).

11. Mapping differences in access to public libraries by travel mode and time of day [Электронный ресурс] // Library & Information Science Research. Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0740818818301968> (дата обращения: 31.03.2020).

THE STUDY OF ACCESS TO PUBLIC LIBRARIES: EXPERIENCE ABROAD

G.V. Gildebrant

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

At the current developmental stage of the library field in Russia there exist norms which define the accessibility of public libraries. They take into account the size and density of the population and also the approximate time expenditure for traveling to the nearest library. However, there are no open metrics and no methodology that could provide accurate information on how successfully these norms are met. This article provides an analysis of this issue and describes certain methods of studying the spatial accessibility of public libraries that have been used abroad. One study from 2015 shows that in USA the average distance to a public library is 2.1 miles. The best situation is observed in metropolitan

cities and along the coast, the worst – in Alaska. In Regina (a city in Canada) 80% of the population can reach the nearest library in 10 minutes by car and 50% can do the same by bicycle. The accessibility of a library varies not only with map distance, but also with the time of day, weekday and travel mode. The ideas and methods described in this article can be used in Russia to study not only the accessibility of public libraries, but also that of the other social institutions.

Keywords: territorial accessibility of public libraries, research, methodology, regulatory framework, USA, Canada.

УДК 316.7

СТАНОВЛЕНИЕ MEMORY STUDIES КАК ОТДЕЛЬНОЙ ОБЛАСТИ ЗНАНИЯ: ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ И ПОНЯТИЯ

© 2020 г.

А.А. Нечаева

Нечаева Александра Андреевна, выпускница аспирантуры
Санкт-Петербургского государственного университета по направлению «Социология»
a.nechaeva@spbu.ru

*Статья поступила в редакцию 17.06.2020**Статья принята к публикации 08.10.2020*

С начала истории человеческой мысли память являлась важным концептом, занимавшим умы ученых и философов. Память служила объектом исследования в различных научных областях знания: психологии и нейробиологии, истории, политических науках, культурологии, media studies и литературоведении. В начале XX века возникли идеи о функционировании памяти как коллективного феномена, интерес к исследованию памяти перешел, в том числе, в поле социологии. Возрастающее с 1980-х гг. количество исследований вопросов формирования идентичности сообществ, анализа смыслов, которыми наделяется прошлое в настоящем, выявления нарративов, определяющих общественные морально-ценностные ориентиры, привело к необходимости оформления memory studies в отдельную область знания. Этот процесс становления еще не завершен.

Созданная в 2016 г. Memory Studies Association и выходящий с 2008 г. журнал «Memory Studies» активно преследуют цель институционализации memory studies, однако продвигаемые ими идеи пока не нашли широкого распространения среди мирового академического сообщества. Вследствие междисциплинарного бэкграунда memory studies среди исследователей все еще встречаются разногласия в трактовке понятий, определении круга рассматриваемых вопросов и установлении методологического аппарата.

Цель представленной статьи – попытка определить основной круг понятий и вопросов memory studies, что принесет вклад в ее становление как отдельной области знаний. Обработан пласт академической литературы, позволяющий оценить теоретические основания memory studies и концептуализировать используемые понятия. Решены следующие задачи: проследить становление понятия коллективной памяти и ее разновидностей (культурной, политической, социальной), проанализировать взаимосвязь между концептами идентичности, культурного наследия и коллективной памяти.

Ключевые слова: memory studies, коллективная память, культурная память, политическая память, идентичность, культурное наследие.

Введение

Memory studies начали выделяться в самостоятельную область знания в конце 1980-х – начале 1990-х гг. В рамках этой дисциплины стало возможным объединение самостоятельных взглядов на память с позиций других наук. С момента становления memory studies развивалась как мультидисциплинарная область знания с очерченным кругом вопросов: идентичности, исторических нарративов, политики памяти, практик забвения и т.д.

Исследователи предпринимали попытки объединить воззрения различных областей знания для формирования единого междисциплинарного поля memory studies. Одним из них стал Х. Рудиджер, выпустивший том «Science of Memory: Concepts». Его основной целью было стимулирование обсуждения исследователями, пользующимися различными методами, относящимися к различным областям знания и научным парадигмам. Впоследствии Дж. Бирн выступил редактором четырехтомного издания,

посвященного подходам к изучению памяти и преследовавшего ту же цель [1].

Во времена начавшегося «бума памяти» в 1980-е годы, когда значительное количество ученых начали размышлять о вопросах памяти, речь о «memory studies» как единой научной сфере еще шла. В то время изучение памяти в большей мере представляло скорее тему, набор проблем или призму, сквозь которую рассматривались вопросы политического конструирования идентичности, нации, сообщества, функционирования медиа и создания репрезентаций [2]. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. стали заметны первые сигналы появления новой области знания. Исследования памяти сделали возможным объединение самостоятельных взглядов с позиций истории, антропологии, психологии и социологии в контексте постструктуралистских теорий идентичности, политики образа, исторических нарративов. Для некоторых областей знаний появление memory studies в какой-то степени представляло угрозу, для других оно служило зоной роста и расши-

рения. Потенциальную угрозу новой области знания усматривали представители исторических наук из-за подразумеваемой критики исторических исследований, содержащейся в некоторых работах, связанных с изучением коллективной памяти. Однако такие опасения оказались необоснованными, так как в рамках исторических наук и историографии появляются интереснейшие работы, рассматривающие вопросы памяти. В рамках культурологии, визуальных и медиаисследований, коммуникативистики вопросы изучения памяти тоже нашли свое отражение, однако в этих дисциплинах они служили лишь расширению тематического охвата дисциплин и позволяли развивать междисциплинарные исследования [2].

Понятие памяти используется исследователями различных дисциплин в обширном количестве значений. С одной стороны, интерес к памяти может послужить объединяющей темой для различных областей научного знания. С другой – разнообразное использование понятия может привести к непониманию и нарушению теоретической целостности дисциплины *memory studies*. Сложность проведения исследования коллективной памяти заключается в необходимости поиска пересечений и консенсуса между различными теоретическими моделями памяти, представленными в разных областях знания, когда это представляется плодотворным. В то же время необходимо с осторожностью подходить к заимствованию концепций из других научных дисциплин, чтобы избежать простого переноса понятий, объясняющих функционирование индивидуальной памяти, на явления коллективной памяти, обладающие другой сущностью.

Методы

Теоретико-методологическим основанием представленного исследования является теория коллективной памяти, на основании которой можно анализировать прошлое не как сформированную данность, а как сущность, подвергающуюся переосмыслению и интерпретации. Теорию коллективной памяти разрабатывали следующие исследователи: М. Хальбвакс, М. Блох, А. Варбург, Ян и Алейда Ассманн, Дж. Олик, А. Эрл. Вопросами культурной памяти, в частности, занимались Ян и Алейда Ассманн, А. Эрл, В. Фортунати и Е. Ламберти, Д. Харт; политическую память среди прочих изучали К. Ходкин и С. Рэдстоун, Дж. Олик, Е. Мейер; Д. Ловенталь указывал на взаимосвязь понятий идентичности и культурной памяти, изучал феномен культурного наследия параллельно с Л. Смит, Б. Грехемом и П. Ховардом.

В современных российских *memory studies* большое значение приобретает культурно-историческая психология, диалогический подход, семиотика, актуализируется теоретическое наследие Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана. Отечественные исследователи приносят вклад в развитие дисциплины *memory studies*, в основном, в области эмпирических исследований российской идентичности, способов трансляции коллективной памяти, исторических представлений российской молодежи и т.д. Теоретические работы посвящены вопросам идентичности, функционирования национальной и групповой идентичности в условиях глобализации, а также конструированию забвения, актуального для российских коммеморативных стратегий. Основными авторами, работающими в направлении изучения вопросов коллективной памяти, являются Ю. Лотман, К. Разлогов, А. Васильев, В. Касамара, Т. Емельянова, Н. Кочеляева, О. Астафьева, Д. Аникин.

Однако как зарубежные, так и российские исследователи занимались рассмотрением отдельных феноменов *memory studies*, не говоря о целостной системе понятий и их взаимосвязи в рамках данной дисциплины. Таким образом, подобного обзора в академической литературе на сегодняшний день представлено не было. Детальное рассмотрение теоретических трудов, внесших вклад в развитие исследований вопросов коллективной памяти, позволило автору выявить ключевые разновидности коллективной памяти (культурную, политическую, социальную, коммуникативную) и обозначить их отличительные характеристики, разграничить понятия в рамках *memory studies* и сформировать их систему, проследить взаимосвязь между феноменами коллективной памяти, идентичности и культурного наследия.

Результаты и обсуждение

Становление концепта коллективной памяти

Научный бэкграунд ученых 1980-х гг., интересовавшихся вопросами той области, которая будет позже обозначена термином «*memory studies*», обязательно включал знание идей коммеморативных ритуалов Э. Дюркгейма, высказанных в «Элементарных формах религиозной жизни», концепции «политического мифа» в работах Генри Тюдора, понимание значимости нарратива в конструировании идентичности, описанной философами Алистером Мак-Интайром и Дэвидом Карром. Основоположниками концептуальных основ *memory studies* были Эдвард Шилз, исследовавший природу традиций, Э. Хобсбаум и Т. Рэйнджер – авторы

работы «Изобретение традиций», изучавшие явление, но не использовавшие сами термин «коллективная память»; Барри Шварц, опубликовавший научный труд «Социальный контекст коммеморации»; Д. Ловенталь, обсуждавший научные результаты М. Хальбвакса в своей работе «Прошлое – чужая страна», которая, однако, больше внимания уделяла культурному наследию и идентичности, чем коллективной памяти [3, с. 24]. Таким образом, к началу 80-х появился определенный круг авторов, разрабатывавших идеи, которые позже были включены в тематическое поле исследований памяти, однако не использовавших уже устоявшуюся терминологию *memory studies*.

Дж. Олик полагает, что именно М. Хальбваксу удалось произвести убедительное разграничение между коллективной памятью как социологическим явлением и индивидуальной психологией, а также новаторски применить теории коллективных репрезентаций Э. Дюркгейма к вопросам памяти на групповом уровне [3]. В 1998 г. Дж. Олик совместно с Джойс Роббинс предпринял попытку объединить существующий материал, рассматривающий круг вопросов памяти, идентичности, традиций, коммемораций, в единую область знания. Результат данной работы был опубликован в эссе в журнале *Annual Review of Sociology*. Олик и Роббинс предложили обозначить новую область знания как *social memory studies* – «исследования социальной памяти». Авторы утверждали возникновение «непарадигматической», трансдисциплинарной сферы науки [4].

Как отмечает Астрид Эрл, «в 1900-х исследователи, представляющие различные дисциплины и страны, заинтересовались взаимосвязью между культурой и памятью: в первую очередь, Зигмунд Фрейд, Анри Бергсон, Эмиль Дюркгейм, Морис Хальбвакс, Аби Варбург, Арнольд Цвейг, Карл Мангейм, Фредерик Барлетт и Уолтер Бенджамин» [5, с. 17].

Однако в это время еще было слишком рано говорить о зарождении новой научной дисциплины, так как исследования этих ученых были по большей мере дистанцированы друг от друга. Тем не менее интерес к данной теме уже в начале XX века стал очевидным.

Первое использование термина «коллективная память» связано с работами М. Хальбвакса 1925 г. Он объединил передовые идеи философа А. Бергсона и социолога Э. Дюркгейма, которые рассматривали актуальные процессы европейской цивилизации с различных позиций [6]. Сам термин был примерно в то же время использован коллегой Хальбвакса М. Блохом в 1925 г. [7]. М. Блох, однако, критически отно-

сился к попыткам М. Хальбвакса перенести психологические характеристики индивидуальной памяти на коллективный уровень [6].

Эмиль Дюркгейм впервые обозначил идеи, значительно повлиявшие на возникновение и дальнейшее развитие *memory studies* как научной области. Он заявил, что общее видение прошлого способствует формированию солидарности внутри группы [8]. С целью поддержания стабильности общественного образования проводятся повторяющиеся ритуалы, с помощью которых сохраняется и воспроизводится сакральное прошлое. В процессе изучения религиозных ритуалов в традиционных обществах автор вводит понятие коммеморативных ритуалов и определяет подобные действия в качестве носителей ценностей реального или мифологического прошлого. Э. Дюркгейм описывает коммеморативный ритуал как церемонию, направленную на представления мифологизированной истории предков [8]. Цель подобных ритуалов заключается в актуализации прошлого в настоящем посредством драматической репрезентации. Участие в ритуалах позволяет группе людей прожить сакральные события прошлого на высокоэмоциональном уровне и посредством этого усилить собственное чувство идентичности. Помимо функции формирования и сохранения идентичности ритуалы обладают образовательной функцией, так как, возвращаясь к прошлому, мы получаем возможность оценить роль и место определенных событий в истории. Кроме того, это позволяет вынести и усвоить моральные уроки прошлого в настоящем. Э. Дюркгейм заявляет, что базовые принципы функционирования коммеморативных ритуалов сохраняются неизменными в современных обществах относительно их роли в традиционных [8].

М. Хальбвакс, будучи учеником и последователем идей Дюркгейма, считается отцом-основателем *memory studies* как дисциплины. Он первым использовал термин «коллективная память» и развивал идеи социальной обусловленности памяти, как индивидуальной, так и коллективной, указывал на социальную обусловленность памяти, обращаясь к понятию «социальных рамок» памяти [9]. Человек, вспоминая некоторое событие прошлого, помещает это воспоминание в социальный и исторический фреймворк, формируя таким образом собственное отношение к событию. Несмотря на уникальность памяти каждого отдельно взятого индивида, она всегда основывается на общих установках группы, частью которой этот человек является [10]. Коллективную память нельзя рассматривать как простое множество

индивидуальных воспоминаний участников группы, в коллективной памяти данные коммеморации приводятся к единству, целостности и непротиворечивости. Историческая коллективная память может существовать только посредством коммуникации. Таким образом, индивид может сохранять воспоминания не только о тех ситуациях, свидетелем которых он является, но и о тех, о которых ему было рассказано. В результате, существенное отличие коллективной памяти от индивидуальной заключается в том, что коллективная память может «пережить» во времени последнего свидетеля какого-либо события. «Социальные рамки памяти служат инструментом, взятым на вооружение коллективной памятью для воссоздания образов прошлого, которые в данный момент соответствуют ключевым идеям обозначенного общества» [10, с. 58]. Социальные рамки определяют, что и каким образом мы вспоминаем. Группы придают индивиду стимул для воспоминания, форму коммеморации и зачастую содержание [6].

М. Хальбвакс внес вклад в понимание коллективной памяти по трем основным направлениям: 1) посредством внедрения и разработки ценного понятия «социальные рамки памяти»; 2) занимался изучением семейной памяти и других персональных коммеморативных практик, которые важны для понимания устной истории; 3) в процессе изучения памяти религиозных сообществ выделил топографические аспекты коллективной памяти, предвосхищая появление понятия «места памяти» («lieux de memoire»).

Немецкий исследователь Аби Варбург начал исследование коллективной памяти одновременно с М. Хальбваксом – в 1920-х гг. Однако вместо использования термина «коллективная память» А. Варбург описывал феномен посредством термина «социальная память» [11]. Варбург был заинтересован в большей степени в обнаружении социальной памяти в произведениях искусства. Он считал, что художественные работы передают культурную идентичность эпохи и общества, в котором они были созданы. Изображения, символы и жесты и, в том числе, случаи их использования в произведениях искусства автор исследовал в своей главной работе – «Атлас «Мнемозина». По словам А. Варбурга, изображения, символы и жесты содержат социальную память, распространенную по «вспоминающему сообществу». Символы, запечатленные в произведении искусства, представлялись А. Варбургу хранилищами памяти. А. Варбург стремился проследить новую жизнь и использование архаических символов древних времен в западноевропейском искусстве не в качестве осознанной стилизации, а как бессоз-

нательный опыт архаических слоев античной культуры [6]. Автора интересовало духовное взаимодействие произведений искусства с историческим материалом. Таким образом, Аби Варбург впервые начал изучать вопросы «материальных мест хранилища» коллективной памяти в произведениях культуры, что позволяет рассматривать его в качестве первооткрывателя пути к изучению культурной памяти.

Культурная память

Сам термин «культурная память» впервые был введен в научный оборот немецким ученым Яном Ассманом [12]. Я. Ассман выделяет две разновидности коллективной памяти и разграничивает понятия коммуникативной и культурной памяти. Коммуникативную память определяет ее короткий жизненный цикл, срок ее формирования в рамках одного поколения. Коммуникативная память не закрепляется в определенных «точках фиксации». Культурная память формируется веками и сохраняется в материальных и нематериальных носителях, к которым Я. Ассман относит монументальные конструкции, письменные источники, визуальные носители, церемонии и ритуалы [12].

Я. Ассман описывал феномен культурной памяти, используя в качестве примера древние египетские культы, в том числе культ погребения мертвых. Он стремился показать, что гробница, как и символы, изображенные на ней, функционируют не только как единичный способ превознести умершего над временем, но и как передатчик культурной памяти. Понимание мира и самоидентификации древних египтян передавались через единство визуальной традиции изображения символов и наделения их смыслом. Я. Ассман считает коммеморацию усопших живущими первоначальной формой культурной памяти.

Еще одним исследователем памяти как коллективного феномена стала Алейда Ассман. А. Ассман внесла вклад в обсуждение роли и функции памяти о прошлом, отметив, что современные историки лишились своей авторитетной позиции в определении и репрезентации событий прошлого. В настоящее время обязанность формировать коллективную память лежит на самом обществе, его задачей становится отбор событий и формы их коммеморации. Формирование памяти снизу вверх (через сообщества памяти, иницируемые вспоминающими группами ритуалы и т.д.) получило такую же значимость, как и формирование официального нарратива памяти сверху вниз (установка мемориалов, школьные учебники истории, государственные СМИ и др.).

А. Ассманн разделяет мнение М. Хальбвакса о том, что память существует исключительно внутри социальных рамок. Исследователь указывает на существование множественного числа личного местоимения «мы», которое говорит о том, что человек постоянно становится участником групп и, в результате этого, разделяет их идентичность [13]. Эти группы могут включать в себя семью, нацию или целую культуру. Чтобы стать полноценным участником группы, человек должен знать ее историю, которая, как правило, во временных рамках превышает продолжительность его жизни. Таким образом, история группы становится предметом научения и запоминания посредством различных материальных носителей. Автор видит различие между памятью группы и общим знанием в элементе построения идентичности. А. Ассманн полагает, что индивид может одновременно принадлежать к различным социальным группам, чьи воспоминания могут пересекаться. Разделение коллективной памяти группы является необходимым элементом построения чувства идентичности. Исследователь различала несколько типов памяти в зависимости от их распространенности во времени и пространстве, зафиксированности или динамичности, количества носителей. Эти характеристики позволили автору выделить четыре разновидности памяти: индивидуальную, социальную, политическую и культурную [13]. Социальная и культурная память в этом случае различается по принципу продолжительности существования. Как правило, социальная память существует только в рамках жизненного цикла одного поколения, так как передается в процессе коммуникации между живущими участниками вспоминающего сообщества. А. Ассманн определяет этот промежуток как 80–100 лет. В течение этого времени социальная память сохраняет способность устно передаваться между участниками группы – до смерти последнего очевидца исторических происшествий. Культурная память, согласно А. Ассманн, обладает более длительным периодом функционирования, кроме того, она чаще институционализируется посредством организаций и материальных и нематериальных хранителей.

Политическая память также институционализована и направлена от правящих структур к населению. Обычно подобный тип памяти транслируется с помощью символических объектов, политическая память «сконструирована, поставлена (с элементом драматических сюжетов), использована и злоупотреблена для выполнения политических действий и формирования групповой идентичности» [14, с. 220]. Символическое наполнение политической памяти

более прямолинейно и однородно по сравнению с памятью культурной. Оно призвано доносить до участников группы единую идею. В то время как символическая структура культурной памяти требует активного участия ее реципиентов в индивидуальных процессах восприятия и понимания, подразумевает такие действия, как чтение, письмо, критическое мышление, изучение.

Тот факт, что оба типа памяти конструируются с целью длительной продолжительности во времени, не указывает на то, что они перманентно зафиксированы. Как политическая, так и культурная память могут оспариваться, и как раз эти дискуссии вокруг памяти поддерживают ее жизнеспособность.

На современном этапе развития *memory studies* термин «культурная память» продолжает оставаться в некоторой степени неоднозначным. Представим важные подходы к пониманию этого понятия с целью выделения ключевых отличительных характеристик культурной памяти. Астрид Эрлл полагает, что в настоящее время «медиа, такие разнообразные практики и структуры, как мифы, памятники, историография, разговорные воспоминания, конфигурации культурного знания и нейросети могут быть включены в поле широкого понятия культурной памяти» [5, с. 49]. Во введении к *Cultural Memory Handbook* А. Эрлл дает общее определение культурной памяти, не вдаваясь в конкретные детали. Автор обозначает данный тип памяти как связь между прошлым и настоящим в социокультурном контексте, указывающую на неизбежное включение прошлого в актуальный контекст современности [15, с. 11]. Подобное определение дает возможность включить разные уровни воспоминания в поле значения термина, начиная от индивидуальных воспоминаний, сформированных в социальном контексте, и заканчивая транснациональными местами памяти. В таком случае изучение культурной памяти включает в себя анализ институтов, ритуалов и медиа, конструирующих разделяемое прошлое группы. Использование понятия «памяти» для описания подобных процессов представляется несколько метафоричным. Оно подчеркивает, что разделяемое прошлое реконструируется посредством выбора событий и ориентации на будущее, основанной на нуждах и целях настоящего. Поле изучения культурной памяти позволяет охватить исследования как целенаправленного построения нарративов и формирования идентичностей, так и неявного ненамеренного культурного воспоминания через наследованную, визуальную или телесную память.

В рамках термина «культурная память» включено более широкое и антропологическое

понимание культуры, несводимое исключительно к культурным институтам и продуктам, но исследующее образ жизни сообществ и сеть смыслов, циркулирующих внутри них [15]. Культурная память объединяет символические, материальные и функциональные элементы [16].

В. Фортунати и Е. Ламберти утверждают, что культурная память представляет собой сложную сущность, которая отражает не только исторические факты и опыты кого-либо – индивида или группы, но и восприятие данных фактов и опытов в настоящем [17]. Несмотря на то что событие остается прежним, посредством коммеморации оно приобретает новые значения. Таким образом, неизменная и зафиксированная версия прошлого недостижима. Память не представляет собой зафиксированное состояние, она является процессом, который развивается во времени в зависимости от условий настоящего. Процесс создания культурной памяти в большой степени определяется социальными взаимодействиями, его окружающими. Это позволяет объяснить динамику памяти, ее изменчивость во времени.

В целом, основной характеристикой культурной памяти является то, что она генерирует и служит хранилищем норм и ценностей, превосходит временной промежуток жизни отдельно взятого человека и формирует идентичность группы [18]. Сконструированные общие образы идентичности сакрализируются посредством религиозных, исторических, литературных или правовых традиций. Принятие норм и ценностей происходит в процессе обсуждения разделяемого прошлого опыта группы, выраженного в структурах коллективной памяти [18].

Рассмотрев теоретические работы различных авторов, можно выделить основные характеристики, определяющие культурную память:

- закреплённость в институциональных формах и медиация;
- отражение не фактических событий прошлого, но их избирательная репрезентация;
- использование контекста настоящего для определения значения событий прошлого;
- отсутствие стабильности и монолитности, развитие и изменение в процессе человеческого взаимодействия и оспаривания;
- ключевая роль в формировании идентичности группы;
- установка набора норм и ценностей в настоящем через интерпретацию прошлого.

Политическая память

«Взаимоотношения настоящего с прошлым обладают как историческими, так и политиче-

скими предпосылками. Центральная роль в понимании данного взаимоотношения отводится дискурсу памяти» [19, с. 15].

Дж. Олик отмечает, что философское понятие «исторического сознания» тесно взаимосвязано с коллективной идентичностью как в более широком смысле, так и в более узком – с политическим использованием образов прошлого [20].

Память играет значительную роль в политической жизни, так как с каждой сменой режима появляется необходимость установить место и понимание событий прошлого [21]. Выстраивание наполнения памяти выполняет функцию легитимизации существующего режима – представление определенной интерпретации событий прошлого призвано оправдывать политический курс, выбранный в настоящем. Формирование современной реальности через политику памяти соотносится с легитимностью отдельного политического деятеля или политического порядка в целом. Те взгляды, которые политическая система имеет на прошлое, определяют ее модель развития и позицию в глобальном сообществе. Легитимность определенных взглядов и, соответственно, памяти зависит от публичной коммуникации внутри общества. Память, выстраиваемая политическим режимом, оказывает влияние на «политическую публичную сферу, академические исследования, образование, культурные репрезентации посредством произведений искусства, а также институционализированные коммеморации через памятники, музеи и мемориальные дни» [21, с. 178]. Видение прошлого помогает формировать политический нарратив, который определяет отношения между историей и обществом. Различные интерпретации обсуждаются в общественной сфере, что служит валидации их легитимности. Подобные дискуссии, существующие вокруг интерпретаций разделяемых смыслов, указывают на глубинные отношения между властью, интересами и ценностями, определяющими путь общественного развития.

Е. Мейер использует термин «политика прошлого», который по своему содержанию оказывается очень близок понятию политической памяти, если абстрагироваться от привязки к коннотациям немецкой истории, которые сформировались при изначальном использовании Фреем. Согласно позиции автора, политика прошлого формируется через амнистию, интеграцию и демаркацию [21]. Политика прошлого имеет дело с практико-политическими действиями, выраженными с помощью символов. Другое понятие «политика истории» объясняет историю сообщества и политически окрашенные диспуты, окружающие ее значение. Таким обра-

зом, данный термин также находится в тесной взаимосвязи с понятием политической памяти. Обсуждения политики истории/ политической памяти в меньшей степени затрагивают фактическую точность событий и уместность существующих интерпретаций, но скорее фокусируются на смысловом взаимоотношении прошлого, настоящего и будущего. Следовательно, основным интересующим вопросом является не научная точность репрезентации прошлого, но скорее способ его передачи, основной рассказчик, медиа, намерения и последствия коммуницирования опыта прошлого. В целом, политика истории/политика памяти, по существу, является выражением интерпретации истории политическими деятелями в публичной сфере с целью легитимизации существующего политического режима.

Основные создатели и институты, участвующие в трансляции политической памяти, стремятся не только презентовать историю с точки зрения собственных интересов, но и использовать ее для политической выгоды. Это происходит с помощью вынесения выбранных событий и вопросов в поле публичного обсуждения, в основном через использование СМИ. Е. Мейер отмечает, что общественные обсуждения контролируются не только политиками, но и теми группами лиц, которые обладают привилегией доступа к трансляции смыслов в публичной сфере – академическим сообществом, журналистами, деятелями культуры. Анализируя различные типы памяти, предложенные А. Ассманн, Е. Мейер делает вывод, что переход от коммуникативной к культурной памяти всегда требует принятия политического решения, так как этот переход требует закрепления памяти в инициированных официальными структурами материальных или нематериальных носителях – мемориалах, коммеморативных датах, музеях и т.д. [21].

Дж. Олик тоже придерживается мнения, что коллективная память может выступать значимым политическим инструментом и часто оказывается задействована политическими структурами [20]. Из-за того, что интерпретация событий прошлого часто является спорной, официальные репрезентации памяти должны конкурировать с «контрпамятью».

Актеры, транслирующие репрезентации прошлого в публичной сфере, формируют доминирующую память. Термин «доминирующая память» указывает на силу и убедительность, которой она обладает при представлении исторических репрезентаций, ее воплощение в институтах власти и роль, которую она выполняет при сохранении единогласия в политике [22]. Но при

этом доминирующая память не является стабильно зафиксированной и разделяемой всеми. Публичная сфера сталкивается с конкурирующими версиями прошлого. Доминирующая память, сформированная внутри управляющих общественных институтов, как правило, не основывается исключительно на критериях правдивости.

Характеристики политической памяти во многом совпадают с характеристиками памяти культурной. Однако ключевое различие между ними находится в целеполагании. Культурная память формирует идентичность, политическая память создает легитимность. Культурная память может включать в себя как официальную память производящей стороны, формируемую сверху вниз (от правящих структур к населению), так и публичную память, которая может соглашаться или оспаривать официальный нарратив; подобная память выстраивается снизу вверх. Таким образом, культурная память может быть понята как более широкий термин в сравнении с политической, являющейся исключительно официальной, более однородной и прямолинейной, представленной посредством административных структур, ключевых прогосударственных СМИ, школьного учебного расписания. Политическая память формирует единый нарратив, не допускающий существования противоречащих ему интерпретаций.

Память, идентичность и культурное наследие

Культурная память неотделима от понятия идентичности. Национальная версия прошлого и понимание места, которое нация занимает в настоящее время, играет существенную роль в процессе формирования и реактуализации ее идентичности.

Д. Ловенталь утверждает, что чувство идентичности является ключевым для регулирования политики страны, что наделяет особой значимостью понимание процесса выстраивания идентичности. Культурное наследие служит основой для построения идентичности. Оно может быть официальным и неофициальным, произведенным публичным или частным сектором. Д. Ловенталь полагает, что культурное наследие представляет прошлое определенным образом, чтобы служить целям настоящего. Он описывает его как «культурный продукт или ресурс с социальными или политическими функциями» [23, с. 142].

Г. Пекхам определяет культурное наследие как форму коллективной памяти, которая наделяет значимостью не материальные артефакты или нематериальные реконструкции прошлого, но то значение, которое им приписывается и которое их окружает [24]. Не все историческое

прошлое становится частью культурного наследия, а его смысловое наполнение формирует нормы и убеждения в обществе. Данное смысловое наполнение, однако, может изменяться в разных культурах и поколениях. Понимание культурного наследия в обществе отражает позицию доминирующих групп (политических, этнических, религиозных), которую Л. Смит обозначает как «авторизированный дискурс культурного наследия» (authorized heritage discourse) [25]. Количество потенциальных участников обсуждения культурного наследия в глобальных сообществах усложняет бинарное разделение между «инсайдером» и «аутсайдером», жертвой и преследователем, колонизатором и колонизируемым.

Появление интереса к культурному наследию можно проследить в XIX веке, когда значимую роль стали играть понятия принадлежности к территории. Кроме того, наследие стало ответом на дискурс гегемонии как свидетельство разнообразия и плюральности мира. Культурное наследие сочетает в себе свойства всеобщего знания, культурного феномена и политического ресурса. Культурное наследие отражает желание запомнить, сохранить определенное событие или культурный феномен для будущего. Таким образом, его можно рассматривать как «перспективу памяти» [25]. Разделяемые убеждения и взгляды играют важную роль в сохранении «чувства общности и культурной солидарности, которая важна для формирования и легитимизации каждой национальной идентичности» [23, с. 63].

Согласно Л. Смиуту, идентичность обладает тремя основными характеристиками: чувство принадлежности к группе, дистанцирование себя от «другого» и установка ценностей и убеждений [25]. Понятия культурного наследия и идентичности тесно взаимосвязаны, однако не все аспекты идентичности могут быть выражены через наследие. Связь между идентичностью и наследием часто концентрируется на отношениях власти, которые возникают при использовании культурного наследия с целью социального контроля, и на нации как целостности, которая заключает в себе эти отношения.

Аллан Мегилл говорит о том, что сообщества особенно нуждаются в работе памяти в моменты глобальных потрясений или травмирующих событий. В таких случаях коммеморативная деятельность особенно обостряется и служит укреплению групповой идентичности, которая может находиться под угрозой [26]. Автор указывает, что исследователи, развивавшие вопросы memory studies на более ранних этапах становления дисциплины, полагали, что

коллективная память сообщества базируется на уже существующей закреплённой идентичности. Согласно этой позиции, именно монолитное чувство идентичности играет главную роль в формировании репрезентаций прошлого, коррелирующих с образом группы [26]. Однако в настоящее время мы часто сталкиваемся с ситуациями, когда идентичность еще не установлена. В таком случае работа памяти становится необходимой для создания самой идентичности. Вопросы построения идентичности через работу памяти исследуются в работах Б. Андерсона, где автор использует понятие «воображаемых сообществ» [27]. Идентичность этих воображаемых сообществ формируется в процессе коммеморации и забвения.

Заключение

В ходе исследования были выявлены социологические основания становления memory studies как отдельной области знания. Родоначальником главного концепта memory studies – «коллективной памяти» – стал М. Хальбвакс, впервые употребивший данный термин. Кроме того, он предложил идею о существовании «социальных рамок памяти», которые определяют ее содержание в зависимости от той группы, к которой принадлежит индивид. Был проведен сравнительный теоретический анализ разновидностей коллективной памяти. Ключевое различие между культурной и политической памятью заключается в целеполагании. Культурная память формирует идентичность и предполагает больший простор для интерпретаций и дискуссий, политическая память призвана формировать легитимность, является официальной и односторонней. Разница между культурной и социальной/коммуникативной памятью лежит в сроке существования. Социальная память транслируется в рамках поколенческого цикла, в то время как культурная фиксируется в материальных/нематериальных местах памяти и может существовать на протяжении столетий.

Полученные результаты исследования внесут вклад в дальнейшее развитие memory studies и их становления в качестве отдельной дисциплины. Произведенный обзор и разработанная система понятий может быть использована рядом исследователей проблем построения идентичности групп, способов работы со сложным прошлым, репрезентации исторических событий в настоящем, функционирования сообществ памяти.

Список литературы

1. Roediger H., Wertsch J. Creating a new discipline of memory studies // *Memory Studies*. 2008. Vol. 1 (1). P. 9–22.

2. Sturken M. Memory, consumerism and media: Reflections on the emergence of the field // *Memory Studies*. 2008. Vol. 1(1). P. 73–78.
3. Olick J. «Collective memory»: A memoir and prospect // *Memory Studies*. 2008. Vol. 1 (1). P. 23–29.
4. Olick J., Robbins J. Social memory studies: From «collective memory» to the historical sociology of mnemonic practices // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. P. 105–140.
5. Erll A. *Memory in culture*. London: Palgrave Macmillan, 2011. 209 p.
6. Olick J. *The collective memory reader*. Oxford: Oxford University Press, 2011. 497 p.
7. Bloch M. *Mémoire collective, tradition et coutume: À propos d'un livre récent*. Paris: La renaissance du livre, 1925. 83 p.
8. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии. М.: ИД «Дело», 2018. 736 с.
9. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
10. Halbwachs M. *On collective memory*. Chicago: The University of Chicago Press, 1992. 254 p.
11. Warburg A. *Atlas Mnemosyne*. Rome: Ediciones Akal Sa, 2010. 192 p.
12. Assmann J. *Cultural memory and early civilization: Writing, remembrance and political imagination*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 319 p.
13. Assmann A. *Cultural memory and western civilization: Functions, media, archives*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 410 p.
14. Assmann A. *Memory, individual and collective // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis*. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 210–226.
15. Erll A., Nunning A. (eds.) *Cultural memory studies: An international and interdisciplinary handbook*. Berlin: de Gruyter, 2008. 441 p.
16. Nora P. *Between memory and history: Les Lieux de Mémoire // Representations*. 1989. № 26. Special Issue: Memory and Counter-Memory. P. 7–24.
17. Fortunati V., Lamberti E. *Cultural memory: a European perspective // Erll A., Nunning A. (eds.) Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin: de Gruyter, 2008. P. 127–141.
18. Harth D. *The invention of cultural memory // Erll A., Nunning A. (eds.) Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin: de Gruyter, 2008. P. 85–97.
19. Hodgkin K., Radstone S. *Contested pasts: Politics of memory*. New York: Routledge, 2003. 284 p.
20. Olick J. *The Politics of Regret*. New York: Taylor & Francis Group, 2007. 240 p.
21. Meyer E. *Memory and politics // Erll A., Nunning A. (eds.) Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin: de Gruyter, 2008. P. 173–181.
22. Popular Memory Group. *Popular memory: theory, politics, method // Olick J. (eds.) The Collective Memory Reader*. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 254–261.
23. Lowenthal D. *The heritage crusade and the spoils of history*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 358 p.
24. Graham B., Howard P. *The Ashgate research companion to heritage and identity*. Aldershot: Ashgate, 2008. 474 p.
25. Smith L. *Uses of heritage*. New York: Routledge, 2006. 368 p.
26. Megill A. *History, memory, identity // History of the Human Sciences*. 1998. Vol. 11(3). P. 37–62.
27. Anderson B. *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. London: Verso, 2006. 240 p.

FORMATION OF MEMORY STUDIES AS A SEPARATE FIELD OF KNOWLEDGE: KEY RESEARCH TOPICS AND CONCEPTS

A.A. Nechaeva

St Petersburg State University

The concept of memory has been of interest to researchers and philosophers since the dawn of the history of human thought. Memory has become the object of research of various scientific disciplines, including Psychology and Neurobiology, History, Political Sciences, Culture Studies, Media Studies and Literature Studies. However, at the beginning of the 20th century memory began to be seen as a collective phenomenon, bringing in into the field of Sociology research interest as well. Since the 1980s the growing amount of research into the issues of community identity building, the analysis of meaning given to the past in the present, the identification of narratives that define the moral-value societal orientation has called for a necessity to institutionalize Memory Studies as a separate field of knowledge. This process is not yet finalized.

The goal of Memory Studies institutionalization is actively pursued by, for example, the established in 2016 Memory Studies Association and existing since 2008 *Memory Studies* journal. Nevertheless, the ideas promoted through them have not been fully disseminated among the global academic community yet. Due to the interdisciplinary background of Memory Studies, there is still an amount of controversy between academics in the interpretation of notions, defining the research topics and establishing the methodological apparatus.

In the given paper, we aimed to define the general plurality of concepts and issues of Memory Studies, which will make an input into its institutionalization. We have analyzed a range of academic works that allowed us to evaluate the theoretical foundations of Memory Studies and conceptualize the notions applied. Our main tasks were: to follow the establishment of the «collective memory» notion as well as its categories (cultural memory, political memory, social memory) and to analyze the relation between the concepts of identity, cultural heritage and collective memory.

Keywords: Memory Studies, collective memory, cultural memory, political memory, identity, cultural heritage.

УДК 316.334.23

ТРАКТОВКА СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА И СМЕЖНЫХ ПОНЯТИЙ В РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

© 2020 г.

Л.С. Данилова

Данилова Любовь Сергеевна, преподаватель кафедры общего и стратегического менеджмента Высшей школы экономики; аспирант факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ldanilova@hse.ru

*Статья поступила в редакцию 07.07.2020**Статья принята к публикации 19.10.2020*

В современной науке отсутствует единый подход к пониманию социальной ответственности бизнеса (СОБ), что обуславливает необходимость систематизации трактовок этого понятия. Основным методом эмпирического исследования является многомерный контент-анализ 200 российских научных публикаций, в ходе которого выделены 44 определения понятия «социальная ответственность бизнеса». В результате анализа определений сформулирован подход к трактовке СОБ, в основе которого 4 смысловые категории: социальная ответственность как концепт, характер социальной ответственности, ее цели и границы (в части охватываемых сфер, стейкхолдеров, этических вопросов). Выявлена группа смежных с социальной ответственностью бизнеса определений. Понятия социальных инвестиций, социальной деятельности, социального партнерства, корпоративного гражданства, корпоративной благотворительности, социального предпринимательства оценены как наиболее значимые для российских авторов, с точки зрения понимания СОБ. Сделан вывод о крайне широком разбросе трактовок социальной ответственности бизнеса и смежных с ней понятий, выдвинуто предположение об изменении фокуса научной дискуссии в направлении определения СОБ и близких терминов.

Ключевые слова: социальная ответственность бизнеса; корпоративная социальная ответственность; социальная деятельность; социальное партнерство; корпоративное гражданство; корпоративная благотворительность; социальное предпринимательство.

Введение

Понятие социальной ответственности бизнеса (СОБ) на протяжении довольно долгого времени является предметом интереса научного сообщества и практиков бизнеса. По мере включения в процесс анализа сущности социальной ответственности новых заинтересованных сторон и постоянного изменения в связи с этим исследовательского фокуса менялись и подходы к пониманию социальной ответственности бизнеса, количество определений многократно увеличивалось. Современные российские трактовки СОБ основаны, в первую очередь, на результатах зарубежных исследований [1], а также на практике ведения социальной деятельности в российском бизнесе, что является для него делом относительно новым. В этом контексте становится очевидным отсутствие целостного понимания социальной ответственности предприятия, что препятствует дальнейшему развитию (как теоретическому, так и практическому) этого крайне важного для социальной сферы подхода.

Целью данного исследования является изучение трактовок понятия социальной ответственности бизнеса, предлагаемых современными

российскими исследователями, а также смежных с ним понятий. Основные гипотезы исследования сформулированы следующим образом.

1. В научных публикациях отсутствует единая интерпретация социальной ответственности бизнеса. Тем не менее в большинстве определений довольно четко обозначены основные характеристики СОБ, такие как добровольный характер, прямое влияние на социальную сферу и необходимость нести ответственность перед обществом.

2. Социальная ответственность рассматривается вкупе с некоторыми смежными понятиями. Перечень таких понятий в исследованиях различается, однако наиболее часто упоминаются корпоративная благотворительность и социальное предпринимательство.

Методы исследования

Автором отобрано 200 публикаций российских научных изданий за период с 2013 по 2018 г. (база данных РИНЦ), так или иначе касающихся вопросов СОБ. Исследование проводилось в два этапа.

1. Сбор данных для анализа определений социальной ответственности бизнеса. В выше-

Таблица 1

Определения социальной ответственности бизнеса в российских научных исследованиях

Слова/словосочетания в определениях	Количество упоминаний
Экономическая сфера	12
Выход за рамки определенного законом минимума; экологическая сфера	по 11
Добровольный вклад; этические принципы	по 9
Социальная сфера	8
Качество жизни; ответственность перед сотрудниками	по 6
Ответственность перед обществом	5
Интересы общества; интересы семей; максимизация позитивного влияния; нормы и правила, определенные законодательно; улучшение жизни общества	по 4
Влияние на общество; концепция; ответственность перед партнерами; ожидания окружающей среды; связана с основной деятельностью; стейкхолдеры; устойчивое развитие	по 3
Взаимные требования; дополнительные меры; заинтересованные стороны; милосердие; минимизация негативного влияния; не связана с основной деятельностью; обязанность; обязательства бизнеса; ответственность компании; ответственность перед местным сообществом; ответственность перед акционерами; охрана окружающей среды; польза для организации; польза для общества; служение обществу; сострадание; условие взаимодействия; человеколюбие	по 2

упомянутых публикациях автором было выделено 44 определения социальной ответственности бизнеса, каждое из которых было разбито на небольшие смысловые единицы (слова или словосочетания). Посчитано количество упоминаний тех или иных слов и словосочетаний, которые сгруппированы по смыслу.

2. Сбор данных для анализа понятий, смежных с социальной ответственностью бизнеса. Выбрано несколько словосочетаний (социальный маркетинг, социальные инвестиции, социальное партнерство, социальное предпринимательство, корпоративная благотворительность, корпоративная филантропия, корпоративное гражданство, корпоративная этика), означающих явления, предположительно находящиеся в одном предметном поле с социальной ответственностью бизнеса. Было рассчитано количество таких словосочетаний в общем пуле статей, отобранных на этапе 1 (ПО Lekta, версия 0.5.1.0). Для анализа были отобраны словосочетания во всех возможных падежных формах, однако к расчету не принимались упоминания в той или иной падежной форме, встретившиеся менее 5 раз.

Результаты исследования

Определение социальной ответственности бизнеса

Одной из задач при отборе определений социальной ответственности бизнеса в исследовании стало выявление различий в понятиях «социальная ответственность бизнеса» (СОБ) и «корпоративная социальная ответственность» (КСО). Данные понятия можно считать равноценными, основываясь на мнениях некоторых исследователей [1–4], однако в некоторых статьях рассматривается вопрос о различиях этих

понятий [5], но количество таких работ можно считать несущественным, а характер различий неконцептуален.

В рамках первого этапа исследования слова и словосочетания, встречающиеся в определениях социальной ответственности бизнеса, были посчитаны по количеству упоминаний. Результаты представлены в таблице 1 (в таблице не указаны слова и словосочетания, встретившиеся менее 2 раз, однако они были использованы в интерпретации результатов).

Одно из наших предположений состоит в том, что на основе анализа уже имеющихся определений получить в той или иной мере универсальную трактовку социальной ответственности бизнеса вряд ли возможно. В этом смысле гипотеза исследования получает свое подтверждение – с помощью анализа и группировки слов и словосочетаний, встречающихся в определениях, автору удалось выделить несколько смысловых категорий в определениях СОБ (эти категории будут описаны ниже). Другие предположения первой гипотезы подтверждаются лишь частично: добровольный характер социальной ответственности, ее прямое влияние на социальную сферу и необходимость нести ответственность перед обществом оказались первоочередными характеристиками социальной ответственности, однако наряду с ними присутствуют и не менее важные, такие как влияние на экономическую сферу, экологическую сферу, выход за рамки закона.

В результате анализа определений удалось выявить 4 смысловые категории, по которым в российских исследованиях анализируется понятие социальной ответственности бизнеса.

1. Социальная ответственность как явление

Различия в понимании социальной ответственности как явления обусловлены, в первую

очередь, исследовательским интересом авторов. В некоторых научных публикациях делаются попытки объяснить понятие концептуально, в других же подчеркивается прикладной характер социальной ответственности. Авторы, рассматривающие СОБ с теоретической позиции, считают, что это «концепция» (3)¹, «необходимое условие взаимодействия» (2), «философия поведения», «философско-социологическое понятие». Набор определений, объясняющих практическую применимость социальной ответственности, гораздо шире: СОБ трактуют чаще всего как «определенные законодательно нормы и правила» (4), «набор принципов», «набор мероприятий», «систему норм», «систему действий», «комплекс направлений политики», «формы ответственности». В то же время авторы оперируют и более абстрактными понятиями – «деятельность» и «миссия». Существуют и определения, обозначающие прямое целевое назначение социальной ответственности: «рубрика», «средство», «стратегический инструмент», «реклама», «практика общественного бизнеса».

2. Характер социальной ответственности

В значительном количестве предлагаемых определений подчеркивается добровольный характер СОБ (9). Некоторые исследователи конкретизируют эту «добровольность», называя ее «способностью» и «желанием». Однако есть и противоположное мнение, что социальная ответственность – это «обязанность». Заслуживает внимания одна из точек зрения, согласно которой СОБ следует трактовать как некий посыл внешней среды, «объективную необходимость».

3. Границы социальной ответственности

Наличие большого количества позиций в понимании социальной ответственности может быть обусловлено, в том числе, разными трактовками границ понятия. В некоторых определениях встречаются попытки разъяснить, что должна включать в себя СОБ, в некоторых – нет. В вопросе границ определения понятия социальной ответственности следует рассмотреть несколько аспектов:

– сферы, которые должна охватывать социальная ответственность.

Позиция исследователей говорит о том, что социальная ответственность, в первую очередь, охватывает экономическую сферу (12), экологическую (11)/охрану окружающей среды (2), социальную (8);

– социальная ответственность, с точки зрения закона и интересов организации.

Многие исследователи сходятся во мнении, что социальная ответственность – это выход за рамки определенного законом минимума (11).

Интересно отметить, что в рассмотренных определениях не обозначилось таких, которые трактуют СОБ как исполнение определенных законом обязательств. Укажем, что в некоторых трактовках социальная ответственность связана с основной деятельностью организации (3), а в некоторых, напротив, говорится о том, что зачастую связи с основной деятельностью организации нет (2). В двух определениях социальная ответственность трактуется как «дополнительные меры» деятельности организации, которые выходят «за рамки ее непосредственных экономических интересов». Отдельно вынесена позиция, в которой СОБ рассматривается как «благотворительная деятельность»;

– заинтересованные стороны в контексте социальной ответственности бизнеса.

Говоря о том, перед кем организациям следует быть ответственными, некоторые исследователи включают в этот контекст понятия «стейкхолдеров» (3)/«заинтересованных сторон» (2). Другие этих стейкхолдеров конкретизируют, отмечая, что социальная ответственность – это ответственность перед сотрудниками (6) и их семьями (4), местным сообществом (2), акционерами (2), партнерами (3), государством, заказчиками, поставщиками, организациями, потребителями. Еще одна точка зрения гласит, что социальная ответственность относится ко всем стейкхолдерам, на которых прямым или косвенным образом влияет организация.

Ответственность перед обществом (5)/гражданским обществом как одним из ключевых стейкхолдеров предприятия занимает отдельное место в определениях. Трактовки ответственности перед обществом имеют разный эмоциональный окрас: так, можно учитывать интересы общества (4), улучшать его жизнь (4), на общество можно влиять (3), служить (2), уважать его/уважать людей, осознавать долг перед ним.

Вопрос о том, кто должен быть социально ответственным, обсуждается меньше. Очевидно, что здесь речь идет, в первую очередь, об ответственности организации как таковой (2), ее собственниках и менеджерах. Социально ответственными следует быть и деловым партнерам, работодателям, гражданам, участникам социальных отношений.

Отдельно отметим, что в некоторых определениях внимание акцентируется на взаимном характере социальной ответственности бизнеса и его стейкхолдеров (2);

– этические вопросы в определении социальной ответственности.

Довольно много исследователей в определениях акцентируют, что СОБ должна базироваться на этических принципах (9): милосердие (2),

человеколюбие (2), сострадание (2). Отметим одну из исследовательских позиций, в которой этические принципы воспринимаются как основа социальной ответственности и называются «этическими обязательствами». Рассматривается вопрос о моральном облике предпринимателя: социально ответственный бизнесмен должен обладать внутренней мотивацией и системой этических ценностей, следовать духу ответственности.

4. Цели социальной ответственности

Цели, следуя которым организации становятся социально ответственными, рассматриваются по отношению к бизнесу как таковому, а также к его внешнему окружению. Применительно к бизнесу социальная ответственность может: способствовать устойчивому развитию (3), приносить пользу (2), вести организацию к достижению коммерческого успеха, приносить позитивные последствия. Круг внешних целей видится шире: социальная ответственность должна способствовать улучшению качества жизни общества (6), максимизировать свое позитивное влияние на общество (4) и минимизировать негативное (2), удовлетворять требованиям окружающей среды (3), приносить пользу обществу (2), способствовать решению его социальных проблем и благополучию, сглаживать противоречия между основными стейкхолдерами.

При имеющемся многообразии трактовок понятия «социальная ответственность бизнеса» не кажется удивительным, что в той или иной мере единого понимания этой концепции в кругах отечественных исследователей не сформировалось. Некоторые определения кажутся слишком абстрактными, а некоторые, напротив, излишними. Ю.Ю. Петрунин и В.М. Пурлик [6, с. 20] объясняют это явление так: «различия в определениях в значительной степени зависят от того, кто формулирует и применяет эти определения (бизнес, общество в лице общественных организаций и государственных структур, международные организации и т.д.)».

Интересно отметить, что 8 из 44 рассмотренных определений оказались практически идентичны друг другу. Так, исследователи предлагают рассматривать социальную ответственность как «добровольный вклад бизнеса в развитие общества в социальной, экономической и экологической сфере». Авторы, использующие такое определение, делают оговорку на связь социальной ответственности с основной деятельностью организации, а также определяют границы социальной ответственности в рамках закона. Приведенный выше анализ доказывает, что предлагаемая трактовка вряд ли может претендовать на универсальность. Ввиду того что исследовательский интерес авторов, рас-

сматривающих социальную ответственность, слишком разнится, предложение единого определения СОБ является не вполне необходимым. В этом смысле может быть более оправдан полученный в результате анализа подход к формулированию авторских определений социальной ответственности, основанный на выделенных смысловых категориях.

Понятия, смежные с социальной ответственностью бизнеса

Обзор исследований, в которых присутствуют дефиниции, рассматриваемые вкратце с понятием СОБ, подтверждает предположение о том, что спектр этих понятий и придаваемые им значения в публикациях существенно разнятся: в некоторых исследованиях авторы пытаются разобраться, «в чем различия между корпоративной благотворительностью, корпоративной филантропией, спонсорством, социальным маркетингом и пр.» [7, с. 155]; отмечают, что «помимо терминов «социальная ответственность бизнеса» и «корпоративная социальная ответственность», часто используются такие понятия, как «корпоративное волонтерство» и «корпоративная благотворительность» [5, с. 43]; подчеркивают, что «часто бизнесмены и некоторые экономисты-исследователи наряду с понятием социальной ответственности используют понятия «корпоративная социальная ответственность», «социальные инвестиции», «корпоративное гражданство» и другие подобные категории» [2, с. 71].

Чтобы разобраться в том, какие из смежных понятий являются ключевыми для понимания СОБ, необходимо оценить количество их упоминаний в текстах, что и было сделано на втором этапе исследования (табл. 2).

Для интерпретации результатов исследования необходимо принять во внимание некоторые ограничения подхода:

– предварительный отбор терминов («социальный маркетинг», «социальные инвестиции», «социальное партнерство», «социальное предпринимательство», «корпоративная благотворительность», «корпоративная филантропия», «корпоративное гражданство», «корпоративная этика») ограничил круг подсчета теми словосочетаниями, в составе которых присутствуют слова «социальный» и «корпоративный». Нельзя не сказать, что в текстах встречаются фразы со сложными прилагательными, такими как «социально ориентированный», «социально-этический» и т.д. Однако количество таких прилагательных значительно меньше, чем лексем «социальный» и «корпоративный», в связи с чем влияние на общий результат незначительно;

Таблица 2

**Термины, смежные с понятием социальной ответственности,
упоминания в российских научных изданиях**

Словосочетание	Количество упоминаний
Социальные инвестиции	366
Социальная деятельность	183
Социальное партнерство	141
Корпоративное гражданство	89
Корпоративная благотворительность	88
Социальное предпринимательство	57
Корпоративная филантропия	24
Корпоративная этика	20
Социальный маркетинг	17
Корпоративное волонтерство	17

– несмотря на то что каждая статья для анализа была отобрана с поправкой на максимально общий охват концепта социальной ответственности (в названиях статей присутствует термин социальной ответственности, а конкретные понятия – например, социальное волонтерство – могут присутствовать в единичных случаях), не исключено, что в некоторых исследованиях авторы сфокусированы на определенном понятии и упоминают его довольно часто. Полагаем, что такие случаи несущественны и не могут значимо исказить картину результатов исследования.

Результаты исследования позволяют выделить 3 группы терминов, имеющих отношение к социальной ответственности бизнеса, и классифицировать их по количеству упоминаний:

– группа 1 (более 100 упоминаний): социальные инвестиции, социальная деятельность (было дополнительно выявлено в ходе исследования), социальное партнерство;

– группа 2 (от 50 до 100 упоминаний): корпоративное гражданство, корпоративная благотворительность, социальное предпринимательство;

– группа 3 (менее 50 упоминаний): корпоративная филантропия, корпоративная этика, социальный маркетинг, корпоративное волонтерство.

Можно говорить о том, что наиболее значимыми, с точки зрения понимания концепции социальной ответственности, для российских исследователей считаются понятия, входящие в группы 1 и 2. Результаты демонстрируют, что помимо обозначенных в гипотезе терминов «благотворительность» и «социальное предпринимательство» выявлено еще несколько не менее значимых понятий, без рассмотрения которых исследование социальной ответственности бизнеса, как правило, не обходится.

Далее необходимо разобраться в содержании понятий, входящих в группы 1 и 2. Метод, которым проводилось исследование понятий, аналогичен тому, что был использован при анализе

определений социальной ответственности. Для каждой из дефиниций отобрано 5 трактовок, позволяющих выработать понимание каждого из терминов. Как и в случае с определением социальной ответственности бизнеса, автор не претендует на универсальное определение каждого понятия, а лишь называет наиболее значимые для исследователей характеристики. Попробуем (там, где это возможно) проследить взаимосвязь таких понятий с понятием социальной ответственности и между собой – для удобства эти взаимосвязи будут выделены курсивом (табл. 3).

Анализ смежных определений позволяет предполагать следующее:

– из вышеописанных схожим по масштабу (но при этом не равнозначным) социальной ответственности можно считать понятие социальной деятельности. Отметим, что характеристики социальной деятельности оказались довольно абстрактными – вероятнее всего, исследователи включают в него любую социальную активность бизнеса;

– к формам реализации социальной ответственности следует отнести социальные инвестиции, социальное партнерство, корпоративное гражданство, корпоративную благотворительность и социальное предпринимательство. Анализ определений показывает слишком широкий разброс в трактовках понятий по отношению к социальной ответственности в целом и друг к другу в частности, в связи с чем не является в данном случае подходящим инструментом для определения, какое из этих понятий является уже/шире/входит в состав другого. Вероятно, такого понимания можно достичь, используя в качестве основы для анализа теоретические модели, предполагающие разделение социальной ответственности на внутреннюю и внешнюю [16, с. 99; 17, с. 81; 18, с. 30 и др.] или, в усложненном варианте, рассматривающие многоуровневый характер КСО [19, с. 37; 20, с. 708; 21, с. 3 и др.].

Таблица 3

Термины, граничные с понятием социальной ответственности бизнеса, значимые характеристики

Термин	Характеристики
Социальные инвестиции	<ul style="list-style-type: none"> – Добровольный характер – Привлекаются не только финансовые, но материальные, технологические, управленческие и иные ресурсы – Направлены на развитие культуры, образования, экологии, медицины – Для организации имеют стратегическое значение – <i>Являются основной формой социальной ответственности</i> [8, с. 64]
Социальная деятельность	<ul style="list-style-type: none"> – Конфигурация бизнеса по принципам социальной ответственности – Форма влияния на стейкхолдеров – Оказывает прямое влияние на репутацию компании
Социальное партнерство	<ul style="list-style-type: none"> – Взаимовыгодные отношения государства, бизнеса, наемного труда – Механизм, инструмент поддержки направлен на координацию деятельности заинтересованных сторон
Корпоративное гражданство	<ul style="list-style-type: none"> – Позиционирование бизнеса в экономической, политической и общественной сферах – Партнерский договор между бизнесом, обществом и государством – <i>Может являться одной из форм филантропии, синонимом КСО, а также особенной философией деятельности – высшей формой КСО</i> [9, с. 50] – <i>Если в рамках КСО бизнес выполняет только возложенные на него социальные обязательства, в корпоративном гражданстве он «идет на опережение» – сам ищет возможности реализации социальных проектов. В некотором смысле, корпоративное гражданство можно считать «надстройкой», «продолжением» социальной ответственности</i> [10, с. 139]
Корпоративная благотворительность	<ul style="list-style-type: none"> – Безвозмездная помощь без ожидания какой-либо отдачи или выгоды – <i>Один из инструментов корпоративной социальной деятельности</i> [11, с. 81] – <i>Одна из форм социальных инвестиций</i> [12, с. 355] – <i>Форма филантропии и социальной ответственности российского бизнеса</i> [13, с. 13]
Социальное предпринимательство	<ul style="list-style-type: none"> – Вид бизнеса, нацеленный на решение социальных проблем – Направлено на решение проблем местного сообщества – <i>Одна из форм реализации института социальной ответственности</i> [14, с. 106] – <i>Занимает промежуточное положение между благотворительностью и бизнесом в привычном понимании</i> [15, с. 82]

Заключение

Кризисная ситуация 2020 г., вероятнее всего, внесет свои коррективы в изменение теоретического фундамента анализа феномена социальной ответственности. Если сейчас большинство исследователей склоняются к тому, что социальная ответственность должна носить исключительно добровольный характер, возможно, в будущем возникнут мнения о том, что социальная ответственность – это в том числе и исполнение определенных законом обязательств (что в ситуации кризиса для многих организаций оказалось невозможным). Не исключено, что исследования ближайших лет будут направлены в большей степени на внутреннюю среду организации в аспекте СОБ (это связано с тем, что экономическая ситуация ставит выживание бизнеса на первый план, заставляя некоторые предприятия пренебречь социальной активностью в отношении внешней среды). Стремительное возникновение новых социальных практик в бизнесе (бесплатная доставка питания

пенсионерам и медработникам в условиях эпидемии коронавируса, изготовление масок компаниями, для которых это не является профильной деятельностью, и др.) позволяет предполагать, что будущие исследования будут более пристально, чем это есть в настоящее время, рассматривать морально-нравственные мотивы социально ответственного поведения предпринимателя и сотрудников организации.

Примечание

1. Здесь и далее в круглых скобках будет указываться количество упоминаний в определениях, встретившихся более 1 раза.

Список литературы

1. Мукашева Ж.Б. Корпоративная ответственность бизнеса как многоуровневая система // Вестник университета Туран. 2014. № 3 (63). С. 122–125.
2. Гапонова С.Н., Рац В.С. Социально-экономическая ответственность предпринимателей // Вопросы новой экономики. 2013. № 1 (25). С. 71–74.

3. Фехтел Е.В. Корпоративная социальная ответственность бизнеса – инновационный подход в решении социальных проблем // *Сервис в России и за рубежом*. 2015. Т. 9. № 1 (57). С. 94–103.
4. Виттенберг Е.Я. Социальная ответственность бизнеса в России: вопросы теории // *Социологическая наука и социальная практика*. 2015. № 4 (12). С. 74–98.
5. Даньшина В.В. Классификация видов социальной ответственности бизнеса // *Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика*. 2016. № 3. С. 41–51.
6. Петрунин Ю.Ю., Пурлик В.М. Корпоративная социальная ответственность: поиск методологических оснований // *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*. 2015. № 3. С. 19–33.
7. Кузина О.Е., Чернышева М.В. Корпоративная благотворительность и ответственность: обоснование понятий // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2015. № 4 (128). С. 154–165.
8. Колбасенко О.Е. Корпоративная социальная ответственность как фактор развития социального капитала организации // *Наука и общество*. 2015. № 4 (23). С. 61–66.
9. Матвеева Е.В. Корпоративное гражданство как философия социально ответственного бизнеса: новый уровень развития // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2014. № 2. С. 49–54.
10. Абдокова Л.З. Корпоративная социальная ответственность как основа корпоративного гражданства и социального партнерства в бизнесе // *Успехи современной науки и образования*. 2017. Т. 2. № 1. С. 139–141.
11. Благоев Ю.Е., Кабалина В.И., Петрова-Савченко А.А., Соболев И.С. Создание ценности для бизнеса и общества: анализ корпоративной социальной деятельности российских компаний // *Российский журнал менеджмента*. 2015. Т. 13. № 2. С. 67–98.
12. Арсланов Ш.Д. Инвестиции как неотъемлемый элемент социальной ответственности бизнеса // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2016. № 6-2. С. 354–356.
13. Горайнова Н.М. Корпоративная благотворительность: принципы и основные направления реализации // *Управление в современных системах*. 2016. № 3 (10). С. 13–16.
14. Фролова Е.А. Институциональная система социальной ответственности экономических субъектов // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*. 2015. Т. 7. № 4. С. 100–111.
15. Синяева И.М. Социальная ответственность как конкурентное преимущество в сфере современного бизнеса // *Управленческие науки в современной России*. 2014. Т. 2. № 2. С. 82–84.
16. Дзодзикова Ф.В., Хубецова Н.Я. Особенности взаимодействия института социального партнерства с институтом социальной ответственности // *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН*. 2014. № 3 (59). С. 98–102.
17. Демушина О.Н., Коваленко Н.В. Корпоративная социальная ответственность в России: особенности российской модели // *Бизнес. Образование. Право*. 2014. № 4 (29). С. 80–83.
18. Заводчикова Т.Б. Корпоративная социальная ответственность российских компаний: теория и практика // *Вестник Самарского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. 2015. № 8 (130). С. 29–33.
19. Кравченко Л.А., Попова Н.А. Социальная ответственность бизнеса в России: к вопросу о содержании деятельности // *Научное мнение*. 2014. № 3. С. 36–40.
20. Белоусов В.М., Фирсова Н.Н. Социальная ответственность предпринимательства в регионе как фактор социальной политики // *Инженерный вестник Дона*. 2012. № 2 (20). С. 706–711.
21. Мамяшева К.В. Социальная ответственность бизнеса и ее влияние на трудовой потенциал предприятия // *Международный студенческий научный вестник*. 2017. № 2. С. 1–5.

INTERPRETATION OF SOCIAL RESPONSIBILITY OF BUSINESS AND RELATED CONCEPTS IN RUSSIAN SCIENTIFIC RESEARCHES

L.S. Danilova

National Research University Higher School of Economics

In modern science, there is no single approach to understanding the social responsibility of business (SRB), which necessitates a systematization of interpretations of this concept. The main method of empirical research is multivariate content analysis of 200 Russian scientific publications, in the process 44 definitions of the concept of «social responsibility of business» are highlighted. The result of the analysis of definitions is the formulation of approach to the interpretation of SRB, which is based on 4 semantic categories, within which this concept is considered by Russian researchers: social responsibility as a concept, the nature of social responsibility, its goals and boundaries (in terms of areas covered, stakeholders, ethical issues, etc.). In the paper it was able to identify a group of definitions, together with which Russian publications primarily address the social responsibility of business. The concepts of social investments, social activities, social partnerships, corporate citizenship, corporate charity, social entrepreneurship are rated as the most significant for Russian authors from the point of view of understanding SRB. It is concluded that there is an extremely wide range of interpretations of the social responsibility of business and related concepts, moreover, it was able to make the assumption that the focus of scientific discussion will change in the direction of defining SRB and related terms.

Keywords: social responsibility of business; corporate social responsibility; social activities; social partnership; corporate citizenship; corporate charity; social entrepreneurship.

УДК 316

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ВОСПРИЯТИИ СТУДЕНТОВ ПОКОЛЕНИЙ Y И Z

© 2020 г.

Н.Г. Воскресенская, М.И. Рыхтик, Т.В. Баранова

Воскресенская Наталья Геннадьевна, к.психол.н.;
доцент кафедры социально-политических коммуникаций
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
navoskr@mail.ru

Рыхтик Михаил Иванович, д.полит.н.; профессор кафедры истории
и теории международных отношений
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
rykhtik@imomi.unn.ru

Баранова Татьяна Владимировна, ассистент кафедры политологии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
sky-ellize@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 23.11.2020

Статья принята к публикации 23.11.2020

Анализируются результаты исследования важности цифровизации в восприятии студентов, возможности и риски, которая она несет обществу, а также факторы, препятствующие ей. В ходе исследования было проведено шесть фокус-групп среди студентов младших и старших курсов ННГУ им. Н.И. Лобачевского, что позволило аккумулировать результаты и выявить определенные тенденции в ответах студентов. Авторы выделяют внешние и внутренние факторы, препятствующие цифровизации. К внешним относятся политико-экономические факторы, уровень информационной безопасности, манипулирование общественным мнением, а к внутренним – индивидуально-личностные особенности членов общества. Студенты младших курсов более оптимистичны в выстраивании прогнозов относительно влияния цифровизации на качество жизни и возможности для самореализации, в качестве основного препятствия на пути цифровизации отмечают внешние факторы. Студенты старших курсов более осторожны в прогнозах и основным препятствием для них являются внутренние факторы.

Ключевые слова: цифровизация, поколение Y, поколение Z, молодежь, риски цифровизации.

Введение

Развитие цифровых технологий ведет к возрастанию роли сетевых форм координации всех заинтересованных субъектов и их ориентации на внедрение инноваций, в том числе в образовательные процессы. Переход к цифровой информации ключевых элементов экономической и социальной жизни является одним из драйверов мирового общественного развития [1]. Цифровизация играет заметную роль в оптимизации вертикальных и горизонтальных управленческих цепочек, расширяет возможности сбора, обработки и анализа больших массивов данных благодаря насыщению интеллектуальными датчиками и устройствами связи, ведет к появлению новых цифровых продуктов для комплексных решений в сфере реализации продуктов и услуг, оптимизирует взаимодействия организаций с клиентами [2]. Цифровые технологии создают огромные производственные возможности для успешного экономического и социального развития, но вместе с тем несут и большие риски, в том числе связанные с человеческим фактором [3].

Широкое проникновение цифровых технологий в жизнь людей значительно влияет на их представления о себе, их оценки действительности и поведенческие модели. Это влияние распространяется как на различные сообщества в целом, так и на их членов в частности. Политические решения все чаще носят публичный характер, а публичные акции политизируются. Во всем мире (во многом благодаря социальным сетям) повышается роль «улицы» и «диктатуры площади» и, как следствие, наблюдается увеличение количества социальных протестов. При этом при росте воздействия интернет-сообществ на органы власти впервые за многие годы у институтов управления появился инструмент тотального цифрового контроля за политическим участием индивида. И если раньше тоталитарные режимы рушились под давлением финансовой неэффективности содержания институтов контроля, то «цифра» кардинально удешевила решение этой задачи. На фоне ухудшения экономической ситуации во многих странах рисковенными факторами становятся угрозы углубления неравенства и роста безработицы в ходе структурной перестройки рынка труда. Так, согласно докладу WEF, в ближайшем будущем

роботы уничтожат в мире до 75 млн рабочих мест, при этом будут созданы 135 млн новых. Наибольшая угроза лишиться работы у низкоквалифицированных работников, а высококвалифицированным придется постоянно повышать свой профессиональный уровень [4, 5].

Умение подстраиваться под быстро меняющиеся квалификационные требования, в том числе в области цифровых технологий, творческие и социальные навыки, нестандартность мышления, креативность решений в нестабильных ситуациях и эмоциональная составляющая при совершении определенных действий становятся важными качествами, гарантирующими успех в цифровом обществе. Между тем более 80% трудоспособного населения не обладает компетенциями, необходимыми для работы на современных рынках [6]. Это рождает ощущение нестабильности и неуверенности в завтрашнем дне, ведет к росту невротических переживаний и чувству тревоги, а также провоцирует недоверие к правительству и сомнения в эффективности проводимых в стране инноваций. Цифровизация несет опасность возникновения рискованных ситуаций, включающих в себя риск наличия альтернатив в выборе действий при решении проблемных ситуаций: риск упущенных возможностей, риск бездействия [3], риск нарастания антигуманности в коммуникативном пространстве [7], риск деструктивования всей системы культурно-исторического наследия в силу обострения традиционной проблемы «отцов и детей» [8]. Возникающая при этом напряженность в обществе может усиливаться благодаря многочисленным сетевым сообществам, оказывающим все большее влияние на формирование общественного мнения.

Молодое поколение всегда отличалось более выраженными реакциями на радикальные и эволюционные изменения, происходящие в стране и мире [9–11]. Молодежь активно позиционирует себя в публичном пространстве, в том числе в политическом и гражданском поле. Исследование отношения молодежи к преобразованиям, связанным с внедрением цифровых технологий в разные сферы жизни, представляет особую важность. Многочисленные исследования показывают, что молодежь изначально в большей степени объективно ориентирована на будущее, а влияние насыщенности среды обитания цифровыми средствами в период взросления позволяет предположить большую готовность к внутреннему принятию идей цифровизации общества и своего места в этом обществе [12].

Особый интерес представляет отношение к цифровизации российской молодежи, родившейся до и после 2000 г., так называемых поколений Y и Z [13]. Российские исследователи

данных возрастных групп отмечают сходства и различия поколений Y и Z с точки зрения внутренней готовности к принятию и внедрению цифровых технологий в разные сферы жизни. В числе объединяющих особенностей между поколениями можно выделить сильную вовлеченность в цифровое общество и высокий уровень владения современными средствами коммуникаций. При этом поколение Y уже имеет опыт трудовой деятельности, рассматривая работу как средство удовлетворения гедонистических потребностей, готовность к изменениям отличается определенным недоверием к отдаленным перспективам, а нацеленность на достижения возникает только при условии получения немедленного вознаграждения.

Становление поколения Z все еще продолжается. Эта возрастная группа только начинает выходить из-под контроля семьи и школы, вливаясь в студенческие сообщества, осваивая разные виды профессиональной деятельности и пробуя вести самостоятельную жизнь. Ценности данной категории молодежи еще находятся на стадии формирования и представляют особый научно-исследовательский интерес с точки зрения формирования отношения к цифровым преобразованиям в обществе. С одной стороны, поколение Z не случайно называют «цифровым» – для него характерно органическое воспитание в виртуальном мире с самого раннего возраста благодаря смартфонам, планшетами, ноутбукам и персональным компьютерам. С другой стороны, сетевое пространство может заменять живое общение в детстве. Молодежь поколения Z чувствует себя свободнее в сетевом пространстве, чем более старшие возрастные группы, она общительна и активна в мобильных приложениях, хорошо ориентируется в искусственно смоделированных ситуациях, восприимчива к новой информации и охотно учится, но при этом существуют и определенные риски «вхождения» в цифровое общество. Сюда можно отнести значительные сложности командного взаимодействия; нарушения алгоритмов целостного восприятия действительности; неспособность длительное время концентрироваться на одной информации, снижение способности к запоминанию информации (эффект Google) [12], обусловленные все возрастающей зависимостью от Интернета, предоставляющего разные виды информации и ставшего своеобразной транзактивной памятью [14].

Постановка проблемы

Исследование отношения студентов к цифровизации является частью проекта, направленного на оценку текущего уровня цифровых

компетенций студенческой молодежи. Использование в качестве метода сбора информации фокусированного интервью с разными возрастными группами студентов позволит получить спектр информации, мнений и суждений о цифровизации, выявить различные точки зрения относительно перспектив, рисков и препятствий внедрения цифровых технологий в жизнь общества. Столкновение различных точек зрения позволит выявить тенденции, раскрывающие представления студентов о предмете исследования, определить особенности осознания себя в цифровой реальности, прояснить мотивации, направленные на самоактуализацию в данной реальности. Это позволит спрогнозировать некоторые сценарии возникновения рискованных ситуаций в молодежной среде, связанных с цифровизацией.

Цель: изучение восприятия студентами цифровизации и ее роли в своей жизни и жизни общества.

Задачи:

1. Проанализировать полноту представлений студентов о цифровизации и ее влияния на качество жизни в обществе.

2. Оценить уровень освоения цифровых компетенций по сравнению со своими сверстниками (студентам предлагалось самостоятельно оценить свой уровень).

3. Определить риски цифровизации и препятствия на пути ее становления в представлении студентов.

4. Выявить специфические особенности восприятия цифровизации девушками и юношами, обучающимися на 1–2-м курсах (поколение Z) и 4-м курсе (поколение Y).

Гипотеза. Принадлежность к представителям разных поколений отразится в полноте представлений студентов младших и старших курсов о цифровизации и своем личностном отношении к ней, на особенностях восприятия перспектив, рисков и препятствий, связанных с внедрением цифровых технологий в жизнь общества, а также личностных рисках, связанных с самореализацией в этом обществе.

Выборка. В исследовании приняло участие 63 студента, учащихся в Институте международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Проведено шесть фокус-групп: 21 студент, обучающийся на последнем курсе, 42 студента первого и второго курса, из них 22 юноши и 41 девушка.

Методы исследования

В процессе фокусированного интервью студентам предлагалось рассмотреть следующие

вопросы: 1) Как вы понимаете понятие «цифровизация»? 2) Повлиял ли коронавирус на ваши представления о цифровизации? 3) Выразите свое отношение к цифровизации. 4) Как вы оцениваете уровень сформированности собственных цифровых компетенций по сравнению со знакомыми вам сверстниками? 5) Какие знания в области цифровых технологий в настоящий момент являются для вас актуальными? 6) Какие риски несет с собой цифровизация? 7) Какие препятствия вы можете выделить на пути цифровизации? При работе с вопросами № 3, 6 и 7 использовалась конструирующая методика с предъявлением рисунков, на которых были изображены город будущего, множество дорог, гиря на пути к мечте, управляемый роботом человек. Студентов просили выразить через рисунки свое видение цифровизации, опасности и угрозы, связанные с ней. При работе с вопросом №4 студентам предлагалось заполнить бланк, оформленный по принципу окна Джохари – техники, позволяющей лучше раскрыть себя и оценить свои знания в области цифровых компетенций в сравнении со своим ближайшим окружением. Все ответы были подвергнуты содержательному анализу.

Результаты исследования

На основе исследования представлений студентов о цифровизации и ее роли в жизни общества было выявлено, что большинство студентов связывают цифровизацию с использованием интернет-коммуникаций в своей жизни (социальные сети и переход на дистанционную форму обучения), интернет-покупками и внедрением электронной системы госуслуг, то есть с тем, с чем они сталкиваются непосредственно (51% ответов); 34.7% ответов содержали более широкое толкование цифровизации. В них отмечалось появление новых цифровых носителей информации, усовершенствование процессов поиска и анализа информации, перевод документооборота в цифру, появление высокотехнологичных производств и искусственного интеллекта. При этом у девушек цифровизация чаще ассоциируется с социальными сетями и повседневной жизнью, юноши больше склонны обращать внимание на влияние цифровизации на информационную среду и технологии. У младших курсов технологические новинки в основном касаются игр, у старших – своей профессиональной деятельности. Гендерные различия проявили себя и в восприятии влияния коронавируса на личные цифровые компетенции. Девушки чаще отмечали, что влияние коснулось увеличения использования интернет-

Рис. 1. Представления студентов о цифровизации, основанные на попытках дать определение понятия

коммуникаций в межличностном общении и учебе, а также появление навыков пользования интернет-магазинами. Юноши чаще отвечали, что особых изменений не заметили, а коронавирус не повлиял на привычный им образ жизни.

Выявлено, что определения цифровизации у студентов младших курсов носили более полный и разносторонний характер, чем у старшекурсников (рис. 1). Так, лишь в 8% случаях ответы студентов младших курсов носили неопределенный характер, тогда как в четверти случаев студенты-старшекурсники пытались уйти от ответа: «затрудняюсь ответить», «не могу так сразу сказать» и т.д. Впоследствии в процессе группового обсуждения они уже полнее формулировали свою позицию, тогда как студенты младших курсов сразу охотно включались в беседу. Старшекурсники акцентировали внимание на интернет-коммуникациях в сфере учебы и профессиональной деятельности (50%), на удобстве их использования в повседневности (интернет-покупки, услуги, трансфер и т.д.) – 17%. Младшие курсы, помимо перечисленного, отмечали удобство поиска разной информации с помощью Интернета (25%), их восприятие цифровизации затрагивало и глобальные процессы, происходящие в обществе, связанные с внедрением цифровых технологий (19%).

Таким образом, обнаружилось отличие в обобщенных представлениях о цифровизации у студентов старших и младших курсов, выраженных в попытках дать определение цифровизации. Здесь определенным образом проявляют себя особенности, отмеченные в теории поколений Н. Хоува и У. Штрауса [15]. Так, акцентирование на профессиональной деятельности как способе удовлетворения актуальных потребностей, характерное для поколения Y, проявлялось в некоторой зажатости студентов на первых минутах группового обсуждения или сосредоточивании их внимания на прикладных аспектах цифровизации и повышении удобства существования. Младшие курсы, чье детство

прошло в цифровой среде, демонстрировали большую открытость на первых минутах общения, их ответы носили более развернутый характер, а тема обсуждения вызывала живой интерес.

Исследование показало, что у половины опрошенных студентов восприятие цифровизации носит позитивный характер – 50% ответов. Больше всего цифровизация ассоциируется с прекрасным будущим и прогрессом (25%), новыми возможностями для самореализации (20%), оптимизацией труда (5%). В 11% случаев ответы студентов носили неоднозначный характер. Студенты отмечали, что цифровизация может быть как позитивным феноменом, так и негативным. Эта неопределенность вызывала чувство тревоги. Были ответы, в которых на передний план выступали негативные факторы цифровизации: вытеснение живого общения интернет-коммуникациями (21%); определенная деградация личности, проявляющаяся в неспособности мыслить, агрессивности, зависимости от Интернета (11%); манипулирование общественным сознанием и тотальный контроль (7%). Анализ ответов не выявил различий с точки зрения оптимизма-пессимизма при восприятии цифровизации в ответах девушек (51% позитивных ответов) и юношей (47%), между тем ассоциации девушек носят более утопичный и размытый характер (29%), тогда как юноши чаще рассматривают цифровизацию как возможность самореализации (27%).

В процессе группового обсуждения каждому студенту предлагалось выбрать один из четырех рисунков, который больше всего ассоциируется с цифровизацией, а также обосновать, с чем связан такой выбор (рис. 2).

В 23% случаев студенты выбирали иллюстрацию 1, ассоциируя цифровизацию с благами цивилизации и развитием общества в целом: «Я вижу общество, где возможно все. Оно развито и в технологическом, и в культурном плане»; «На рисунке видны огромные небоскребы, насколько современен мир. Сразу думается

Рис. 2. Раздаточный материал на восприятие отношения к цифровизации

о высокоразвитой цивилизации, технологиях, наличии у всех Интернета, которые упростят жизнь. Я вижу высокоскоростные трассы. Цифровизация – это технологичное будущее». В 23% случаях позитивное отношение к цифровизации младшекурсников отражалось в выборе иллюстрации 2, где был нарисован человек, стоящий на перепутье множества дорог. Студенты, отдающие предпочтение этому рисунку, воспринимали цифровизацию как новые возможности для самоактуализации: «Цифровизация открывает перед каждым из нас огромное количество путей: и в самообразовании, и в обучении, и в развлечениях»; «Многие профессии расширяют свои границы. Раньше был художник, сейчас художник, который специализируется в компьютерной графике, 3D-моделировании. Цифровизация дала жизнь многим интересным профессиям».

Отношение к цифровизации студентов старших курсов было сдержаннее, хотя многие тоже были склонны акцентировать внимание на благах цивилизации (21%) и новых возможностях (12%). Так, при выборе иллюстрации 1 позитивные оценки цифровизации звучали с оговорками: «Смотрится утопично. Все как-то слишком прекрасно»; «Это изображение напомнило мне роман О. Хаксли «О дивный новый мир» в том плане, что здесь две стороны медали. С одной стороны, это внедрение новых технологий, улучшение качества товаров и услуг, с другой стороны, пропадает живое общение,

эмоции, все, что мы ощущаем воочию, становится холодным, безликим и бездушным».

Обнаружено отличие между студентами старших и младших курсов, склонных негативно оценивать влияние цифровизации на жизнь общества и личность. Студенты старших курсов чаще выбирали иллюстрацию 4, где человек сидит в голове манекена и управляет им с помощью рычагов (17% против 5%), акцентируя внимание на манипулирование общественным сознанием. Студенты младших курсов чаще выбирали иллюстрацию 3, где девушка с гирей на ноге пытается взлететь вслед за разноцветными шариками. Шарик при этом чаще всего ассоциировался с живым общением, а цифровизация – с гирей, которая ей препятствует: «Цифровизация – хороша, если бы не ограничение личного общения и ухудшение качества образования»; «Живое общение всегда лучше виртуального. Как эти разноцветные шарики. А цифровизация – это балласт, гиря. Он тянет, мы становимся бездушными. Это плохо»; «В связи с пандемией мы все были прикованы к дому, не было возможности выйти куда-то, не было свободы». Страх вытеснения живого общения виртуальным стал одним из значимых негативных аспектов цифровизации студентов младших курсов (21%). Вторым по значимости негативным фактором цифровизации у младшекурсников значится вред интернет-технологий по отношению к личностному развитию (12%). Это нашло отражение в их интерпретациях ил-

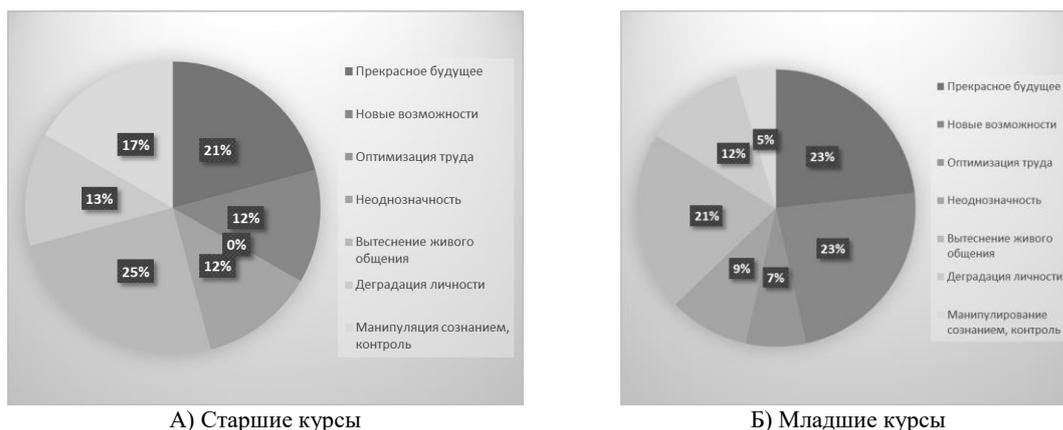

Рис. 3. Ассоциации студентов с позитивными и негативными аспектами цифровизации

люстрации 4: «Люди перестали думать над ситуацией своей головой. Им легче посмотреть мнение какого-нибудь авторитета, человека, который для них идол (например, какая-нибудь телезвезда). И его точки зрения они придерживаются, а не мыслят самостоятельно. А если нужна информация, они поднимают ее из этих Instagram-аккаунтов. Пропала возможность мыслить самостоятельно».

Студенты старших курсов более осторожны в своих оценках цифровизации. Риски, которые связываются с ней, в большей степени касаются усиления влияния государства на частную жизнь граждан, дегуманизации коммуникативного пространства, проблем с физическим и психическим здоровьем, во многом обусловленных усилением интернет-зависимости. Студенты младших курсов оптимистичнее смотрят на цифровое будущее, видя в нем возможности личностного роста. Негативные аспекты они тоже склонны рассматривать лично, видя в цифровизации угрозу не столько для общества в целом, сколько для конкретных людей. При этом самым значимым является угроза вытеснения интернет-коммуникациями живого общения, дефицит которого наметился во время эпидемии коронавируса, а также в связи с переходом на дистанционное образование и резким ограничением социальных контактов.

Исследование уровня самооценок цифровых компетенций студентов в сравнении со сверстниками выявило базовый уровень цифровых компетенций в субъективном восприятии студентов. Это то, что знают все в ближайшем окружении студента: умение общаться в соцсетях, поиск информации в Интернете, использование интернет-сайтов магазинов и других организаций, предоставляющих услуги населению, умение пользоваться офисными программами (текстовые редакторы и презентации). Младшие курсы в числе общеизвестных навы-

ков называют навыки работы в Photoshop, настройку программ и приложений, установку программ, в том числе антивирусных, тогда как старшекурсники не акцентировали на этом внимания, ограничиваясь перечнем компетенций, характерных для обычного пользователя. Таким образом, у студентов младших курсов 6% от количества общеизвестных знаний составили цифровые компетенции, относящиеся к уровню продвинутого пользователя, тогда как студенты старших курсов ограничились первичными навыками работы в интернет-среде (рис. 4). В процессе группового обсуждения студенты младших курсов часто поднимали вопросы, связанные с отношением родителей к развлекательному контенту, проблемы цены, качества и безопасности компьютерных игр, выражали свою позицию относительно пиратских сайтов. Если старшекурсники, описывая общеизвестные в своей среде навыки, склонны ограничиваться общими фразами, студенты младших курсов дают более развернутые ответы с названием программ и приложений: «Работа с мобильными приложениями на телефоне – там нет для меня, практически, ничего сложного. Редактирование фото, видео на мобильном. Правда, своему знакомому я в этом уступлю – он профессионально редактирует. Активное пользование соцсетей. Ну и установка простейших программ (антивирусы или браузеры)»; «Знают все, как работать с банком-онлайн, с гугл- и яндекс-программами, с браузерами. Работа с Word и Excel. Потом такие сети, как Mail.ru, Viber, WhatsApp». Старшекурсники же при обсуждении базовых цифровых компетенций в большей степени были ориентированы на сферу потребления и учебу: «Общение в соцсетях, пользование интернет-магазином, покупка электронных билетов на самолеты-поезда, обработка фото-видео в соцсетях»; «Работа с соцсетями, поиск ин-

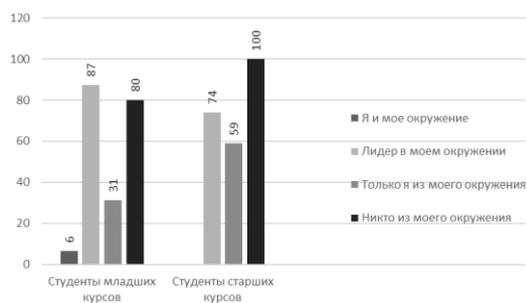

Рис. 4. Субъективная оценка продвинутого пользования интернет-технологиями, в % по отношению к общему перечню выделяемых компетенций

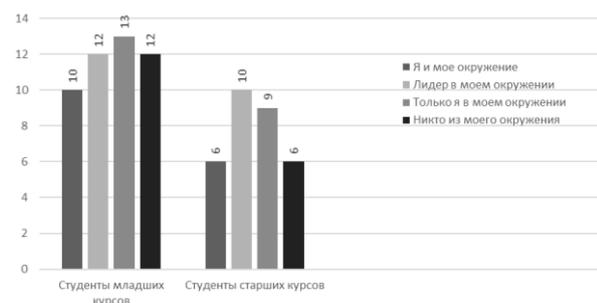

Рис. 5. Оценка владения цифровыми компетенциями в сравнении с лидерами референтных групп, в % по отношению к общему перечню значимых для молодежи компетенций

формации в Интернете, создание документов в Word, Excel, презентации».

Зона ближайшего развития цифровых компетенций студентов отражалась в описании знаний и умений тех лиц из референтных групп, чьи знания студенты оценивали выше собственных. Соответственно, их можно оценивать как «лидеров мнений» в данной группе, которые способны влиять на поведенческие модели остальных. Характерными являлись гендерные особенности в выстраивании таких моделей. Девушки в подавляющем большинстве отмечали знакомых молодых людей, специализирующихся на IT и профессиональном дизайне. Молодые люди чаще отмечали тех, с кем их объединяют интересы в области досуга и профессиональной деятельности, отмечая, в чем лучше разбираются их друзья, а в чем хуже. При этом младшие курсы склонны более высоко оценивать знания своих знакомых: 87% процентов цифровых компетенций своих «лидеров» младшекурсники относят к уровню продвинутого пользователя, тогда как у старшекурсников – 74% (рис. 4). У студентов старших курсов разрыв между компетенциями продвинутого пользователя, которые «знает лидер в моем окружении» и «знаю только я», составляет 11 пунктов, тогда как у младших курсов – 56 пунктов. На наш взгляд, это может иметь два объяснения. С одной стороны, возрастная склонность к сотворению кумиров, характерная для младшего возраста, нивелируется с периодом взросления, что влияет на снижение разрыва между уровнями компетентности студента и «лидера». С другой стороны, студенты младших курсов демонстрируют более разносторонние знания относительно интернет-технологий, при выстраивании цифрового взаимодействия у них чаще прослеживается некоторое разделение труда: «Мой друг занимается программированием и умеет писать коды, умеет работать со звуком в программах, может собрать компьютер, знает, где найти работу и информацию о работодателях; я знаю сайты, в том числе зарубежные,

на которых могут зарабатывать иллюстраторы, 2D-художники и гейм-дизайнеры; быстро узнаю о новых трендах, разбираюсь в мемах, знаю некоторые популярные соцсети, типа Twitter». Студентам младших курсов интересны не только прикладные, но теоретико-философские аспекты, связанные с цифровизацией, они склонны к более рисковому поведению в Сети и имеют собственную позицию относительно ряда вопросов, связанных с цифровыми компетенциями (рис. 5). Так, если старшекурсники опасаются манипуляций и обмана в Сети, у младших курсов это вызывает смех: «Бойтся тот, кто не разбирается». Таким образом, к идеальным моделям из своего окружения младшие курсы предъявляют более завышенные требования, а референтные для них группы в большей степени разбираются в интернет-технологиях (основы программирования, сборка компьютеров, игры, анимация, спекуляции на бирже и т.д.). При оценке собственной компетентности по сравнению со своим окружением студенты-старшекурсники чаще младших курсов отмечают знания, умения и навыки, характеризующие их как продвинутых пользователей, но эти знания в большей степени ограничены программами, связанными с будущей профессиональной деятельностью. Младшие курсы экспериментируют, сравнивая свои достижения с достижениями идеальных моделей, отмечая, в чем они сами достигли успеха и в каком направлении расти.

При оценке того, как подняться на более высокий уровень в области цифровых компетенций, всеми студентами выделялись знания, умения и навыки, относящиеся в большинстве своем к уровню продвинутого пользователя. Эти навыки позволяют повысить цифровые компетенции в области выбранных ими специальностей: написание простых программ, создание сайтов, достижение более продвинутого уровня в графических редакторах. Младшие курсы хотели бы повысить свои компетенции при использовании офисных программ, отмечая

Рис. 6. Риски цифровизации в восприятии студентов

в качестве серьезного пробела в своих знаниях неумение пользоваться электронными таблицами. Другой отличительной особенностью ответов студентов младших курсов было желание получить теоретические знания о цифровых технологиях, чтобы расширить свои представления о том, где можно еще реализовать себя.

Младшие курсы проявляют больше любопытства, чем старшие курсы, стремясь повысить уровень как обычного пользователя, так и продвинутого, выдвигая более высокие требования к собственному саморазвитию в области цифровых технологий.

При оценке рисков, которые несет цифровизация, большинство ответов были связаны с опасениями манипулирования общественным мнением с помощью традиционных и «новых СМИ» (19%) (рис. 6): «Раньше это было только на телевидении, сейчас переходит в Интернет. Очень много информации, в которой люди плохо разбираются, поэтому происходит обман, зомбирование общества». Угроза тотального контроля государства за населением с помощью цифровых технологий тоже связывается студентами с совершенствованием механизмов управления массами (15%): «Когда про нас знают, нами легче управлять, навязывать свою точку зрения». Обман, мошенничество, навязывание ненужных товаров и услуг – еще одна проблема, которую связывают с цифровизацией (19%): «Сейчас большинство сайтов построено на манипуляции: выгодные предложения, спонсоры, мерчандайзинг... Человек думает – я выбрал это сам, но это не его выбор, и он этого даже не понимает».

Студентов волнует, что цифровизация, а именно внедрение искусственного интеллекта, несет угрозу роста безработицы (15%): «Мне кажется, сокращение рабочих мест – это самый негативный аспект в цифровизации. Со всем остальным можно справиться, а когда тебя вытесняет робот, начинает делать твою работу – здесь уже ничего поделать нельзя».

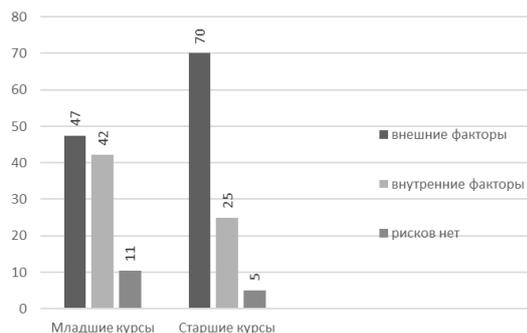

Рис. 7. Возрастные отличия в процентном распределении оценок внешних и внутренних рисков цифровизации

Среди негативных влияний цифровизации на личность выделяют деградацию личности, связанную с отсутствием умений критически думать (9%), формирование интернет-зависимости (5%), потерю индивидуальности (14%). Последнее в большей мере волнует юношей младших курсов: «У меня есть знакомый психолог, он сказал такую интересную фразу – чем больше мы смотрим телевизор, тем больше таракашек в нашей голове гибнет. А без таракашек грустно. Навязывают мнения, они становятся однотипными. Да, еще минус – отсутствие самореализации. Приведу пример – если стены сами начнут закрасивать граффити, то будет скучно. Все будет однотипно». Интересно отметить, что среди младших курсов много тех, кто считает, что угрозы цифровизации носят надуманный характер. Ее выдумали люди старшего поколения, так как они по природе своей консервативны и боятся всего нового (9%): «... У меня почему-то выстраивается образ человека старшего поколения, который в принципе относится негативно к современным технологиям»; «Люди скептически относятся к цифровизации, так как боятся того, чего не понимают. Это страх перед неизвестностью».

Риски можно разделить на два блока – внешние, которые не зависят от самих студентов (государственный сектор, социально-экономические факторы, коммерческие структуры, мошенничество, информационная безопасность), и внутренние (устранение которых зависит от самих людей, прежде всего с формированием цифровых компетенций). Студенты старших курсов чаще выделяют роль внешних угроз: 70% их ответов включали описание независимых от них самих факторов, несущих в себе угрозу благополучия в силу их неконтролируемости (рис. 7). Такая экстравертированность в ощущениях самого себя в цифровом пространстве предполагает определенную пассивность жизненной позиции и неготовность меняться – а это важное условие адаптации к

Рис. 8. Факторы, препятствующие цифровизации, в восприятии студентов

быстро меняющимся условиям существования. Младшие курсы более гибки, рассматривая риски на личностном уровне (42%). Соответственно, успехи и неудачи человека в цифровизованном обществе они чаще старшекурсников склонны связывать с личными достижениями: «Ты должен работать своей головой, потому что весь физический труд роботизируется. И в будущем единственное, что будет пока недоступно роботам, – умственная деятельность человека. Это означает, что в цифровизованном обществе мы должны работать головой».

В процессе обсуждения были выделены факторы, являющиеся препятствием на пути цифровизации (рис. 8). Их, как и риски, можно разделить на внешние, связанные с готовностью общества к переменам, и внутренние, связанные с готовностью личности меняться. Среди внешних факторов отмечают государство, экономическое неравенство, отставание в развитии технологий, менталитет. Старшекурсники большее значение придают экономическим факторам (28%), отмечая, что бедным слоям населения сложно освоить цифровые технологии: «У нас в России практически нет среднего класса: либо очень хорошо обеспеченные люди, либо бедные. Бедные люди не могут себе позволить хороший телефон, компьютер (чтобы он был достаточно хорошо оборудован), опять же обучение перспективным профессиям. Они, может, и хотят, но у них нет средств на это». Младшие курсы склонны обвинять государство, говоря о коррумпированности и некомпетентности властных органов (13%), а также видят препятствие в несовершенстве цифровых технологий (5%). При этом юноши (27%) склонны больше акцентировать на этом внимание, чем девушки (5%). Особую роль студенты младших курсов уделяют менталитету (21%), отмечая консерватизм, боязнь всего нового, тенденцию рисовать прогресс в самых мрачных красках: «Я себя могу назвать читающим человеком. И сколько я фантастических книг ни читал о будущем,

очень много аспектов цифровизации показано в черном свете, что цифровизация – это нехорошо. В Китае и Японии – там наоборот, там, мало того, что цифровизация в книгах о будущем рассматривается позитивно и соответствует культу их предков. Все эти голограммы, роботы, высокие технологии рассматриваются как несомненно позитивное. А русская фантастика о будущем – все негативно, мрачно. По книгам уже можно видеть определенный менталитет и отношение людей к Цифре». Такой консерватизм, по мнению данных студентов, характерен в первую очередь для старшего поколения: «Да, консерватизм – это помеха. У меня бабушка – замечательный бухгалтер, а вот зарегистрироваться на сайте не может. «Куда? Что?» (передразнивает, смех в группе). Голосование тоже. Приходит ко мне: «Сделай так, чтобы я дистанционно проголосовала». Я ей: «Ты «за» будешь голосовать?» Она: «Да!». «Я не буду тебя регистрировать» (смех в группе); «Тормозом является сама власть. Они слишком старые, чтобы понимать, что цифровизация должна развиваться. Они что-то делают, но это смешно. Госуслуги, например, очень неудобный сайт».

Другой блок причин связан с такими личностными особенностями, как необразованность, консерватизм, страх перед новым: «Некоторым просто лень учиться, мотивации нет развиваться. Это препятствует»; «Основное препятствие – это нежелание выходить из зоны комфорта. Привычный образ жизни сложно менять, это мешает принимать новое»; «Страх того, чего не знаешь, – вот причина нежелания меняться и менять все вокруг себя». В отличие от рисков, при описании препятствий старшие курсы чаще склонны рассматривать их с личностной позиции, тогда как младшие начинают говорить с позиции состояния общества, его готовности к переменам. При этом в ответах студентов младших курсов четко прослеживается противостояние «отцов и де-

тей», обостренное восприятием важности цифровизации в будущем самоопределении студентов. Старшее поколение воспринимается ими чуть ли не как главное препятствие на пути к личному самоопределению, отождествляясь с властью («У нас не очень подкованное руководство. То же самое Сколково. Оно, по сути, должно работать на цифровизацию общества, но все мы знаем: Сколково – не очень удачный проект»), недостатками образовательной системы («Дистанционные курсы заменяют преподавателей. Но цифровые технологии еще не доросли до такого уровня, чтобы реально помогать»), менталитетом («Большинство, в силу своего возраста, не хотят каких-то перемен. Они боятся перемен в своей работе, на которую может повлиять цифровизация. Сами люди тормозят развитие страны, их менталитет»), попытками взрослых ограничить времяпровождение детей за компьютером и в Сети: («Какая может быть цифровизация, если ребенка гонят от компьютера?!»).

Такая инфантильность, проявляемая в виде обиды на самоуправство взрослых, проявляется и в разговоре о праве на интеллектуальную собственность как способе стимулирования к созданию цифрового контента. Студенты старших курсов, в целом, осознают целесообразность борьбы с пиратством («Рано или поздно пиратство приведет к застою. Это как палка, которую держат с двух сторон. На том конце палки, где все тянут бесплатно, всегда будет все хорошо, а вот с другой стороны – ее могут и бросить. Смысл чего-то создавать бесплатно или делать это хорошо? И тогда случится застой – любителям халявы просто нечем будет пользоваться»). Студенты младших курсов в большинстве своем несклонны с этим соглашаться («Те, кто на профессиональном уровне занимаются анимацией или 3D-моделированием, сначала работают в пиратской программе, потом, когда это начинает приносить им приличный доход, они покупают официальную версию, отдавая дань уважения разработчикам... Один польский разработчик даже сам говорил, что не видит ничего плохого в пиратстве»; «К пиратству я отношусь нейтрально, потому что у нас бедная страна. Фильмы лицензионные стоят одиннадцать тысяч рублей. И вы хотите, чтобы люди это покупали? И за музыку и книги платили? Ну, это нереально в этой стране!»).

Студенты младших курсов крайне болезненно относятся к тому, что мешает им комфортно существовать в привычной для них цифровой среде. При этом они склонны стереотипизировать внешние препятствия, олицетворяя их в

образе старшего поколения и наделяя отрицательными качествами. Студенты старших курсов, напротив, видят в цифровизации возможности для профессионального роста, некоторые из них уже пробовали себя в создании собственных продуктов. Это заставляет их более серьезно, ответственно относиться к вопросу о препятствиях, рассматривая их с позиции возможных действий по преодолению.

Выводы

Групповое обсуждение, сфокусированное на восприятии студентами преимуществ и рисков цифровизации, выявило, что отношение к ней носит неоднозначный характер. Половина опрошенных склонна рассматривать цифровизацию с точки зрения перспектив развития общества и новых возможностей для личностного роста. Другие обращают внимание на негативные аспекты, связанные с усилением контроля масс со стороны государства и корпораций, дегуманизацией деловых коммуникаций, уменьшением доли живого общения, деградацией личности. Исследование позволило обозначить уровни развития цифровых компетенций в субъективном восприятии студентов. Первый (низший) уровень – это общение в социальных сетях, использование интернет-коммуникаций при заказе товаров и услуг, навыки работы в офисных программах. Второй уровень – специфические и пока не приведенные в систему навыки, связанные с хобби и учебной, а также попытки использования профессиональных программ. Третий уровень предполагает совершенствование навыков для реализации своих жизненных сценариев, а четвертый направлен на расширение списка самих сценариев и освоение новых цифровых технологий для их реализации.

Несмотря на то что при восприятии цифровизации одни студенты склонны акцентировать внимание на позитивных аспектах, а другие на негативных, ни у кого из участников групповых обсуждений не вызывало сомнения влияние цифровых технологий на жизнь общества. При этом отмечались внутренние и внешние риски, связанные с цифровизацией. Среди внешних рисков часто отмечалось усиление роли государства, манипулирование общественным мнением, давление крупных корпораций на целевые группы, рост безработицы. Среди внутренних – вытеснение интернет-коммуникациями живого общения, деградация личности, связанная с неумением самостоятельно мыслить, страхи перед необходимостью освоения новых цифровых компетенций для комфортного существования в цифровом обществе, усиление агрессив-

ности под влиянием интернет-контента. Препятствия на пути цифровизации, которые выделяли студенты, как и риски, делились на внутренние и внешние, но, в отличие от рисков, рассматривались с точки зрения возможности их преодоления.

В процессе фокусированных интервью обозначились различия в восприятии разных аспектов цифровизации студентами старших и младших курсов, подтверждая специфику поколений Y и Z.

Старшекурсники, как представители поколения Y, уже имеют опыт трудовой деятельности. Они склонны к осторожным оценкам преимуществ цифровизации. Помимо удобства существования и перспектив развития общества, старшекурсниками отмечается и обратная сторона цифровизации: усиление влияния государства, дегуманизация и обездушивание во всех сферах жизнедеятельности, угрозы для физического и психического здоровья граждан, а также их уязвимость перед интернет-мошенниками. При самооценке цифровых компетенций они акцентируют внимание на их профессиональной направленности и оценивают их достаточно высоко по сравнению с ближайшим окружением, где мало кто владеет цифровыми компетенциями уровня продвинутого пользователя. Можно предположить, что это становится одним из демотиваторов дальнейшего развития цифровых компетенций, так как нет необходимости доказывать свою компетентность – она уже доказана. При оценке рисков и препятствий цифровизации студенты данной возрастной группы склонны связывать риски с изменениями, способными оказать негативное влияние на жизнь общества (внешние факторы), а препятствия – с внутренними факторами (связанные с работой над собой, самосовершенствование). Важным условием снижения негативных последствий цифровизации в восприятии данной группы студентов является человеческий фактор.

Студенты младших курсов, чье детство неразрывно связано с мобильными приложениями, социальными сетями, разнообразной информацией из Интернета, демонстрировали большой интерес к теме обсуждения, их ответы носили развернутый характер, а словарный запас включал в себя специфические термины, связанные с цифровыми носителями. В самой цифровизации они видят будущий прогресс для общества и перспективы личностного роста для себя, а среди негативных аспектов в первую очередь выделяют угрозу дефицита живого общения. Собственную цифровую компетентность они склонны оценивать критично, отмечая тех из близкого окружения, кто знает

намного больше их. Само близкое окружение студентов младших курсов в целом более компетентно в области цифровой грамотности, чем окружение студентов старших курсов. Это дает мощный импульс дальнейшему совершенствованию, чтобы выглядеть в глазах близкого окружения достойно его уровня. Если студенты старших курсов оценивают риски цифровизации на уровне общества, а препятствия на пути к ней на личностном уровне, то у студентов младших курсов все наоборот. Риски и негативные изменения они принимают более болезненно, перенося в личную, частную жизнь. Препятствия же носят внешний характер: власть, общество, консерватизм старшего поколения, что, в свою очередь, является риском роста напряженности и протестных настроений.

Следует отметить, что фокусированное интервью относится к качественным методикам, которые позволяют лишь отметить определенные тенденции в ответах разных возрастных групп студентов, наметить предварительные гипотезы, проверяемые с помощью опросов на больших репрезентативных выборках. Вместе с тем результаты исследования позволили на более глубоком уровне выявить отношение студенчества к цифровизации и своей готовности к жизни в цифровом обществе.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31208.

Список литературы

1. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // *Управленческое консультирование*. 2018. № 10. С. 46–63.
2. Global Digital Operations 2018 Survey. Industry 4.0: Global Digital Operations Study 2018. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/industries/industry-4-0.html> (дата обращения: 28.10.2020).
3. Рогачёв С.В. Цифровизация по критериям политического риска: Научный доклад. М.: Проспект, 2019. 52 с.
4. Княгинина В.Н. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России. Экспертно-аналитический доклад / Центр стратегических разработок. М., 2017. 136 с.
5. The Future of Jobs Report 2018 // World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2018> (дата обращения: 12.08.2020).
6. Доклад «Россия 2025: от кадров к талантам» // The Boston Consulting Group Review. 2017. URL: https://image-src.bcg.com/Images/Russia-2025-report-RUS_tcm9-188275.pdf (дата обращения: 20.09.2020).
7. Фортунатов А.Н. Цифровизация власти или власть цифровизации? // *Власть в XXI веке. Социокультурные аспекты политических процессов*. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2020. С. 37–47.

8. Фельдштейн Д.И. О развитии фундаментальных психологических исследований Российской академии образования // Мир психологии. 2006. № 1. С. 67–76.
9. Суровов С.Б., Малько А.В., Коновалов И.Н., Логинова Л.В. Отношение российского студенчества к цветным революциям // СОЦИС. 2019. № 3. С. 85–97.
10. Полянина А. К., Грудзинский А. О. Анализ практики государственного и общественного контроля рекламы и подходов к выявлению непристойного в рекламной продукции // Власть. 2019. Т. 27. № 3. С. 155–160.
11. Grudzinsky A.O., Polianina A.K. Transformation of Childhood in a Digital World // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2020. V. 1100. P. 424–431.
12. Strauss W., Howe N. *The Fourth Turning: An American Prophecy – What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny*. N.Y.: Broadway Books, 1997.
13. Гурова И.М., Евдокимова С.Ш. Теория поколений как инструмент анализа формирования и развития трудового капитала // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. Т. 7. № 3 (27). С. 150–159.
14. Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Социально-психологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследования // Психологический журнал. 2019. Т. 4. № 5. С. 35–47.
15. Олешко В.Ф., Олешко Е.В. «Google-эффект» в контексте цифровых межпоколенческих противоречий // Возможности и угрозы цифрового общества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. А.В. Соколова, А.А. Фролова. ООО «Цифровая типография», 2020. С. 187–190.
16. Howe N., Strauss W. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. N.Y.: William Morrow & Company, 1991. 554 p.

DIGITALIZATION IN THE PERCEPTION OF GENERATIONS Y AND Z STUDENTS

N.G. Voskresenskaya, M.I. Rykhtik, T.V. Baranova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article analyzes the findings on the importance of digitalization in the perception of students; opportunities and risks that it brings to society, as well as the factors that hinder it. During the research, six focus groups were conducted among undergraduate students of Lobachevsky University (Nizhny Novgorod, Russia), which made it possible to accumulate the results and identify certain trends in the students' answers. On the basis of focus groups, the authors identified external and internal factors that hinder digitalization. External factors include political and economic factors, the level of information security, manipulation of public opinion, while internal factors include the individual and personal characteristics of members of society. Junior students are generally more optimistic in making predictions about the impact of digitalization on the quality of life and opportunities for self-realization, and external factors are regarded as the main obstacle to digitalization. Senior students are more careful in their forecasts and consider the internal factor as the main obstacle.

Keywords: digitalization, generation Y, generation Z, youth, risks of digitalization.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 37.02

МОТИВИРУЮЩАЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ЗАДАЧА ДЛЯ РАБОТЫ ФИЗИЧЕСКОГО ПРАКТИКУМА

© 2020 г.

И.Ю. Зворыкин, М.Р. Каткова

Зворыкин Илья Юрьевич, заведующий лабораторией школьного физического эксперимента
кафедры кристаллографии и экспериментальной физики
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
izinform@gmail.com

Каткова Мария Ридовна, к.ф.-м.н.; доцент кафедры кристаллографии и экспериментальной физики
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
maryinform@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 16.09.2020**Статья принята к публикации 22.10.2020*

Физический эксперимент является необходимым элементом подготовки учащихся по физике. Особую роль в формировании экспериментальных умений у учащихся играет выполнение работ физического практикума. Как правило, работы физического практикума ставят перед учащимися достаточно сложные задачи, при этом мотивация для их выполнения может оказаться недостаточной. Предлагается использовать в качестве мотивирующего элемента решение специальной экспериментальной задачи. Одной из работ практикума, требующих мотивации, является работа по определению внутреннего сопротивления вольтметра. Для нее мотивирующей задачей будет измерение напряжения на конденсаторе. Описан ход поиска соответствующей задачи и приведен сценарий занятия, сочетающего такую задачу и работу практикума.

Ключевые слова: мотивация, экспериментальная задача, физический практикум.

Введение

Работы школьного физического практикума при полноценной реализации их потенциала являются часто сложными как для учащихся, так и для преподавателей. Практикум может потребовать больших затрат времени на выполнение работы, более тщательной подготовки оборудования и изучения принципов его устройства, сложной обработки результатов, аккуратного оформления отчета.

При этом подчас не ясна мотивация для выполнения учащимися конкретных работ. Если для фронтального эксперимента мотивация может определяться наличием в учебном плане соответствующих тем, то работы практикума могут далеко отклоняться от плана в своей тематике. Но при этом они могут очень успешно выполнять свою главную функцию формирования и развития определенных экспериментальных умений учащихся. В общем случае мотивация преподавателя может сильно отличаться от мотивации учащегося. Преподаватель исходит из имеющегося у него понимания дидак-

тической значимости задачи, у учащихся этого понимания исходно нет.

Экспериментальная задача как мотивирующий элемент для физического практикума

Для ряда работ практикума есть необходимость в дополнительном элементе, мотивирующем учащихся. Таким элементом может послужить простая (а еще лучше элементарная) вводная экспериментальная задача. Её функция состоит в том, что в задачу преподавателем может быть вложена проблемная ситуация [1]. Эта ситуация проявляется в ходе реализации очевидного (лучше единственного) варианта экспериментального решения учащимися данной задачи. Контраст между ожидаемым и полученным результатами эксперимента способен показать учащимся наличие у них дефицита знаний, который не позволяет сразу решить проблему и объяснить происходящее в ходе эксперимента. Поскольку практикум предполагается проводить в группе, то решение мотивирующей зада-

чи должно привести всех к пониманию важности задачи практикума.

В литературе [2; 3] достаточно давно описан пример мотивации для выполнения работы практикума в виде проводимого на уроке поискового варианта демонстрационного эксперимента. Однако значительный временной разрыв между мотивирующим экспериментом и практикомом может несколько снизить уровень мотивации.

Нашей целью было показать возможность введения такого мотивирующего элемента, как экспериментальная задача, и сформулировать то, каким образом преподаватель может выбрать такие задачи. Технологическое описание процесса поиска задачи может показать, что для большинства преподавателей вполне осуществим данный способ мотивации учащихся.

Технология выбора мотивирующей экспериментальной задачи для работы физического практикума

Преподаватель может подобрать задачу из ряда имеющихся, либо сконструировать сам, либо выполнить оба действия и выбрать наиболее подходящий вариант.

Рассмотрим технологию выбора такой задачи на конкретном примере, приведя при этом общий алгоритм, а также отдельно опишем ход урока, проводимого с использованием найденной мотивирующей задачи.

В одном из УМК по физике предлагается выполнение лабораторной работы по измерению внутреннего сопротивления вольтметра [4]. При этом тема работы далеко отстоит от тем, изложенных в учебнике, входящем в состав данного УМК. О наличии у вольтметра внутреннего сопротивления в учебнике ничего не сообщается. Таким образом, мотивации для ее выполнения нет не только у учащегося, но и у учителя, увидевшего тему работы.

О существовании у реального вольтметра внутреннего сопротивления получить знания из УМК учащиеся не могут, но они в состоянии выдвинуть (например, в ходе правильно проведенной эвристической беседы) гипотезу о его существовании (в данном случае об определенном конечном его значении). Следует лишь помнить при конструировании урока, что «абсолютно новая задача, не опирающаяся на предшествующий опыт ученика, исключает возможность активных поисков её решения» [5].

Работа по определению внутреннего сопротивления вольтметра в виде работы физического практикума может стать одной из хороших

задач системы задач практикума с общей тематикой «Реальные электрические цепи».

Разумеется, сама по себе тематика, как бы внушительно она ни была сформулирована, не создает мотивацию и не определяет эффективность деятельности.

Одним из вариантов мотивации для учащихся может явиться постановка задачи, решение которой не так просто и понятно, как выполнение лабораторной работы по готовому описанию. Если при этом удастся реализовать элементы проблемного обучения [1], то и эффективность такого подхода будет значительно выше, чем привычная внутренняя задача, призванная проиллюстрировать применяемый в лабораторной работе метод измерения.

Ответ на вопрос о том, как именно сконструировать или подобрать такую задачу, может дать только сам предмет, в данном случае физика. Значит, нам необходимо найти мотивирующую задачу, в которой ключевую роль будет играть именно то, что составляет физическую суть работы практикума, – наличие и конкретное значение у реального вольтметра внутреннего сопротивления.

Исходя из этого, одновременно требуется реализовать функцию вольтметра (измерение электрического напряжения) и показать то, что у реального вольтметра для ее полноценного осуществления в ряде случаев возникает естественное препятствие в виде наличия некоторого внутреннего сопротивления. При этом следует учитывать то, что в лаборатории для выполнения фронтальных лабораторных работ используют вполне определенные вольтметры, с определенными пределами измеряемого напряжения и значениями внутреннего сопротивления. Для решения такой экспериментальной задачи, возможно, потребуются и иные приборы с другими значениями внутреннего сопротивления. Преподаватель должен быть к этому готов, поскольку может оказаться, что нет иного способа решить выбранную экспериментальную задачу.

Препятствие в виде внутреннего сопротивления становится существенным в случае, когда значение сопротивления участка (элемента) цепи, на котором проводится измерение, значительно выше внутреннего сопротивления вольтметра. Тогда появление в цепи вольтметра существенно изменит общий ток в цепи, и напряжение на её участках тоже изменится, и оно не совпадет с теоретически определенным. Крайним случаем такого элемента является электрический конденсатор, но тут следует помнить, что постоянный ток через конденсатор не про-

текает. Рассматривать переменные токи в данной задаче практикума мы не можем.

Элементов электрической цепи, знакомых учащимся и доступных для работы практикума, не так уж и много, и в итоге можно предложить, к примеру, следующие три варианта задачи.

1. Измерить реальным вольтметром напряжение на одном из двух одинаковых резисторов, соединенных параллельно и имеющих сопротивление существенно выше, чем внутреннее сопротивление вольтметра.

2. То же, но для двух последовательно соединенных конденсаторов.

3. Измерить напряжение на одном заряженном, но отключенном от источника энергии на момент измерения конденсаторе, ибо он способен иметь на обкладках напряжение, хотя при этом не требуется протекание через него тока. Наличие у вольтметра внутреннего сопротивления неизбежно приведет к разрядке конденсатора в процессе измерения. Таким образом, вольтметр, измеряя напряжение, изменяет его значение, то есть демонстрирует свою неидеальность.

Разберем все три варианта подробнее, чтобы выполнить тот, который оптимально подойдет для ситуации, которая будет создана преподавателем на занятии.

Первый вариант сравнительно прост и понятен учащимся. Однако при этом в качестве источника, создающего ток через резисторы, должен использоваться источник со стабилизацией выходного напряжения. Для вольтметра с пределом измерения 6 В и внутренним сопротивлением 600 Ом имеет смысл брать резисторы сопротивлением минимум в 1 кОм. Напряжение на резисторах оптимально выбрать 12 В. Тогда идеальный вольтметр покажет значение напряжения в 6 В на каждом из резисторов, а реальный – почти в два раза меньше. Трудностью использования данной задачи в качестве мотивирующей является то, что каждому учащемуся потребуется собрать соответствующую схему, даже если напряжение на каждую из схем приходит от одного общего источника. Иначе измерения придется проводить по очереди на одной демонстрационной схеме. Это в любом случае занимает некоторое время, которое может оказаться несоразмерным со вспомогательной ролью этой задачи. Также следует учесть то, что вольтметры для группы в любом случае требуется выбрать с разными значениями внутреннего сопротивления. И разные вольтметры дадут разные результаты.

Второй вариант для мотивирующей задачи слишком сложен. В общем, это вариант предыдущей задачи с условием, что конденсатор – это резистор с бесконечным сопротивлением. Но

это условие существенно меняет ситуацию. Описание процессов, происходящих в данной цепи при подключении вольтметра, не соответствует очевидным для мотивирующей задачи условиям простоты и понятности. Это не подходящий вариант.

Третий вариант в чем-то сложнее первого, значительно проще второго и использует меньше оборудования, чем первый. Следует лишь обеспечить всех учащихся одинаковыми конденсаторами и каждому предоставить индивидуальное подключение к общему источнику напряжения. Плюс данного варианта состоит в том, что актуализируются знания о конденсаторах. В школьном курсе им уделяется неоправданно мало времени, и у учащихся складывается впечатление, что это редкий элемент электрических схем. Однако это совершенно не так, достаточно взглянуть на любую современную электронную схему. Но этого взгляда, возможно, достаточно преподавателю, а учащимся для понимания ситуации следует организовать учебную деятельность с конденсатором. Данная экспериментальная задача для этого вполне подходит.

Таким образом, у нас есть два подходящих варианта для реализации мотивирующей задачи. Какой из них выбрать, пусть решает преподаватель. В дальнейшем мы опишем сценарий занятия для третьего варианта.

В заключение описания процесса поиска подходящей задачи можно заметить, что в настоящее время опубликовано огромное количество задач, поэтому вряд ли приходится рассчитывать на уникальность самостоятельно полученного преподавателем варианта. Но тут следует предостеречь от ситуации, когда вместо анализа физики, составляющей суть задачи практикума и самостоятельных попыток создать подходящую задачу, сразу начинается поиск готового варианта. Он, конечно, найдется, с немалой долей вероятности, но вариант самостоятельного составления задачи кажется намного полезнее для преподавателя. Тем более что самостоятельные размышления привели нас к трем вариантам, а поиск готовых решений может прекратиться после первого найденного варианта, показавшегося кому-то оптимальным. Также часто требуется адаптация подобранной задачи к определенным требованиям, которые сформированы методикой и техникой данного вида учебного физического эксперимента, и в итоге задача может весьма значительно видоизмениться.

Дополнительно оценить значимость работы практикума по определению внутреннего сопротивления вольтметра можно, исходя из сле-

дующего. Предположим, что у учащихся оказались два конденсатора: первый, к примеру, емкостью в несколько микрофарад, а второй конденсатор значительно большей емкости (к примеру, несколько тысяч микрофарад). Оба конденсатора были полностью заряжены. Учащиеся самостоятельно обнаружили, что напряжение на одном конденсаторе больше, чем на другом, ибо стрелка школьного вольтметра отклоняется при подключении первого конденсатора на большее число делений шкалы. То, что в любом случае напряжение, показываемое вольтметром, неуклонно снижается, может не вызвать дополнительных вопросов у учащихся, ведь оно снижается в обоих случаях. Получается, что имеющееся на обкладках конденсатора напряжение зависит от его емкости. Такая гипотеза вполне может быть выдвинута учащимися при самостоятельном решении этой элементарной экспериментальной задачи. То, что вольтметр, имеющий невысокое внутреннее сопротивление, в этом случае выполняет роль гальванометра и отклонение стрелки показывает не напряжение, а заряд, им неизвестно. Таким образом, задача по определению внутреннего сопротивления вольтметра оказывается важна. Без знаний о наличии у вольтметра конечного внутреннего сопротивления учащиеся способны выдвинуть подобную гипотезу о том, что измеренное напряжение зависит от емкости конденсатора. И она при поверхностном рассмотрении подтверждается экспериментально! При этом совершенно понятно, что суть происходящего от учащихся ускользает. Пример использования потенциала простой экспериментальной задачи и опасность неполного, а значит неправильного, ее решения можно найти в современных исследованиях [6]. Также следует заметить, что среди задач школьного практикума присутствует задача, способная правильно объяснить происходящее в ходе эксперимента. Это задача «Измерение емкости конденсатора с помощью гальванометра», описание которой содержится в соответствующей литературе [7]. Потребуется лишь обратить внимание учащихся на характер движения стрелки вольтметра. При этом у учащихся все же должны иметься знания о том, что общего у школьного стрелочного вольтметра и гальванометра, включая знание о наличии у вольтметра внутреннего сопротивления.

Сценарий занятия с использованием мотивирующей экспериментальной задачи

Сценарий части выполненного практикума, призванный проиллюстрировать применение мотивирующей задачи, приведем ниже.

1. Всем учащимся выдаются наборы оборудования, в которых содержатся одинаковые неполярные конденсаторы емкостью несколько десятков микрофарад и совершенно разные вольтметры. Часть этих вольтметров знакома учащимся, поскольку они использовались во фронтальных лабораторных работах. К конденсаторам следует присоединить провода красного и черного цветов, чтобы исключить их неправильное подключение к вольтметрам (переплюсовку). Стабилизированный источник питания в этом случае один на всю группу с напряжением несколько вольт (оптимальное напряжение – 5 В). Можно использовать и обыкновенный химический источник – батарею элементов или аккумуляторов. Можно даже провести жеребьевку по выдаче наборов, ибо старый стрелочный вольтметр выглядит менее презентабельно, чем современный цифровой мультиметр, и самостоятельно его, возможно, никто не выберет. Впрочем, возможно и обратное. Привычные стрелочные вольтметры, уже знакомые учащимся, будут наиболее востребованы.

2. Каждый учащийся подключает сначала вольтметр к источнику питания и убеждается, что напряжение на клеммах у источника не равно нулю и вольтметр исправен. Все вольтметры при этом покажут одинаковое напряжение, как стрелочные, не новые приборы, так и современные, цифровые. Этот факт фиксируется преподавателем.

3. Затем все учащиеся по очереди подключают свои конденсаторы к источнику на достаточное время, отключают и далее измеряют напряжение на отключенном конденсаторе. Результат протоколируется произвольно в виде текста и до определенного момента в группе не обсуждается.

4. Для самого плохого вольтметра учащиеся наблюдают лишь кратковременное отклонение стрелки по шкале не более чем на половину значения напряжения источника. Для других стрелочных приборов отклонение будет вплоть до полного значения напряжения источника, но также кратковременно. У современных стрелочных мультиметров с высоким внутренним сопротивлением показания могут совпадать с показаниями качественных цифровых мультиметров. В начале они будут точно соответствовать напряжению источника, а потом неуклонно, хотя и достаточно плавно, будут снижаться.

5. После того как все учащиеся закончили измерения, каждый рассказывает о том, что у него получилось, точнее, в основном о том, что при измерении не получилось.

6. Преподаватель выступает в роли арбитра и проводит общий демонстрационный экспери-

мент, показывающий возможности всех приборов по измерению напряжения на конденсаторе. Перед экспериментом он предлагает учащимся задуматься о том, в чем может быть причина проблемы, но пока не высказывать свои предположения вслух.

7. После контрольного эксперимента преподаватель предлагает выдвигать гипотезы и высказывать их. При этом становится совершенно ясно, что модель идеального вольтметра, который никак не влияет на измеряемую цепь, оказывается тут неприменимой. Нужна другая модель, учитывающая влияние вольтметра. Но как именно вольтметр может влиять на измеряемую цепь? И вообще, какой элемент электрической цепи может при таком подключении повлиять на измеряемую цепь, на ток в цепи, к примеру?

8. В ходе обсуждения получаем гипотезу, что конденсатор разряжается и заряжается «через вольтметр». Учитель предлагает сформулировать ее более грамотно, а именно: «Конденсатор разряжается через резистор, входящий в состав схемы вольтметра, сопротивление которого можно назвать внутренним сопротивлением вольтметра. И, видимо, чем более идеален вольтметр, тем более высоким является его внутреннее сопротивление».

9. Может оказаться полезным также продемонстрировать то, что разрядка конденсатора через цифровой мультиметр идет значительно быстрее, если руками прижимать обе клеммы, идущие от конденсатора, к клеммам, идущим к мультиметру. Значит, такое подключение усугубляет ситуацию тем, что к неидеальности самого вольтметра добавляется неидеальность (точнее некорректность) процесса измерения [8; 9].

10. В итоге возникает ключевой вопрос: «Как же определить количественно величину внутреннего сопротивления?».

За этим следует решение задачи, описывающей метод, с помощью которого может быть найдено внутреннее сопротивление конкретного вольтметра, и выполнение самой работы. Описание методов можно найти в соответствующей учебной литературе [4; 8–10]. И методы могут несколько различаться для простых учебных стрелочных лабораторных вольтметров и для современных цифровых мультиметров, находящихся в режиме вольтметра.

По итогам выполнения работы учащиеся сообщают полученные ими значения внутреннего сопротивления их вольтметров преподавателю, и все значения сводятся в единую таблицу, позволяя оценить диапазон полученных значений измеряемой величины. В выполняемом практи-

куме мы получали значения от сотен ом для стрелочных приборов, до нескольких миллионов ом для цифрового мультиметра или профессионального (в том числе учебного) аналогового мультиметра или вольтметра.

Заключение

Нами описана технология поиска мотивирующей задачи для работы практикума на конкретном примере и приведен сценарий занятия, включающего данную задачу.

При планомерной мотивации описанным способом учащимся открывается возможность осознания того факта, что практически за каждой работой практикума стоят реальные физические (практические по сути) задачи, которые могут быть корректно решены лишь в результате получения определенных знаний, умений и навыков при выполнении этой работы.

Список литературы

1. Малафеев Р.И. Проблемное обучение физике в средней школе: Из опыта работы: Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1980. 127 с.
2. Белоусов В.А. Исследовательские методы проведения физического эксперимента // Физика в школе. 1972. № 2. С. 12–15.
3. Зверева Н.М. Активизация мышления учащихся на уроках физики: Из опыта работы: Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1980. 112 с.
4. Артеменков Д.А. и др. Физика. Тетрадь-практикум. 8 класс: Учеб. пособие для общеобразоват. организаций / Под ред. Ю.А. Панебратцева. 9-е изд. М.: Просвещение, 2020. 64 с.
5. Менчинская Н.А. Задача в обучении. Педагогическая энциклопедия / Гл. ред. И.А. Каиров, Ф.Н. Петров. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1965. 912 с.
6. Сауров Ю.А., Сорокин А.П. Решение экспериментальных задач в соответствии с научным методом познания // Сибирский учитель. 2017. № 3 (112). С. 40–42.
7. Практикум по физике в средней школе: Дидакт. материал: Пособие для учителя / Л.И. Анциферов, В.А. Буров, Ю.И. Дик и др.; Под ред. В.А. Бурова, Ю.И. Дик. 3-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1987. 191 с.
8. Лукьянов А.А. Экспериментальная физика. 8 класс: Учебно-методическое пособие для учащихся общеобразовательных учреждений. М.: Азбука-2000, 2018. 128 с.
9. Лукьянов А.А. Мультиметр в школьном лабораторном практикуме // Потенциал. 2017. № 1. С. 38–51.
10. Resistance of a digital voltmeter: teaching creative thinking through an inquiry-based lab // Physics Education. 2018. Vol. 53. № 5.

A MOTIVATING EXPERIMENTAL PROBLEM FOR WORK OF THE PHYSICS PRACTICUM*I.Yu. Zvorykin, M.R. Katkova*

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

A physical experiment is a necessary element in the education of students in physics. A special role in the formation of experimental skills among students is played by the performance of works of a physics practicum. As a rule, the works of the physical practicum pose quite difficult tasks for students, while the motivation for their implementation may be insufficient. It is proposed to use the solution of a special experimental problem as a motivating element. One of the works of the practicum that requires motivation is to work on determining the internal resistance of a voltmeter. For her, the motivating task will be to measure the voltage across the capacitor. The process of searching for the corresponding problem is described and a scenario of a lesson combining such a task and the work of a practicum is given.

Keywords: motivation, experimental problem, physics practicum.

УДК 535.41

ДЕМОНСТРАЦИЯ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ДИАГРАММЫ НАПРАВЛЕННОСТИ АНТЕННЫХ РЕШЁТОК МУАРОВЫМИ СТРУКТУРАМИ

© 2020 г.

П.В. Казарин, С.Н. Менсов, Н.Ф. Услугин

Казарин Пётр Васильевич, к.пед.н.; ст. преподаватель кафедры общей физики
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kazarin-ptr@rambler.ru

Менсов Сергей Николаевич, к.ф.-м.н.; доц.; доцент кафедры общей физики
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
mensov@rf.unn.ru

Услугин Николай Фёдорович, к.ф.-м.н.; доц.; доцент кафедры общей физики
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
uslugin2013@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 09.10.2020**Статья принята к публикации 06.11.2020*

Анализируются методические возможности применения муаровых визуальных структур при изучении явления интерференции как сравнительно простой способ формирования начальных представлений о работе фазированных антенных решеток. Рассматривается аналогия между интерференционной картиной от нескольких источников монохроматических волн и муаровой визуальной структурой, получающейся при наложении двух или нескольких транспарантов с изображениями круговых эквидистантных решеток. Предлагается ряд физических демонстраций, в которых посредством муаровых структур моделируется интерференционная картина, образующаяся при сложении нескольких сферических когерентных волн. Приводятся характерные муаровые структуры, помогающие учащимся понять механизм формирования антенной решетки, состоящей из изотропных излучателей, узкой диаграммы направленности и ее сканирования по углу. Указывается, что такой подход полезен не только при изучении студентами оптики, но позволяет получать начальные сведения о формировании диаграмм направленности фазированных антенных решеток. Предлагаемая методика демонстраций в курсе общей физики способствует формированию профессионально значимых знаний и умений у студентов радиофизических специальностей.

Ключевые слова: преподавание физики в вузе, физические демонстрации, интерференция, муаровые визуальные структуры, диаграмма направленности.

Введение

Компьютерные демонстрации, позволяющие моделировать различные физические процессы и представлять их на экране монитора, существенно повышают эффективность практических и лекционных занятий. Однако постоянное апеллирование к результатам модельного численного эксперимента приучает студентов находиться в виртуальном мире математических моделей, не задумываясь об адекватности отражения виртуального пространства и реального. В настоящее время уже приходится говорить об отсутствии практических навыков и правильных наглядных представлений о физических величинах даже у «сильных» студентов. В этом смысле присутствие натурального, пусть и модельного, эксперимента – важный элемент формирования у учащихся конструктивных навыков познания окружающего мира.

Одним из возможных способов моделирования картин, поясняющих интерференцию волн,

является муаровый метод [1–3]. С помощью муара наглядно иллюстрируется интерференционная картина, образующаяся при сложении плоских или сферических когерентных волн. В отличие от обычных иллюстраций, муаровые картины позволяют оперативно изменять параметры интерференционной схемы путем небольшого перемещения (поворота) исходных транспарантов. Зачастую такое «оживление» изображения может дать даже больший педагогический эффект, чем мультипликация, сгенерированная, например, компьютером. С методической точки зрения здесь важна наглядность получения «интерференционной» картины путем наложения эквидистантных решеток – модельных аналогов синусоидальных (монохроматических) волн.

Известны муаровые картины, изображающие интерференцию волн от двух точечных источников, расположенных друг от друга на значительном по сравнению с длиной волны расстоя-

нии [1; 4; 5]. Такая ситуация характерна в первую очередь для оптического диапазона волн и моделирует интерференцию света от двух точечных когерентных источников. С другой стороны, широкое распространение радиосвязи (в том числе мобильной), использование фазированных антенных решеток ставит вопрос о более раннем знакомстве учащихся с физическими основами антенной техники. В частности, оставаясь в рамках курса общей физики и пользуясь понятием интерференции волн от нескольких точечных источников с изотропным излучением, расположенных друг от друга на сравнимых с длиной волны расстояниях, можно пояснить, как несколько всенаправленных источников волн, работая совместно, в некоторых направлениях излучают, а в некоторых нет. Другими словами, при изучении явления интерференции учащийся может получить начальные сведения о механизме формирования диаграммы направленности антенн.

Описание подхода к моделированию реальных интерференционных картин изображения муаровых структур

При использовании муаровых структур естественно встает вопрос о соответствии изображений, получаемых при наложении решеток (транспарантов), реальной интерференционной картине. Как правило, этот вопрос подробно не рассматривается, поскольку качественно муаровые полосы хорошо повторяют картину интерференционных полос в пространстве, а большего от иллюстративного материала на лекциях и не требуется. Ситуация меняется, если мы хотим продемонстрировать, например, формирование диаграммы направленности антенны, состоящей из нескольких изотропных излучателей (вибраторов). Во-первых, в этом случае излучатели расположены на расстояниях, сопоставимых с длиной волны; а во-вторых, теперь излучателей больше, чем два, т.е. для моделирования необходимо больше транспарантов, наложенных друг на друга.

Основой возможных расхождений изображений реальных интерференционных картин и муаровых структур, полученных наложением транспарантов с изображениями соответствующих волн, является следующее. При интерференции, например, электромагнитных волн наблюдатель регистрирует интенсивность суммарной волны, т.е. величину, пропорциональную квадрату суммы напряженностей электрических полей. Интенсивность же света, прошедшего через сложенные транспаранты, пропорциональна произведению коэффициентов

пропускания этих транспарантов. Ситуацию усугубляет то, что для неискаженного изображения синусоидальной (знакопеременной) волны на транспаранте присутствует некоторый средний уровень коэффициента пропускания. Рассмотрим более подробно, насколько точно муаровая картина, полученная наложением круговых эквидистантных решеток, соответствует интерференции волн от двух когерентных точечных источников.

Интерференция волн от двух точечных источников подробно рассматривается в большинстве вузовских учебников по оптике, и мы не будем на ней останавливаться. Напомним только, что при такой интерференции на большом расстоянии от источников (в дальней зоне) наблюдаются радиально расположенные полосы, в которых обе волны складываются в фазе. В оптике это соответствует светлым интерференционным полосам. В радиодиапазоне говорят о формировании диаграммы направленности сложного излучателя.

Рассмотрим, что получится при наложении двух транспарантов с изображениями круговых эквидистантных решеток. Переменный коэффициент пропускания [1] одного такого транспаранта может быть записан в виде:

$$T(\vec{r}) = \frac{1}{2}(1 + \cos(k'r + \varphi_0)),$$

где r – расстояние до центра решетки в плоскости транспаранта, $k' = \frac{2\pi}{\Lambda}$ – «волновое число»,

соответствующее пространственному периоду Λ решетки. Визуально такой транспарант представляет собой систему концентрических прозрачных и непрозрачных колец, которые можно трактовать как мгновенный снимок круговых волн – волн, распространяющихся по плоскости от точечного источника. При этом радиус границы первой (от центра) прозрачной области определяется начальной фазой – φ_0 как

$$r_0 = \Lambda \cdot \left(\frac{1}{4} - \frac{\varphi_0}{2\pi} \right).$$

Рассматривая наложенные друг на друга транспаранты с некоторого расстояния, глаз не воспринимает мелкомасштабные детали, в данном случае размером в Λ ; будут видны лишь крупномасштабные части рисунка, в нашем случае – муар, получающийся при наложении транспарантов.

Качественно образование муаровых полос можно объяснить следующим образом: при наложении транспарантов друг на друга наибольшее пропускание света будет в местах, в которых изображения волновых фронтов почти параллельны и, кроме того, совпадают

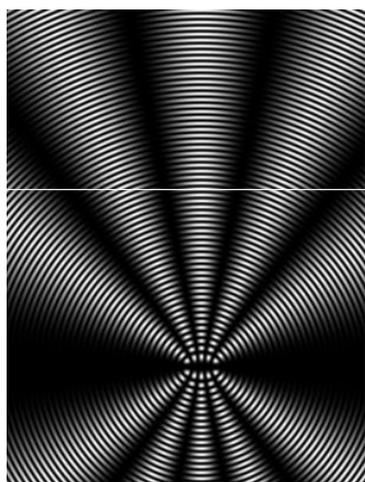

Рис. 1а. Интерференционная картина двух сферических волн от разнесённых источников

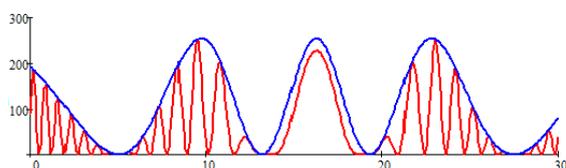

Рис. 1б. Распределение интенсивности излучения поля в сечении А-А

максимумы коэффициентов пропускания транспарантов (оба транспаранта прозрачны). Затемнённые области приходятся на точки, в которых имеется минимум коэффициента пропускания хотя бы одного транспаранта (т.е. он непрозрачен). Таким образом, светлые муаровые полосы образуются там, где изображения волн на транспарантах оказываются в фазе – прозрачные участки накладываются на прозрачные. В интерференционной картине это соответствует сложению волн в фазе и, соответственно, максимальной интенсивности. Таким образом, можно утверждать, что светлые муаровые полосы правильно показывают положение максимумов интенсивности в интерференционной картине. Важно отметить, что данное утверждение справедливо и при наложении более двух транспарантов.

На рис. 1 приведен результат расчета интерференционной картины от двух синфазных точечных источников, расположенных на расстоянии $\frac{5}{2}\lambda$ друг от друга; а на рис. 2 – результат наложения двух транспарантов с изображениями синусоидальных круговых решеток (расположение центров и пространственные периоды подобраны так, чтобы рисунки были в одинаковых масштабах). На первом рисунке показано мгновенное значение распределения плотности энергии, а на втором – интенсивность прошед-

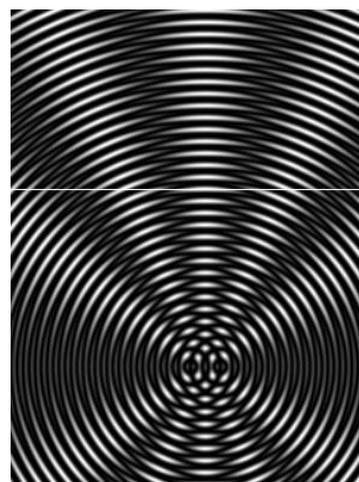

Рис. 2а. Муаровая структура при наложении двух круговых решёток со смещёнными центрами

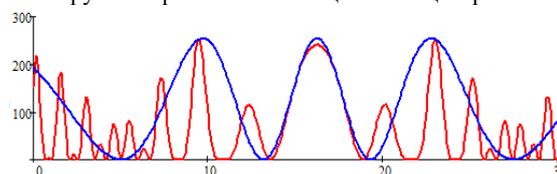

Рис. 2б. Распределение интенсивности света за сложными транспарантами в сечении В-В

шего через транспаранты света. Более детально сравнить полученные изображения можно с помощью графиков, размещенных под соответствующими рисунками, на которых изображены сечения вдоль оси X соответствующих распределений (на рисунках эти сечения выделены горизонтальной линией). Видно хорошее соответствие двух рисунков в областях вдали от источников излучения (центров радиальных решеток).

Муаровые структуры, демонстрирующие процесс формирования диаграммы направленности решетками из изотропных излучателей

Для того чтобы показать, как формируется диаграмма направленности решетки, состоящей из нескольких ненаправленных излучателей, полезно вначале рассмотреть интерференцию от двух источников при различных расстояниях между источниками. С помощью муаровых структур легко моделируется процесс изменения расстояния между источниками. Сдвигая одну круговую решетку относительно другой, можно наблюдать увеличение (уменьшение) числа лепестков в диаграмме направленности и изменение их ширины. В качестве примера на рис. 3 приведены муаровые картины, полученные наложением двух круговых решеток, центры которых сдвинуты по горизонтали относи-

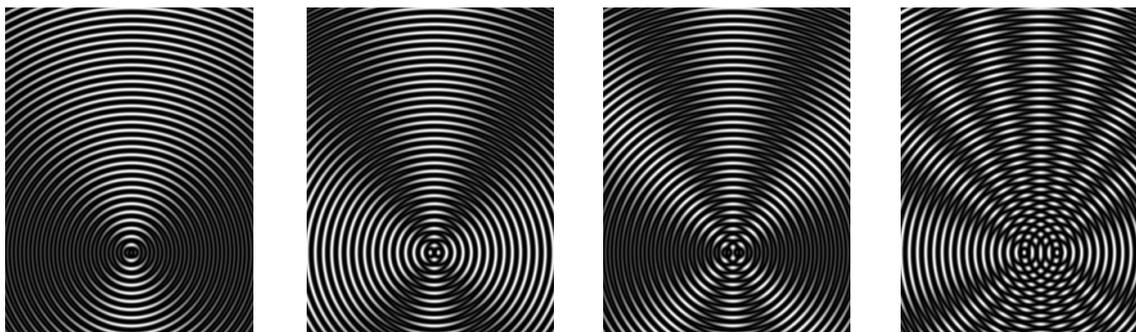

Рис. 3. Муар, полученный наложением двух круговых синфазных эквидистантных решеток. Центры решеток сдвинуты по горизонтали на 0.5, 1, 1.5, 4 пространственных периода соответственно

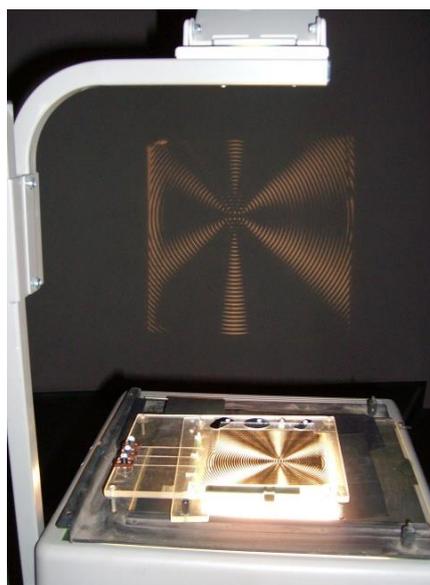

Рис. 4. Устройство для формирования муаровых структур, моделирующих интерференцию от нескольких точечных источников

тельно друг друга на расстояние, соответствующее доле либо нескольким пространственным периодам. Сами решетки печатались лазерным принтером на прозрачной пленке (для копировальных аппаратов). Пространственный период изготавливаемых транспарантов подбирался из условия наилучшего восприятия муаровой картины, проецируемой на большой экран в аудитории (в нашем случае $\Lambda \cong 1$ мм).

Интерференционные эффекты лежат также и в основе формирования узких диаграмм направленности многоэлементными антеннами. Важная особенность многоэлементных антенн – возможность формирования асимметричных диаграмм направленности и возможность сканирования излучением (приёмом) антенны за счёт задания начальных фаз колебаний вибраторов [7; 8].

В работе [9] предложено несложное устройство, позволяющее создавать муаровые картины, моделирующие интерференцию волн от четырёх синфазных источников. На планшете из оргстекла закреплён прозрачный транспарант

с изображением круговой решётки, на который наложены еще три транспаранта с идентичными изображениями. Эти транспаранты могут перемещаться вдоль направляющих посредством стержневых толкателей, закрепленных на вращающейся линейке на разных расстояниях от оси её вращения. Таким образом, центры наложенных друг на друга решеток расположены вдоль одной прямой на равных расстояниях друг от друга, а сами расстояния можно менять, поворачивая линейку с толкателями. На рис. 4 показана фотография этого устройства в момент демонстрации студентам.

В качестве иллюстрации получающихся изображений на рис. 5 представлены муаровые картины, соответствующие расположению излучателей на разных расстояниях друг от друга. Видно, что по мере увеличения расстояний между центрами решеток (между излучателями) излучение всей решетки (антенны) становится более направленным, а также появляются дополнительные направления излучения (говорят об узкой, многолепестковой диаграмме направленности).

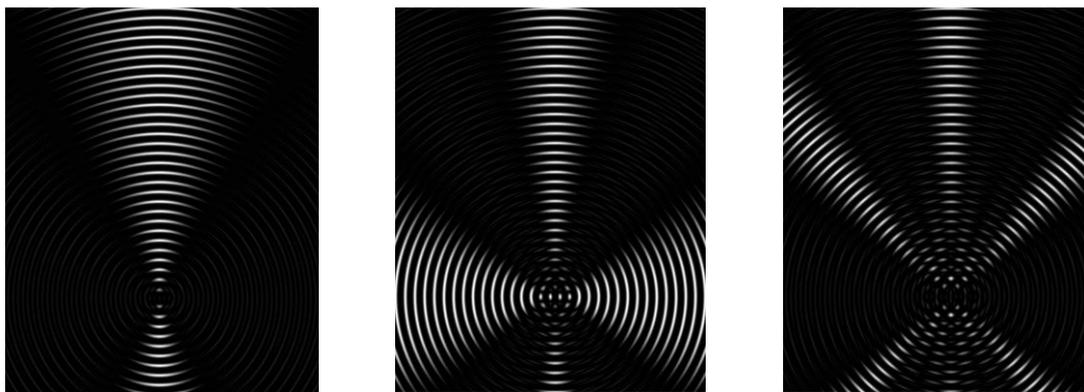

Рис. 5. Муаровая структура от наложения четырёх круговых решёток при расстояниях между центрами соседних решеток в 0,5, 1, 1,5 пространственного периода

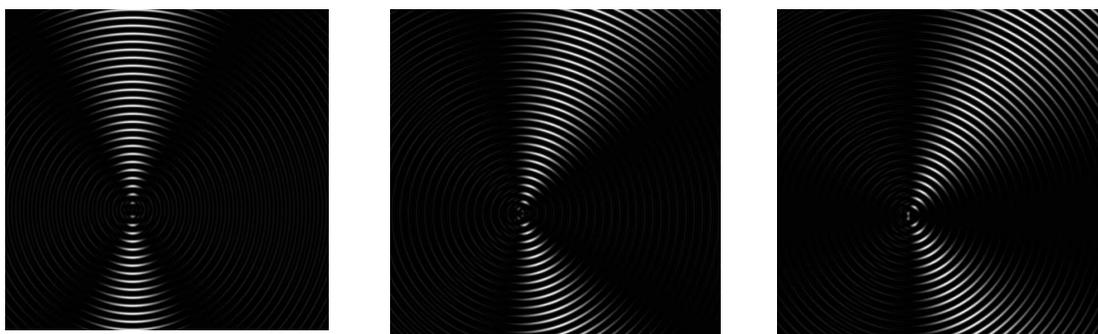

Рис. 6. Муаровая структура от наложения четырёх круговых решёток, центры которых сдвинуты по горизонтали на половину пространственного периода относительно друг друга. Разность начальных фаз между соседними транспарантами $0, \pi/3, \pi/2$

Сложнее с демонстрацией изменения диаграммы направленности при разных начальных фазах излучателей. Известно, что при наличии разности в начальных фазах излучателей направление интерференционных полос изменяется (диаграмма направленности поворачивается). В круговой решетке, моделирующей сферическую волну, начальная фаза, как уже указывалось, «зашифрована» в радиусе первого (центрального) кольца и не может оперативно меняться, однако возможно изготовить несколько транспарантов, например, с начальными фазами $0, \pi/4, \pi/2, 3\pi/4$ и т.д.

На рис. 6 показана возможность демонстрации на установке поворота диаграммы направленности вводом линейно меняющейся от излучателя к излучателю начальной фазы.

Заключение

Таким образом, используя набор круговых эквидистантных решеток одинакового периода, можно получить муаровые картины, моделирующие не только интерференцию от двух точечных источников, но и процесс формирования диаграмм направленности в современных антенных решетках. При этом, если в наборе присутствуют решетки с разными радиусами цен-

трального кольца (что соответствует разным начальным фазам источников), то возможна демонстрация и поворота диаграммы направленности, сформированной решеткой изотропных излучателей, как это происходит в современных фазированных антенных решетках. Все это говорит о перспективности и профессиональной значимости предлагаемой методики демонстраций в сочетании с компьютерными расчетами и демонстрациями реальных антенных устройств.

Список литературы

1. Экспериментальная радиооптика / Под ред. В.А. Зверева, Н.С. Степанова. М.: Наука, 1979. 256 с.
2. Резников Л.И. Физическая оптика в средней школе. М.: Просвещение, 1971. 263 с.
3. Лекционные демонстрации по физике / Под ред. В.И. Ивероной. М.: Наука, 1972. 640 с.
4. Мансуров А.А., Мансуров Н.А. Применение муаровых полос при изучении интерференции и дифракции волн. Сб. научно-методических статей по физике. Вып. М.: Высш. шк., 1988. 152 с.
5. Казарин П.В., Степанов Н.С., Шишарин А.В. Демонстрация особенностей интерференции различных волн при помощи муаровых структур // Тезисы конференции «Курсу физики – технические средства поддержки». Екатеринбург: УПИ, 1992. С. 16.

6. Гребенев И.В., Казарин П.В. Использование муаровых структур как средства наглядности при формировании понятия диаграммы направленности // Научно-методич. журнал «Учебный эксперимент в образовании». 2010. № 3. Саранск: Мордов. ГПИ. С. 56–59.

7. Горелик Г.С. Колебания и волны. М.: ГИФМЛ, 1959. 572 с.

8. Гребенев И.В., Казарин П.В., Менсов С.Н., Полштайцев Ю.В., Степанов Н.С. Демонстрация роли фазировки вибраторов в формировании и управлении диаграммой направленности многоэлементной антенны // Тезисы научной конференции «Роль ин-

новационных университетов в реализации Национальной образовательной инициативы «Наша новая школа». Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2011. С. 178–180.

9. Казарин П.В., Степанов Н.С., Услугин Н.Ф. Демонстрация особенностей излучения от нескольких точечных источников с помощью муаровых структур // Тезисы научной конференции «Роль инновационных университетов в реализации Национальной образовательной инициативы «Наша новая школа». Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2011. С. 185–186.

DEMONSTRATION OF THE SHAPING THE RADIATION PATTERN OF ANTENNA ARRAYS USING MOIRÉ STRUCTURES

P.V. Kazarin, S.N. Mensov, N.F. Uslugin

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article analyzes the methodological possibilities of using visual moiré structures in the study of the phenomenon of interference as a relatively simple way of getting the initial ideas about the operation of phased antenna arrays. An analogy between the interference pattern from several sources of monochromatic waves and the visual moiré structure resulting from the superposition of two or more transparencies with images of circular equidistant gratings is considered. A number of physical demonstrations are proposed, in which the interference pattern is simulated by means of moiré structures formed by the addition of several spherical coherent waves. Typical moiré structures are given to help students understand the mechanism of shaping the narrow radiation pattern and azimuth scanning by an antenna array consisting of isotropic emitters. It is indicated that such an approach can be useful for students not only in the study of optics, but also allows one to obtain initial knowledge about the shaping the phased antenna array patterns. The proposed demonstration technique in the course of general physics contributes to the formation of professionally significant knowledge and skills among the students of radiophysical specialties.

Keywords: teaching physics at university, physical demonstration, interference, visual moiré structures, antenna pattern.

УДК 378.4

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ-2020 НА РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО МЕНЕДЖМЕНТА В УНИВЕРСИТЕТАХ

© 2020 г.

Л. Пэн, Л.Н. Рулиене

Пэн Лин, к.и.н.; доцент Института иностранных языков Сианьского университета Цзяотун
peng_ling2002@126.com

Рулиене Любовь Нимажаповна, д.пед.н.; проф.; профессор кафедры общей педагогики
Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова
ruliene@bsu.ru

Статья поступила в редакцию 16.10.2020

Статья принята к публикации 06.11.2020

Авторы анализируют опыт организации учебного процесса в университетах Китая и России в условиях пандемии-2020. В начале 2020 г. университеты экстренно перешли на дистанционное обучение. Дистанционное обучение в условиях самоизоляции следует рассматривать как неупущенную возможность. Ведь университеты получили новый импульс для развития образовательного процесса, совершенствования образовательного менеджмента. Обучение в условиях самоизоляции способствовало ускоренному массовому внедрению цифровых технологий и дистанционных образовательных технологий. Преподаватели и студенты освоили методы онлайн-обучения, начался поиск эффективных мер управления педагогическим процессом в информационно-образовательных средах, были разработаны новые цифровые образовательные платформы, резко возросло количество учебных онлайн-ресурсов. Несмотря на эти меры, остаются нерешёнными проблемы интеграции традиционного аудиторного обучения и онлайн-обучения. Поэтому важно непрерывное совершенствование цифровых компетенций преподавателей и студентов.

Ключевые слова: пандемия-2020, университеты, дистанционное обучение, образовательный процесс, образовательный менеджмент.

Введение

Образовательный процесс современного университета как суперсложная система, обеспечивающая информационно-педагогическое взаимодействие преподавателя и студентов, обладает удивительной способностью приспосабливаться к постоянно изменяющимся условиям. Пандемия-2020, вызванная коронавирусной инфекцией, стала новым вызовом для мировой системы образования и испытанием для устойчивого саморазвития образовательного процесса. COVID-19 спровоцировал быстрый массовый переход к цифровому образованию [1] – процессу организации взаимодействия между обучающими и обучающимися при движении от цели к результату в цифровой образовательной среде, основными средствами которой являются цифровые технологии, цифровые инструменты и цифровые следы как результаты учебной и профессиональной деятельности в цифровом формате.

Если до 2020 года внедрение цифрового образования осуществлялось на уровне инновационных проектов, в рекомендательной форме, то после 2020 года использование цифровых образовательных платформ станет неотъемлемой частью образовательной системы. Как сказал

министр науки и высшей школы РФ В. Фальков, «очное образование до и после коронавируса – две большие разницы... если ты не можешь организовать коллективную работу с помощью онлайн-сервисов, то это уже критично» [2]. В новых условиях каждый преподаватель должен уметь работать в онлайн-режиме. А это значит, что нужно быстро научиться работать в цифровой среде, что в свою очередь ведёт к обновлению образовательных технологий. Таким образом, за несколько месяцев участники образовательного процесса всех уровней и форм образования были вовлечены в инновационные процессы в области цифровизации образования, которые в течение последних двадцати лет осуществлялись инициативными группами, педагогами-исследователями и поддерживались различными федеральными проектами. Цифровая революция в университетском образовании, которую мы ожидаем завтра, может совершиться уже сегодня, если университеты будут ориентированы на саморазвитие.

Известно, что саморазвитие существенно ограничивает выбор между свободой и необходимостью [3], инициирует инновационные методы приспособления к окружающей действительности. В этом смысле пандемия-2020 превратила дистанционные образовательные тех-

нологии в основное средство педагогического взаимодействия преподавателя со студентами. Но можно ли данный факт охарактеризовать как самоорганизующийся процесс? Исследование феномена самоорганизации опирается на кибернетический и синергетический подходы. В первом случае система организуется под действием управляющего органа, во втором – система сама, без управляющего органа, выбирает путь своего развития к более высокой организации. Движущей силой самоорганизации является креативность, а «эволюция происходит скачками, через свершение событий» [4]. Исходя из этих свойств, мы вправе рассматривать образовательный процесс как самоорганизующуюся систему. В данной публикации мы представим образовательный процесс и образовательный менеджмент как элементы самоорганизации университетского образования.

1. Как университеты Китая и России ответили на пандемию-2020?

В условиях необходимости сдерживания коронавирусной инфекции многие страны предприняли меры по предотвращению скопления большого количества людей. Так, в конце января 2020 г., сразу после новогодних праздников по лунному календарю, все обучающиеся, начиная от воспитанников детских садов до докторантов материкового Китая и Гонконга, должны были перейти на онлайн-образование. В феврале был издан указ Министерства образования КНР о прекращении учёбы в очном формате. Таким образом, в дистанционный режим были переведены 30 миллионов студентов, обучавшихся в 3 000 китайских университетах. Обучение для 500 000 иностранных студентов также было организовано на онлайн-платформах.

Для того чтобы студенты Китая могли продолжить обучение, прилагались огромные усилия. Потенциал университетского педагогического сообщества был направлен на поиск сервисов и инструментов, обеспечивающих эффективное сопровождение онлайн-обучения. Министерство образования Китая запустило 37 крупнейших онлайн-платформ, на которых был организован учебный процесс 110 образовательных и социальных учреждений. Были созданы 410 000 онлайн-курсов¹.

Создание обучающих платформ и электронных курсов, разработка и внедрение цифровых технологий и прикладных программ требуют привлечения главного потенциала образовательной индустрии – профессорско-преподавательского состава. Так, в одном из университетов Китая в течение весеннего семестра было

обеспечено дистанционное обучение по 842 теоретическим дисциплинам. В целом во время карантина в китайских университетах было разработано 5 000 новых открытых массовых онлайн-курсов, а также 18 400 специальных электронных курсов. В апреле 2020 г. в онлайн-обучении участвовали 3.94 млн преподавателей и 1.8 млрд студентов.

Как видим, COVID-19 ускорил трансформацию форм и методов образовательной деятельности, перспективными становятся мобильные и интерактивные технологии. Как сказал Питер Саловой, президент Йельского университета, «опыт дистанционного преподавания в чрезвычайных ситуациях окажет долгосрочное воздействие на будущее, а также способствует реформированию онлайн-методов образования и инициирует изменения в традиционном обучении»².

Конечно, онлайн-обучение имеет риски, связанные с техническими проблемами, цифровым неравенством. Многие китайские цифровые платформы были перегружены, произошёл сбой информационных систем, таких как «Tencent Classroom».

В России существует целый ряд образовательных платформ: «Учи.ру», «Мобильное электронное образование», Skyeng, «Алгоритмика», Яндекс, Mail.ru. Все они созданы разными коммерческими компаниями, которые не могут позволить себе продолжать поддержку этих сервисов бесплатно в течение длительного времени. Отсюда глобальная проблема, связанная с поддержкой производителей контента, предоставляющих бесплатный доступ пользователям в период эпидемий. Кроме того, каналы связи и серверные мощности образовательных платформ не выдержали одновременного подключения к системе почти 17 млн школьников, 7 млн студентов вузов и 4 млн студентов колледжей, не считая учителей и преподавателей [5].

Университет Цинхуа относится к числу китайских университетов, достигших хороших результатов в трансформации научно-образовательного и организационно-управленческого процессов. Это стало возможным благодаря решительным мерам по тотальному внедрению онлайн-обучения, которое студенты называют университетом «после 00 часов».

Успешный переход на онлайн-обучение стал возможен, т.к. университет ещё в 2016 г. запустил «Rain Classroom» – самую современную и эффективную обучающую онлайн-платформу в Китае. В настоящее время эта платформа насчитывает более 19 млн пользователей. Контент, созданный в Rain Classroom, состоит из трёх 30-минутных видеокурсов. Студенты могут задавать вопросы в реальном времени, а аналити-

ческая система собирает и классифицирует эти вопросы. Получив обработанную базу вопросов, преподаватель назначает время, чтобы ответить на вопросы в режиме реального времени и организовать дальнейшее совместное обсуждение учебного материала.

В настоящее время преподавателями Университета Цинхуа на платформе Rain Classroom создано 1 600 онлайн-курсов. Все они являются бесплатными. В ближайшие месяцы для публичного пользования будут открыты ещё более 2000 курсов.

2. Дистанционное обучение в условиях пандемии-2020: проблема или возможность?

Масштабный и ускоренный переход на дистанционный формат обучения можно рассматривать как проблему и возможность. Глава Департамента высшего образования Китая господин У Иань предложил педагогам направить усилия не только на то, чтобы справиться с кризисом, вызванным пандемией, но и на то, чтобы превратить эту проблему в возможность и создать новые международные платформы для обучения в режиме онлайн³. Так, 20 апреля 2020 г. были разработаны 109 международных онлайн-курсов, а 28 апреля начала функционировать международная цифровая платформа «Эй кэй чэн».

Создание и внедрение массовых открытых онлайн-курсов в китайских университетах позволило расширить базу для проведения исследований, направленных на выявление эффективности существующих методик онлайн-преподавания, развитие образовательных технологий, совершенствование подготовки IT-специалистов для сферы образования.

Отметим, что главная проблема онлайн-обучения – это распределённые виртуальные аудитории, состоящие из безликих аккаунтов студентов. Поэтому содержанием онлайн-преподавания является не информация, которую нужно вызубрить, а интерактивное обсуждение научно-образовательного контента, критическое осмысление фактов, обдумывание достоверной информации и др. Для проведения лекции с использованием облачной платформы Zoom преподавателям необходимо развивать не только цифровые навыки, но и так называемые «гибкие» навыки, в том числе эмоциональный интеллект, коммуникативную компетентность, креативный подход и открытость новому. Студентам трудно сосредоточиться на решении сложных и длительных учебных задач в домашних условиях, где много возможностей для игр и развлечений или других отвлекающих факто-

ров. Поэтому Zoom-лекция должна проводиться в интерактивной форме и необходимо продумать инструменты образовательного тайм-менеджмента, обеспечивающего рациональное планирование учебного времени студентов, повышающего интенсивность образовательной деятельности преподавателей. Например, можно использовать «матрицу дел Эйзенхауэра», позволяющую классифицировать предстоящие или текущие дела по критериям «срочность» и «важность».

Новая коронавирусная инфекция сделала популярным дистанционное обучение. Но экстренный переход университетов на дистанционный формат высветил комплекс других проблем: нестабильный и низкоскоростной Интернет в сельской местности, отсутствие и недостаток персональных компьютеров ограничили доступ обучающихся к онлайн-сервисам; недостаточно интерактивный и не всегда медийный контент не мог обеспечить эффективность информационно-педагогического взаимодействия участников образовательного процесса; преподаватели и студенты были лишены эмоционального общения как основного средства передачи личностного опыта. Поэтому многие студенты оценили виртуальное обучение как плохую замену традиционному аудиторному обучению.

3. Уроки пандемии-2020: что должно измениться в образовательном процессе?

Внезапная вспышка новой коронавирусной инфекции заставила людей осознать, что их безопасность во многом зависит от высококвалифицированных кадров, в данном случае медицинских работников. Но для системной работы любой социальной сферы недостаточно обладать профессиональными компетенциями, для успешной работы нужно развивать «мягкие», нетехнические, надпрофессиональные навыки (soft skills). В перечень «мягких» навыков включают личностные характеристики, повышающие эффективность взаимодействия с другими людьми в рабочем пространстве и эффективность работы. Так, в профессии врача к ним относятся умение презентовать себя и свои идеи, выстраивать отношения с различными субъектами здравоохранения, кооперировать свои действия с другими участниками лечебного процесса, проявлять лидерские качества [6], а также проявлять мужество, решительность, дисциплину, ответственность.

Пандемия-2020 обострила проблему профилактической медицины, потребовала пересмотра целей и содержания подготовки высококвал-

лифицированных кадров в Китае. В частности, в медицинских вузах стало усиливаться направление профилактической медицины, в отдельных колледжах и университетах открыты новые медицинские специальности и т.д. В университетах введены курсы и семинары, направленные на популяризацию медицинских знаний, профилактику эпидемий. Материалы о героизме работников здравоохранения в период борьбы с COVID-19 включены в содержание учебных программ для воспитания у студентов чувства патриотизма и коллективизма. В рамках изучения гуманитарных дисциплин больше внимания стали обращать на формирование у студентов навыков социальной оценки различных кризисов и управления ими, выстраивания взаимоотношений между людьми, природой и обществом.

Многие преподаватели, которые прежде отрицательно относились к цифровизации образования, увидели достоинства онлайн-обучения. Как отмечают исследователи, онлайн-обучение и смешанное обучение дают студентам те же результаты, что и традиционное очное обучение, при значительно меньших затратах [7]. При этом занятия в удалённом формате позволяют начать обучение в любом месте (нужен только смартфон или ноутбук), сэкономить на образовании (онлайн-курсы стоят в среднем на 80 процентов дешевле офлайн-занятий), учиться в комфортном темпе (график уроков формируется индивидуально), избавиться от пробелов (сложный материал можно несколько раз пересмотреть), не покупать множество учебников (достаточно зайти на электронную платформу онлайн-школы или в мессенджер для связи с педагогом).

В сентябре 2020 г. китайские и российские университеты начали новый учебный год. Пройдя трудный период зимы и весны, университетское сообщество выглядит более мобильным и уверенным. И всё же остается нерешенным целый ряд проблем, связанных с переносом учебного пространства в глобальную сеть:

- отмечается недостаточный уровень цифровизации инфраструктуры образовательного процесса;
- необходимость массового доступа к электронным ресурсам и онлайн-сервисам значительно превышает возможности цифровых платформ;
- нестабильный Интернет (цифровое неравенство) снижает качество обучения;
- имеют место недостаточный уровень ИКТ-компетентности преподавателей и низкая познавательная и организационная самостоятельность студентов и др.

Эти и другие проблемы приходится решать не в лабораторных условиях, а в реальной образовательной ситуации. Так, Пекинский универ-

ситет ввёл онлайн-консультации по трудоустройству, репетиторству («Как писать эссе») и другие вспомогательные образовательные услуги. Опытные преподаватели считают, что после возвращения к обычной жизни преподавание в университетах не вернётся к прежней модели. Например, профессор Холлидей из Университета Гонконга считает, что «ситуация последних нескольких недель заставит моих коллег навсегда изменить свои методы обучения. Мы обнаружили, что, несмотря на определённые проблемы и трудности, студенты и преподаватели ... отдают предпочтение онлайн-обучению. Наша задача – сохранить онлайн-опыт, накопленный в период эпидемии, и объединить его с очным обучением» [8]. Доктор Коутс из Университета Цинхуа также считает, что высшее образование в онлайн-формате останется популярным после окончания эпидемии, поэтому необходимо решить вопрос легализации такой формы обучения.

Вместе с тем долгосрочный переход на онлайн-обучение нежелателен, так как невозможна диджитализация практических курсов, полевых исследований, учебных практик. Нельзя отказаться от очных академических обменов и стажировок, потому что их содержанием является передача личностного знания, эмоционального опыта, пережитых смыслов. Речь не идёт даже о социальной и культурной привлекательности жизни в кампусе, когда студенты и преподаватели становятся живыми участниками научно-образовательных и культурно-эстетических, спортивных событий.

Так, многие студенты и аспиранты Гонконгского университета, хорошо владея навыками обучения в МООС, успешно обучаются в онлайн-формате. Однако они считают, что онлайн-взаимодействие может быть непродуктивным, потому что студенты любят выключать камеры и микрофоны во время видео-конференц-связи и преподаватель вынужден проводить занятие перед «чёрными экранами». Студенты в виртуальной учебной аудитории задают меньше вопросов, периодически отвлекаются на посторонние дела.

В условиях пандемии важно обеспечить стабильный режим образовательного процесса. Так, в Университете Цинхуа в начале февраля 2020 г. была организована пресс-конференция. В прямом эфире перед 50-тысячным коллективом студентов, преподавателей и выпускников выступили президент и секретарь университета. На конференции было объявлено о временном прекращении очного обучения по всем дисциплинам за исключением некоторых практических и лабораторных курсов. В период весенне-

го семестра на онлайн-платформе прошли обучение более 25 000 студентов по 4 254 курсам. Разработку и научно-педагогическое сопровождение этих курсов обеспечивал 2 681 преподаватель. В целях снижения рисков эмоционального выгорания студентов и преподавателей в экстремальных условиях проводились дистанционные курсы по сохранению психического здоровья, работали консультационные пункты.

Массовый и экстренный переход к дистанционному обучению способствовал сближению студентов и преподавателей. Став участниками естественного педагогического эксперимента по апробации методик онлайн-обучения, преподаватели и сотрудники университета поддерживали друг друга, делились информацией о новых приложениях и сервисах, обучали друг друга цифровым навыкам. Преподаватели охотно участвовали в аудите онлайн-курсов, рассматривая их в качестве средства совершенствования контента и дизайна цифровых образовательных ресурсов. Онлайн-обучение повысило познавательную активность студентов, которые не владеют навыками публичного выступления и предпочитают выполнять задания в письменной форме.

Конечно, университетское сообщество ожидает возобновления традиционного очного обучения. Но цифровая трансформация образовательного процесса и образовательного менеджмента уже произошла и будет ещё продолжаться. Преподаватели и студенты уже получили опыт онлайн-взаимодействия, научились преподавать и учиться в интерактивной форме, испытали преимущества и риски цифровизации образования. Поэтому единственно правильным решением будет поиск новых моделей университетского образования, прежде всего на основе интеграции очного аудиторного и онлайн-обучения.

Конечно, некоторые преподаватели будут по-прежнему сопротивляться изменениям, вернуться к традиционным методам и средствам обучения. Но большая часть профессорско-преподавательского состава, увидев, что онлайн-обучение не искажает уникальный стиль преподавания, но даже усиливает его и сокращает время на выполнение рутинных действий, перешла в число сторонников диджитализации.

Современным университетским преподавателям нужно осознать, что в современном непредсказуемом мире быстро меняться могут лишь технологии, обеспечивая новые решения и предотвращая угрозы. Как и случилось в мировой образовательной практике 2020 года: внедрение онлайн-курсов и обновление образовательных технологий позволили сохранить

студенческий контингент университетов и рабочие места для преподавателей.

4. Уроки пандемии-2020: что должно измениться в образовательном менеджменте?

В условиях COVID-19 колледжи и университеты Китая стали внедрять дистанционное администрирование учебного процесса. Такое нововведение позволило не только избежать риска взаимного заражения, но и преодолеть ограничения во времени и пространстве для взаимодействия с участниками образовательного процесса. Данное решение, на наш взгляд, соответствует пониманию менеджмента как правильной реакции на внутренние и внешние изменения [9]. Правильная реакция менеджеров китайских университетов состоит в том, что они минимизировали или даже исключили решение бизнес-вопросов в очном формате, теперь юридические и финансовые аспекты обучения обрабатываются через сеть. За счёт оптимизации организационно-экономических процессов, экономии затрат, связанных с функционированием административно-хозяйственной, планово-экономической и бухгалтерской служб, значительно повышается эффективность образовательного менеджмента университетов. Интересен опыт китайских университетов по организации трудоустройства выпускников: была разработана особая система вступительных экзаменов для магистрантов и аспирантов; проводились онлайн-ярмарки вакансий для выпускников.

В условиях самоизоляции 2020 г. особую актуальность приобретает проблема внедрения электронного документооборота в университетах. Среди российских университетов можно отметить систему электронного документооборота «Дело», которая функционирует на базе корпоративной компьютерной сети Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и охватывает все структурные подразделения данного университета. Эта же система внедряется в Санкт-Петербургском государственном университете, Алтайском государственном медицинском университете и др. Система электронного документооборота Самарского университета основана на программных решениях «1С: Документооборот 8». Владивостокский государственный университет экономики и сервиса использует авторскую систему управления электронным документооборотом. Практически все университеты имеют автоматизированные информационные системы, но они, как правило, не интегрированы с порталами электронного обучения, не переносят вопросы согласования документов

в бесконтактный формат. Например, для того чтобы подписать заявление на командировку, преподавателю⁴ университета необходимо лично встретиться с заведующим кафедрой, директором института, начальником учебно-методического управления, начальником отдела кадров, начальником планово-финансового управления, начальником управления бухгалтерского учёта и контроля, проректором по науке, и только после этого можно оставить заявление в приёмной ректора (через его помощника), а уже с подписью ректора передать заявление начальнику общего отдела. Вернувшись из командировки, нужно оформить авансовый отчёт, а для этого нужно зайти в материальный отдел бухгалтерии, получить подпись директора института. В итоге мы имеем 11 очных контактов, которых можно было бы избежать, если бы в университетах было налажено электронное оформление командировок. К примеру, согласование служебной командировки работников Казанского федерального университета производится только посредством автоматизации через личный кабинет ИАС «Электронный университет».

Обобщая сказанное, мы сформулировали пять задач цифровизации образовательного процесса и образовательного менеджмента университетов:

1) активировать трансформацию методик обучения и педагогического мышления на основе интеграции цифровых и образовательных технологий, внедрения интерактивных приёмов, сохраняющих «живое» присутствие преподавателя и студентов;

2) мотивировать преподавателей, чтобы они быстро освоили новую роль и перестали видеть себя «солистами», а были «аккомпаниаторами» образовательных событий;

3) обеспечить системную профилактику сбоев в организации онлайн-обучения, перейти на электронный документооборот; разрабатывать мобильные приложения для менеджмента образовательного процесса;

4) вооружить каждого преподавателя, чтобы он умело и уместно использовал цифровые инструменты в штатном режиме, сочетая их с очными формами по своему усмотрению, в зависимости от учебной аудитории, условий университета и актуальных образовательных задач;

5) изменить модель повышения квалификации педагогов: все курсы повышения квалификации и профессиональной переподготовки должны быть организованы в формате «смешанного обучения», чтобы преподаватели на практике активно овладевали различными цифровыми технологиями и постоянно, а не только

во время вынужденного дистанта использовали эти ресурсы.

Решение этих задач позволит университету не упустить возможность быть успешной самоорганизующейся системой.

Примечания

1. 应对危机化危为机主动求变做好在线教育国际平台及课程资源建设 – http://www.edu.cn/xxh/yc/202004/t20200414_1721415.shtml (дата обращения: 18.08.2020).
2. 新冠肺炎疫情下的大学在线教育及展望 https://www.eol.cn/news/dongtai/202004/t20200426_1723536.shtml (дата обращения: 27.07.2020).
3. https://www.sohu.com/a/387051132_323819 (дата обращения: 24.08.2020).
4. В данном случае речь идёт об авторе этой статьи – Л.Н. Рулиене.

Список литературы

1. Вайндорф-Сысоева М.Е., Субочева М.Л. «Цифровое образование» как системообразующая категория: подходы к определению // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2018. № 3. С. 25–36.
2. Минобрнауки: Пандемия изменит систему высшего образования // Российская газета. 24.04.2020. <https://rg.ru/2020/04/21/v-minobrnauki-nastroeny-nac-hat-uchebnyj-god-vovremia-i-ochno.html> (дата обращения: 26.08.2020).
3. Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. Введение / Предисл. Г.Г. Малинецкого; пер. с англ. В.Ф. Пастушенко. М.: URSS: Изд-во ЛКИ, 2008. 342 с.
4. Пригожин И. Очеловечивание человека, креативность природы и креативность человека // Вызов познанию: стратегии развития науки в современном мире / Отв. ред. Н.К. Удумян. М.: Наука, 2004. 475 с.
5. Кондаков А. Оптимальное решение – объединение усилий разных компаний на единой платформе // Вести образования. 14 апреля 2020 г. https://vogazeta.ru/articles/2020/4/14/distant/12529-aleksandr_kondakov_optimalnoe_reshenie_obedinenie_usilij_raznyh_kompanij_na_edinoy_platforme_ (дата обращения: 24.08.2020).
6. Таптыгина Е.В. Процесс формирования soft skills в медицинском вузе // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2018. № 2 (32). С. 68–74.
7. Chirikov I., Semenova T., Maloshonok N., Bettinger E., Kizilcec R. Online education platforms scale college STEM instruction with equivalent learning outcomes at lower cost // Science Advances. 2020. Vol. 6. № 15 (дата обращения: 17.09.2020).
8. <https://www.timeshighereducation.com/cn/features/will-coronavirus-make-online-education-go-viral> (дата обращения: 10.09.2020).
9. Адизес И.К. Управляя изменениями: Как эффективно управлять изменениями в обществе, бизнесе и личной жизни / Пер. с англ. В. Кузина. 5-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 352 с.

**IMPACT OF THE 2020 PANDEMIC ON EDUCATIONAL PROCESS DEVELOPMENT
AND EDUCATIONAL MANAGEMENT IN UNIVERSITIES***L. Peng,¹ L.N. Ruliene²*¹Xian Jiaotong University²Dorzhi Banzarov Buryat State University

The authors analyze the experience of organizing the educational process in universities of China and Russia under the conditions of pandemic-2020. At the beginning of 2020 universities urgently switched to distance learning. Distance learning in self-isolation should be considered as an opportunity not missed. After all, universities received a new impulse to develop the educational process and improve educational management. Education in a self-isolated environment has accelerated the mass introduction of digital technologies and distance learning technologies. Teachers and students have mastered methods of online learning, the search for effective measures to manage the pedagogical process in information and educational environments began, new digital educational platforms were developed, and the number of online educational resources has increased dramatically. Despite these measures, the problems of integration of traditional classroom training and online learning remain unsolved. Therefore, it is important to continuously improve the digital competencies of teachers and students.

Keywords: pandemic-2020, universities, distance learning, educational process, educational management.

УДК 372.853

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ УЧАЩИХСЯ ПО ФИЗИКЕ

© 2020 г.

М.А. Фаддеев, О.В. Лебедева

Фаддеев Михаил Андреевич, к.ф.-м.н.; доц.; доцент кафедры кристаллографии и экспериментальной физики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
faddeev@yandex.ru

Лебедева Ольга Васильевна, к.пед.н.; доц.; доцент кафедры кристаллографии и экспериментальной физики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
lebedeva@phys.unn.ru

*Статья поступила в редакцию 19.08.2020**Статья принята к публикации 19.10.2020*

ФГОС общего образования включают формирование у школьников опыта учебно-исследовательской деятельности. Организация учебно-исследовательской деятельности может быть как в системе уроков, так и во внеурочных формах обучения. Наиболее высокий уровень представляет собой учебно-исследовательская работа (УИР), являющаяся эффективным методом подготовки школьников к обучению в университете и начальным этапом формирования специалиста высокой квалификации при соблюдении основных принципов ее организации. Сформулированы основные принципы организации УИР школьников по физике на основе обобщения многолетнего опыта организации научного общества учащихся на физическом факультете ННГУ. Приведены примеры реализации выделенных принципов при выполнении УИР, проведен анализ основных ошибок и нарушений основных принципов организации УИР в работах, представленных на городскую конференцию научного общества учащихся «Эврика».

Ключевые слова: научное общество учащихся, довузовская физико-математическая подготовка, учебно-исследовательская работа школьников по физике.

Введение

Развитие современных технологий требует высокой компетентности молодых специалистов, в том числе в области теоретической и экспериментальной физики. Общеобразовательной средней школе по ряду известных причин трудно поддерживать соответствующий уровень физико-математического образования. Следовательно, насущной необходимостью является дополнительная внешкольная интенсивная подготовка мотивированных учащихся по физике и математике. Одной из возможных форм такой подготовки является выполнение учебно-исследовательской работы (УИР) под руководством опытного руководителя.

Проблема организации исследовательской деятельности учащихся в настоящее время привлекает внимание педагогов в связи с введением в практику школ новых стандартов общего образования. Одним из требований вводимых стандартов является «формирование у обучающихся системных представлений и опыта применения методов, технологий и форм организации проектной и учебно-исследовательской деятельности» [1]. Практика показывает, что учителя школ нуждаются в дополнительной подготовке к выполнению этих новых требований, разработке дополнительных методических ма-

териалов по организации учебно-исследовательской деятельности школьников и руководству ею [2]. Учителя испытывают большие затруднения в проектировании отдельных этапов учебного исследования, выборе и формулировании исследовательских задач. Как следствие, наблюдается замена настоящей учебно-исследовательской деятельности школьников подготовкой рефератов, представляющих собой компиляцию информации из сети Интернет. Существует и другая распространенная ошибка: поставленная перед школьником исследовательская задача оказывается недоступна для решения, поскольку требует применения знаний физики и математики вузовского уровня. Проблема организации учебно-исследовательской деятельности учащихся поднимается в ряде педагогических исследований, однако основные принципы организации индивидуальной УИР школьника не выделены [3–5]. В связи с этим становится актуальной задача выделения основных принципов организации УИР учащихся по физике, что и является целью данной работы.

Методология и методы исследования

Для выделения системы принципов организации УИР школьников мы опирались на методологические основания научного исследования

(П.В. Копнин, И.В. Кузнецов, А.М. Новиков, В.А. Штофф и др.) и деятельностный подход в обучении (А.Н. Леонтьев, Л.С. Выготский, В.В. Давыдов и др.). Был проведен анализ УИР школьников по физике, представленных на городскую конференцию НОУ учащихся в течение 5 лет. Обобщен опыт организации научного общества учащихся на физическом факультете ННГУ [6; 7].

Результаты и их обсуждение

Определим основное понятие – учебно-исследовательская работа школьника, чтобы выделить основные принципы ее организации. В настоящее время существует много подходов к определению этого понятия; в частности, М.С. Галишева и П.В. Зуев в работе [8] провели анализ 32 определений этого понятия, предложенных девятнадцатью авторами. В нашей работе мы опираемся на определение, предложенное М.И. Старовиковым, поскольку, на наш взгляд, оно отражает сущность учебно-исследовательской деятельности: «Учебно-исследовательской деятельностью школьника назовем его учебную деятельность, нацеленную на овладение субъективно новым знанием наиболее характерными и продуктивными для данной предметной области методами его получения, осуществляемую в соответствии с логико-методологическими нормами научного познания» [9, с. 44–45]. Учебно-исследовательская деятельность учащихся при обучении физике может быть организована в системе уроков и во внеурочных формах обучения [10; 11]. УИР школьника мы рассматриваем как самый высокий уровень учебно-исследовательской деятельности, к ее выполнению привлекаются наиболее мотивированные учащиеся, проявляющие интерес к физическим исследованиям. Согласно выделенным в понятии сущностным чертам УИР школьника, обозначим основные принципы ее организации.

Принцип научности предписывает при выполнении УИР следовать логике науки, при изучении физических явлений использовать теоретические и эмпирические методы исследования, свойственные физике как науке, осуществлять учебное исследование через последовательность этапов, принятых в научных исследованиях. При выполнении УИР учащийся должен последовательно пройти ряд этапов, которые проходит в своей работе ученый: сбор фактов, постановка проблемы, определение цели исследования, построение модели исследуемого явления, планирование решения исследовательской задачи, реализация разработанного

плана, обработка, анализ и оценка полученных результатов, формулировка выводов, презентация полученных результатов. Каждый этап должен быть реализован в соответствии с теми нормами, которые приняты в физике как науке.

Принцип доступности и посильной трудности. Нужно отметить важное отличие учебно-исследовательской работы школьника от научно-исследовательской работы: результатом научного исследования должно быть объективно новое знание, а в результате учебного исследования ученик получает субъективно новое знание, т.е. «переоткрывает» для себя то, что в науке уже известно. Нельзя требовать от учащегося научной новизны его исследования, он должен освоить метод, чтобы в дальнейшем применить его в профессиональной научной деятельности. Поставленная руководителем исследовательская задача должна быть посильной учащемуся для решения на всех этапах. Для выполнения исследования у школьника должна быть сформирована основа, состоящая из трех компонентов: содержательного, инструментального и мотивационного.

Содержательную основу составляют знания (физики, математики и других предметных областей), которые позволяют учащемуся принять исследовательскую задачу. Как правило, УИР базируется на содержании, изучаемом в школьном курсе физики и математики. Возможно расширение понятийной базы за пределы школьного курса, но в этом случае руководитель работы должен убедиться, что школьник действительно освоил необходимый материал и может использовать его как базу для решения исследовательской задачи.

Инструментальную основу составляют умения в области соответствующих каждому этапу исследования видов деятельности (например, проводить измерения, обрабатывать результаты и т.д.). При выполнении УИР школьнику приходится осваивать новые умения, например, использовать различные компьютерные приложения для расчетов от электронной таблицы Excel до пакета Wolfram Mathematica.

Очень важна мотивационная основа выполнения УИР, а для этого поставленная исследовательская задача должна быть интересна школьнику. У старшеклассников поставленная задача должна быть частью актуальной проблемы физики или технологии, доступной для понимания. Учащимся основной школы (7–9 класс) можно ставить задачи, связанные с явлениями, наблюдаемыми в природе, процессами, используемыми в технике, и т.д.

Принцип активности и самостоятельности учащегося при проведении исследования. Принципиально важно, чтобы школьник выполнил

исследование самостоятельно на всех его этапах. Только в этом случае можно говорить о том, что учебно-исследовательская деятельность школьника состоялась, в результате чего он приобрел новое знание и опыт самой исследовательской деятельности. Согласно деятельностному подходу, развитие человека при обучении (по Л.С. Выготскому) происходит только в деятельности, которая побуждается и направляется мотивом. В том случае, когда школьнику даются готовые результаты выполненного исследования (или его этапов), нельзя говорить о УИР, это сразу заметно при защите выполненной работы.

Принцип сотрудничества школьника и руководителя при проведении исследования. При выполнении исследования ученик осваивает нормы новой для него исследовательской деятельности. Руководитель при выполнении исследования должен следить за соблюдением этих норм, но оставаться в позиции сотрудничества с руководимым школьником на всех этапах исследования, направляя и помогая ему освоить новые теоретические знания, методы измерений, обработки результатов и т.п. Как правило, выполнение УИР происходит в течение учебного года, при этом руководитель не реже, чем раз в неделю встречается с учеником (или общается дистанционно). Раз в месяц руководитель обязан организовывать отчет школьника по текущему состоянию выполнения УИР. Отчет должен заслушиваться на семинаре кафедры, отдела или научной группы. В процессе таких отчетов школьник обучается грамотному изложению физической проблемы, учится правильно реагировать на поставленные вопросы и отстаивать своё мнение, приобретает навык научной дискуссии.

Необходимость выделения системы основных принципов организации УИР школьников и соблюдения этих принципов при руководстве учебными исследованиями доказывает анализ результатов работы секций по физике городской конференции НОУ «Эврика», которая ежегодно проходит на физическом факультете ННГУ. Городская конференция подводит итог работы НОУ за учебный год, на ней представлены лучшие работы, отобранные в результате докладов на школьных, а затем районных конференциях. Тем не менее уровень многих работ мог бы быть выше, если бы руководители соблюдали указанные выше принципы. Приведем несколько примеров.

Выбранная тема и поставленная цель работы не предполагают исследование.

Целью работы ученика 10-го класса на тему «Получение огня и тумана с помощью адиабат-

ного процесса» было «показать, что при адиабатном расширении и сжатии температура газа (рабочей среды) соответственно понижается и повышается, и данный факт встречается в природе и используется в технике, создать пособие для школьников об адиабатном процессе». Такая цель не предполагает физическое исследование. Соответственно цели были выбраны и методы: анализ литературы, проведение социологического опроса одноклассников. В отчете описаны два эксперимента, проведенные учеником, представляющие собой стандартные опыты по демонстрации адиабатного процесса, которые учитель обычно проводит на уроке.

В другой работе была поставлена цель обнаружить ионизирующие частицы, образующиеся при радиоактивном распаде в золе растений; сравнить интенсивность радиоактивного излучения разных источников. Фактически работа сводится к тому, чтобы стандартным прибором (рентгенометром) сделать несколько замеров. Физического содержания в данной работе не просматривается.

Работа на тему «Наша Земля – магнит» предполагала решение следующих задач: выяснить причину возникновения магнитного поля Земли; выяснить, как его изменения влияют на человека; измерить индукцию магнитного поля Земли при помощи проволочной рамки; попытаться найти связь между изменением магнитного поля Земли и количеством вызовов скорой помощи и милиции. Ни одна из этих задач не решается в учебно-исследовательской работе по физике.

Работа «Измерение вязкости жидкости» ученицы 11-го класса, целью которой являлось измерение вязкости различных жидкостей. На основе анализа различных способов измерения вязкости, предложенных в литературе, был выбран метод Стокса. Далее была определена вязкость трех жидкостей: воды, растительного масла и яичного белка. По методике эксперимента возникает много вопросов. Ученица начинает измерять расстояние, пройденное шариком, отступив от поверхности жидкости 2 см. Это расстояние не рассчитывалось и ничем не обосновано. В экспериментах с каждой жидкостью опыт повторялся всего два раза, причем таблиц с результатами измерений в работе не приведено. Несмотря на то что эксперимент проводился с одним и тем же секундомером, среднее значение времени движения шарика в жидкости приведено с разной точностью: 0.93 с; 7.1 с; 30 с. Погрешности ни прямых измерений, ни рассчитанных величин не приведены. Сравнение полученных значений с известными табличными значениями вязкости не осуществле-

но. Да оно и невозможно, поскольку не измерялась температура жидкости.

Во всех приведенных выше примерах руководители работ не соблюдали основные принципы организации УИР по физике, в первую очередь принцип научности.

Приведем еще один типичный пример *несоблюдения* другого принципа – принципа доступности и посильной сложности. Работа на тему «Исследование мемристоров на основе оксида кремния и программная обработка экспериментальных данных» выполнялась учеником 10-го класса и была представлена на конкурс УИР. Из ответов школьника на задаваемые вопросы следовало, что не он владеет даже основными понятиями, которые произносит. Соответственно, он не выполнял исследование, а ему дали готовые результаты. В результате школьник не только не освоил основные исследовательские умения, но получил отрицательный опыт, поскольку тема оказалась непосильна для него.

Покажем применение выделенных принципов при организации УИР школьников по физике на примере одной из выполненных работ. УИР на тему «Исследование жесткости цилиндрических пружин» было выполнено ученицей 7-го класса гимназии № 2 Пияшовой Юлией. Целью работы являлось экспериментальное исследование растяжения пружин под действием внешней силы. Для экспериментальных исследований использовались цилиндрические пружины школьных динамометров, к которым подвешивались грузы различной массы, т.е. вначале была поставлена задача в рамках школьного курса физики, а задание представляло собой обычную лабораторную работу. При измерении жесткости пружины в рамках школьной лабораторной работы ограничиваются однократным измерением силы упругости и удлинения пружины. Методика эксперимента в рамках УИР была разработана так, чтобы получить максимально точный в данных условиях результат. Для каждой пружины была проведена серия измерений с грузами различной массы (масса груза много больше массы самой пружины), причем для каждого груза опыт повторялся многократно. По результатам измерений были построены графики зависимости силы упругости от удлинения пружины, и с помощью метода наименьших квадратов получены значения жесткости пружин и их погрешности. Для вычислений использовалась табличный процессор Excel. На втором этапе была поставлена задача, выходящая за рамки школьного курса физики 7-го класса: на основании полученных результатов определить, из какой стали выполнены пружины. Для решения этой задачи потребова-

лось изучение ученицей дополнительной литературы и была найдена связь жесткости витых цилиндрических пружин при деформациях растяжения и сжатия с их параметрами: диаметр проволоки; диаметр намотки (измеряемый от оси проволоки); число витков пружины; модуль сдвига материала, из которого изготовлена пружина. В результате проведения дополнительных измерений были определены модули сдвига для материала пружин, рассчитаны их погрешности, результаты сопоставлены с табличными значениями. Полученные результаты позволили утверждать, что пружины школьных динамометров выполнены из одного сорта стали и соответствуют значениям сортов стали, используемых для изготовления пружин, указанным в справочниках.

Заключение

УИР школьников по физике может являться эффективным методом подготовки учащихся к обучению в университете и начальным этапом формирования специалиста высокой квалификации только при соблюдении основных принципов ее организации. Руководители УИР учащихся по физике (учителя школ, преподаватели и научные сотрудники вузов) должны руководствоваться этими принципами при организации учебного исследования. Опыт, накопленный на физическом факультете ННГУ, показывает, что вовлечение школьников в учебно-исследовательскую деятельность позволяет им в дальнейшем успешно заниматься научно-исследовательской деятельностью в бакалавриате, магистратуре и аспирантуре [12; 13].

Список литературы

1. Федеральные государственные стандарты среднего общего образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.edu.gov.ru/document/bf0ceabdc94110049a583890956abbfa/> (дата обращения: 30.07.2020).
2. Лебедева О.В., Гребенев И.В. Профессиональная подготовка учителя к реализации исследовательского обучения в школе // Педагогика. 2015. № 4. С. 51–58.
3. Кодикова Е.С. Формирование исследовательских экспериментальных умений учащихся основной школы при обучении физике: Дис. ... канд. пед. наук. М.: МПГУ, 2000. 220 с.
4. Котляров В.А. Организация исследовательской деятельности учащихся при изучении физики в основной школе: Дис. ... канд. пед. наук: Новосибирск: НГПУ, 2004. 192 с.
5. Слепцов А.И. Обучение учащихся исследовательской деятельности по физике: Автореф. дис. ... канд. пед. наук: М.: МПГУ, 2010. 28 с.

6. Фаддеев М.А. Научное общество учащихся на физическом факультете // Вестник ННГУ. Серия ФТТ. 2003. Вып. 1(6). С. 208–209.

7. Марков К.А., Фаддеев М.А. Учебно-исследовательская и научная работа как важная составляющая профориентации школьника, подготовка его к обучению в вузе // Школа будущего. 2012. № 3. С. 109–113.

8. Галишева М.С., Зуев П.В. Учебно-исследовательская деятельность школьника: структурная модель и формулировка понятия // Педагогическое образование в России. 2019. № 6. С. 6–18.

9. Старовиков М.И. Формирование учебной исследовательской деятельности школьников в условиях информатизации процесса обучения (на материале курса физики): Дис. ... докт. пед. наук: Бийск: БГПУ им. В.М. Шукшина, 2007. 398 с.

10. Лебедева О.В. Организация исследовательской деятельности учащихся в системе уроков физики // Физика в школе. 2011. № 5. С. 12–17.

11. Лебедева О.В., Морозов О.А., Староверова В.В. Организация учебно-исследовательской деятельности учащихся на внеурочных занятиях по физике в современных условиях // Педагогическое образование в России. 2019. № 8. С. 64–72.

12. Лебедева О.В., Марков К.А., Ким Е.Л., Фаддеев М.А. Непрерывное исследовательское обучение физике в системе «школа–вуз» // Вестник ННГУ. 2013. № 5(2). С. 113–118.

13. Марков К.А., Токман М.Д., Фаддеев М.А. Интегрированный образовательный комплекс «школа–вуз–предприятие» // Высшее образование в России. 2008. № 4. С. 37–40.

BASIC PRINCIPLES FOR ORGANIZING EDUCATIONAL AND RESEARCH WORK FOR SCHOOL STUDENTS IN PHYSICS

M.A. Faddeev, O.V. Lebedeva

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

FSES of general education include research activities. The organization of research activities can be part of the classes or extracurricular education. The highest level is school students' educational research work (UIR), which is an efficient method of preparing students for university studies and the initial stage for educating a highly qualified specialist, which respects the basic principles for organizing research work. The article formulates the basic principles of organizing the UIR for school students in physics by generalizing the authors' long-term experience of organizing the research students' society at the UNN physics department. The article offers examples of the implementation of the selected principles of UIR, analyses the common mistakes and violations of the UIR basic principles in the works presented at the city students research conference «Eureka».

Keywords: school students' research groups, pre-university physics and mathematics training, students' research work in physics.

**ВЕСТНИК
НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО**

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 4 (60)

2020

Главный редактор
д.соц.н., проф. А.О. Грудзинский

Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. 19. Усл. печ. л. 16,5. Тираж 100 экз. Заказ № 27.
Дата выхода в свет: 30.12.2020
Свободная цена

Учредитель журнала: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Отпечатано в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-66314 от 01.07.2016 г.

Информационная продукция для детей старше 16 лет